

К. БАКРАДЗЕ

Л О Г И К А

Издательство
Тбилинского государственного университета
имени Сталина
Т б и л и с и 1951

В В Е Д Е Н И Е

1. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «Когда перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место в общей системе вещей и знаний, какая-либо особая наука об этой общей их связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет лишь наука о мышлении и его законах, т. е. формальная логика и диалектика, все же остальное входит в положительные науки о природе и истории». ¹

В этой выписке для нас, в данном случае, важны два положения: а) формальная логика сохраняет самостоятельное значение рядом с диалектикой. Каково взаимоотношение между формальной логикой и диалектикой — этого вопроса мы пока не касаемся: этот вопрос весьма актуален, и мы думаем, что нельзя построить систему советской логики без его разрешения. Но если логика как наука сохраняет свое самостоятельное значение, то из этого вытекает, что она, логика, должна иметь свои самостоятельные, специальные задачи, которые надлежит разрешить ей, а не диалектике, что нельзя смешивать эти две науки, нельзя, чтобы логика решала проблемы, стоящие перед диалектикой, так же, как нельзя, чтобы диалектика решала специальные задачи логики.

в) Формальная логика — философская наука. Прежняя философия, претендовавшая быть наукой наук и представлявшая собой особую науку об общей связи отдельных предметов и знаний, исчезает, снимается, становится излишней: в философии и остаются две науки — формальная логика и диалектика. Поэтому, повторяем, формальная логика является философской наукой. А если это так, — а в этом не может быть сомнений, — то вновь возникает вопрос о взаимоотноше-

---

¹ Энгельс. Анти-Дюринг, 1948 г., стр. 25.

нии формальной логики и диалектики как марксистско-ленинской философии.

2. Отсюда становится ясным, что учения логики должны быть обусловлены общими принципами марксистско-ленинского философского мировоззрения: каково философское мировоззрение, такова и система логики. Конечно, у логики есть свои специальные проблемы и задачи, которые она разрабатывает и разрешает; но как она их разрешает — это зависит от того, каковы основные принципы философского мировоззрения. Глубоко ошибочно мнение, согласно которому логика является той нейтральной областью, на которой все могут стоять одинаково, все могут сойтись, все направления могут быть примирены: философия никогда не была аполитичной, беспартийной, и логика как часть философии так же не может быть аполитичной и беспартийной. Борьба направлений, борьба партий в логике такой же факт, как борьба направлений, партий в философии вообще. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад».¹

3. В выписке, приведенной выше, Энгельс указывает на мышление как на предмет формальной логики и диалектики. Конечно, этим Энгельс не говорит еще того, что мышление является единственным предметом диалектики. Энгельс указывает на то, что диалектика изучает не только мышление и его законы; диалектика изучает наиболее общие законы движения, развития природы, общества и мышления. В данном же месте Энгельс, указывая на то обстоятельство, что вместе с диалектикой остается и формальная логика как философская наука, подчеркивает положение, что обе науки изучают мышление: и диалектика и логика (формальная) изучают вопросы, касающиеся процесса познания.

4. Вне всякого сомнения, что логика имеет дело с мышлением. Термин «мышление» имеет много различных значений. Мы здесь ограничимся пока положением, которое ниже будет подробно освещено и оправдано: логика имеет дело с мышлением как познанием или, говоря проще, с мышлением, как орудием познания.

Но познание, процесс познания изучает теория познания. Теория познания устанавливает понятие, сущность познания, его цель, его средства, решает вопрос о возможности познания, раскрывает основной путь развития познания, показывает взаимоотношение и роль ощущений, восприятий и абстрактного мышления в процессе познания, дает учение об истине, разбирает вопрос о критерии истины и т. д. И если логика также изучает не вообще мышление, а мышление, целью которого является познание, истина, то очевидно, что логика

---

¹ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. 1939 г., стр. 243.

должна руководствоваться теми принципами, которые установлены в теории познания.

5. Диалектика — наука об общих законах развития природы, общества и мышления. Поскольку она является наукой об общих законах развития мышления, она в то же время — наука о познании: диалектика является марксистско-ленинской теорией познания. Поэтому логика при разрешении своих специальных проблем должна руководствоваться принципами диалектики, как марксистско-ленинской теорией познания. Только этим путем можно освободиться от формализма и аполитичности, в которых справедливо обвиняют многих советских логиков.

У логики, как мы уже указывали, есть свои проблемы, свои задачи; их не может решать ни одна другая наука; их не решает и диалектика. Но оказывается, что логика не может решить целого ряда проблем только своими собственными ресурсами. При решении этих проблем она должна опираться на принципы, установленные в марксистско-ленинской философии вообще и, в частности, в диалектике как теории познания.

6. Наше положение, что логика не может решить целого ряда проблем своими собственными силами и что она должна руководствоваться принципами марксистско-ленинской философии вообще и, в частности, принципами теории познания, должно быть оправдано всей системой логики. Тут мы коснемся некоторых основных вопросов для иллюстрации этого положения.

а. Первый же вопрос, который обычно рассматривается в курсах логики, — вопрос о понятии показывает тесную связь, существующую между логикой и теорией познания. Что такое понятие? Есть ли понятие отражение действительности или только концепт, продукт деятельности нашего мышления, которому ничего не соответствует в реальной действительности; или оно — пустое, бессодержательное слово, являющееся символом класса предметов или даже класса представлений, представителем класса предметов или представлений, определенное орудие «экономии мышления»? Существует ли в действительности нечто такое, что отражается понятием? Если в действительности нет ничего такого, то какое познавательное значение может иметь понятие в процессе познания? Если же понятие отражает нечто существующее, то тогда возникает вопрос, как это отражаемое существует, в каком отношении находится оно к отдельным предметам и явлениям действительности. Без разрешения этих вопросов, без разрешения проблемы взаимоотношения общего и единичного нельзя построить теорию умозаключения, нельзя решить правильно проблему взаимоотношения дедукции и индукции.

Нельзя же излагать в курсе логики учение о понятии и оставить вне рассмотрения вышепоставленные проблемы. А эти вопросы решаются не ресурсами формальной логики, а в общей философской теории, в частности, в теории познания.

в. Такие же сложные вопросы возникают в теории суждения. Что такое суждение? Есть ли суждение только соединение, сочетание понятий, как это часто утверждается в учебниках логики, или оно, так же как и понятие, отражает действительность: что утверждается или отрицается в суждении — отношение между понятиями или отношения предметов, явлений, отражаемых этими понятиями? Что отражает суждение и как оно его отражает? Каково познавательное значение суждения; только ли суждение «способно» выразить истину или и понятие — как отражение существенных сторон действительности — может быть истинным? Что является основой различия форм суждений — особенность, своеобразие отношений между понятиями или особенность, своеобразие отношений между предметами и своеобразие их отражения?

Вне разрешения этих и многих других проблем нельзя построить удовлетворительную теорию суждения. Большинство же этих проблем выходит за пределы формальной логики; эти проблемы общепhilosophического и гносеологического характера; борьба материализма и идеализма проявляется в полной мере при решении этих вопросов. Какова философия, какова, в частности, теория познания, такова и теория суждения.

с. В таком же положении и теория умозаключения, с той только разницей, что тут проблема сложнее. Что такое умозаключение? Есть ли умозаключение определенная комбинация наших мыслей или она отражает определенную сторону действительности? Если верно последнее предположение, то возникает вопрос, что же отражается умозаключением и как оно отражается? Утверждение Гегеля, что каждый предмет — умозаключение, понятно с точки зрения его объективного идеализма; с нашей же точки зрения положение Гегеля представляется абсурдным, так как умозаключение — факт нашей мысли, и было бы бессмысленно утверждать, что умозаключение может существовать в объективной действительности.

Не является ли умозаключение приемом мышления, а не отражением отношений предметов действительности? Или быть может в процессе умозаключения наше мышление соединяет такие стороны, предметы действительности, которые могут быть и не соединенными в объективной действительности? Но тогда возникает новый, более сложный вопрос: что же тогда придает умозаключению характер строгой необходимости, закономерность мышления или закономерность предметов действительности? И, наконец, что представляют собой

так называемые законы мышления: являются ли они законами мышления, как определенной области действительности, или законами всей действительности. Ясно, что решение этих вопросов будет различным, смотря по тому, какую позицию мы занимаем в философии, в частности, теории познания, материалистическую или идеалистическую.

д. Интересным, а может быть самым значительным для теории умозаключения, является вопрос о понятии «логического мышления». Что представляет собой так называемое логическое мышление, законы и правила которого, в конечном счете, должна установить логика? Существует ли на самом деле чисто логическое мышление, свободное от «живого созерцания», или такое чисто логическое мышление является продуктом логической абстракции? Возможно ли — этот вопрос связан с положительным или отрицательным решением вышепоставленного вопроса — построение чисто дедуктивной науки, как это утверждают представители математической логики; или всякое логическое мышление «проникнуто» моментом «живого созерцания». Возникает вопрос о природе логического мышления, о взаимоотношении так называемого дискурсивного и интуитивного мышления, вопрос, который выходит из пределов формальной логики, но без решения которого нельзя построить удовлетворительную теорию умозаключения.

е. Вне всякого сомнения, что логическое мышление — необходимый момент процесса познания; какое же место занимает в процессе познания логическое мышление?

Мы поставили целый ряд вопросов — их можно было увеличить; без решения этих вопросов невозможно построить систему логики. Характер той или иной системы логики зависит от того или иного разрешения данных вопросов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в логике, в науке, о которой была высказана мысль, что со времен Аристотеля она не сделала ни одного шага назад, так же как не сделала ни одного шага вперед и, повидимому, имеет замкнутый, законченный характер, господствует, по выражению одного логика, вавилонское смешение языков: формальная логика, гноссологическая, математическая, психологическая, трансцендентальная, «чистая» логика и др. с многочисленными вариантами.

Все эти направления дают своеобразное определение предмета логики и основных понятий логики. Все эти направления сознательно или бессознательно опираются на определенное философское мировоззрение, на определенную теорию познания и на этих принципах строят систему логики.

Один из представителей философии немецкой аристократической реакции против французского материализма и фран-

цузской революции, Фихте, который, как видно, хорошо понимал действенный политический характер философии, писал, что человек выбирает ту или иную философскую систему, смотря по тому, каков сам человек, так как философская система не бездушная посуда, которую мы можем употребить или не употребить по нашему желанию.

Марксистско-ленинская философия показала, что нужно говорить не об отдельных личностях, а о классах: каков класс, такова его философия. И в вавилонском смешении языков, которое господствует в логике, ясно выявляются два основных направления — материализм и идеализм, которые характерны как для философского мировоззрения вообще, так и для теории познания и логики.

Для разрешения основных вопросов логики нам придется разобрать, хотя бы очень кратко, основные вопросы теории познания.

Г Л А В А I

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

1. Основной вопрос философии

Логика — философская наука, и поэтому ее основные понятия и учения обусловлены принципами философского мировоззрения. Основной вопрос философии — вопрос о взаимоотношении бытия и мышления. Вопрос касается того, бытие ли является первичным или мышление, что чему предшествует, что чем обусловлено. В сущности возможны два решения этого вопроса: материалистическое и идеалистическое. Материализм — философское мировоззрение, согласно которому бытие первично, мышление вторично, бытие определяет, обуславливает мышление, которое возникает на определенной ступени развития материального мира. С точки зрения же идеализма сущность действительности — нечто духовное и вся действительность является проявлением этого духовного; поэтому сознание, мышление определяет, обуславливает бытие.

Наше понимание природы, общества и мышления зависит от того или иного разрешения основного вопроса философии; от этого зависит и практическая и, в частности, политическая деятельность людей. Целесообразность нашей практической деятельности, ее плодотворность зависит от знания законов действительности, законов природы, законов общественного развития, от правильного понимания и объяснения явлений действительности; а это было бы немислимо без правильного решения основного философского вопроса.

В истории философии происходила непрерывная борьба материализма с идеализмом; эта борьба приняла в настоящее время самые острые формы. Дело в том, что борьба материали-

лизм с идеализмом не есть только борьба идей, мировоззрений, которую можно рассматривать независимо от той борьбы, которая ведется внутри общества между различными классами. Борьба материализма и идеализма есть проявление классовой борьбы в обществе. Как правило, материализм выступал в истории философии как идеология прогрессивных, революционных классов, в то время как идеализм являлся всегда мировоззрением реакционных классов.

В процессе труда, в практической деятельности людей, посредством которой они, противопоставляя себя природе, воздействовали на природу и изменяли ее для удовлетворения своих потребностей, они имели дело непосредственно с природой, с вещами и явлениями действительности, объективной реальностью, существующей независимо от их сознания. Вот это именно обстоятельство и послужило основанием возникновения материалистического мировоззрения. Это было наивное, стихийное материалистическое мировоззрение, которое еще до Маркса пыталось принять вид научно обоснованной философской системы.

В истории развития общественной мысли материализму приходилось вести ожесточенную борьбу против идеализма, приходилось опровергать выставленные против него аргументы идеализма, преодолевать разнообразные системы идеализма. В этой борьбе подлинная наука стояла всегда на стороне материализма, в то время как идеализм, с одной стороны, питался религией, а с другой, — сам питал религию.

В процессе этой борьбы, представлявшейся своеобразным отражением борьбы революционных и реакционных классов, на основе практической революционной борьбы пролетариата возникла обогащенная достижениями научной мысли, совершенно новая, качественно отличная от всей старой философии, марксистская материалистическая философия.

Марксистский философский материализм рассматривает и другую сторону основного философского вопроса. Эта вторая сторона вопроса касается не того, что первично — бытие или сознание, природа или дух вообще, а вопроса: способно ли человеческое сознание познать действительность. Каково взаимоотношение между мышлением и бытием в процессе познания. Энгельс так формулирует вторую сторону основного философского вопроса: «В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности».¹

Что является определяющим в процессе познания? Общая ли закономерность действительности определяет законо-

¹ Маркс и Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 351.

мерность части этой действительности, или же мышление... эта часть действительности — определяет всю закономерность действительного мира. С этим основным вопросом теории познания связаны многие другие вопросы: что такое познание, что такое истина, как и чем познаем действительность, каков путь развития познания, что является мерилom истинности наших мыслей и, наконец, возможно ли вообще познание действительности. Без решения этих проблем, как было показано выше, нельзя решить основные вопросы логики, и характер системы логики будет зависеть от того или иного решения этих вопросов.

Философская наука, которая решает эти вопросы, есть теория познания. Ясно, что и в теории познания происходит такая же борьба направлений, партий, как и вообще в философии, так как теория познания решает вторую сторону того же основного философского вопроса и ее основные положения обусловлены основными принципами общего философского мировоззрения.

2. Взаимоотношение познания и практики

Человек — часть природы, и, несмотря на это обстоятельство, он во многих отношениях качественно отличается не только от неорганической природы, но также и от мира животных. Греческий философ Аристотель определял человека как социальное животное, и в этом он, конечно, был прав; человек всегда — член общества, он всегда живет в обществе. Но этот признак недостаточно характеризует человека. Маркс соглашается с определением Франклина: «человек — животное, делающее орудия».

Животное не делает орудий. Человек же делает орудия и применяет их в процессе труда, при воздействии на природу. «Предмет, которым рабочий овладевает непосредственно, — мы оставляем в стороне захват готовых средств существования, например, плодов, причем только органы тела рабочего и служат средством труда, — есть не предмет труда, а средство труда. Итак, предмет, данный человеку самой природой, становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего. Являясь первоначальной кладовой пищи человека, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда. Она доставляет ему, например, камень, которым он пользуется для того, чтобы метать, производить трение, давить, резать и т. д.» И дальше:

«В пещерах древнейшего человека мы находим каменные орудия и каменное оружие. Наряду с обработанным камнем,

деревом, костями и раковинами главную роль как средство труда на первых ступенях человеческой истории играют прирученные, следовательно, уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные. Употребление и создание средств труда, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека как «а toolmaking animal», как животное, делающее орудия».¹

В процессе труда, применяя орудия труда для воздействия на природу, человек противопоставляет себя природе. Человек перерабатывает, преобразовывает материал природы, предметы и явления с целью придать им такой вид, такую форму, чтобы с их помощью удовлетворить свои потребности.

Для того, чтобы существовать, есть, пить, иметь одежду и жилище, человек должен производить, то-есть воздействовать на природу с целью ее преобразования. «Труд, — пишет Маркс, — есть прежде всего процесс совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек собственной своей деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет и свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последнем способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти».²

В процессе труда человек создает новые предметы и явления из материала природы; в природе есть все, чем человек может удовлетворить свои потребности, но это «все», в огромном большинстве случаев, требует преобразования: предметами и явлениями природы человек, в большинстве случаев, не может непосредственно удовлетворить свои потребности. Земля дает хлеб, но она требует обработки; в реках есть энергия, но человек не может пользоваться непосредственно этой формой энергии, он должен в процессе труда преобразовать ее, придать ей форму, которой он может удовлетворить свои потребности.

Процесс труда — тот основной признак, которым человек отличается от животных; процесс труда сделал человека; строение человеческого организма — результат длительного исторического процесса труда.

¹ Маркс. Капитал, т. 1, 1949 г., стр. 187

² Маркс. Капитал, т. 1, стр. 184.

Человек производит материальные блага, добывает средства к жизни; но человек производит материальные блага не в одиночку. Процесс труда протекает всегда в обществе: человек — социальное существо и его производство также всегда носит общественный характер. «Люди ведут борьбу с природой и используют природу для производства материальных благ не изолированно друг от друга, не в качестве оторванных друг от друга одиночек, а сообща, группами, обществами. Поэтому производство есть всегда и при всех условиях общественное производство».¹

Процесс производства всегда находится в состоянии изменения и развития. Изменяются орудия производства: человек начинает с грубых каменных орудий, переходит к луку и стрелам, приручает животных; переходит от каменных орудий к металлическим орудиям и соответственно с этим к земледелию и так доходит до современной системы сложных машин. Эти изменения в способе производства неизбежно вызывают «изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, — вызывают перестройку всего общественного и политического уклада. На различных ступенях развития люди пользуются различными способами производства, или, говоря грубее, — ведут различный образ жизни. При первобытной общине существует один способ производства, при рабстве существует другой способ производства, при феодализме — третий способ производства и т. д.».²

Таким образом, процесс производства есть исторический процесс и исторически обусловлен. В процессе производства люди преобразовывают не только природу, но и общество. Процесс производства — общественно-исторический процесс. Процесс производства, в котором подразумевается основа и сущность исторического процесса, есть процесс практики. Под практикой понимается, именно, процесс общественного производства, процесс исторического преобразования природы и общества.

Таким образом, отношение человека к природе, в первую очередь, практическое. В процессе практики человек улучшает орудия труда, все более целесообразно и плодотворно воздействует на природу. С изменением и развитием орудий труда изменяется и развивается весь процесс производства в целом, изменяется и развивается и сам человек; изменяются и развиваются производственные навыки людей, развивается и познание человеком действительности.

Познание человеком действительности не оторвано от практики; наоборот, практика и теория находятся в глубокой

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 550.

² Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 551.

связи, единстве. И. В. Сталин, характеризуя марксистско-ленинскую философию, пишет: «Значит, связь науки и практической деятельности, связь теории и практики, их единство должно стать путеводной звездой партии пролетариата».¹

Марксистское мировоззрение возникло и развивалось на основе критической переработки всего того положительного, что было создано человечеством в продолжении его 2500-летней истории. Но это, конечно, не значит, что марксизм является простым продолжением и развитием того, что было создано в домарксовской философии и науке. Марксистско-ленинская философия качественно отлична от всей домарксовской философии. Для наших целей достаточно отметить два основных пункта, которыми существенно отличается марксистско-ленинская философия от всех философских теорий. 1) Марксистско-ленинская философия не представляет собой философию одиночек или отдельных маленьких школ, что было характерным для домарксовской философии и остается характерным для современных буржуазных философских направлений; марксистско-ленинская философия — философия масс. Философии одиночек и отдельных маленьких школ не под силу было преобразование действительности, — да она и не ставила, как правило, такой задачи перед собой, — она только пыталась объяснить действительность. Марксистско-ленинская философия, как философия масс, стремится на основе познания и объяснения действительности преобразовать действительность, преобразовать и природу и общественные отношения. С этим связан и второй пункт. 2) Марксистско-ленинская философия вносит практику в теорию познания; она рассматривает процесс познания в его диалектической связи с человеческой практической деятельностью. Практика не только основа познания, но и мерило ценности познания, а также и цель познания. Момент практики был совершенно чужд домарксовской философии: если некоторые идеалисты и говорили о практике, то эта практика понималась как деятельность мышления, то-есть сущность этой практики на самом деле понималась как теория. Что касается материалистов до Маркса, они не дошли до понимания роли практики в процессе познания. Маркс в своих тезисах о философии Фейербаха писал о старом материализме: «Главный недостаток всего предшествовавшего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая деятельность, практика».²

---

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 545.

² Маркс и Энгельс. Избр. произв., т. II, 1948 г., стр. 383.

Практика — это производственная деятельность людей; производственная деятельность людей в классовом обществе включает и взаимоотношение классов, классовую борьбу, и поэтому и борьбу партий.

На основе практики приобретает человек знания о природе и обществе; научные теории, идеи возникают и развиваются на основе практики. Нет «чистой» науки, чистой теории, абсолютно оторванной от практики. Всякое подлинное знание служит человеческой практике и так называемое «чистое знание», оторванное от практики, представляет собой чистую схоластику. «Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи».¹ Только на основе практики возникает теория.

На первый взгляд может показаться, что науки, научные теории не так уж тесно связаны с практической деятельностью людей; но изучение их происхождения и развития убеждает нас в том, что именно практическая, производственная деятельность людей обусловила их возникновение и развитие.

Так, например, геометрия возникла на основе практической деятельности людей — на основе земледелия, в связи с половодием Нила и необходимостью проведения каналов, распределения участков земли, вообще из потребности обмера земельных участков; механика — на основе употребления орудий труда и развивалась на основе развития промышленности, а потом и военного дела. Развитие астрономии также обусловлено, с одной стороны, развитием земледелия, для которого нужен точный учет времени года, а с другой, — развитием торговых сношений, для которых особенно важное значение имеет развитие мореходства и установление торговых путей. В основе возникновения теории Дарвина лежит животноводство, а в основе теории Мичурина—Лысенко—потребность дальнейшего развития нашего социалистического сельского хозяйства. Теория научного коммунизма, созданная Марксом и Энгельсом, была обусловлена революционной практикой рабочего класса.

«Если, как вы утверждаете, — писал Энгельс к Штаркенбургу, — техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об

---

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 546.

электричестве мы стали знать кое-что разумное только с тех пор, когда открыта была техническая применимость его». ¹

Человек — в первую очередь практик; он воздействует на природу, преобразовывает явления природы, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы иметь пищу, одежду, дом, тепло и т. д. В процессе воздействия на природу человек познает свойства явлений и предметов; выделяет те явления и те свойства явлений, которые нужны ему для удовлетворения его потребностей. Так постепенно человечество накапливает знания о действительности и, вооруженное этими знаниями, более успешно и более целесообразно воздействует на нее, чтобы преобразовать ее. Корни познания в практике.

В начале процесс познания, так сказать, вплетен в процесс практики. В процессе развития, на основе возникновения классового общества, умственный труд выделяется от физического, познание часто уже не связано непосредственно с практикой. Возникает иллюзия о независимости науки от практики; но история развития науки показывает, что новые теории, новые идеи «возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи».²

3. Проблема истины

Правда, практика обуславливает наше знание, но отсюда, конечно, не вытекает, что познание, наука, научные идеи и теории не имеют значения для развития общества. Этими теориями и идеями, приобретенными знаниями мы руководствуемся в нашей практике. Марксистско-ленинская теория возникла на основе определенной практики, и именно этой теорией руководствовалась большевистская партия при построении социалистического общества, ею руководствовалась она в Великой Отечественной войне, ею руководствуется она сейчас при построении коммунистического общества. Истинные теории и идеи облегчают развитие общества, его продвижение вперед, помогают практической деятельности людей; ложные теории и идеи тормозят развитие общества, его продвижение вперед.

И. В. Сталин пишет: «Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и

---

¹ Письмо Энгельса к Штаркенбургу. К. Маркс. Избранные произведения, т. 1, стр. 299.

² Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 546—547.

теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества».¹

Теперь возникает вопрос относительно самого познания, относительно истины. Что такое познание, что такое истина, каким путем познает человек действительность, какими средствами достигает он истины.

Человек — часть природы, но в процессе познания человек противостоит природе, действительности; человек является познающим, а действительность — познаваемой. Объективная действительность существует независимо от человеческого сознания; предметы и явления этой действительности, действуя на органы чувств, вызывают ощущения; сознание перерабатывает их в представления, понятия и т. д. Если эти ощущения, представления, понятия отражают предметы и явления действительности, мы говорим, что у нас есть знание о них, мы их познали, в этом случае наши представления, понятия являются истинными. По определению Ленина, истина есть отражение действительности в нашем сознании. Истина не предмет объективного мира, она не существует независимо от сознания, она — отражение, «образ» существующей действительности в сознании человека. Конечно, и истина является «предметом» действительности, то-есть она тоже нечто существующее, но ее характерная черта — существовать как отражение предметов и явлений в сознании. С другой стороны, истина не зависит, не обусловлена сознанием людей: если истина — отражение объективной действительности, то ясно, что она зависит не от психики людей, а определена объективной действительностью. У человека могут быть многообразные представления, но не все они являются истинными. Только те представления (ощущения, восприятия, понятия и т. д.) истинны, которые определены объектом, которые являются более или менее адекватным отражением действительности.

В. И. Ленин, критикуя Богданова, ставит вопрос: «существует ли объективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества?».² На этот вопрос Ленин отвечает утвердительно. Марксистско-ленинская теория познания признает существование объективной истины не в том смысле, что, якобы, истина существует вне и независимо от сознания. Истина — в созна-

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 546.

² Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, 1939 г., стр. 78.

нии, как отражение реальной действительности; но само отражение, те-есть содержание наших представлений, понятий и т. д. не зависит от человека, а обусловлено реальными предметами.

Истина относительна, она изменяется, развивается с развитием человеческой практики и познания; она ограничена рамками эпохи. Но всякая относительная истина заключает в себе зерна, частицы абсолютной истины. Из суммы относительных истин строится абсолютная истина. Каждый шаг нашего познания относителен; и с помощью этих относительных истин наше познание асимптотически приближается к абсолютной истине.

Познание человеком действительности — процесс бесконечный. Вместе с развитием человечества развивается и познание им действительности; развивается и истина как отражение действительности. Отражение это делается все более глубоким, все более полным, адекватным, все более приближается к действительности. Этот процесс отражения, процесс познания сложный, противоречивый. «Познание, — говорит Ленин, — есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов».¹

И еще: «Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их».²

До сих пор мы имели в виду действительность, существующую вне и независимо от сознания. Однако и наше сознание является частью действительности. Предметом познания является не только объективная действительность, но и явления сознания. Преобразования требует не только объективная действительность, в переделке нуждается и наше сознание. Наше сознание также является объектом познания — наши переживания, ощущения, восприятия, представления, понятия и т. д. Их познание также происходит путем отражения. И сама истина тоже ведь явление действительности, она ведь также является объектом определенного познания.

Конечно, если вопрос касается познания истины как предмета изучения, то мы не можем ограничиться вопросом об объективной действительности; объективная действительность отражается в нашем сознании в виде истины; но существует наука о самом познании, об истине — теория познания. Марксистско-ленинская диалектика — учение не только об общих

¹ Ленин. *Философские тетради*, 1947 г., стр. 156.

² Ленин. *Философские тетради*, 1947 г., стр. 168.

законах развития природы и общества, но, поскольку она представляет собой и науку о мышлении, она в то же время есть и теория познания.

4. Основные этапы пути познания

Познание действительности может быть двояким: непосредственным и опосредствованным. Непосредственное познание связано с ощущениями, восприятиями, «живым созерцанием», с тем, что мы видим, слышим, обоняем, осязаем и т. д. Таковы, например, наши знания о том, что «сегодня солнечная погода», «подброшенный в воздух камень упал», «на моих часах половина первого», «эта роза красная», «хинин горек», «Петр сидит слева от Павла» и т. д. Непосредственное знание опирается на живое созерцание; живое созерцание дает нам знания о внешних, поверхностных свойствах предметов и явлений действительности.

Строго говоря, и это непосредственное знание, конечно, опосредствовано всей историей человечества, всей его практикой, больше — всей историей объективного мира; опосредствовано историей возникновения и развития органического мира, органов чувств, происхождения самого познающего — человека, развитием его сознания, развитием способности восприятия пространственных отношений и т. д. В данном случае мы отвлекаемся от всего этого и применяем общепринятый термин «непосредственное знание», в котором подразумевается знание, как было указано, доставляемое только органами чувств, живым созерцанием; живое созерцание выступает в качестве непосредственной связи человеческого сознания с предметами и явлениями объективного мира.

Чувственные восприятия, живое созерцание — необходимая ступень познания, его первая ступень. Оно дает материал всему нашему знанию: прямо или косвенно все наши знания о действительности питаются теми данными, которые доставляются чувственными восприятиями. Наука не может, конечно, удовлетвориться таким знанием. Настоящее знание — это знание о сущности явлений, о внутренних связях между явлениями, о законах явлений. Непосредственное знание никогда не дает и не сможет дать знаний о том, что вода состоит из водорода и кислорода и что водород и кислород связаны определенной закономерной связью, что молния и гром связаны причинной связью, что камень падает на землю по закону тяготения, что можно управлять развитием растений и животных в желательном для нас направлении и т. д. Если бы живое созерцание могло дать нам такое знание, тогда оказались бы излишними всякое научное исследование, всякая наука, мы бы смогли тогда воспринять не только прозрачную жид-

кость (воду), но и состав и закон состава этой жидкости: мы бы созерцали не падение камня, но и закон тяготения.

Ощущение, восприятие, «живое созерцание» — необходимый момент познания; необходимый, но вовсе не достаточный: живое созерцание — первая ступень познания.

Живое созерцание обладает многими недостатками: многое из того, что существует, непосредственно не дано в живом созерцании; многое, что дано с помощью живого созерцания, имеет субъективный характер. Но каковы бы ни были недостатки живого созерцания, оно первое, оно начало нашего познания; с его помощью наше сознание получает знание о предметах и явлениях объективного мира. Правда, оно не способно дать нам знание о сущности вещей, о внутренних связях и законах явлений, но оно необходимая ступень; только на основе данных восприятий мы можем проникнуть в сущность явлений.

Если мы хотим изучить и открыть сущность, закономерность какого-либо явления, например, человеческого организма, капитализма, треугольника и прочего, конечно, мы должны обратиться к конкретному человеческому организму, к конкретному капиталистическому обществу и т. д. Нельзя изучить строение человеческого организма, структуру капиталистического общества вообще, не изучив конкретный организм, конкретное капиталистическое общество. Изучение этих конкретных предметов предполагает изучение их отдельных свойств, их особенных признаков, что было бы неосуществимым без живого созерцания. Но научное познание интересуется не только организмом данного индивидуума, а строением человеческого организма вообще, его закономерностью; интересуется не только капитализмом в данной стране, а общей структурой, закономерностью капиталистической формации.

Но такое знание недоступно живому созерцанию. Такое знание достигается только мышлением. Мышление опирается на данные живого созерцания, оно сравнивает данные живого созерцания, выделяет из них то, что является главным, существенным в явлении, абстрагируется от того, что является незначительным, несущественным для явления.

Цель познания — сущность, закон явления. Сущность явления не оторвана от явления, она в самом явлении. А раз это так и раз явление дано в живом созерцании, то ясно, что сущность явления также дана как и м - т о о б р а з о м в живом созерцании, но она не дана непосредственно. Мышление не создает сущности, закона явления, как это доказывают кантианцы, субъективные идеалисты и, вообще, идеалисты разных толков; мышление только открывает сущность, закон явлений на основе изучения данных в живом созерцании. На основе изучения, например, явлений и отношений капитали-

стического общества мышление заключает об общественном характере производства и о частном характере присвоения как сущности капиталистического общества.

С помощью мышления мы заключаем от данного непосредственно к тому, что непосредственно не дано, от явления к сущности, от фактов к закону.

Выше было отмечено, что живое созерцание не отражает всего того, что существуют в действительности, иногда оно слишком субъективно и отражает явления не так, как они объективно существует. Только живое созерцание не дало бы нам знания о более или менее глубоких связях между явлениями и, конечно, не дало бы знания о сущности и законах явлений. Только на основе живого созерцания мы бы «знали», что солнце восходит и заходит; только с помощью мышления — на основе данных восприятия — мы заключаем, что земля движется вокруг солнца. На первый взгляд кажется, что классовые различия обусловлены распределением общественного дохода, и только классики марксизма, на основе глубокого изучения материала, пришли к выводу, что эти различия обусловлены распределением средств производства.

Таким образом, живое созерцание — только первая ступень в процессе познания; вне этой ступени познание не может начаться и, конечно, не может осуществиться. Однако оно не достаточно для познания действительности, так как оно отражает единичное, отдельное, внешние отношения между явлениями, в то время как основная цель познания — отыскать общее в явлениях, открыть глубокие, внутренние связи между предметами, открыть то, что не дано непосредственно. Только мышление способно выполнить эту основную цель познания, мышление, которое представляет собой опосредствованное и обобщенное отражение предметов, связей и отношений действительности. Поэтому познание идет от живого созерцания к абстрактному мышлению.

До Маркса проблема познания не была решена и не могла быть решена, с одной стороны, в силу классовой ограниченности господствующих классов, а с другой, — вследствие определенного уровня научных знаний того времени. Ни домарксовский материализм, ни, тем более, идеализм не понимали сущности познания; не понимали ни того, что процесс познания тесно связан с процессом человеческой практической деятельности, ни того, что процесс познания есть процесс исторический, что в процессе развития человеческого сознания и познания мышление исторически связано и обусловлено чувственностью, ощущениями и восприятиями, что чувственные восприятия и мышление, правда, качественно отличны друг от друга, но не отделены друг от друга китайской стеной. Не умея исторически подходить к процессу познания,

к процессу развития человеческого сознания, они отрывали чувственность от мышления и признавали или только чувственные восприятия, или только мышление за единственный источник и единственное средство познания, или же, признавая оба момента в процессе познания, настолько отрывали их друг от друга, что становилось необъяснимым их взаимодействие в процессе познания.

До Маркса и Энгельса материалисты признавали возможность познания. Но они, как было указано выше, свели процесс познания к процессу созерцания. Человек — теоретическое существо, он созерцает и отражает действительность; единственно активной в процессе познания выступает объективная действительность, в данном случае природа, которая действует на сознание, отражается в нем. Сознание пассивно, оно — зеркальное отображение действительности. Домарксовский материализм упрощает процесс познания, он не понимает действительности как объекта практики; поэтому он не знает практики как критерия истины, он не может объяснить возникновение и развитие знания и обречен на поражение, как только встает вопрос о достоверности наших знаний, а именно, вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью.

а. Философы, утверждавшие, что единственным источником и средством познания служат ощущения и восприятия, принадлежат к школе эмпиризма. Эмпиризм, как гносеологическое направление, развивался и на принципах материализма и на принципах идеализма. Гоббс, Локк, Кондильяк защищали точку зрения материалистического эмпиризма, согласно которому вещи, существующие вне и независимо от сознания, действуя на наше сознание, вызывают ощущения; из этих ощущений и строится все наше знание.

Беркли, Юм, Авенариус, Мах, Богданов и другие махисты защищали точку зрения идеалистического эмпиризма, согласно которому весь мир представляет собой коллекцию, комбинацию (комплекс) ощущений и из этих ощущений строится не только познание, но и весь физический мир.

Основной принцип эмпиризма представляет положение, что единственным источником познания действительности является опыт. Под понятием опыта подразумевается все то, что доставляется органами чувств, все, что может быть дано с помощью этих органов — все, что можно видеть, слышать, осязать и т. д. Характер данного в опыте своеобразен: опыт может дать только единичное, отдельное. Я вижу вот этого человека, единичного, отличного от других, эту собаку, этот определенный треугольник и т. д. Действительность состоит из отдельных, единичных вещей, явлений; эти отдельные, еди-

ничные вещи, воздействуя на наши органы чувств, вызывают в нашем сознании ощущения.

До сих пор эмпиризм стоит на позициях материализма. Такова была точка зрения растущего буржуазного класса. Эта сторона эмпиризма, выставленная английскими эмпиристами в начале развития этого направления (Локк), оказала большое влияние на прогрессивную философию французских материалистов накануне французской буржуазной революции 1789 года. В Англии же, при изменившихся социально-политических условиях, идеология буржуазии, пошедшей на компромисс с дворянской аристократией, начинает сползать на позиции идеализма, пока, наконец, не выработались откровенно идеалистическая и агностическая системы Беркли и Юма.

Действительность не только состоит из отдельных, единичных вещей и явлений; они, эти вещи, кроме того ничем не связаны друг с другом, они существуют изолированно, отдельно друг от друга.

Возьмем, например, явления причинной связи. Мы думаем, что между двумя явлениями, скажем, между молнией и громом, существует причинная связь — первое явление вызывает второе, второе является действием первого. Представители английского эмпиризма (Юм) совершенно отрицают существование связей между явлениями, в частности, существование причинной связи.

Анализ этих явлений — молния-гром, — если освободиться от предвзятых взглядов, от привычки, убеждает нас в том, что между молнией и громом существует только временная последовательность, а не причинная связь. Мы можем познавать действительность нашими органами чувств; с помощью этих органов в данном явлении — молния-гром — мы имеем определенное ощущение света (молния) и ощущение звука (гром). Никакой причинной связи в этих ощущениях не дано; мы можем сказать только: сперва мы увидели молнию, а потом услышали гром. Единственная связь между этими явлениями — временная последовательность. Причинная связь не только не дана в опыте, она вообще не может быть дана. А то, что вообще не может быть дано в опыте, то не существует. Если мы все же говорим о причинной связи, это — обычная ошибка, *post hoc, ergo propter hoc* (после этого, следовательно, вследствие этого).

Так рассуждает последний крупный представитель английского эмпиризма XVIII века.

И действительно, если исходить из основного принципа, что единственным источником познания является опыт, а опыт не что иное, как совокупность ощущений, то необходимо прийти к такому выводу. То, что было сказано о причинной связи, можно распространить на все связи и отношения: нет

никаких связей, никаких отношений, кроме внешних, пространственных, временных, между предметами, между явлениями действительности.

Эта метафизическая точка зрения, доведенная Юмом, как это мы увидим дальше, до агностицизма, была характерной чертой первых представителей эмпиризма — Бэкона и Локка. «Переспенное Бэконом и Локком из естествознания в философию, это мировоззрение создало характерную ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления».¹

Исходя из этого же принципа, теория эмпиризма приходит еще к одному своеобразному выводу. Если действительность состоит из отдельных, единичных предметов, явлений, тогда общего не должно быть, общее не должно существовать. Ведь у нас пять органов чувств, с помощью которых можно познавать действительность. Ни один из них не способен воспринять общее. Вообще человек, вообще собака, вообще треугольник и т. п. никогда не даны в ощущениях, восприятиях; они и не могут быть даны в опыте. Но то, что не может быть воспринято, то не может существовать — таков принцип, выставленный Юмом.

Достаточно обратить внимание на эти два положения — общее не существует, не существует связей между предметами, явлениями, — постепенно развитые эмпиристами, начиная с Локка и кончая Юмом, как сразу станет ясной та позиция, к которой пришел эмпиризм в лице Юма: наука не существует, она не может существовать. Наши познавательные способности настолько ограничены, что мы не способны познать реальную действительность, даже в том случае, если действительность существует.

Конечно, познание человеком действительности начинается с опыта, с «живого созерцания»; мы принимаем положение, что познание начинается с познания отдельных предметов, явлений. Но целью познания служат не только и не столько эти отдельные единичные явления, сколько общее в предметах и явлениях действительности. Не этот или тот человек интересуется биологиею, но строение человеческого организма и органические процессы, происходящие в нем; не только характер и свойства данного капиталиста, но основные, существенные признаки класса капиталистов, не только капитализм в Англии, Германии и т. д., но капитализм вообще, то есть общая закономерность капиталистического общества.

Кроме того, научное познание ставит своей целью не только изучение отношения данного конкретного предмета к другому конкретному предмету, например, связи между рас-

¹ Энгельс. Анти-Дюринг, 1948 г., стр. 21.

ширением данного куска железа и тепла солнечных лучей, но, главным образом, связей и отношений между явлениями в их общей форме, например, связи между нагреванием и расширением тела, не столько изучение отношения между собственником данного завода или фабрики и определенным рабочим, или хотя бы всеми его рабочими, и, наоборот, сколько изучение отношений, которые существуют между капиталистами и рабочим классом вообще.

Наука стремится открыть именно эту общую форму связей и отношений между предметами и явлениями. В процессе познания мы стремимся открыть законы явлений на основании изучения отдельных, единичных предметов, явлений. Ведь закон, в сущности, и есть общая форма связей и отношений между явлениями. Закон — то основное, существенное, решающее, что характеризует явления. Это существенное, общее не дано непосредственно в чувственном познании. Сущность и явление не совпадают; если бы они совпадали, тогда наука сделалась бы излишней, так как восприятие явления раскрывало бы законы, сущность этого явления.

Ясно поэтому, что эмпиризм не может объяснить факта существования познания — факта науки. Он должен отказаться от возможности познания, должен притти к выводу, что познание действительности невозможно. Отрицание всяких закономерностей в природе и обществе, объявление действительности непознаваемой — таков вывод теории эмпиризма.

Социальный и политический характер этих выводов был уже ясен в конечной стадии развития английского эмпиризма. Но в совершенно открытой форме он проявился в нашу эпоху: если не существует закономерностей в действительности или если они существуют, но их невозможно познать, то ясно, что в таком же положении находится и общественная жизнь; не существует никакой закономерности в обществе. История человеческого общества стоит вне всякой объективной необходимости; история человечества — беспорядочно-скопление фактов и явлений; между ними нет никаких закономерных связей. Один из современных «историков», Фишер, пишет, что в истории нет никаких закономерностей, существует только последовательность фактов и явлений во времени.

Если это так, тогда излишне говорить о сущности капитализма, о закономерности его развития, о его неизбежной гибели, о закономерности развития нового, коммунистического общества. Политическая направленность этой теории, как было указано, ясна.

В начале своего развития эмпиризм исходит из безусловного правильного положения: существуют предметы и явления независимо от сознания; они воздействуют на наши органы

чувств и вызывают в нашем сознании ощущения. Положение правильное, выражающее принцип материализма. Возникает вопрос: каково взаимоотношение между ощущениями, восприятиями и предметами, их вызвавшими, похожи ли образы в нашем сознании на предметы и явления объективного мира?

В начале своего развития эмпиризм положительно решает этот вопрос: достаточно воспринять предметы, сделать наблюдения над ними, конечно, при условии очищения нашего сознания от предвзятых взглядов, которые выработаны под влиянием авторитета, церкви и др., и познание будет осуществлено. Восприятие, наблюдение, эксперимент вполне достаточны для познания действительности, для господства над природой. Такова была точка зрения растущего буржуазного класса, таков был лозунг нового класса, который оптимистически смотрел вперед и мечтал завоевать мир.

Постепенно, в силу изменившихся условий этого класса, его оптимизм познания делается все бледнее: оказывается, не все можно познать, так как единственное орудие познания — это ощущение и восприятие. И, наконец, оптимистический взгляд на познание сменяется пессимистическим: оказывается, мы не можем познать независимо от нас существующую действительность; больше того, мы не можем знать, существует ли эта действительность.

Уже тут проявились признаки деградации буржуазного класса.

Уже классик эмпиризма Локк выставляет положение, что человеческий разум не все может познать. Он первый в новой философии начал говорить о г р а н и ц а х человеческого познания. Речь идет не о границах познания, которые обусловлены историческим развитием познания, смысл которого заключается в том, что существуют пока непознанные предметы и явления, познание которых осуществится в будущем, речь идет о принципиальной ограниченности человеческого разума, смысл которого заключается в том, что существуют принципиально непознаваемые вещи.

Локк различает первичные и вторичные качества: первичные качества — качества самих вещей, например, форма, движение и т. д.; вторичные качества — не качество вещей, а результат воздействия вещей на наши органы чувств; они — наши субъективные переживания, таковы, например, цвет, вкус, запах и т. д. Сказать, что этим субъективным качествам ничего в объективной действительности не соответствует, нельзя, так как они вызваны воздействием объективно существующих вещей на нас. Но какова же причина, вызывающая в нашем сознании эти субъективные качества? Она, эта причина, остается неизвестной, непознаваемой. Таким образом, остается область действительности, которая непознаваема.

В процессе познания между познающим сознанием и познаваемым предметом существует причинная связь: предмет объективного мира действует как причина на органы чувств и, таким образом, на сознание и вызывает в нем образы внешнего мира. Возникает сомнение, на каком основании мы допускаем, что эти субъективные образы должны походить на причину, их вызывающую: разве причина и действие должны непременно походить друг на друга? Предмет действует, например, на орган зрения; происходит определенный физический процесс; в органе зрения протекает определенный химический и физиологический процесс и, наконец, в нашем сознании возникает образ; почему этот образ должен быть адекватным отражением предмета объективной действительности?

Этот аргумент против теории отражения, которым пользуется теперь всякий, кто практикуется в критике марксистско-ленинской теории и, в частности, теории отражения, был известен представителям эмпиризма еще в период его деградации.

Один из представителей этого эмпиризма, Беркли, удивляется, каким образом идея может походить на предмет, вещь; идея может быть похожа на идею, но никак не на вещь. Истина — не соответствие идеи и вещи, а соответствие идей между собой.

Так возникла точка зрения, по которой здоровое зерно эмпиризма, а именно, что вещи существуют независимо от сознания и, воздействуя на сознание, отражаются им, постепенно исчезает и появляется противоположный этому принцип: образы в нашем сознании не отражают реальных вещей.

Этим самым снимается вопрос о познании независимой от нас действительности. Если наши представления, идеи не отражают реальной действительности, если истина — лишь соответствие наших идей с восприятиями, тогда излишне говорить о познании, о науке. Вопрос о существовании объективной реальности ставится под сомнение. Чем можно подтвердить существование объективного мира? Тем, что наши ощущения и восприятия должны вызываться независимо от них существующими вещами? Но понятие воздействия предполагает причинное отношение, которое заблаговременно устранено! Наука не только не может познать действительность, она не в состоянии даже признать ее существование. К чему же тогда наука? И Юм, не колеблясь, отвечает, что наука не имеет никакой ценности и поэтому нужно сжечь все книги, в которых изложено «знание» объективного мира.

Неудивительно, что в конце XIX века и в XX столетии реакционная буржуазия с радостью ухватила за основные положения последних представителей английского эмпиризма Беркли и Юма. Субъективный идеализм и фидеизм Беркли,

агностицизм Юма возродились под разнообразными названиями: эмпириокритицизма, махизма, имманентизма, логического позитивизма и т. д.

Выводы, к которым пришел эмпиризм в конце своей деградации, объясняются в конечном счете социально-классовым положением буржуазии, пошедшей на компромисс с дворянской аристократией. Интересно отметить, что философские принципы Локка, являвшегося представителем крупной буржуазии в Англии, при определенных социальных условиях, были преобразованы в реакционную теорию субъективного идеализма, фидензма и агностицизма, в то время как из тех же принципов во Франции, накануне революции, французские материалисты создали революционное, атеистическое мировоззрение.

Охарактеризовав теорию эмпиризма, мы ничего не сказали о роли мышления в познании. Ведь все выводы, к которым пришел эмпиризм, вытекают из того положения, что единственным источником познания служит опыт, причем материалистическое понимание опыта заменяется в конце его идеалистическим пониманием. Какова же роль мышления в процессе познания? С точки зрения эмпиризма мышление пассивно, оно может лишь сравнивать друг с другом ощущения, отыскивать в них черты сходства и различия. Мышление не способно прорвать круг ощущений, в котором замкнут познающий субъект.

в. Последовательный рационализм представляет собой теорию, которая признает единственным источником познания мышление, разум (*ratio*). Классическая форма рационализма в новой философии — рационализм XVII — XVIII вв. Главными представителями этой теории были Декарт, Спиноза, Лейбниц. Мы рассмотрим общую теорию рационализма в его логической форме, его принципы и те выводы, которые вытекают из них, не обращая внимания на различия, иногда даже и существенные, существующие между представителями этого направления.

Рационализм нового времени, как и эмпиризм в начале его развития, представлял собой прогрессивную теорию, идеологию нового класса, буржуазии, которая боролась против феодального строя, против дворянства и католической церкви, как представителя этого класса, против средневековой схоластики за новую подлинную науку, за свободу научного познания, не скованного авторитетом церкви и религиозных догматов. Не случайно Декарт создал механистическо-материалистическое учение о природе, которое Маркс называет картезианским материализмом; не случайно Спиноза создает, правда, метафизическое, но монистическое материалистическое и атеистическое мировоззрение; только Лейбниц в отста-

лой Германии, где феодальный строй все еще господствует, строит идеалистическую теорию.

Принцип разума, именно, что разум все может познать, что нет границ для мышления, — этот принцип, который мог возникнуть в начале нового времени, в процессе крушения феодального строя, был орудием борьбы против средневековой схоластики, был орудием в борьбе за раскрепощение человеческой мысли, познания, его свободы. Мышление — единственный источник познания действительности. Ощущения, восприятия часто нас обманывают, знание, основанное на них, недостоверно. Возникает вопрос: как может мышление познать действительность? Ведь мышление не связано непосредственно с объективной действительностью; ведь предметы и явления действительности нам даны — и могут быть даны — только с помощью ощущений и восприятий. Но опираться на данные ощущений и восприятий рационализм запрещает, так как эти последние — основа заблуждений.

Рационализм защищает принципы теории отражения: при истинном познании наше мышление отражает действительность, наши идеи отражают предметы и явления объективной действительности. Но отражение действительности кажется невозможным. Когда эмпиризм в первом периоде своего развития утверждал, что наше сознание отражает действительность, это было понятно: вещи существуют вне сознания, действуют на наши органы чувств и вызывают ощущения. Не будь этих органов, этих каналов, мышление никогда не имело бы дело с действительностью.

Рационализм, конечно, не отрицает воздействие вещей на органы чувств, но то, что получается в результате этого воздействия — ощущения, восприятия не представляют собой истины, они не отображают реальной действительности, они ложны. Конечно, не все рационалисты рассуждают так радикально. Если Декарт, представитель такого радикального рационализма, полагает, что ощущение — всегда причина заблуждения, то Спиноза уже допускает познание с помощью «смутного опыта», а Лейбниц наряду с «вечными истинами» признает и истины факта. «Истины факта» же опираются на ощущения и восприятия. Но вместе с Декартом и Спиноза и Лейбниц полагают, что настоящее, подлинное знание, знание сущности вещей, осуществляется только посредством мышления, именно того мышления, которое совершенно свободно от данных опыта.

Поэтому совершенно провозмерен тот вопрос, который мы поставили выше: каким путем осуществляется связь между мышлением и бытием? Получается странное положение: если в процессе познания для достижения истины — отражения действительности — нужно элиминировать данные ощущений

и восприятий, останется так называемое «чистое мышление». Но чистое мышление остается пустым словом и само пустым, так как нет материала, над которым или о котором мышление может мыслить. Мышление — всегда мышление чего-нибудь, мышление о чем-нибудь. Чистое мышление — несуществующее мышление!

Рационализм идет другим путем: чистое мышление не пустое мышление, оно чистое, так как очищено от данных ощущений, но оно не пустое, оно полно идеями, которые введены ему. Своеобразие мышления состоит не в том, что оно перерабатывает материал, полученный извне; оно активно, оно имеет в себе достаточно «материала», собственного богатства в виде врожденных идей. Конечно, понятие врожденных идей не все рационалисты понимают одинаково. Если по Декарту можно, пожалуй, сказать, что врожденные идеи существуют в готовом виде в мышлении и мышление собственными же актами приводит их в ясность, делает их отчетливыми, соединяет и разъединяет их, приводит их в определенную связь и т. д., то по Лейбницу врожденные идеи существуют в мышлении не в готовом, законченном виде, а в потенциальном, в виде зачатков, задатков. Мышление совершенно оторвано от действительности, у него нет «окон», через которые что-либо может проникнуть в него или выйти из него. Мышление своими собственными силами создает из заложенных в нем задатков идеи, которые отражают действительность. Мышление — зеркало действительности: оно отражает действительность вне воздействия действительности на мышление, несмотря на то, что мышление нигде не «соприкасается» с действительностью.

Все равно, будет ли это точка зрения Декарта или Лейбница на врожденные идеи, решение вопроса принципиально одинаковое: мышление, не имея никакой связи с действительностью, все же отражает эту действительность, и в этом заключается подлинное познание.

Именно в эпоху рационализма был снова возрожден аргумент против материалистической теории отражения. Основная мысль материалистической теории отражения, заключающаяся в том, что мышление отражает предметы и явления объективного мира под воздействием этих предметов на наше сознание, отражает, в первую очередь, с помощью ощущений и восприятий, для рационалистов неприемлема. Рационалисты противопоставляют этой мысли ряд аргументов; одному из этих аргументов настолько посчастливилось, что его повторяют и в настоящее время. Этот аргумент в своеобразной форме выдвинул еще Мальбранш; его повторил в более четкой форме представитель немецкого идеализма (Рейнгольд), а в XX веке он считается одним из самых сильных аргументов

буржуазной философии против материалистической теории отражения. Содержание этого аргумента таково: материалистическая теория отражения беспочвенна, так как для этой теории необходимо сравнение мысли и предмета для доказательства их сходства. Предмет объективного мира существует независимо от сознания; под воздействием этого предмета в нашем сознании возникает его образ, — таков принцип материалистической теории отражения. Откуда мы знаем об их сходстве, почему мы думаем, что образ предмета в нашем сознании отражает реальный предмет? Для доказательства их сходства, нужно, как было указано, сравнить их; но их сравнение — неосуществимая задача, так как образ предмета находится в сознании, в то время как предмет находится вне сознания. Для сравнения нужно или изъять образ из сознания и сопоставить его с предметом, или внести предмет в сознание и сопоставить его с образом; другого пути для их сравнения не существует; а тот путь, который охарактеризован выше, невыполним, он бессмыслен.

Быть может можно попытаться сравнить образ с предметом следующим образом: сравнить нашу мысль, образ с предметом, взглянув, восприняв его. Но и таким путем мы не сможем сравнить образ с предметом; мы ведь сравниваем в данном случае образ не с самим предметом, а с восприятием предмета.

Поэтому сравнение мысленного образа с предметом вообще невыполнимо; а отсюда следует, что у нас нет оснований утверждать сходство образа с предметом, нет оснований говорить о познании как отражении нашим сознанием объективной действительности.

Нужно сказать, что этот аргумент против материалистической теории отражения безусловно попадает в цель, если иметь в виду домарксовскую теорию отражения. Что же касается марксистско-ленинской теории отражения, которая внесла в теорию познания критерий практики, то этот аргумент теряет всякую силу, если он направлен против нее.

Теория рационализма представляет собой также своеобразный вид теории отражения: врожденные идеи отражают объективную действительность, они являются истинными. Но с точки зрения возникновения, эти идеи совершенно не связаны с предметами и явлениями объективного мира. Получается необъяснимое положение: мышление, независимое от объективной действительности, совершенно оторванное от нее, своими собственными силами создает идеи, и несмотря на все это, идеи эти отражают предметы и явления действительности. Чем объясняется это обстоятельство? Единственный ответ, которым располагают рационалисты, не имеет ничего общего с наукой: между нашим мышлением и объективной действительностью

существует предустановленная гармония. Создатель мира, бог, так построил мир, что наше мышление может создавать лишь такие идеи, которые соответствуют, отражают объективную действительность.

«Решение» вопроса ясно: для объяснения познания, науки рационализм прибегает к ненаучному аргументу — чуду и тем самым становится вне науки.

Вместе с тем перед рационализмом возникают проблемы, которые он не в состоянии решить. Если мышление создает только истинные идеи, то чем же тогда объяснить факты заблуждения? Под воздействием ощущений? Ведь ощущения уже Декарт объявил источником заблуждений. Но, строго рассуждая, ощущения не могут оказать влияния на мышление, на ход мышления, на связь мыслей, так как мышление замкнуто, у него нет «окон», посредством которых внешний мир мог бы проникнуть в него в виде ощущений или восприятий.

с. Кант первый представитель того философского направления, которое И. В. Сталин охарактеризовал как архаичную реакцию против французской революции и французского материализма.

Из всех домарксовских направлений в теории познания едва ли можно назвать теорию, которая пользовалась большим успехом в реакционной буржуазной философии в XIX веке и в начале XX столетия, чем теория Канта. Реакционная буржуазия в борьбе против пролетариата и его революционной идеологии не раз прибегала к помощи Канта, видоизменяя некоторые его положения, добавляя «новые», «исправляя» его философию в сторону идеализма.

Кант строит своеобразную философскую теорию, с помощью которой он хочет стать выше материализма и идеализма. Что же касается теории познания, то Кант стремится преодолеть односторонности эмпиризма и рационализма.

После крушения эмпиризма, что проявилось в конце развития английского эмпиризма, идти этим путем было невозможно: теория познания эмпиризма не смогла объяснить факта познания, факта, который был подтвержден всей историей науки и человеческой практики, вынуждена была отвергнуть возможность познания, стать на точку зрения агностицизма.

Кант признает факт существования науки, — как он понимает науку, об этом речь пойдет ниже, — ньютоновская механика убеждает его в этом.

Рационализм не отрицает науку, научное познание, он признает возможность познания действительности. Но, обобщая возможность познания, возможность науки, он исходит из таких принципов, что в конце концов принужден прибегнуть к антинаучному аргументу — чуду предустановленной гармонии. Но и этим путем нельзя создать приемлемой теории

познания. И эмпиризм и рационализм оказались ошибочными теориями. Но в борьбе против средневековой схоластики, за свободу познания, за свободу науки против притязаний церковного авторитета, эти теории — вначале, безусловно, прогрессивные — указали на роль ощущений и восприятий в познании (эмпиризм) и на активность мышления, без которого познание не может быть осуществлено (рационализм). Вне этих двух моментов невозможно познание действительности; мышление пусто вне ощущений, ощущения слепы, — не дают познания сущности вещей без мышления.

Исходный пункт кантовской философии — материалистический: независимо от нашего сознания существуют вещи в себе; они действуют на наши органы чувств и вызывают в нашем сознании ощущения. Познание начинается с опыта. Но ощущения в нашем сознании находились бы в хаотическом состоянии, если бы их не приводили в порядок формы сознания. Наше сознание обладает определенными формами, которые независимы от опыта, предшествуют опыту, априорны. С помощью этих априорных форм сознание приводит в порядок ощущения, связывает их и создает из них закономерное целое. Конечно, созданное таким образом закономерное единство не похоже на вещи в себе, так как законы связи — не законы вещей, а законы человеческого сознания. Многообразие ощущений — только материал, из которого наше сознание по своим собственным законам строит картину действительности. Если построенная нашим сознанием, по своим собственным законам, картина действительности не отражает объективного мира, то это значит, что человеческое сознание никоим образом не может познать вещей независимо от сознания существующей действительности.

Этим самым Кант становится на точку зрения идеализма, агностицизма.

Именно этот вид идеализма и имеет И. В. Сталин в виду, когда характеризует третью черту марксистского философского материализма, противопоставляя его идеализму. «В противоположность идеализму, который оспаривает возможности познания мира и его закономерностей, не верит в достоверность наших знаний, не признает объективной истины, и считает, что мир полон «вещей в себе», которые не могут быть никогда познаны наукой, — марксистский философский материализм исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы, что наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин, что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики».

---

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 543.

Таким образом, с точки зрения Канта, мир полон «вещей в себе», но их познание принципиально невозможно. Но вместе с тем, в противовес Юму, Кант доказывает, что науки существуют и их положения обладают точным, всеобщим, необходимым и объективным характером. Какой смысл вкладывает Кант в эти термины и как он понимает объективную истину?

Под воздействием вещей в себе на наши органы чувств в нашем сознании возникает многообразие ощущений. Хаос этих ощущений приводится в порядок формами сознания. Эти формы—формы только сознания и ничто объективное в мире им не соответствует. Таким образом, эти формы, как формы сознания,—сплошь субъективны. Эти формы таковы: время, пространство, причинная связь, субстанция, качество, количество, необходимость, случайность и т. д.; они не существуют объективно. Материал, данный извне в виде ощущений, оформляется этими субъективными формами сознания, то-есть формы сознания располагают их в пространстве и времени, связывают причинной связью, связью вещи и свойства, придают им характер необходимости и этим создают закономерное целое. Это закономерное целое, созданное законами сознания, и объявляется единственной «действительностью», которая изучается наукой и на которую направлено познание. Естественно, что эта «действительность» совершенно не похожа на объективную действительность, на мир вещей в себе. Наука изучает не объективную реальность, которая существует независимо от нашего сознания, — она принципиально непознаваема, — а «действительность», созданную из материала ощущений нашим сознанием с помощью чисто субъективных форм.

Истина поэтому не отражение действительности в нашем сознании, а построение нашего мышления; «предмет» — не реально, объективно существующий предмет, а образ, созданный законами нашего разума; законы природы — это законы сознания. Поэтому не природа диктует законы нашему сознанию, разуму, а разум предписывает законы природе.

Теория Канта, созданная им в противовес Юму, якобы защищающая права науки, возможность познания, на самом деле отрицает настоящую науку, отрицает возможность познания объективного мира.

Последователи Канта в конце XIX века и в XX столетии — неокантианцы очистили кантовскую теорию от материалистических элементов, отвергли существование вещей в себе и пришли к выводу, что разум строит из себя всю действительность; для этого разуму не требуется и материала ощущений. Дуализм Канта они довели до последовательного субъективного идеализма.

Теория Канта — реакционная теория, она выражает интересы реакционного класса, она направлена против революционного французского материализма и атеизма. Кант не скрывал, что сознательно ограничил способность познания, чтобы оставить место религии.

Ход мыслей Канта таков: если нет непознаваемых вещей, если познанию доступна вся действительность, тогда для веры не остается места. Но если есть сфера непознаваемого, то-есть такая сфера, которая принципиально непознаваема для человеческого мышления, для науки, практики, тогда эта сфера и будет объявлена областью веры, религии. Вообще теория агностицизма, как и всякая идеалистическая теория, приходит к религии. Агностицизм принципиально противоречит науке, отрицая науку, он мешает ее развитию. Развитие науки — факт, его отрицание невозможно. Развитие человечества, постепенное расширение его господства над природой, преобразование явлений природы и применение сил и явлений природы согласно поставленным целям, а в нашей стране — преобразование общества, построение социализма и строительство полного коммунистического общества,— все это принципиально непонятно и необъяснимо с точки зрения агностицизма.

Конечно, мир полон «вещей в себе», то-есть вещей, которые существуют независимо от сознания. Этот мир — закономерное целое. Мы познаем предметы и явления этого мира, его закономерность. Только этим можно объяснить наше целесообразное воздействие на природу. Один только этот факт, что мы, воздействуя на явления и вещи объективного мира, достигаем поставленных целей, доказывает возможность познания действительности, показывает, что она, эта действительность, уже отчасти познана нами.

Критикуя положение Канта и других идеалистов о непознаваемости мира и непознаваемых «вещах в себе» и отстаивая известное положение материализма о достоверности наших знаний, Энгельс пишет:

«Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов, заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец. Химические вещества, образующиеся в телах животных и растений, оставались подобными «вещами в себе», пока органическая химия не стала готовить их одно за другим; тем самым «вещь в себе» превращалась в вещь для нас, как, например, ализарин, красящее вещество марены, которое мы

теперь получаем не из корней марены, выращиваемой в поле, а гораздо дешевле и проще из каменноугольного дегтя. Солнечная система Коперника в течение трехсот лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но все-таки гипотезой. Когда же Лаверрье, на основании данных этой системы, не только доказал, что должна существовать еще одна, неизвестная до тех пор планета, но и определил посредством вычисления место, занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого Галле действительно нашел эту планету, система Коперника была доказана».¹

При анализе кантовской теории познания необходимо остановиться на одном специальном вопросе: это — вопрос о взаимоотношении ощущений и мышления в процессе познания. Было уже отмечено, что Кант заметил односторонность эмпиризма и рационализма и попытался преодолеть ее. В процессе познания участвуют и ощущения, восприятия и мышление. Но Кант метафизик, он не понимает действительного взаимоотношения этих двух моментов в процессе познания. Кант не понимает, что чувственность и мышление исторически связаны друг с другом; он оторвал друг от друга эти две «способности». Первую (способность) он объявил эмпирической, вторую — априорной. Первую он характеризует только пассивностью, «рецептивностью», вторую — как активную, оформляющую. Между чувственностью и мышлением оказалась такая пропасть, что их сотрудничество в процессе познания оказалось невозможным. Кант сам чувствовал это обстоятельство, он пытался преодолеть этот дуализм чувственности и рассудка, который сам установил и без которого не мог бы построить своей теории, но классовая ограниченность не давала ему возможности стать на точку зрения историзма, и единство принципиально разобщенных моментов осталось недостижимым.

Кантовское «преодоление» односторонности эмпиризма и рационализма осталось голословным. В этом вопросе Кант принципиально стоит на той же точке зрения, что и его предшественники. Основная ошибка эмпиризма, рационализма и кантовской теории в данном вопросе одинакова — отрыв чувственности от мышления. После этого, названные направления идут разными путями: первый основывается на одном моменте, второй — на втором, а третий — на обоих, оторванных друг от друга моментах.

д. Таким образом, ни одна теория до Маркса не смогла объяснить процесса познания. Материализм до Маркса был метафизическим и созерцательным, он не понимал процесса исторического развития сознания, не понимал исторической

---

¹ К. Маркс. Избранные произведения, т. 1, стр. 330. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 543.

связи между чувственностью и мышлением, не видел связи между познанием и практической деятельностью человека и, хотя признавал познание как отражение действительности в сознании, все же не мог объяснить самого факта отражения, не мог найти правильного критерия истины и поэтому не мог бороться против аргументов идеалистической философии.

Эмпирическая теория познания, основанная на принципах материализма, односторонне подчеркивая значение чувственных восприятий в процессе познания и совершенно пренебрегая активностью мышления, также не могла решить проблему познания. Отрицая существование общего и внутренних связей между явлениями, — в восприятиях они ведь не даны непосредственно, — эмпиризм уже заключает в себе зародыши агностицизма и идеализма, которые проявятся в полной мере в новых социально-политических условиях.

В новых социально-политических условиях, когда буржуазия идет на компромисс с дворянской аристократией, идеологи этого класса, опираясь на слабые стороны буржуазного материализма (Локк) и выпячивая агностические и идеалистические зачатки этого мировоззрения, создают, пользуясь принципами эмпиризма, субъективно-идеалистическую и агностическую теории.

Рационализм, будучи так же метафизической и созерцательной теорией, не смог понять единства чувственности и мышления и, односторонне подчеркивая значение только мышления, не в силах был объяснить процесс познания.

Дуализм и агностицизм Канта, признавая значение и чувственности и мышления в процессе познания, метафизически оторвал эти два момента друг от друга и вместо объяснения процесса познания пришел к выводу о невозможности познания действительности.

Мы рассмотрели кратко основные направления домарксовской, старой философии, подчеркивая, главным образом, течения в теории познания. Современная реакционная философия, по существу, не смогла создать нового направления, она возрождает старые направления, изменяя некоторые положения согласно изменившимся социально-экономическим и классовым условиям.

Исчерпав все свои творческие возможности в области философии, буржуазия в последней трети прошлого века начинает обновлять свое идеологическое оружие, пользуясь старым арсеналом теорий, чтобы противопоставить его мировоззрению пролетариата. Извлекаются из шкафа нафталины Кант, Фихте, Гегель, появляются на свет школы неокантианцев, неохихтеанцев, неогегельянцев. Реакционная буржуазия возрождает философию Беркли и Юма и выдает ее за новейшее достижение научной мысли. Она прикрывает ее названиями

эмпириокритицизм, эмпириомонизм, возрождает древние и средневековые теории — платонизм, интенционализм, интуитивизм и т. д.

Особо повезло в современной философии агностицизму.

И. В. Сталин говорит: «Если мир познаваем и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества — также познаваемо, а данные науки о законах развития общества, — являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин.

Значит, наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения.

Значит, в своей практической деятельности партия пролетариата должна руководствоваться не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практически выводами из этих законов».¹

В противоположность этим ясным положениям реакционная буржуазия выставляет и пытается обосновать принципиально противоположные взгляды, именно, что человеческое мышление не способно познать действительность и поэтому не способно познать, в частности, явления общественной жизни. Отрицая возможность познания общественных явлений и законов развития общественной жизни, идеологи реакционной буржуазии стремятся огородить народные массы от знания законов общественной жизни. Общественной науки нет и быть не может. Законов, управляющих развитием общественной жизни, или вовсе нет или их невозможно познать. Поэтому невозможно предвидеть будущие события, невозможно предвидеть неизбежную гибель капитализма. Поэтому в практической, политической деятельности нельзя руководствоваться законами развития общества, а нужно руководствоваться какими-либо случайными мотивами.

В современной, очень распространенной в буржуазных странах так называемой математической логике, которая, якобы, является логической основой не только математических, но вообще всех подлинных наук, совершенно изъято понятие истины. Представители этой логики, правда, все время говорят об истинности предложений, о функции истинности и т. д., но на самом деле подменяют понятие истинности понятием правильности и, строя формалистическую логику, хотя формализовать науки и философию и вместо истинных теорий стремятся построить гипотетически-дедуктивные систе-

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 544—545.

мы, где главное заключается не в том, чтобы положения, суждения были истинными, а чтобы они правильно вытекали из принятых оснований, причем вопрос об истинности этих оснований вовсе не ставится.

Превращая логику, в частности математическую логику, в единственно «научную» философию, во всеобщую методологию наук, современный субъективный идеализм, облачившись в новое одеяние «логического позитивизма», заменяет основное понятие теории познания—понятие истины понятием правильности, последовательности, понятием выводимости одних предложений из других (Витгенштейн, Айэр, Карнап, Тарский, а до них Рассел и Уайтхед).

Аксиоматический метод, который применяется в современных математических дисциплинах, в частности в геометрии, и который дал стимул их дальнейшему развитию, представители современного «логического позитивизма»—субъективного идеализма признали единственным методом познания и философствования.

Дело в том, что разнообразные системы геометрии—евклидова и неевклидова—логически строятся безупречно. Но их логическая безупречность ничего не говорит в пользу их истинности, в пользу их соответствия с объективной действительностью. Одна из них должна лучше, адекватнее отражать действительность, в частности свойства протяженности. Какая из этих систем лучше отражает действительность—этот вопрос уже не может быть решен одной лишь логической безупречностью системы; этот вопрос решается уже практикой, в частности, физическим опытом. «Выбор наилучшей среди этих схем должен быть решен путем физического опыта, и в этом смысле геометрия становится подлинной частью физики».¹

Представители современного субъективного идеализма отрицают возможность истины как отражения независимо от сознания существующей действительности, отрицают практику как критерий истины, отрицают возможность сравнения мысли с действительностью.

Предложение «существуют независимо от сознания материальные вещи» бессмысленно, оно «не имеет значения» и, повторяя с некоторыми вариациями аргумент Беркли, «логические позитивисты» утверждают, что нельзя сравнивать предложения с действительно существующими фактами.

Философия не должна иметь дело с действительностью, если она не хочет запутаться в ложных метафизических, бессмысленных псевдопроблемах. Она должна исследовать отношения между предложениями. Философские предложения не

¹ Гильберт. Основания геометрии. Вступительная статья Рашевского, 1948 г., стр. 18.

связаны с выяснением природы свойств вещей, мира, фактов, времени и т. д. Они представляют синтаксические предложения о словах, а не об объектах.¹

Все положения, касающиеся материальности мира («метафизические проблемы» на языке «логических позитивистов»), морали, гносеологии в действительности не могут быть проверены и поэтому — не научны. «Как правило, такие положения мы считаем бессмысленными. Мы не выдвигаем утверждений относительно реальности данного и видимости физического мира или, наоборот, ибо логический анализ показывает, что такие утверждения принадлежат к разряду не поддающихся проверке псевдоположений» (Карнап).

Если «предложения» философии не поддаются проверке, если нельзя сравнивать мысли с действительностью, то единственной истиной остается соответствие предложений друг с другом, выводимость одних из других, их последовательность.

Если наука не сравнивает свои положения «ни с опытом, ни с каким-либо миром, ни с чем-либо еще», если мы должны думать «не об отношении между предложениями и их объектами или об отношениях между мышлением и действительностью, но только об отношениях между предложениями и другими предложениями и об отношениях между мыслями и мыслями», то ясно, что истина совершенно выброшена за борт науки. И истина, о которой говорят и могут говорить «логические позитивисты», — это правильность связи мыслей, последовательность мысли, безупречность выведения одних «предложений» из других.

Субъективный идеализм, солипсизм и агностицизм — вот основная линия в философии современной реакционной буржуазии, линия, которая полностью была разгромлена Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме».

е. Диалектический материализм признает качественное отличие чувственности от мышления, но, рассматривая их с точки зрения развития человеческой практики и познания, не отрывает их друг от друга, а устанавливает их необходимую связь. Чувственность не только первая ступень в процессе познания действительности, но и первая в процессе развития сознания; мышление выступает в процессе познания не только после чувственности, но оно возникает в процессе развития сознания на основе чувственности. Ленин указывал, что диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и переход от ощущения к мышлению.

На современной стадии развития человеческого сознания чувственность и мышление взаимно связаны, взаимно обуславливают друг друга. Нет чистого мышления, которое не питалось бы данными чувственности, и нет чистой чув-

¹ Корнфорт. Наука против идеализма, стр. 225.

ственности, которая не была бы проникнута моментом мышления.

Чувственность не дает, как это думали до Маркса, только единичное, только изолированное, бессвязное, хаотическое. В том, что доставляется чувственными восприятиями, заключается и общее, заключаются и связи и законы связи между явлениями. Как же иначе могло бы мышление отыскать общее, связи, законы явлений, обрабатывая материал чувственных восприятий, не заключающих ни общего, ни связей, ни законов действительности. Падение камня, подброшенного в воздух, заключает в себе закон всемирного тяготения, так же, как в Жучке «заключается» собака и в Петре — человек. Не существует в действительности чисто единичных, отдельных явлений, в каждом единичном есть общее; не существует в мире изолированных явлений, — каждое явление связано с другими многообразными связями. Чувственные восприятия отражают явления так, как они существуют; но общее, закон, внутренние связи между явлениями не даны непосредственно чувственному восприятию. То обстоятельство, что чувственные восприятия не дают непосредственно общего в явлениях, сущности явлений, закона, связей, — это не «вина» самих явлений, а лишь определенной ограниченности нашей чувственности. Мышление не создает общее, связи, сущность, законы, оно лишь открывает их на основании тех данных, которые доставляются чувственными восприятиями, живым созерцанием, оно идет от данного непосредственно к неданному непосредственно, от единичного к общему, от явления к сущности и т. д. С помощью мышления мы, сравнивая данные живого созерцания, производим суждения, выражая признаки предметов и явлений, и создаем понятия; связываем суждения и делаем выводы об отношениях и связях реальной действительности.

Поэтому мы утверждаем, что познание действительности идет от живого созерцания к абстрактному мышлению.

Но этим еще не кончается процесс познания действительности. Остается нерешенным еще один вопрос: на основании изучения отдельных, единичных явлений, с помощью отвлеченного мышления мы открываем общее, сущность, закон явлений, раскрываем глубокие связи между явлениями и полагаем, что понятия, созданные отвлеченным мышлением, глубже отражают действительность, что они на самом деле отражают сущность явлений. Так ли это на самом деле? Истинно ли то заключение, которое мы сделали с помощью мышления на основании данных живого созерцания?

Как было уже указано, для решения этого вопроса мы обращаемся к практике, как единственному критерию истины. Практика должна решить, насколько верно отражают наши

мысли реальную действительность. Корни познания — в практике. Оправдание наших знаний — также в практике.

Таким образом, диалектический путь познания таков: от живого созерцания к абстрактному мышлению, а отсюда к практике.

Г Л А В А II

ЛОГИКА, ЕЕ ПРЕДМЕТ И ЕЕ ЗАДАЧИ

1. Предварительное определение логики.

Логика — наука о законах и формах правильного мышления. Таково общее определение логики, освященное традицией. Это определение может быть и правильным и ложным, смотря по тому, какое содержание вкладываем мы в это определение. В этом определении мы пользуемся такими понятиями, как «закон», «форма», «правильное», «мышление», которые могут быть понимаемы — и на самом деле понимаются — различно. Причем различное понимание данных понятий зависит от точки зрения, от общего философского мировоззрения. Отсюда вытекает и различное понимание предмета логики и ее задач, несмотря на внешне одинаковое определение этой науки у логиков различного направления.

Мышление — это опосредствованное и обобщенное отражение действительности, и поэтому формы и законы правильного мышления — своеобразное отражение форм и законов действительности: идеальное — не что иное, как материальное, перенесенное и переработанное в человеческом сознании.

«В противоположность идеализму, утверждающему, что реально существует лишь наше сознание, что материальный мир, бытие, природа существует в нашем сознании, в наших ощущениях, представлениях, понятиях, — марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие представляет объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вторично, производно, так как оно является отображением материи, отображением бытия, что мышление

есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени совершенства, а именно — продукт мозга, а мозг — орган мышления, что нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку».¹

Предмет логики — мышление. Поэтому одно, несомненно, должно быть ясно: если мышление — опосредствованное и обобщенное отражение действительности, то логика, изучая мышление, имеет дело с познанием. Логика, таким образом, есть наука о познании. Но процесс познания является предметом диалектики как теории познания. Логика не может и не должна заменить диалектику: она ведь сохраняет самостоятельное значение как философская наука наряду с диалектикой. И, несмотря на это, она имеет отношение к процессу познания как наука о мышлении. Вопрос о соотношении логики и диалектики можно разрешить лишь после того, как будет установлено точное содержание упомянутых выше понятий; этим будет установлен и предмет логики. Но уже и теперь должно быть ясным, что логика изучает какую-то определенную сторону многогранного процесса познания.

Эту сторону процесса познания и выражает понятие правильного мышления.

В практической жизни, так же как и в науке, мы часто употребляем термины «правильный» и «истинный» в одном и том же смысле, как синонимы. Говоря об истине, мы часто употребляем выражение «правильное отображение» действительности в нашем сознании. Подтверждая истинность какого-либо положения, мы говорим «правильно», подразумевая именно истинность данного положения.

Значит ли это, что понятия правильности и истинности совпадают друг с другом? Имеют ли они одинаковое содержание? Если эти понятия совпадают, тогда наука о принципах правильного мышления, то-есть логика должна совпадать с наукой об истине, то-есть с диалектикой как теорией познания. Известно, что Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» разбирает вопрос об истине в главе, озаглавленной: «Теория познания эмпириокритицизма и диалектического материализма» и что тут разрабатывается не учение логики о законах правильного мышления, а именно диалектическое учение об истине. Отождествление логики и диалектики в корне ошибочно. С другой стороны, две различные науки не могут иметь один и тот же объект предметом познания. Что логика, изучая законы правильного мышления, изучает тем самым и процесс познания, или правильнее, какую-то необходимую сторону познания, и поэтому какую-то сторону процесса достижения истины, — это должно быть ясным. Но какую сторону процесса познания изучает логика и каким об-

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 542.

разом правильное мышление становится компонентом процесса познания, это может быть выяснено только после точного определения этого понятия.

2. Понятие сознания и понятие отражения.

Наше сознание, а потому и мышление, является не чем иным, как отражением действительности. Сознание, писал Маркс, есть сознанное бытие. Понятие отражения употребляется классиками марксизма-ленинизма в двух смыслах. Во-первых, понятие отражения употребляется в смысле истины: истина есть отражение действительности в нашем сознании; она — адекватное отражение, приблизительно верное отражение объективного мира и его закономерностей. Ленинская теория отражения, как теория познания, устанавливает именно этот смысл понятия отражения.

Но понятие отражения употребляется классиками марксизма-ленинизма и в более широком смысле. Тут оно уже не связывается непременно с понятием истины, а указывает на сущность и своеобразие сознания. Сознание вообще есть сознание бытия, сознанное бытие. Этим утверждается то обстоятельство, что сознание обусловлено бытием; утверждается и формулируется сущность материалистического мировоззрения. «Материализм, — писал Ленин, — признает объективное реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущений, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально-точное) его отражение».¹

Это значит, во-первых, что весь материал, которым оперирует мышление, заимствован из объективной действительности. Мышление может создавать фантастические образы, представления, например, представления бога, ведьмы, лешего, кентавра и т. п., но материал для создания этих образов взят из объективной действительности. В данном случае мышление комбинирует те элементы, которые взяты из объективного бытия.

Это значит, во-вторых, что закономерности мышления — это закономерности бытия, перенесенные, переработанные, отраженные в нашем сознании, что нет никаких априорных законов мышления, которые мышление, якобы, диктует природе; что законы бытия обуславливают и определяют наше мышление, что бытие диктует законы мышлению. В этом смысле и религиозные взгляды и идеалистические теории — отражение действительности. Но это отражение фантастическое, искаженное, раздутое, преувеличенное и т. д.

¹ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, т. XIII, стр. 267.

Только «в лучшем случае», как писал Ленин, отражение бывает «приблизительно верное (адекватное, идеально-точное)». Только в этом случае мы имеем дело с истиной как с отражением действительности в сознании.

Как было уже указано, закономерность, которой подчиняется мышление, есть общая закономерность действительности, перенесенная и отражаемая в новой сфере, и эта закономерность существовала и «действовала» в сознании так же, как в природе и обществе до познания этой закономерности. Познание закономерности, отражение ее в нашем мышлении, а не сама закономерность, существующая хотя бы в мышлении, — есть истина.

Мышление тоже является действительностью, оно тоже существует; но в отличие от объективной действительности оно не имеет самостоятельного существования, оно вторично, оно обладает отраженным существованием. Сами по себе вещи и явления действительности не истинны и не ложны, они просто существуют. Таким же образом явления сознания, мышление, как таковое, не истинно и не ложно. Истинным или ложным могут быть мысли, то-есть понятия, суждения и т. д. Понятия, суждения связываются друг с другом и отражают связи и отношения между вещами объективной действительности.

Русский язык правильно учел это обстоятельство. Мы не говорим об истинном или ложном мышлении, а об истинных и ложных мыслях, мы говорим о связях между мыслями, а не о связях между мышлениями. Если же говорим о связях в мышлении, то в этом случае имеем в виду вопросы психологические, а не вопросы познания, отражения действительности.

3. Понятие правильного мышления.

«Суждений, которые не нуждаются ни в каком доказательстве, или так называемых аксиом, очень немного. Суждений, которые служат простым, точным выражением наблюдаемых фактов, правда, бесчисленное множество, но они редко входят непосредственно в системы наук в качестве научных положений. Большею частью они служат только посылками для вывода научных истин. Почти все содержание знания составляют суждения выводные, так что вывод, по всей справедливости, можно назвать той формой нашего убеждения в истине, которая всего чаще применяется в науке», — писал Каринский.¹

Конечно, знание имеет свои корни в практической деятельности людей; и первая ступень познания — живое созерцание — обусловлено практикой. Но, как мы уже знаем, живое созерцание не дает непосредственно знания сущности

¹ Каринский. Классификация выводов, стр. 1.

явлений, закона вещей, внутренних связей между явлениями. Знание сущности, законов, связей действительности — это знание выводное. Огромная часть человеческого знания, и притом самая ценная, приобретаетс с помощью абстрактного мышления, с помощью умозаключений. Мысли, отражающие факты, явления действительности формулируются в суждениях, суждения соединяются, сопоставляются друг с другом и на их основании получается выводное суждение, новая мысль. Известное сталинское положение: «наше дело правое, мы победим» представляет собой именно такое умозаключение в сокращенном виде. Ход мысли тут следующий:

Правое дело победит
Наше дело правое

Мы победим:

Форму умозаключения получает мысль И. В. Сталина о познаваемости общественной жизни, развития общества. Сталин пишет: «Если мир познаваем и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества — также познаваемо, а данные науки о законах развития общества, — являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин».¹

Законы, установленные науками, закон тяготения, периодическая система Менделеева, теория стадийного развития Лысенко, закон прибавочной стоимости Маркса, закон неравномерного развития капитализма, открытая Лениным теория возможности построения социализма в одной стране, обоснованная Лениным и Сталиным, теория о постепенном переходе от социализма к коммунизму и т. д. — все это выводное знание, полученное не непосредственно живым созерцанием, а на основе живого созерцания с помощью абстрактного мышления, с помощью умозаключения.

Умозаключение — определенная форма нашего мышления, с помощью которой приобретаются самые ценные знания о действительности. Всякое научное знание, все рассуждения, всякое доказательство, все равно относится ли оно к области науки или к практической жизни, отливается в форму умозаключения. Для иллюстрации возьмем один из простейших примеров умозаключения:

1. Металлы — проводники электричества

2. Железо — металл

---

3. Железо — проводник электричества.

---

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 544.

Связь трех мыслей (которые в логике называются суждениями), 1-й, 2-й и 3-й, называется умозаключением. Характерная черта данного умозаключения состоит в том, что из первых двух суждений вытекает непреложно третье, новое суждение. Суждения, из которых следует новое суждение, называются посылками, суждение же, которое следует из посылок, называется выводом.

Умозаключение служит целям познания. Если положение, выставленное выше, а именно, что большая часть нашего знания, и притом самая ценная,— выводное знание есть правильное, а оно, безусловно, правильное, а выводное знание— это знание, полученное с помощью умозаключений, то возникает вопрос: всегда ли умозаключение дает нам истинное знание или, говоря другими словами, какие условия должны быть соблюдены при умозаключении, чтобы достигнуть истинного знания. Рассмотрим следующий пример:

Металлы — непроводники электричества
Железо металл

Железо — непроводник электричества.

Из данных посылок с необходимостью следует вывод: железо — непроводник электричества. В данном случае форма умозаключения правильная: из данных посылок вывод следует с необходимостью; последовательность мысли не нарушена, правильность связи мыслей соблюдена. Однако выводное суждение ложное. Ложность выводного суждения объясняется ложностью одной из посылок, а именно, посылкой, утверждающей, что металлы непроводники электричества.

Точно такое же положение имеем в следующем примере:

Только металлы — проводники электричества
Железо — не металл

Железо — непроводник электричества.

И в данном умозаключении связь мыслей, связь посылок с выводом правильна, последовательность хода мысли не нарушена. Однако и тут вывод не соответствует действительности, так как обе посылки ложные. Следовательно, одна только правильность построения мысли, последовательность мысли не обеспечивает истинности вывода. Поэтому рассуждение, отливающееся в форму умозаключения, может быть правильным, последовательным и с этой точки зрения бесспорным, но все же ложным, не соответствующим действительности.

В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», разбирая взгляды махистов, пишет: «... если молекулы, атомы,

словом, химические элементы, нельзя ощущать, то они значат только мыслительные вещи (das bloße gedachte). А раз это так, и раз пространство и время не имеют объективно реального значения, то ясно, что вовсе не обязательно представлять себе атомы пространственно». Относительно этого умозаключения махистов Ленин замечает: «Рассуждение с точки зрения того прямого и незапутанного махизма, который был защищаем Махом в 1872 г., совершенно бесспорное».¹

Ход рассуждения, последовательность мыслей, следование одних мыслей из других, по словам Ленина, бесспорное, то-есть из определенных принятых посылок, а именно:

1. Атом, молекулы существуют в мысли.

2. Пространство и время не имеют объективно реального значения
следует—3. Во все не обязательно представлять себе атомы пространственно.

Следование одних мыслей из других бесспорное, но это, конечно, не значит, чтобы что-либо тут было истинным. Ни посылки, ни заключение тут не истинны. В данном случае нельзя говорить о какой-либо истине, несмотря на то, что рассуждение, умозаключение правильное.

Таким образом, правильное мышление, или, что то же, правильная связь мыслей, правильное построение мыслей не является достаточной гарантией истинного познания, достижения истины.

До сих пор мы рассматривали только одну сторону процесса умозаключения: правильность, последовательность связи мыслей и пришли к выводу, что только правильная связь мыслей или, как ее часто называют, логическая связь мыслей не дает гарантии истинности познания. Обратим внимание на другую сторону того же вопроса: можно ли достигнуть истинного познания — дело идет о выводном знании — без правильного мышления, без последовательной связи мыслей. Возьмем для иллюстрации следующий пример:

Некоторые цветы красивы
Некоторые красивые (вещи) пахучи

Некоторые цветы пахучи

В этом умозаключении и посылки и вывод — истинные суждения. Мысли, выраженные в этих суждениях, соответствуют действительности, отражают ее. Но стоит немного подумать и проанализировать данное умозаключение, как сразу станет ясно, что оно не правильно, последовательность мысли нарушена. Из данных посылок вывод вовсе не следует. Посылки вовсе недостаточны для обоснования вывода. Знание, получен-

¹ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. 1939 г., стр. 118.

ное с помощью умозаключения, то-есть выводное знание только тогда можно считать подлинным знанием, если оно обоснованно, то-есть, если оно следует из посылок с необходимостью. Но ведь выше мы утверждали, что необходимое следование вывода из посылок не гарантирует истинности вывода, так как посылки могут быть ложными. Следовательно, чтобы выводное, опосредствованное знание было подлинным знанием, знанием, отражающим действительность, должны быть соблюдены два условия: 1. Посылки должны быть истинными и 2. Ход мысли, связь мыслей должна быть правильной. Достаточно нарушить одно из этих условий, как истинность опосредствованного, выводного знания станет сомнительной.

Только в том случае, если исходные положения истинны и ход мыслей правильный, у нас есть полная гарантия открытия новой истины, расширения нашего знания. «Если наши предпосылки верны, и если мы правильно применяем к ним законы мышления,— писал Энгельс,— то результат должен соответствовать действительности».¹

Истинность содержания посылок и правильность связи мыслей органически связаны друг с другом в процессе познания. Только одна правильность формы мыслей, правильность, последовательность мыслей, правда, не дает гарантии истинности наших знаний, но, как мы видели, она — необходимое, хотя и недостаточное условие познания. Конечно, можно оторвать правильность от истинности, но процесс познания в таком случае не осуществится. В таком случае мы будем иметь не науку логики, изучающую условия и законы правильного построения мыслей, ведущих к подлинному знанию, а бессодержательную, схоластическую и формалистическую игру в понятия, следование одних мыслей из других, не имеющих никакого значения для живого процесса познания.

Некоторые логики отождествляют правильность, последовательность мышления с истинностью. Но, как мы уже указывали, одна только последовательность мыслей, только правильная связь мыслей не гарантирует их истинности. Отождествление правильности и истинности приводит к неприемлемым результатам, а именно, к тому положению, что для достижения истины достаточно правильно, последовательно мыслить, что соблюдение правил логики достаточно для познания действительности. Неприемлемость, ошибочность, реакционность разных философских систем, как, например, идеализма, агностицизма, механицизма и т. д., нельзя объяснить тем обстоятельством, что авторы этих систем не мыслили логически, последовательно. Правда, часто эти философы впадали в противоречия, сознательно или несознательно наруша-

¹ Энгельс. Анти-Дюринг. Приложения, 1938 г., стр. 287.

ли правила логического мышления, однако не в этом была их главная ошибка. Очень часто они мыслили вполне последовательно, опираясь на определенные основания, и тем не менее создавали ложные теории. Происходило это потому, что основания, из которых они выводили последовательно свои положения, были ложны, обуславливались классовыми интересами и классовой идеологией.

Нельзя утверждать, что представители господствующего класса современных империалистических государств, политики, идеологи, создающие разнообразные реакционные теории, только тем и заняты, что совершают логические ошибки, мыслят неправильно, непоследовательно. Если бы это было так, то против них нужно было выставить преподавателей логики, которые указали бы на логические ошибки в их рассуждениях. Конечно, эти политики и идеологи часто прибегают к софизмам, жонглируют понятиями и т. д., так как им нужно оправдать в глазах народа, в глазах масс свою хищническую, антинародную, агрессивную политику. Это, так сказать, показная сторона, это речи, с которыми они выступают перед массами на международных совещаниях, где они стремятся доказать свое миролюбие, приверженность демократии, справедливости и т. д.

Но за этой показной стороной, на своих тайных совещаниях, где разрабатываются планы эксплуатации масс, эксплуатации колоний, завоевания господства над миром и т. д., они, исходя из своих классовых интересов, как оснований, мыслят правильно, логически, и если их планы не осуществляются, — они, конечно, обречены на провал, — то в этом повинно, конечно, не столько незнание логики, неумение последовательно мыслить, сколько классовая ограниченность, классовые интересы, как основания, которые противоречат законам развития действительности.

Теория, в которой встречаются непоследовательность, нарушение правильной связи мыслей, нарушаются правила логического мышления, — не научная теория. Но это положение нельзя обратить и сказать: всякая научная теория — это такая теория, в которой не нарушаются правила логического мышления. Теория может быть ненаучной и в том случае, если последовательность и связь положений в этой теории логичны. Если основания, на которые опирается эта теория, ложны, искажают действительность, то дальнейший ход мыслей, как бы он ни был правильным, логически последовательным, не сделает ее истинной.

4. О так называемой формальной истине.

В буржуазной логике распространен взгляд, что существует двоякая истина и поэтому двоякий критерий истины.

Этот взгляд в популярном виде изложен в учебнике логики Челпанова. Челпанов писал: «Мы считаем какое-либо положение истинным материально, когда оно соответствует действительности или вещам. Мы считаем то или другое заключение истинным формально в том случае, когда оно выводится с достоверностью из тех или иных положений, т. е., когда верен способ соединения мыслей, самое же заключение может совсем не соответствовать действительности. Те правила, которые указывают, когда получаются заключения истинные формально, мы можем назвать формальными критериями истинности; те правила, которые определяют материальную истинность, мы можем назвать материальными критериями истинности».¹

Челпанов, правда, говорит, что существуют «правила, которые определяют материальную истинность», но он нигде не старается установить и перечислить эти правила. В этом отношении логики более раннего периода были более последовательными, когда они вообще отрицали «материальный критерий» истинности. Кант, например, утверждал, что «всеобщий материальный критерий истинности невозможен, это было бы даже противоречием».² Что касается формальной истинности, то она «состоит исключительно в согласии знания с самим собой, при полной абстракции от всяких объектов вообще и от всех их отличий».³

Теория, утверждающая существование двоякой истины, истины формальной и истины материальной, причем между этими истинами нет и не может быть никакой связи, в корне ошибочна. Это — точка зрения идеализма и формализма. Истина одна: она — отражение действительности в человеческом сознании; она объективна, так как в человеческом мышлении есть содержание, не зависящее ни от человека, ни от человечества, а обусловленное объективной действительностью. Она, эта истина, относительна, так как ограничена рамками эпохи, но содержит в себе зерна, частички абсолютной истины. И единственным критерием истины является общественно-историческая практика. Никакой формальной истины не существует, так же как не существует формального критерия истинности.

Что касается правильности и последовательности наших мыслей, правильности связи и построения мыслей, то она, правильность, еще не истина, а необходимое условие истинности наших суждений, она — одна сторона, один момент истинного знания. Рассуждение правильное по форме и истинное по содержанию — это две стороны.

---

¹ Челпанов. Логика, 1946 г., стр. 6.

² Кант. Логика, стр. 43.

³ Там же, стр. 44.

процесса познания. Одна только правильная форма, взятая отдельно, вне истинных исходных положений, посылок, — пустая бессодержательная форма. Процесс познания не может осуществиться, если, рассуждая об истинном, мы будем рассуждать логически неправильно; и, наоборот, если, рассуждая о ложном, мы будем рассуждать логически правильно.

Истинное знание осуществляется единством мышления, правильного по форме и истинного по содержанию исходных положений.

5. Формализм отождествления правильности и истинности

Правильность характеризует не содержание мысли, а логическую форму. Содержание мысли всегда конкретно: оно всегда отражает конкретные вещи и явления; даже в том случае, когда мысль высказана не об отдельных вещах и явлениях, а об общих и тождественных явлениях. Если мы высказываем мысль о том, что металлы проводят электричество, или, что базис определяет надстройку, или, что язык не является классовым, то мы утверждаем нечто общее о металлах, а не о данном куске железа, говорим вообще о базисе, а не только о капиталистическом базисе, говорим вообще о языке, а не только о русском языке. То-есть, содержание мыслей касается определенных вещей, независимо от того, единичны ли эти вещи, индивидуальны или общие.

Иное положение имеем мы в логической форме. Тут можно провести аналогию между логическими и грамматическими формами. «Отличительная черта грамматики, — писал И. В. Сталин, — состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она дает правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретно, как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетания слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы. Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления».¹

---

¹ Сталин. Относительно марксизма в языкознании. Изд. «Правда», 1950 г., стр. 22.

На самом деле, возьмем для примера известную логическую форму:

$$\begin{array}{l} 1. \text{ а есть в} \\ \quad \text{в есть с} \\ \hline \text{а есть с} \end{array}$$
$$\begin{array}{l} 2. \text{ а есть в} \\ \quad \text{с есть в} \\ \hline ? \end{array}$$

Что мы мыслим под а, в, с,? Конечно, не конкретные вещи и явления, как, например, Сократа, смертность, металл, проводник электричества и т. п. В этих логических формах, в данном случае умозаключениях, связаны понятия, которые имеют в виду не конкретные вещи и явления, подобные перечисленным выше, а вообще вещи и явления без всякой конкретности. Абстрагируясь от частного и конкретного, логическая форма отражает то общее, что лежит в основе связей и отношений между вещами и явлениями. Благодаря этим формам, человеческое мышление получает возможность облечь свою мысль в правильную, последовательную оболочку.

Логические формы, конечно, не классовые; они не принадлежат к надстройкам базиса. И древние греки мыслили этими формами, — кстати Аристотель впервые исследовал и открыл некоторые из этих форм, — и люди двадцатого века мыслят при помощи этих форм. Эти формы — общечеловеческие; всякий нормальный человек мыслит при помощи этих форм.

Правда, представители реакционной буржуазии, философы, социологи, политики для «обоснования» своих теорий, взглядов, для оправданий своих действий прибегают часто к софизмам, к подмене понятий, иногда даже отрицают логику, впадая в алогизм и т. д., но это не значит, что они мыслят другими формами; они просто нарушают законы логического мышления, «они не в ладу с логикой».

Но если логические формы не относятся к надстройкам базиса, если они не классовые, а общечеловеческие, то это еще не значит, что объяснение, интерпретация этих форм, теория логических форм не относится к надстройкам базиса, что она не классовая.

Логика, как наука о логических формах, — классовая наука. Одно дело — логическая форма

$$\begin{array}{l} \text{а есть в} \\ \text{в есть с} \\ \hline \text{а есть с,} \end{array}$$

по которой мыслит всякий нормальный человек, другое дело — объяснение факта необходимости следования суждения «а есть с» из данных двух суждений. Что заставляет нас мыслить по этой форме? Априорная закономерность нашего мышления, как это утверждал Кант и вместе с ним многие

идеалисты? Является ли эта форма априорной формой нашего рассудка, не имеющей ничего общего с объективной действительностью? Или, быть может, она — форма «экономного» мышления, созданная мышлением для удобства описания, ради удобного упорядочения ощущений?

Марксистский философский материализм, отвергая все эти и им подобные идеалистические извращения сущности логических форм, утверждает, что логические формы выражают отношения вещей, что «практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики».¹

Таким образом, как только возникает вопрос об объяснении, теории логических форм, сразу обозначаются две основные линии в логике: линия материализма и идеализма. Борьба материализма с идеализмом, отражающая в своеобразной форме борьбу классов в обществе, красной нитью проходит через всю историю логики. «Сама формальная логика являлась, начиная с Аристотеля и до наших дней, ареной ожесточенных споров», — писал Энгельс.²

Мы уже говорили о том, что логическая форма абстрагируется от конкретных вещей, как грамматическая форма от конкретных слов и конкретных предложений. Конкретные вещи и явления и их сущности, как общее и тождественное в них, — многообразны, многообразны. Но, несмотря на различие, они обладают, как вещи, явления, сущности, общими чертами, которые проявляются в их связях и отношениях. Так, если *a* имеет определенное отношение к *b*, а *b* в такое же отношение к *c*, то тогда *a* имеет такое же отношение к *c*. Такая связь между *a*, *b* и *c* объективна и характеризует вещи как таковые, а не ту или иную вещь. В логической форме, в данном случае, в форме умозаключения отражается с помощью понятий *a*, *b*, *c* эта связь вещей вообще. В практике человечества эти связи между конкретными вещами, повторяясь миллиарды раз, отложились в виде фигур умозаключения.

Связи и отношения вещей и явлений многообразны, а потому многообразны и логические формы. Та же практика, повторяясь миллиарды раз, отложилась в нашем сознании в виде неправильной фигуры

a есть *b*

c есть *b*

?

так как в объективной действительности две различные вещи (*a* и *c*) могут иметь связь с одной вещью (*b*), но эти две ве-

¹ Ленин. Философские тетради, стр. 152.

² Энгельс. Диалектика природы. 1936 г., стр. 70.

ши (а и с) могут иметь, а могут и не иметь связи друг с другом.

Таким образом, ясно, что логическая форма обусловлена связями и отношениями вещей и явлений, как вещей и явлений вообще, и поэтому она не может гарантировать истинности утверждения о связи каких-либо конкретных вещей или явлений, выраженных в посылках. Логическая форма — форма правильного построения мысли, форма последовательной связи мыслей, отражающая формы связей и отношений между вещами, гарантирует, в случае умозаключения, истинность заключения при наличии истинности содержания посылок.

Формализмом в логике является как отрыв правильной формы от истинности содержания посылок при познании действительности, так и отождествление правильности формы и истинности содержания.

Вообще формализм заключается в признании только формы за существенное в явлении, в признании независимости формы от содержания или в обусловленности содержания формой. Так, например, логическая теория Канта, безусловно, формалистическая и идеалистическая, поскольку она отрывает форму от содержания и признает ведущее значение формы. Современная буржуазная «логика отношений» является также формалистической и идеалистической теорией, так как она признает формы мысли вне их зависимости от действительности, признает, что формы отношений, созданные мышлением, создают вещи и явления мира.

Своеобразный вид формализма культивируется в современных буржуазных учебниках логики. По аналогии с математикой, современные буржуазные логики совершенно выбрасывают понятие истинности из науки и заменяют его понятием правильности, последовательности. Иными словами, понятие истины они отождествляют с понятием правильности. «Геометрия, как математика, интересуется лишь логическими зависимостями между своими положениями, более точно — занимается логическим выводом из некоторого числа положений (аксиом) всех остальных. Об истинности предложений геометрии, как математики, можно говорить поэтому лишь условно, а именно в том смысле, что данное предложение действительно выводится из аксиом».¹

Дело в том, что аксиоматический метод в геометрии дал серьезный толчок развитию геометрии: стали возможными широкое обобщения, появились неевклидовы системы геометрии.

Все эти системы логически безупречны, из установленных аксиом логически вытекают все теоремы данной системы. Но заменять понятие истины понятием логической выво-

---

¹ Гильберт. Основания геометрии. 1948 г., стр. 12. Вступительная статья П. К. Рашевского.

димости ни в коем случае не допустимо. Ведь построенная таким образом система носит характер «гипотетически-дедуктивной», как выражаются иногда сами математики. Ведь вопрос истинности — это вопрос адекватного отражения действительности в человеческом мышлении. И поэтому, если системы геометрии логически безупречны, это еще ничего не говорит об истинности положений, теорем этих систем. Остается нерешенным вопрос о том, какая из этих систем адекватнее отражает действительность. Решение этого вопроса уже выходит за пределы данных систем геометрии; этот вопрос решает уже практика, в частности опыты, поставленные физикой.

Логическая безупречность систем геометрии не гарантирует их истинности, не дает гарантии, что они отражают действительность. Поэтому нельзя отождествлять понятие правильности с понятием истинности. Формализм заключается не в аксиоматическом построении систем геометрии, а в признании этих систем истинными за их логическую безупречность.

Отрыв логических форм от действительности, отождествление правильности хода мыслей с истинностью мыслей является одним из самых распространенных видов формализма в современной буржуазной логике.

6. Правильность связи мыслей — отражение связи вещей

Истина — адекватное отражение предметов, явлений действительности; правильность характеризует не отдельные мысли, а связь суждений, последовательность мыслей, следование одних мыслей из других. Суждения «Советский Союз — социалистическое государство», «С. Ш. Америки готовятся к агрессивной войне», «металлы проводят электричество» — истинны, так как они адекватно отражают действительность. Суждения: «в С. Ш. Америки существует демократия», «Москва севернее Ленинграда», «железо — газообразное тело» — ложны, так как они не отражают объективной действительности. Дело тут не в том, имеем ли мы правильное или неправильное построение мыслей, а в том, истинны или ложны данные мысли.

Другой вопрос, когда мы имеем дело со связью мыслей. В умозаключении:

Металлы — проводники электричества
Железо — металл

Железо — проводник электричества

связь мыслей правильна, так как из посылок вывод следует с необходимостью. В умозаключении:

Резина не проводник электричества

связь мыслей неправильна, так как вывод вовсе не вытекает из посылок; другими словами, вывод не обоснован посылками, хотя посылки и выводное суждение истинны.

Возникает вопрос, чем обусловлена правильность связи мыслей. Легко можно заметить, что правильность связи мыслей, их последовательность не зависит от нас, то-есть, не зависит от наших желаний, от наших настроений, от нашей воли: правильность связи мыслей не носит субъективного характера. Мы не можем по нашему желанию делать любые выводы из данных посылок. Если мы признали истинность положений, что война колониальных народов против колонизаторов и угнетателей — справедливая война и война индонезийского народа против американских и голландских колонизаторов есть именно такая война, мы неизбежно должны согласиться также с положением, что война индонезийского народа — справедливая война. При последовательном мышлении мы «чувствуем принуждение» мыслить так, а не иначе, что из таких-то и таких суждений вытекает с необходимостью такое-то суждение. Такая связь мыслей, их последовательность носит объективный характер. Конечно, этим мы не хотим сказать, что последовательность мыслей, связь мыслей, суждений существует независимо от нашего сознания, в объективной действительности. Мысли существуют в сознании и нигде больше; мы хотим сказать, что они не зависят от наших переживаний, настроений и т. д., что они обусловлены законами, независимыми от нашей психики, законами, которым мы подчиняемся при правильном мышлении.

Мысль о том, что правильность мышления не зависит от психических переживаний, что она обусловлена определенными законами, имеющими объективный характер, защищается многими логиками.

Но необходимый и объективный характер последовательности, правильности мышления объясняется логиками различно, смотря по тому, какую точку зрения защищает тот или иной логик, материалистическую или идеалистическую. Представитель немецкого идеализма Кант также защищает мысль о том, что следование одних мыслей из других, правильность мышления носит объективный и необходимый характер. Но эта необходимость представляет собой не что иное, как необходимость нашего рассудка; законы связи между мыслями — это законы чистого мышления. Необходимость не что иное, как всеобщность; она обусловлена не эмпирическим сознанием какого-либо индивидуума, а закономерностью челове-

ского «сознания вообще». Законы сознания априорны, они предшествуют опыту, и так как мышление людей подчиняется законам этого «сознания вообще», то эти законы имеют объективный характер. Получается странное положение: априорные законы мышления субъективны, так как они ведь законы только мышления, а не независимой от него действительности. Но так как эти законы представляют собой не законы мышления отдельных людей, но действуют вообще в человеческом сознании, то они имеют объективный характер. Теория Канта идеалистическая: основу объективной закономерности Кант ищет в субъективном, в сознании. Если закономерность — закономерность только сознания, то она субъективна и никоим образом не может стать объективной. Делу не поможет то обстоятельство, что эта закономерность характеризует не мышление отдельных людей, а человеческое мышление вообще, мышление человеческого рода. Объективность закономерности и вообще объективность чего-либо нельзя объяснить таким путем. Нелепо объяснять объективность закономерности, исходя из сознания, все равно будет ли это сознание индивидуальным или так называемым сознанием вообще.

Ленин, критикуя субъективно-идеалистическую точку зрения Богданова, пытавшегося обосновать различие между субъективным и объективным тем обстоятельством, что первое якобы связано с опытом сознания индивидуума, а второе — с опытом коллективного сознания, указывает на его основную ошибку:

«Основа объективности должна лежать в сфере коллективного опыта. Объективными мы называем те данные опыта, которые имеют одинаковое жизненное значение для нас и для других людей, те данные, на которых не только мы без противоречия строим свою деятельность, но на которых должны, по нашему убеждению, основываться и другие люди, чтобы не прийти к противоречию. Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех». В этом месте Ленин замечает: «неверно! он существует независимо от всех».¹

Объективно то, что существует независимо от сознания, а то, что существует только в сознании, — субъективно. Объективный характер последовательности, правильности мышления нельзя объяснить субъективными свойствами сознания. Идеализм не может объяснить объективный характер закономерности, необходимости.

Необходимая связь мыслей, необходимое следование одних мыслей из других можно объяснить только тем, что связь,

---

¹ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, 1939 г., стр. 79.

следование подчиняется на самом деле объективной закономерности, закономерности независимо от сознания и мышления существующей действительности. Логическое, то-есть правильное мышление не оторвано от объективной действительности, у него нет своей собственной, самостоятельной, независимой от объективного мира закономерности. Так же как изменение и развитие сознания и, в частности, мышления подчиняется законам диалектики, а эти законы представляют законы всей действительности, природы и общества, и эти же законы действуют и в области мышления, точно так же законы правильного, последовательного мышления представляют собой черты определенной стороны действительности и постольку они характеризуют и мышление.

Правильная связь мыслей — не что иное, как своеобразное отражение в нашем мышлении связей и отношений вещей и явлений действительности. Если Петр сидит рядом с Иваном, а Иван рядом с Павлом, мы заключаем, что Петр не сидит рядом с Павлом. Эта связь мыслей, безусловно, правильная, она отражает реальную, объективную связь и отношение трех вещей, в данном случае трех лиц. Именно на это указывал Ленин. Ленин писал о формах умозаключения, что они выражают «самые обычные отношения вещей».

7. Возможность истинного вывода при ложных посылках

Выше было установлено, что одно только правильное построение мыслей, их последовательность еще не гарантирует истинности познания, что правильное мышление — только одна сторона многогранного процесса познания, что только посредством единства истинности содержания исходных положений и правильности формы связи мыслей осуществляется подлинное опосредствованное знание. Это положение на первый взгляд противоречит общеизвестным фактам, а именно, фактам получения истинного вывода из ложных посылок при правильном построении мыслей. Очень легко, например, подобрать такие ложные посылки, из которых с необходимостью следует вывод и вывод этот — истинное положение. Например:

Все металлы — жидкости
Ртуть — металл
<hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/>
Ртуть — жидкость

Умозаключение это правильное и, несмотря на ложность первой посылки, вывод оказался истинным. Можно подобрать

обе посылки ложные таким образом, чтобы вывод опять оказался истинным.

Например:

Все металлы — жидкости
Вода — металл

Вода — жидкость.

Следовательно, истинное положение можно получить в выводе не только из истинных посылок, но и из ложных?! Если это так, то возникнет законное сомнение в ценности выводного, опосредствованного знания. Объяснение того обстоятельства, что из ложных посылок можно получить в выводе истинное суждение, дано уже Аристотелем.¹ Аристотель объясняет данное обстоятельство следующим образом: если **А** не есть **В** и **В** не есть **С**, то **А** все-таки может быть **С**.

Поэтому суждения **А** есть **В** и **В** есть **С** — ложны; а из этих двух суждений вытекает, что **А** есть **С**, что является истинным суждением. Точно так же: допустим **а** не равно **в** и **в** не равно **с**; но **а** и **с** равны друг другу; тогда из двух ложных суждений

а = **в** (ложное суждение)
в = **с** (ложное суждение)

следует суждение: **а** = **с**, что, по условию, истинное суждение. Но так как **а** может и не быть равным **с**, то истинность вывода **а** = **с** совершенно случайна.

Следовательно: можно и из ложных посылок получать истинные положения. Но тут нужно указать на следующее обстоятельство: получение в выводе истинного положения из ложных посылок является совершенно случайным, и нельзя поэтому на основании таких примеров установить правило: из ложных посылок с помощью правильного мышления получается истинное суждение. Если уж говорить о правиле, то в данном случае можно установить следующее правило: из ложных посылок с помощью правильного мышления можно получить и истинные и ложные суждения, причем нельзя установить, когда получается истина и когда ложь. С другой стороны, можно установить правило: из истинных посылок с помощью правильного мышления получаются с необходимостью истинные выводы. Одно это обстоятельство показывает, какое громадное значение имеют правильное мышление и его законы в процессе познания, для достижения истины.

---

¹ Аристотель. Первая аналитика, II кн., 53 в.

Однако интересно то обстоятельство, что в процессе познания мы часто прибегаем к умозаключениям с заведомо ложными посылками, а иногда к посылкам, истинность которых сомнительна. В процессе познания — именно для достижения истины — нам приходится доказывать истинные положения, опровергать ложные положения, проверять положения, истинность которых кажется нам сомнительной. И очень часто в таких случаях мы прибегаем к рассуждениям, основанным на заведомо ложных и сомнительных посылках. Так, например, часто мы прибегаем, в частности в геометрии, к доказательствам теорем «от противного», доказательствам, приводящим к нелепости. Чтобы доказать, что положение *A* истинно, мы предполагаем противное, а именно, что *A* ложно и, исходя из этой ложной посылки, делаем вывод, противоречащий данным условиям, то-есть приходим к нелепости и заключаем, что нелепость произошла вследствие нашего предположения, что *A* ложно; следовательно *A* истинно.

Таким же образом обращаемся мы с гипотезой, которая не поддается непосредственно проверке практики. Мы принимаем данную сомнительную гипотезу за истину, делаем из нее выводы и проверяем выводы на практике. Если выводы не оправдываются на практике, то мы убеждаемся в ложности гипотезы. Подробнее об этом будет изложено ниже в главах о доказательствах и гипотезе, но и тут следует подчеркнуть, что правильное мышление имеет определенную ценность в процессе познания, часто даже и в тех случаях, когда посылки ложные, именно в тех случаях, когда вопрос стоит об истинности самих посылок.

8. Возможность ложного вывода при правильном построении мыслей

В связи с вышеизложенным может возникнуть вопрос: если закономерность логического мышления имеет объективный характер, если связь и последовательность мыслей есть отражение связей и отношений вещей объективного мира, то как же может случиться, чтобы подчиняющаяся этой закономерности связь мыслей приводила к ложным выводам. Конечно, можно было бы просто разъяснить это недоразумение: ведь правильное мышление только в единстве с истинными исходными положениями обеспечивает необходимость истинного знания. Из ложных посылок, как мы видели, следуют и истина и ложь. Мысли, которые мы связываем, могут и не быть истинными, а из связи ложных мыслей нет гарантии получить непременно истинную мысль.

Получение ложной мысли в процессе закономерной связи и последовательности мысли объясняется тем обстоятель-

ством, что мы ложным мыслям, сознательно или бессознательно, приписываем объективное значение, чисто субъективному придаем объективное значение и подчиняем объективной закономерности.

Если мы ложным положениям, например, что между буржуазией и пролетариатом нет антагонистического противоречия, что они могут сотрудничать друг с другом в целях развития и процветания страны, приписали характер объективной истины, то отсюда мы должны заключить, что между ними нет и не может быть борьбы и конфликтов, что не нужна и невозможна социалистическая революция, не нужна и диктатура пролетариата для построения социализма. Если мы приняли за посылки первые положения, это значит, что мы приписали ложным суждениям характер объективной истины и подчинили их законам правильного логического мышления, мы нарушили тут не закономерности правильного мышления, а ложным суждениям приписали характер истины и по правилам логического мышления сделали вывод.

9. Логика и психология

Объявив мышление — хотя бы и правильное — предметом логики, мы принуждены поставить вопрос о взаимоотношении логики и психологии. Ведь предметом психологии является психика: психология — наука о закономерностях психики человека. В состав психики входит и мышление. Существует целый отдел психологии, трактующий о мышлении — психология мышления. Не совпадает ли логика, как наука о мышлении, с психологией мышления?

Вопрос о соотношении логики и психологии был одним из актуальных вопросов в истории логики, в частности в истории логики конца XIX и начала XX вв. В борьбе различных направлений особенно выделались так называемые психологистическое и антипсихологистическое направления. Представители психологизма защищали точку зрения, согласно которой логика есть часть психологии, прикладная психология, или наука, построенная на принципах психологии. Логика не является самостоятельной наукой. Соотношение между психологией и логикой такое же, как между целым и частью. Или иначе: психология — наука, что же касается логики, то она представляет собой применение принципов психологии в определенных целях; а также: психология — наука, логика же искусство применять принципы психологии в определенной сфере. Основной аргумент психологистов таков: логика имеет дело с мышлением, мышление же — психический процесс, и поэтому логика — часть психологии, так как психику изучает психология.

Антипсихологисты защищали самостоятельность логики от притязаний психологии. Логика, утверждали они, самостоятельная наука, независимая от психологии. У логики и психологии различные объекты изучения, невозможно их смешивать, нельзя объявлять логику частью психологии.

Из наших, советских логиков эту точку зрения защищает проф. Строгович. Он старается обосновать положение о различии между логикой и психологией следующим образом. Во-первых, говорит он, логика отличается от психологии тем, что логика изучает только законы мышления, в то время как психология изучает законы всей душевной жизни человека, то-есть, изучает не только мышление, но и эмоции, чувства, волю и т. д.¹ Второе отличие заключается в том, что психология изучает мышление, как психическую деятельность, как естественный процесс, как он фактически протекает. Логика же изучает законы не всякого мышления, а только законы правильного мышления, то-есть, те необходимые формы, которые гарантируют правильность мышления, согласованность мыслей, правильность вывода одной мысли из другой.²

Оба аргумента, приведенные проф. Строговичем для доказательства самостоятельности логики и против притязаний психологии, говорят скорее в пользу психологизма. Эти аргументы доказывают в сущности не то, что желает доказать проф. Строгович, а обратное, именно, что логика есть часть психологии.

Если логика отличается от психологии тем, что первая изучает законы только мышления, а психология изучает законы всей душевной деятельности человека, то-есть изучает также и законы мышления, то ясно, что логика — часть психологии.

Что касается второго аргумента, а именно, что логика изучает правильное мышление, психология же — мышление вообще, мышление как естественный процесс, то и он приводит к аналогичному заключению. Ведь правильное мышление в конце концов есть мышление и ничто другое, а мышление изучается психологией. Иначе: правильное мышление есть вид мышления, и поэтому оно должно подчиняться законам мышления, установленным психологией.

Аргументация Строговича, приведенная для различия логики и психологии, представляет собой вариант того аргумента, который приводил Введенский («Логика, как часть теории познания», 1917) и который приводил Кант и потом повторяли Виндельбанд и Риккерт.

По мнению Введенского,³ логика отличается от психологии тем, что последняя изучает мышление в его естественном

¹ Строгович. Логика, стр. 11.

² Там же.

³ Введенский. Логика, как часть теории познания.

течении, безоценочным образом, первая же изучает мышление, как оно должно быть, чтобы быть правильным, с оценочной точки зрения.

Выходит, что логика и психология имеют дело с одним объектом изучения. Различие обуславливается точкой зрения. С нашей точки зрения, это рассуждение в корне ошибочно, оно насквозь идеалистично. Науки отличаются друг от друга объектом изучения, а не точкой зрения. Энгельс кладет в основу классификации наук формы движения материи. Основой различия наук должен быть объективный признак, а не субъективная точка зрения. Точка зрения не может создать объекта и его закономерность. Сама точка зрения, если она правильная, обусловлена объектом, и различные точки зрения указывают только на различные объекты. Поэтому или мышление — один объект изучения и его изучает одна наука и различные точки зрения не смогут создать из него двух предметов — предмета логики и предмета психологии, или же термин «мышление» употребляется в двух различных смыслах, означающих два различных объекта, и тогда различие между логикой и психологией становится очевидным.

Мышление — психический процесс и постольку — оно предмет психологии и предметом другой науки стать не может. Как один объект изучения оно подчиняется одной определенной закономерности. Две различные науки не могут изучать одну и ту же закономерность: одна из них будет излишней. Можно возразить, что человек представляет собой один «предмет», но этот предмет изучается двумя науками: биологией и социальной наукой. На самом деле тут два предмета изучения, человек как биологическое существо со своей закономерностью и человек как социальное существо со своей, совершенно отличной от биологической, специфической закономерностью.

Если это так, то следует признать, что логика не может и не должна изучать тот же предмет, который изучается психологией.

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» различает акт мышления от содержания мышления. Говоря об объективной истине, Ленин ставит вопрос: «Существует ли объективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества».¹

Известно, что Ленин решает этот вопрос в положительном смысле. Мышление как процесс мышления — психический процесс, индивидуальный процесс, и он подчиняется своим особым закономерностям. Но в этом мышлении — «в человеческих представлениях» — возможно такое содержание;

¹ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. 1939 г., стр. 79.

которое не зависит от психики, от человека, от человечества. Содержание этого мышления не субъективно, оно имеет объективный характер и, именно, эти содержания, связи этих содержаний, связь выведения одного содержания из другого или других, является тем объектом, который изучается логикой. Конечно, это содержание мышления дается всегда в облачении психики того или иного индивидуума, но это не значит, что оно зависит от закономерности его психики, оно всецело определено закономерностью объективной действительности. Мышление как психический процесс не может быть ни истинным ни ложным, ни правильным ни неправильным. Оно просто часть действительности, которая изучается определенной наукой, психологией, положения которой могут быть истинными — в случае адекватного отражения действительности мышления, а могут быть и ложными.

Истинными могут быть содержания нашего мышления («объективная истина как содержание в человеческих представлениях»), т. е. отражения предметов и явлений действительности с помощью мышления, но не само мышление.

Очень часто высказывание Ленина о «содержании, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества» понимается в том смысле, что, якобы, Ленин говорит тут об объективной действительности, существующей независимо и вне сознания человека. Нет ничего ошибочнее этого взгляда! Ленин говорит тут об истине; истина — отражение действительности в сознании человека. Объективность истины заключается не в существовании истины независимо, вне сознания — вне и независимо от сознания существует не истина, а материальный мир, который отражается в сознании, — а в адекватном отражении объективного мира в сознании. Это адекватное отражение и есть то содержание, о котором говорит Ленин. Ведь Ленин ставит знак равенства между «объективной истиной» и «содержанием человеческих представлений», которое не зависит от человека и человечества. Ленин пишет: «Существует ли объективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание» и т. д. Вот это содержание, охарактеризованное так-то и так-то, и есть объективная истина, и поэтому оно находится в сознании, а не вне и независимо от сознания. Оно, это содержание, как объективная истина не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества, а определено объектом.

В отличие от мышления, содержания мышления называются мыслями. Поэтому мы и говорим: истинная мысль, а не истинное мышление. Мысли могут быть истинными или ложными, смотря по тому, отражают они адекватно действительность или нет. Связь мыслей может быть правильной или неправильной, смотря по тому, характеризует их последова-

тельность или нет, связаны ли они таким образом, что из одних мыслей вытекает с необходимостью новая мысль или нет. Не требуется большого наблюдения для того, чтобы сделать различие между мышлением и его содержанием, т.е. мыслью, в частности, между представлением и его содержанием. Представление как процесс представления всегда субъективно. Содержание представления может быть и субъективным и объективным, независимым ни от человека, ни от субъекта, ни от человечества. Представление квадрата, у которого диагонали взаимно перпендикулярны, капитализма, в котором производство носит общественный характер, а присвоение — частный, о Советской стране как стране подлинной демократии, представление о ведьме, летающей на метле, о стирании классовых противоречий при капитализме и т. д. — все эти представления как процессы представления субъективны, в то время как содержание первых трех представлений объективно, не зависит от субъекта, от психики человека, а содержание двух последних представлений субъективно. Первые представляют собой объективную истину. Истина объективна не в том смысле, что она существует независимо от сознания, мышления, как природа и общество, она объективна потому, что в человеческих представлениях, в мышлении существует «такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества», а обусловлено объектом.

К этому можно добавить следующее: процесс мышления как психический процесс, который протекает в сознании какого-либо человека, настолько индивидуален, настолько субъективен, что его повторение в том же виде в сознании другого человека абсолютно исключено. Что же касается содержания мышления, самой мысли, отражающей действительность, она может мыслиться и действительно мыслиться многими.

Традиционное определение логики — «логика есть наука о законах и формах правильного мышления» — можно признать правильным при таком понимании смысла терминов, которые мы установили выше.

Это предварительное понятие логики и её предмета не будет полным, если мы специально не разберем одного вопроса, который имеет существенное значение для правильного понимания логики как науки и её предмета — правильного мышления. Дело в том, что к сущности логики как науки принадлежит тот признак, что логика как наука о правильном мышлении есть наука о познании. Ведь мышление, тем более правильное мышление, как связь и последовательность мыслей служит целям познания, целям достижения истины. Иначе логика превратилась бы в пустую, схоластическую игру понятий, в своего рода задачу о возможных комбинациях

понятий, суждений, вообще мыслей. По такому пути идея формалистическая логика вообще и, в частности современная, главным образом, англо-американская формалистическая логика. Конечно, мы можем связывать любые мысли, как истинные, так и ложные, и делать выводы по правилам логики. Но правильное мышление нас интересует не само по себе, а как средство познания, как необходимое средство достижения истины. И в этом отношении нужно поставить вопрос о связи между правильным мышлением и процессом познания, процессом достижения истины. Нужно поставить вопрос о роли правильного мышления, о его месте в процессе познания нами действительности. Этот вопрос можно разрешить, только разрешив вопрос о соотношении логики и диалектики.

10. Соотношение логики и диалектики

Классики марксизма-ленинизма считают логику философской наукой, которая имеет дело с определенной частью действительности.

Энгельс, характеризуя старую философию, потерпевшую крушение, и противопоставляя ей «современный материализм», который является «по существу диалектическим», приходит к выводу, что диалектический материализм «не нуждается в стоящей над прочими науками философии. Когда перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место в общей системе вещей и знаний, какая-либо особая наука об этой общей их связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет наука о мышлении и его законах, т. е. формальная логика и диалектика, все же остальное входит в положительные науки о природе и истории».¹

Энгельс вполне определенно говорит о том, что с точки зрения новой, марксистской философии самостоятельными философскими науками остаются логика и диалектика.

¹ Энгельс. Анти-Дюринг. I, Общие замечания, 1948 г., стр. 25.

Несмотря на точное указание Энгельса, что речь идет о диалектическом материализме, что с точки зрения марксистской философии в качестве самостоятельных наук остались логика и диалектика, некоторые логики своеобразно толкуют это место. Именно, эти логики утверждают, что слова Энгельса не относятся к марксистской философии, а «к прежней философии»; ведь речь идет о гегелевской философии, утверждают они: О какой философии говорит Энгельс? «Уразумение того, что господствовавший до тех пор в Германии идеализм совершенно ложен, должно было неизбежно привести к материализму, но, разумеется, не к простому метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно-революционному простому отрицанию всей протекшей истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества, причем его задачей является открытие законов движения этого процесса. В противоположность господствовавшему у французов XVIII века и еще у Гегеля представлению о природе, как о всегда равном себе целом, неизменно

С другой стороны, Энгельс называет и определенную область, которую изучает логика. Эта область — мышление и его законы. Вообще предметом познания являются «мир и законы мышления».¹ Все знание опирается, в конечном счете, на опыт; причем, опыт двойного рода: внешний и внутренний. Внутренний опыт—это законы мышления и формы мышления; внешний мир — это природа и общество.²

Несмотря на это, некоторые исследователи нигилистически смотрели на логику, видя принципиальное противоречие между логикой и диалектикой, и рассматривали первую как ложную науку, построенную на принципах метафизического способа мышления. Мысль о том, что формальная логика находится в принципиальном противоречии с диалектикой и поэтому признание принципов первой означает отрицание принципов последней, вытекает из мировоззрения Гегеля и так же ошибочна, как и вся его система. Правда, Гегель часто пишет об определенном значении так называемой формальной логики. Изучение формальной логики, думает Гегель, приносит, бесспорно, свою пользу. Она, так сказать, очищает голову, учит сосредоточиваться, отвлекаться и т. д. Формальная ло-

движущаяся в одних и тех же ограниченных кругах с вечными мировыми телами, как учил о них Ньютон, и с неизменными видами органических существ, как учил о них Линней, современный материализм связывает в одну систему все новейшие успехи естествознания, согласно которым природа тоже имеет свою историю во времени, небесные тела, как и все виды организмов, населяющие их при благоприятных условиях, возникают и исчезают, и эти движения по кругам, поскольку представление о них вообще допустимо, принимают бесконечно большие размеры. В обоих случаях материализм является по существу диалектическим и не нуждается в стоящей над прочими науками философии. Когда перед каждой отдельной наукой ставится требование выиспать свое место в общей системе вещей и знаний, какая-либо особая наука об этой общей их связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет лишь наука о мышлении и его законах, т. е. формальная логика и диалектика.» (Подчеркнуто мною. — К: Б.).

Ясно, о какой философии говорит Энгельс! Энгельс кратко характеризует современный материализм, т. е. свою точку зрения, и утверждает, что с этой точки зрения остались логика и диалектика. Утверждают также, что тут Энгельс говорит не о двух науках, а об одной, именно о «науке о мышлении и его законах». Но во-первых, Энгельс называет две науки, науку логики и диалектику. Во-вторых, в главе десятой первого отдела Энгельс, говоря об этих науках, прямо пишет о науках, а не о науке. «В предшествующем обзоре мы могли бы еще упомянуть науки, исследующие законы человеческого мышления, т. е. логику и диалектику».

„Wir hätten oben noch die Wissenschaft erwähnen können, die die Gesetze des menschlichen Denkens untersucht, also Logik und Dialektik“ Engels, Herrn Eugen Dühring и т. д., 79. Moskau. 1939.

¹ Там же, 1933 г., стр. 285.

² Там же, стр. 286 — 7.

гика есть логика рассудка. Нужно признать истину самого рассудка, потому что ни в теоретической, ни в нравственной области нельзя дойти ни до чего твердого и определенного без рассудка. Чтобы узнать предмет, необходимо уловить его определенные различия. С этой точки зрения, рассматривая природу, различают и разграничивают разные вещества, силы, роды и т. д. Мысль, действующая таким образом, есть рассудок, и она руководствуется при этом началом тождества. Рассудок — низшая форма мысли. Рассудок связан с характером: чтобы действовать с успехом, необходимо иметь характер, а человек с характером есть человек с рассудком. Он полагает себе определенные цели и с твердостью преследует их.

Несмотря на такие высказывания, которые показывают, что Гегель признавал определенное значение и пользу логики, окончательная оценка им логики, безусловно, отрицательная.

С точки зрения Гегеля, бытие совпадает с мышлением, онтологическое с логическим: все попадает в сферу логического. Логика — система чистых определений мышления; другие науки можно рассматривать как прикладную логику. Цель этих наук — узнать логические формы в созданиях природы и духа, потому что все эти создания служат только особенным выражением форм чистой мысли. Логическое есть дух и его развитие; развитие духа есть процесс самопознания. Поэтому, рассматривая этот аспект философии Гегеля, мы узнаем, что история развития логического или духа, есть история развития науки, и абсолютный дух — не что иное, как наука; наука же — логика. Понятно, какую позицию должен был занять Гегель по отношению к формальной логике.

Формальная логика — логика рассудка. Она пригодна — если только пригодна — в начале познания, для настоящей, истинной науки она вовсе не пригодна. Для научного познания формальная логика — преодоленная ступень. Она — орудие, орган здравого смысла, но не философии и науки. Формальная логика душист, искажает действительность. Формальная логика — логика метафизического способа мышления. Она рассматривает мышление как субъективную деятельность, которая прилагается к вещам, и поэтому она ненаучна, она ложна, так как она не понимает, что мысль объективна, что она составляет сущность вещей и всеобщую сущность духа.

Обсуждая так называемые законы мышления, Гегель называет их законами формальной, абстрактной, рассудочной мысли. Ни один из этих законов не является на самом деле законом мысли и законом бытия. Они являются законами бессодержательной мысли, а так как мысль всегда имеет содержание, они не могут быть принципами мысли. Например, закон тождества в его позитивном выражении $A = A$ прежде

всего пустая тавтология, он не имеет содержания и никуда не ведет. Выражения, которые основываются на этом мнимом законе, справедливо признаются нелепыми. Школа, которая допускает такие законы, и логика, которую она серьезно преподает, давно потеряли доверие здравого смысла, равно как и разума.

Такова оценка логики, данная Гегелем. Основная ошибка Гегеля — его идеализм: единственная реальность и поэтому единственный предмет познания — логическая идея, абсолютный дух, который познается разумом, который сам является разумом и который в корне отличается от обычного мышления, рассудочного мышления. Не мышление познает действительность, — ошибочно думать, что мышление, говоря словами Гегеля, прилагается к вещам, действительности, — а действительность, сама мысль, бесконечный разум познает самого себя. Критикуя старую формальную логику, которая отрывала форму от содержания, Гегель впал в противоположную крайность, отождествив форму с содержанием: в конечном итоге форма полностью совпадает с содержанием, и потому может существовать только одна логика, «наука логики», трактующая об абсолютном содержании, абсолютном духе или божестве.

Ясно, что формальная логика не может претендовать на звание философской науки; она — пройденный этап в развитии духа, пережитый момент в жизни духа. Положение, что все этапы развития духа сохраняются в виде моментов на высшей ступени развития, остается красивой фразой, не имеющей никакого применения вообще и, в частности, по отношению к формальной логике. Формальная логика остается за бортом науки, философии; она потеряла доверие даже со стороны здравого смысла.

Гегель отождествляет формальную логику с метафизикой. Формальная логика — теория метафизического мышления; его «орган» — рассудок, который «упорно отвергает диалектику», противоречит разуму. Гегель не видит, что формальная логика только исторически была связана с метафизикой. Метафизическая интерпретация формальной логики, конечно, не только возможна, но она существовала и ныне существует. Но формальная логика так же мало повинна в метафизической интерпретации ее положений, как мало повинна наука механики в механистическом истолковании действительности.

Традиция считать формальную логику теорией метафизического способа мышления идет от Гегеля. И, несмотря на определенную роль, которую сыграл метафизический способ мышления в развитии научного познания, на современном этапе развития науки он ненаучен, он в корне противоположен единственно научному способу мышления — диалектиче-

скому способу мышления и поэтому должен быть отвергнут. Вместе с ним отвергается и формальная логика, как его логическая теория.

Проблема соотношения логики и диалектики весьма актуальна. Вне решения этой проблемы невозможно построить систему логики, которая удовлетворяла бы принципам марксистско-ленинской философии, принципам советской науки.

Для правильного решения вопроса в первую очередь необходимо точное определение соотносящихся понятий. В проблеме взаимоотношения логики и диалектики нужно уточнить смысл понятий, о которых идет речь.

Диалектика — наука о наиболее общих законах движения и развития действительности, природы, общества и мышления. Но в данном вопросе речь может идти не о всей диалектике в целом, а только о диалектике как теории познания. Конечно, мы не ставим вопроса о взаимоотношении логики и диалектики природы или логики и диалектики общества (исторического материализма). Тут мы имеем в виду только одну сторону диалектики, именно, диалектику как науку о мышлении. «И тогда из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет лишь наука о мышлении, т. е. формальная логика и диалектика...» (Энгельс). В этом смысле диалектика есть теория познания. Поэтому наша проблема принимает вид взаимоотношения логики и диалектики как теории познания.¹

Что касается логики, то она, как мы уже выяснили выше, — наука о правильном мышлении. Правильное мышление — необходимое условие достижения истины, но оно недостаточно условие. Что такое познание, что такое истина, какова истина, каков путь познания действительности, каковы взаимоотношения между ощущениями, восприятиями и мышлением в процессе познания и в процессе развития сознания, каковы критерии истины и т. д. — все эти вопросы решает не логика, а диалектика как теория познания.

Вкратце уже было разъяснено и то обстоятельство, что правильность характеризует связь мыслей, последовательность их, что проявляется в умозаключении; что, строго говоря, понятие правильности неприменимо к суждениям; к ним применимы категории истинности и ложности. Поэтому основным объектом логики нужно считать умозаключение. Если принять эти положения, то решение нашей проблемы не должно вызывать затруднений. Достаточно опереться на ленинскую характеристику пути познания. Путь познания таков: от живого созерцания к абстрактному мышлению, а от

¹ «Диалектика и есть теория познания... марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах». Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 329.

сюда к практике. Мы уже подробно рассмотрели это положение: путь от живого созерцания, т. е. от единичного, отдельного, от данного непосредственно к общему, к сущности, к тому, что не дано непосредственно, осуществляется с помощью абстрактного мышления. Это осуществление принимает всегда форму умозаключения.

Конечно, тут нет речи о том, каков путь исторического развития сознания вообще, как из ощущений, восприятий возникает мышление, это — вопрос диалектики. Вопрос касается всякого конкретного процесса познания, в котором мы, опираясь на данные ощущений и восприятий, открываем общее, сущность. Возможность перехода от единичного к общему, от явления к сущности обоснована принципами марксистско-ленинской философии, диалектическим учением о единстве единичного и общего, явления и сущности. Ни одно философское направление, кроме учения марксизма-ленинизма, не способно объяснить возможность этого перехода. Что касается формы перехода, то, как уже было указано, она всегда является умозаключением. Форма данного умозаключения обусловлена данным содержанием. Переход от абстрактного мышления к практике также всегда принимает форму умозаключения. Общее положение, добытое с помощью абстрактного мышления, должно быть проверено на практике, т. е. должно быть применено к действительности. Применение общего положения к действительности есть, как правило, применение его к единичному, отдельному явлению. Форма умозаключения, в данном случае, также обусловлена данным ходом процесса познания.

Вышеизложенное приводит нас к решению поставленной проблемы. Диалектика как теория познания изучает единый, многогранный процесс познания, решает вопрос об истине: что такое истина, какова истина и т. д. Но в процессе познания осуществляется двойной переход, переход от живого созерцания к абстрактному мышлению, а отсюда к практике; и этот переход в обоих случаях осуществляется с помощью умозаключения. Формы, законы и правила умозаключения представляют собой основной предмет логики. Таким образом, предмет логики составляет определенный, необходимый момент процесса познания, который является предметом диалектики как теории познания.¹

Если оторвать этот момент от полного содержанием процесса познания, то получится метафизическое, формалистическое учение о правилах следования одного предложения из других или техническое учение о правилах вывода. Такое учение стремится превратить логику в специальную науку, совер-

¹ Характеристика диалектического пути познания дана тут односторонне; нас интересует в данном случае одна сторона в этом пути, именно, что умозаключение является необходимым моментом этого пути.

шенно не зависящую от общей теории познания. Конечно, сознательно или бессознательно представители таких учений придерживаются какой-либо точки зрения в философии, в частности в теории познания, и проводят эту точку зрения в учебниках логики.

Но нельзя излагать учение о понятии, суждении и т. д. и не придерживаться какой-либо определенной точки зрения. Нельзя ограничиться формальным определением понятия (хотя бы даже материалистическим, как, например: «понятие — отражение существенных признаков предмета»), изложением видов понятия, взаимоотношения между понятиями и т. д. Ведь сразу встанет перед нами вопрос: а что такое существенные признаки, являются ли они существенными, так как отражают сущность предмета, явления, или они существенны с известной точки зрения, с точки зрения нашего рассмотрения, исследования данного вопроса; что мыслится в общем понятии — класс, группа предметов или один единственный «предмет»; что мыслится, например, в понятии человека, класс людей или один единственный предмет — сущность — «животное, делающее орудия», или просто слово, термин. Ведь от того или иного решения этого вопроса зависит та или иная теория дедуктивного умозаключения и даже больше — вся теория умозаключения. Этот вопрос, поставленный в более общей форме, принимает форму вопроса о взаимоотношении общего и единичного. И, конечно, без правильного решения этого вопроса нельзя построить удовлетворительной теории умозаключения. Этот вопрос не является специальным вопросом логики; он должен быть решен в теории познания. Такое же положение в учении о суждении, умозаключении, о взаимоотношении дедукции и индукции. Легко показать, что ни один основной вопрос логики не может быть решен без тех предпосылок, которые устанавливаются в теории познания.

Логика как наука о правильном мышлении зависит от теории познания, в нашем случае, от диалектики как теории познания. Поэтому решение вопросов логики ресурсами только логики невозможно. Они разрешимы только с помощью принципов теории познания: какова теория познания, такова и система логики.

Поставленная нами выше проблема решена: предмет логики представляет собой один момент, одну сторону более обширного предмета диалектики как теории познания. Поэтому и логика как наука является моментом, частью теории познания, т. е. диалектики.

В последние годы в нашей логической литературе вопроса о соотношении между логикой и диалектикой касался в своем учебнике логики проф. Строгович.¹ Ввиду актуальности

¹ Строгович. Логика, 1949 г., стр. 60.

данного вопроса мы считаем необходимым дать критический разбор точки зрения проф. Строговича. Этот разбор даст возможность выявить более определенно и нашу собственную точку зрения.

Опираясь на высказывания Энгельса, проф. Строгович прежде всего разъясняет понятия объективной и субъективной диалектики. Объективная диалектика—это само развитие явлений объективного мира — природы и общества. Субъективная диалектика — отражение этого развития в сознании, мышлении человека, в наших понятиях, суждениях. Эта субъективная диалектика и есть то, что называется диалектической логикой.¹ Если это так, то вопрос должен быть поставлен об отношении этой субъективной диалектики (диалектической логики) к формальной логике. Она, субъективная диалектика, «будучи аналогом действительности, является единственно научным методом познания действительности».²

Что же касается формальной логики, то «в определенной области познания формальная логика находит свое полное безоговорочное применение, и ее метод достаточен для того, чтобы достигнуть истинных выводов». Эту область Энгельс определил («для наглядности и популярности») как область домашнего обихода.³

Это—условное выражение, и по мнению проф. Строговича оно означает «простые, обычные отношения вещей, с которыми человеку приходится иметь дело в своей повседневной практике, когда объекты наших мыслей выступают как сложившиеся, определенные, в течение определенного времени неизменные».⁴ В таких случаях про каждый объект можно сказать, что он есть либо его нет, обладает он таким-то свойством или не обладает.

Таким образом, логика диалектическая отражает движение, развитие действительности, борьбу в ней противоположностей, взаимосвязь, взаимозависимость явлений действительности. Логика формальная выражает простейшие отношения предметов и явлений.

В определенной области познания и на известной его ступени применение формальной логики вполне закономерно и удовлетворяет целям познания. В более широкой области и на более высоких ступенях познания формальная логика уже недостаточна. Здесь необходимо применение диалектического метода. И, наконец, «диалектическое мышление вскрывает в действительности противоречия, борьбу противоположных сил, формальная же логика при правильном ее понимании

¹ Строгович. Логика, 1949 г., стр. 61.

² Там же.

³ Стр. 64. (Подчеркнуто мною — К. Б.).

⁴ Стр. 64.

вовсе не исключает этих противоречий, она лишь не допускает противоречивых мыслей».¹

Возникает целый ряд вопросов при таком решении проблемы взаимоотношения логики и диалектики. 1) По мнению проф. Строговича на низших ступенях познания, в определенной области применение логики закономерно, на более высоких ступенях познания, в более широкой области она недостаточна: тут вступает в свои права диалектика. Где же эта граница между низшими и высшими ступенями познания, чем отличается эта «определенная область» от более широкой области? В «определенной области» применение логики правомерно, но ведь эта «определенная» область остается чересчур уж неопределенной! Проф. Строгович старается определить эту область: это область «простых и обычных отношений» предметов и явлений. Но ведь этим вопросом не решается. Возникает снова тот же вопрос: какова же эта область простых и обычных отношений вещей? 2) Диалектику нужно применить, полагает проф. Строгович, «при исследовании действительности во всей ее полноте, во всей сложности и противоречивости ее развития»; логика же имеет дело с простейшими отношениями, с областью, где нет развития, где вещи относительно неизменны. Но ведь тут нет никакого объяснения. Проф. Строгович обходит вопрос и не замечает тавтологичности своего ответа: диалектика должна быть применена там, где господствует диалектика (при исследовании действительности в противоречивости ее развития), логика же — в области, где господствует логика (при исследовании относительно неизменных вещей)! 3) Не поможет, конечно, указание на то обстоятельство, что логика имеет дело с теми простейшими отношениями вещей, с которыми человеку приходится встречаться в своей повседневной практике. Не есть ли это положение повторение старой ошибки, что диалектика, якобы, имеет дело с теорией, а формальная логика — с практикой?

Нужно сказать со всей определенностью: всякое познание как познание простых отношений между предметами и явлениями, так и сложных, как познание относительно неизменных вещей, так и вещей и явлений, изменяющихся и развивающихся, протекает согласно правилам последовательного, логического мышления.

Диалектика господствует всюду: ей подчиняются и простейшие отношения и сложнейшие отношения между вещами и явлениями. Но познание не может осуществиться вне ее подчинения принципам логики. Это значит, что принципы ди-

---

¹ Строгович. Логика, стр. 68.

алектики и принципы формальной логики не противоречат друг другу.

4) В учебнике проф. Строговича логика определяется как наука о правильном мышлении; в главе же о соотношении логики и диалектики логика превращается в науку о простейших отношениях вещей и явлений, с которыми человеку приходится иметь дело в повседневной практике. Почему правильное мышление достаточно для познания одних вещей и отношений (относительно неизменных и простых), а для других (сложных) вещей и отношений недостаточно? Какое отношение имеет классификация — и притом с неясным основанием — вещей и отношений по сложности к правильному мышлению? У проф. Строговича два понятия формальной логики. Эти понятия совершенно разные: один раз логика понимается как наука о законах правильного мышления, другой раз — как наука о простейших отношениях вещей и явлений.

Что касается правильного мышления то оно, с одной стороны, ни в какой области недостаточно для познания действительности, а, с другой стороны, во всех областях необходимое условие познания.

Ошибочность старой формальной логики заключалась не в том, что она признавала законы логического мышления — эти законы признаем и мы, — а в том, что она эти законы, характеризующие одну часть, одну сторону действительности (именно область правильного мышления), распространила на всю действительность, приписала им абсолютное значение. Но в этом повинны не принципы логики, а их интерпретация метафизиками. На деле — логика не теория метафизического способа мышления, несмотря на ее частую интерпретацию в таком смысле. Некоторые поправки, на которые указывал Ленин и которые требуются в логике, касаются ее интерпретации, а не законов и правил, которые установлены в логике.

Наконец, нужно указать на то обстоятельство, что проф. Строгович отождествляет формальную логику с метафизикой. «Для формальной логики, — говорит он, — характерно рассмотрение предметов, явлений действительности изолированно друг от друга, рассмотрение их в состоянии покоя, неподвижности, устранение всех противоречий»¹ и т. д. После этой характеристики формальной логики проф. Строгович добавляет: «Может создаться впечатление, что формальная логика несовместима с материалистической диалектикой, противоречит ей, исключается ею».²

Проф. Строгович отождествляет логику и метафизику и предупреждает читателя, что у него может возникнуть впе-

¹ Строгович. Логика, стр. 63.

² Там же.

чатленные об их тождественности! Ведь все те признаки, которыми снабдил проф. Строгович логику,— это именно те признаки метафизики, которым И. В. Сталин противопоставил основные черты диалектики в своем гениальном произведении «О диалектическом и историческом материализме» (сравни черты 1-ю, 2-ю и 4-ю).

Как было уже указано, логика — наука о формах и законах правильного мышления. Эти формы — общечеловеческие, правильное мышление протекает по этим формам и подчиняется этим законам. Эти формы и законы обязательны и для метафизика и для диалектика. Метафизик не потому метафизик, что он мыслит этими формами и подчиняется законам правильного, последовательного мышления, и диалектик не потому диалектик, что он отрицает формы логического мышления и не подчиняется законам правильного мышления. Водораздел между метафизиками и диалектиками вовсе не в этом; водораздел между ними ясно и определенно указан И. В. Сталиным в его гениальном произведении «О диалектическом и историческом материализме», где дано учение о четырех чертах марксистского диалектического метода, в отличие от метафизики.

Диалектический способ мышления, конечно, не противоречит законам и правилам правильного, последовательного мышления. Диалектическое мышление, как и всякое нормальное правильное мышление, подчиняется законам формальной логики. Подчинение этим законам — первое условие в процессе познания действительности.

Подчинение законам и правилам правильного, логического мышления является необходимым условием познания во всех областях действительности. Другой вопрос, что подчинение этим законам недостаточно для познания действительности. Только с помощью законов и правил логики нельзя решить вопроса, полезен ли дождь или вреден, возможно ли построение социализма в одной стране, хороша или плоха демократическая республика, будет ли существовать государство при коммунизме и т. д. Согласно законам правильного мышления нужно сказать, что дождь не может быть в одно и то же время, в одном и том же отношении и полезным и вредным; но когда и в каком отношении дождь полезен или вреден — это решается исследованием конкретных условий. Демократическая республика не может быть и хороша и плоха в одно и то же время, в одном и том же отношении. Когда она хороша и когда плоха, в каком отношении она хороша и в каком плоха — знание этого достигается исследованием конкретных условий места, времени, обстоятельств.

Недостаточность законов правильного, последовательного мышления для познания действительности не является не-

достатком самой логики как науки, так же как нельзя считать недостатком физики то обстоятельство, что она не занимается исследованием физиологических процессов.

У логики свой предмет, и она изучает этот предмет — формы и законы правильного мышления, формы суждения, умозаключения, формы и приемы доказательства. Ни одна другая наука не изучает и не должна изучать этот предмет. Было бы совершенно неправильным признание двух различных наук об одном и том же объекте, об одной и той же закономерности.

Законы и формы правильного мышления, логическое мышление — факт. Он изучается определенной наукой. Эта наука открывает и устанавливает определенные законы, которым подчиняется этот объект. В данном случае, эта наука — логика. Если она открыла и открывает законы правильного, логического мышления, если перед ней стоит эта задача и она справляется с ней, то зачем ей делить свой предмет изучения с другими науками. Если она не справляется со своей задачей, если она не в состоянии открыть законы правильного, доказательного мышления, то она вовсе не наука, — действительной наукой будет та наука, которая сможет изучать данный объект — правильное, логическое мышление.

Быть может, вопрос поставлен и решен метафизически. Быть может, на самом деле существуют две сферы правильного, последовательного мышления: низшая, элементарная сфера, которая является предметом формальной логики, и высшая сфера, являющаяся предметом диалектической логики.

Конечно, диалектический способ, метод мышления несравненно выше метафизического метода мышления, — он является единственно научным методом мышления, — но правильное, последовательное мышление, логические законы правильного мышления одинаковы и в одном и в другом случае. В противном случае логические формы и законы правильного мышления не были бы общечеловеческими.

Не существует двух наук о формах и законах правильного мышления; существует одна наука, и эта наука — логика или формальная логика.

Возникает законный вопрос, что же представляет собой диалектическая логика.

Классики марксизма-ленинизма часто говорили о диалектической логике и отличали ее от логики формальной. Какой смысл вкладывали классики марксизма-ленинизма в понятие диалектической логики? Диалектическая логика — это учение о формах и законах правильного, последовательного мышления, а общая методология познания, методология практической деятельности. Это метод изучения явлений природы,

метод познания этих явлений. «Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии. Оно называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения явлений природы, его метод познания этих явлений является диалектически м...»¹

Вот этот метод и является диалектической логикой. Диалектическая логика — это теория познания марксизма-ленинизма.

Ленин очень часто употребляет слово «логика» в смысле диалектической логики, отождествляя последнюю с диалектикой как наукой. «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира».² Конечно, нет никакого сомнения в том, что Ленин тут характеризует диалектическую логику как диалектику, как диалектический метод.

В другом месте Ленин пишет о Марксе: «Если Маркс не оставил «Логик» (с большой буквы), то он оставил логику «Капитала»...».³ Опять-таки, тут идет речь не о логике как науке о формах и законах правильного мышления, а о логике как диалектической логике, т. е. о диалектике. Последующие слова Ленина подтверждают это обстоятельство: «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма (не надо 3-х слов: это одно и то же)...».⁴

В статье «К вопросу о диалектике» Ленин указывал: «Диалектика и есть теория познания... марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах».⁵

Наконец, в статье: «Еще раз о профсоюзах» Ленин пишет: «Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика дол-

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 535.

² Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 66.

³ Там же, стр. 215.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 329.

жна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов».¹

Эти слова Ленина ясно показывают, что под диалектической логикой классики марксизма-ленинизма понимают не учение о формах и законах правильного мышления, а марксистский диалектический метод, метод познания явлений действительности. Такой подход к изучению явлений действительности требуется методом марксизма-ленинизма, диалектической логикой. «Марксизм, то есть диалектическая логика требует этого безусловно», — пишет Ленин.

Логический аппарат мышления, формы и законы правильного мышления не составляют исключения: они должны быть изучаемы с точки зрения диалектической логики, т. е. с точки зрения марксистско-ленинской философии.

Некоторые логики утверждают, что нужно работать над созданием диалектической логики; они забывают, что диалектическая логика давно уже создана классиками марксизма-ленинизма.

Нужно создать не диалектическую логику, а нужно дать марксистско-ленинское, диалектико-материалистическое истолкование формам и законам правильного, логического мышления.

В произведениях классиков марксизма-ленинизма мы находим многочисленные высказывания о логике и ее отношении к диалектике. Если не разобираться в этих высказываниях, если взять их механически, вырывая из контекста отдельные места, можно прийти к совершенно неприемлемым выводам.

Так, в одном месте Энгельс пишет, что область формальной логики — это область «домашнего обихода». Это место, которое используют некоторые логики для отрицательной характеристики логики, но понимая, что это не совсем так, что это противоречит духу марксистско-ленинской философии, они добавляют, что Энгельс говорит так «для наглядности и популярности». Хороша «наглядность и популярность», которая превращает философскую науку в нечто, пригодное только в домашнем обиходе!

Выше было указано, что Энгельс, говоря о том, что старой философии пришел конец, писал, что остались две философские науки: формальная логика и диалектика. Положение Энгельса о том, что логика есть философская наука — не случайная фраза; она сказана в самом ответственном месте, именно в том месте, где Энгельс противопоставляет старую, домарксовскую философию новой философии, философии Маркса. При интерпретации разнообразных высказываний Энгельса о логике и ее отношении к диалектике нужно исходить из этого положения; все дальнейшие высказывания по этому вопросу следует понимать в свете данного положения.

Там же Энгельс характеризует предмет логики: «... Из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет лишь наука о мышлении и его законах, т. е. формальная логика и диалектика». Наука о мышле-

¹ Ленин. Еще раз о профсоюзах. Собр. соч., т. 32, стр. 72—73.

нии, в данном случае, не что иное, как наука о познании, так как мышление — это опосредствованное и обобщенное отражение действительности. Но ясно также, что диалектика и логика не изучают один и тот же предмет; в противном случае Энгельсу не нужно было бы указывать на две науки, имеющие «самостоятельное значение». Что изучается диалектикой как теорией познания, мы знаем из многочисленных высказываний классиков марксизма-ленинизма. Диалектика как теория познания («наука о мышлении») изучает процесс познания во всем объеме, она изучает вопросы, перечисленные выше: что такое истина, какова истина, каков критерий истины, каков диалектический путь познания, каково взаимоотношение ощущений, восприятий и мышления в процессе познания и т. д.

Но и логика является наукой о мышлении и его законах, т. е. наукой о познании; следовательно, если она не совпадает с диалектикой, — а она, конечно, не совпадает с ней, — то логика должна изучать какую-то сторону, часть, момент процесса познания. Что дело обстоит именно так, а не иначе, об этом имеется определенное недвусмысленное высказывание Энгельса. В «Диалектике природы» Энгельс, говоря о теоретическом естествознании, пишет: «В теоретическом естествознании, которое свои взгляды на природу, насколько возможно, объединяет в одно гармоническое целое и без которого в наше время не может обойтись даже самый скудоумный эмпирик, нам приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами, и последовательность мысли, должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться вперед».¹

Таким образом, Энгельс конкретно определяет предмет логики: она имеет дело с последовательностью мысли, но она также имеет дело с познанием, так как последовательность или правильность построения, связи мыслей — необходимое условие познания.

Классики марксизма-ленинизма часто высказываются таким же образом. На мощную силу логики в речах В. И. Ленина указывал И. В. Сталин (на конференции большевиков в Таммерфорсе в 1905 г.): «Меня пленяла та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: «Логика в речах Ленина — это какие-то всеисильные щупальцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами, и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал».²

Исходя из марксистских положений, Ленин с железной последовательностью развивал и углублял дальше учение Маркса и Энгельса. И эта непреодолимая сила логики и заставляла слушателя или «сдаваться или решаться на полный провал», так как, если исходные посыпки истинны и соблюдены законы правильной, логической мысли, вывод всегда будет соответствовать действительности.

Критикуя анархистов, социалистов-федералистов, меньшевиков, И. В. Сталин уличал их в нелогичности, непоследовательности. Сталин писал, что враги марксизма объявили «войну логике, как оковам, с которыми необходимо бороться, что они не «в ладу с логикой», проявляют колебания и трусость перед логикой».³

В статье «Как понимает с. д. национальный вопрос» И. В. Сталин, критикуя врагов марксизма, указывает на нелогичность, непоследовательность их рассуждений. Враги марксизма усматривали противоречия между статьями 9-ой и 3-й, 7-ой и 8-ой программы. Они утверждали, что статья 9-ая «коренным образом противоречит 3-й, 7-ой и 8-ой статьям той же программы», и поэтому, если оставить в программе статью 9-ю, «го тогда в упомянутой программе не должно быть места статьям 3-й, 7-ой и

¹ Энгельс. Диалектика природы, 1950 г., стр. 16.

² Сталин. О Ленине, 1945 г., стр. 22.

³ Сталин. Соч., т. I, стр. 48.

3-ой,— и, наоборот, если эти статьи остаются в программе, то тогда, несомненно, должна быть исключена из программы статья 9-ая.¹ Возражая противникам, товарищ Сталин разъясняет основную мысль 9-ой статьи и заключает: «Легко заметить, какую глубокую логическую связь имеет эта статья нашей программы с принципами классово́й борьбы. И так как вся наша программа построена на этом принципе, сама собой ясна логическая связь статьи 9-ой со всеми остальными статьями нашей партийной программы»²

Таким образом, указанные два положения Энгельса гармонируют друг с другом, причем второе положение дополняет и конкретизирует первое, именно: логика философская наука, предмет этой науки — мышление, т. е. познание; но она изучает не весь процесс познания, а его определенную сторону, именно, последовательность мышления, как необходимый момент процесса познания; последовательность мышления — это то же самое, что мы называли правильностью связи мыслей.

В «Диалектике природы» Энгельса есть одно высказывание, с помощью которого некоторые логики стараются опять у логики «ранг» философской науки и, больше того, стараются доказать, что логика не является даже наукой. Это известное высказывание, которое сравнивает логику с низшей математикой: «Освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неподвижные категории, представляющие собой как бы низшую математику логики...»³

Для того, чтобы понять данное высказывание Энгельса, нужно обратить внимание, в каком контексте высказана эта мысль. Энгельс противопоставляет друг другу два метода мышления: «метафизическое с неизменными категориями, диалектическое... с текучими».⁴

Энгельс указывает, что старые метафизические воззрения о неизменности категорий не выдерживают критики. «До конца прошлого столетия и даже до 1830 г. естествоиспытатели более или менее обходились при помощи старой метафизики, ибо действительная наука не выходила еще за пределы механики, земной и космической».⁵

Но уже высшая математика вступила в диалектическую область. Теперь — в противосложность прошлому столетию, когда можно было легко обходиться при помощи старой метафизики,— все обстоит иначе. Несмотря на это, «естествоиспытатели в своей массе все еще крепко придерживаются старых метафизических категорий и оказываются беспомощными, когда требуется рационально объяснить и привести между собой в связь эти новейшие факты, которые, так сказать, удостоверяют диалектику в природе».⁶ За этим рассуждением Энгельса следует высказывание о низшей математике логики.

О чем идет речь в этом месте? Только о двух способах мышления, метафизическом и диалектическом. Старая метафизика — превзойденная ступень. Она имела определенное значение «до прошлого столетия». Но новые факты, новые открытия показали недостаточность этого метода мышления. Возник новый метод, новое мировоззрение, которое способно объяснить все эти новые факты и открытия. С помощью старых метафизических категорий нельзя рационально объяснить и систематизировать современные факты.

Тут нужно обратить внимание на два момента; во-первых, старая логика была логикой метафизического мышления. Она признавала абстрактное тождество, она не признавала развития действительно-

¹ Сталин. Соч., т. I, стр. 47.

² Там же, стр. 53.

³ Энгельс. Диалектика природы, 1950 г., стр. 160.

⁴ Там же, стр. 159.

⁵ Там же, стр. 162.

⁶ Там же.

сти, развития путем противоречий. И это происходило потому, что логика была искажена метафизической интерпретацией так же, как и все науки того времени. Законы, установленные логикой, были истолкованы метафизически. Эти законы, которые действуют в определенной области действительности, были распространены на всю действительность; им было придано абсолютное значение. Вот где была ошибка старой логики. Но это была ошибка метафизического мировоззрения, а не самой сущности науки логики. Нельзя обвинять и тем более отрицать логику за ее метафизическую интерпретацию, так же как нельзя отрицать механику за механистическое понимание действительности, теорию (физическую) Эйнштейна за ее капиталистскую и махистскую интерпретацию. Нельзя отрицать открытия современной физики из-за того, что буржуазные «ученые» дают им идеалистическое толкование и делают из новых открытий агностические выводы. Нужно очистить новые открытия от таких интерпретаций. Не факты и новые открытия повинны в их идеалистической интерпретации, а физики, выполняющие социальный заказ господствующих классов в капиталистических странах.

Точно так же Энгельс критикует метафизическую интерпретацию логики, а не логику как науку, как философскую науку, которая вместе с диалектикой осталась от старой философии в качестве науки, имеющей самостоятельное значение.

Во-вторых, Энгельс критикует естествоиспытателей за то, что они признают формальную логику за методологию наук, считают ее теорией познания. В то время как диалектика стала абсолютной необходимостью для естествознания, естествоиспытатели все еще придерживаются старой метафизической теории познания. «Когда приходится мыслить»,— пишет Энгельс, т. е. в процессе познания, логика недостаточна. И Энгельс, безусловно, прав: абсолютизируя законы логики, распространяя их на всю действительность, превращая логику в теорию познания, мы попадаем в «беспомощное состояние», нам приходится прибегать к «жалким уловкам, уверткам, фикциям», чтобы объяснить действительность. Логика, превращенная в теорию познания, может найти применение «в условиях домашнего обихода».¹

Правильное толкование высказываний Энгельса приводит нас к выводу, что все его выражения, как-то: применение логики «в условиях домашнего обихода», «в области мелочной торговли», ее «беспомощность» и т. п. относятся к метафизике и логике, превращенной в теорию познания.

Аналогично характеризует логику В. И. Ленин. Критикуя формальную или схоластическую логику и противопоставляя ее диалектике, Ленин, безусловно, прав в борьбе против эклектицизма и метафизичности рассуждений Бухарина. Бухарин брал два различных определения и, соединяя их совершенно случайно, получал эклектическое определение, указывающее на «разные стороны предмета и только».² «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении», изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна...»³

О чем говорит тут Ленин? О том, что полное, всестороннее познание предмета возможно только с помощью диалектики. Что формальная

¹ Энгельс. Диалектика природы, стр. 160.

² Ленин. Соч., т. 32, стр. 71.

³ Ленин. Соч., т. 32, стр. 72—73.

логика не является и не может стать теорией познания, т. е. с помощью только формальной логики познать полностью предмет, в его движении и развитии, познать предмет как предмет человеческой практики, достигнуть конкретной истины невозможно. Кто стремится без диалектики, с помощью лишь формальной логики достигнуть такого познания, тот становится на почву схоластики. Формальная логика — часть теории познания, превращенная в полную теорию познания, — схоластика. В отрыве от диалектики ее можно преподавать в школах — «логика формальная, которой ограничиваются в школах», — и то с поправками.

Ленин отрицает не логику, а непризнание диалектики как метода полного, всестороннего изучения предметов и явлений действительности. Бухарин был схоластиком и эклектиком не потому, что он пользовался в своих рассуждениях правилами и законами логики, а потому что он в процессе познания, изучения явлений действительности, отрицая диалектику, опирался только на принципы формальной логики.

11. Значение логики.

Уже вышеизложенное показывает нам, какое огромное значение имеют правильное мышление и наука о нем в системе наук, в процессе познания и в практической жизни.

1. Правильное мышление — необходимый момент процесса познания. Подлинное знание — всегда знание сущности, знание общего в явлениях, а не только знание поверхностных свойств вещей и внешних отношений. Если явления и их внешние отношения даны в живом созерцании, то сущность явлений, внутренние связи между ними скрыты и недостижимы для него. На основании данных живого созерцания мы заключаем к сущности, к общему в явлениях, законам связей между ними. Конечно, процесс этот сложный, он не может быть объяснен только законами и правилами правильного, логического мышления, как и всякий процесс диалектического развития, но этот процесс включает в себя момент правильного мышления. Истинные посылки недостаточны для вывода, согласующегося с действительностью, к ним нужно применить законы и правила правильного мышления, чтобы получить истинный вывод. Правильное мышление служит целям познания действительности, достижения истины. Вне этой цели правильное мышление превращается в пустую игру, а наука о таком мышлении — в схоластику. То обстоятельство, что только с помощью правильного мышления мы можем делать любые заключения, при определенном подборе посылок, можем формально правильно выводить ложные заключения, ничего не говорит против правильного мышления. Ведь и ощущения и восприятия часто нас обманывают, но это не является причиной отказа от данных ощущений и восприятий в процессе познания. Наоборот, мы стараемся сравнить данные отдельных органов чувств, очищаем, насколько возможно, данные живого созерцания от чисто субъективных моментов и т. д. и только этим путем пользуемся ими.

Представители господствующих классов современных капиталистических стран, политики, дипломаты, писатели и философы для обоснования своих реакционных взглядов также пользуются логикой и принципами правильного мышления. Про них нельзя сказать, что они не знают логики. Но, зная логику и пользуясь ее принципами, они применяют их к ложным посылкам. Известный реакционер Рассел, борясь против стремления к миру всех народов и доказывая необходимость войны между народами, исходит из посылок, что стремление к войне — инстинкт любого человека, выработанный еще в первобытные времена историей человечества и перешедший по наследству к современному человеку. Этот инстинкт неистребим, так как не видно, чем можно его заменить. Поэтому стремление к войне самое естественное состояние человека. Обвинять Рассела в том, что он не знает логики, законов правильного мышления, конечно, нельзя; кстати, он автор последней формы чисто формалистической логики, которая отождествляет истинность с правильностью и которая исследует правила импликации, не заботясь ни об истине посылок, ни об истине вывода,— для доказательства своего реакционного положения он исходит из заведомо ложной посылки.

С другой стороны, очень часто представители реакционной буржуазии прибегают и к софизмам. С целью обмануть массы им приходится изворачиваться, придавать своим рассуждениям внешний вид правильности, последовательности, незаметно нарушая тонкости перехода от одной мысли к другой.

Но самое ясное доказательство того положения, что логическое мышление служит целям познания и достижения истины, заключается в том, что современная реакционная буржуазия, которой истина не сулит ничего хорошего, отрицает познание истины, отрицая и его орудие — логическую мысль. Отсюда — разнообразные школы и школки, защищающие разные виды алогизма — интуитивизм, иррационализм, фидензм и т. д. Логика сделалась опасной для тех, кто против истины, кто против действительного, научного познания мира и его преобразования.

2. Поскольку логика — часть теории познания и логическое, т. е. правильное мышление является моментом, стороной процесса познания, постольку она способна двигать наше знание вперед, давать нам новые истины. Критикуя Дюринга, Энгельс писал: «О полном непонимании природы диалектики свидетельствует уже тот факт, что г. Дюринг считает ее орудием простого доказательства, подобно тому, как ограниченное воззрение может считать таковым формальную логику и элементарную математику. Даже формальная логика пред-

ставляет, прежде всего, метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному».¹

Выше было указано, что всякое познание бывает или непосредственным или опосредствованным. Если непосредственное знание является основой для опосредствованного, то опосредствованное знание имеет большее значение, большую ценность. Ведь знание общего, сущности явлений, знание закономерностей действительности всегда является опосредствованным знанием; а опосредствованное знание не может осуществиться без помощи правильного мышления; правда оно недостаточно для развития опосредствованного знания, но оно представляет собой необходимое условие для перехода от чувственно данного к не данному посредством чувств, от известного к неизвестному.

Пробелы в нашем знании часто заполняются с помощью правильного, последовательного мышления, опирающегося на данное уже знание. Всякая гипотеза — а она является «формой развития естествознания, поскольку оно мыслит»² — строится по форме определенного вида логического мышления, именно по форме умозаключения. Исходя из определенных фактов, теоретическое естествознание заключает к причине этих фактов. Конечно, нужно сказать, что только правильное, последовательное мышление и тут недостаточно для построения научной гипотезы и тем более для ее оправдания, но мы с необходимостью прибегаем к определенным формам умозаключения, т. е. к определенным формам правильного мышления.

Другого пути тут быть не может как при построении, так и при попытке оправдания гипотез.

К числу замечательных свойств подлинного знания, которое делает его особенно ценным и без которого познание не имело бы почти никакого значения, следует отнести предвидение будущих событий и явлений. Ведь знание нужно человечеству не ради знания; знание ради знания, вне его практического применения, вне преобразования природы и общества, вне удовлетворения потребностей человека на основе знания, было бы пустой игрой. Мы, конечно, не прагматисты, мы не считаем мерилом истины ее полезность, мы не утверждаем, что истина — любое положение, которое «работает на нас». Истина не потому истина, что она полезна; она — истина потому, что адекватно отражает действительность. Но так как она отражает действительность, она служит орудием изменения и преобразования действительности. Преобразование действительности невозможно без предвидения будущих со-

¹ Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 111.

² Энгельс. Диалектика природы, стр. 6.

бытий и явлений, вызванных закономерностью действительности или нашим воздействием на действительность на основе этой закономерности. И тут с особой силой проявляется значение правильного мышления. Ведь предвидение будущих явлений и событий осуществляется с помощью правильного мышления. На основе тщательного изучения данных обстоятельств, явлений и их связи мы делаем заключение о неизбежности того или иного явления в будущем. На основе тех или иных действий, или же на основе знания определенной закономерности, мы заключаем о повторении в будущем того или иного явления.

3. Нужно отметить одно немаловажное обстоятельство, когда мы говорим о значении логики как науки и о значении правильного мышления для процесса познания.

Непосредственное знание потому и называется непосредственным, что оно не требует доказательства. Для такого знания достаточно восприятие, живое созерцание. Что же касается опосредствованного знания, оно не может считаться подлинным; научным знанием без доказательства, без его обоснования. Подлинное научное знание — всегда обоснованное знание. В науке мы не встретим общего положения, закона, которому недостает доказательства.¹

Маркс и Энгельс не только выставили положение о гибели капитализма и необходимости коммунистического общества, но и обосновали это положение и этим превратили идею социализма из утопии в науку. Ленин и Сталин открыли и обосновали положение о возможности построения социализма в одной стране. И. В. Сталин не только выставил положение о победе Советского Союза над немецкими фашистами, но дал также глубокий анализ международного положения, создав учение о постоянно-действующих факторах во время войны и т. д., доказал это положение.

Доказательство — необходимый момент научного познания. Какова бы ни была разница между доказательством и умозаключением, — об этой разнице подробнее ниже, — одно должно быть ясно: всякое доказательство выливается в форму умозаключения. Всякое доказательство строится следующим образом: отыскиваются положения, из которых с необходимостью вытекает доказываемое положение. В силу того обстоятельства, что основные принципы доказательства те же, что и принципы умозаключения, и что основным объектом логики является умозаключение, логике часто определяют как учение о доказательстве. Сталин всегда уделял особое внимание процессу доказательства. Критикуя анархистов, фе-

---

¹ То или иное положение может стать составной частью науки или как основание доказательства, или в большинстве случаев — после его доказательства.

дералистов и меньшевиков, И. В. Сталин уличает их в непоследовательности и в необоснованности их суждений. Сталин пишет, что враги марксизма объявили «войну логике, как оковам, с которыми необходимо бороться», что они не «в ладу с логикой», проявляют колебание и трусость перед логикой.

Нельзя недооценивать процесса доказательства. Доказательство — необходимый момент истинного познания, поскольку оно является опосредствованным. Часто противопоставляют открытие истин доказательству, логику открытий «логике проверки» и обсуждают вопрос, возможна ли «логика открытий» истин, о которой мечтали Луллий, Бэкон, Лейбниц, или существует только логика проверки, логика доказательства уже открытых истин. Вопрос этот поставлен метафизически: открытие истин и их проверка не оторваны друг от друга, они связаны друг с другом. Нет двух видов логического мышления: логическое мышление, которое открывает истину, и логическое мышление, которое проверяет эту открытую уже истину. Логика, которая изучает законы правильного мышления, а следовательно и законы доказательства, «представляет, прежде всего, метод для отыскивания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному...» (Энгельс).

Очень часто открытие новой истины описывают как какой-то необъяснимый, мистически-интуитивный процесс, как какое-то нание: «открывается духовному взору», происходит «непосредственное постижение истины», происходит «усмотрение сущности» и т. д. На самом деле, анализ таких «переживаний» показывает, что такого рода открытия происходят не иначе, как путем умозаключений, в которых некоторые члены — посыпки — пропущены. Это и создает впечатление непосредственного «постижения сущности».

В огромном числе случаев доказательство принимается нами как средство превращения вероятных положений в истинные положения. Положение, обладающее определенной вероятностью, еще не есть истинное положение, доказательство такого положения является одновременно и проверкой и открытием новой истины.

4. Правда, одно только логическое мышление не является достаточной гарантией того, что мы необходимо достигнем истины. Но с его помощью мы можем избежать ошибочных выводов. Часто очень трудно бывает найти ошибку в ходе рассуждения. Иногда даже явно ошибочный ход мыслей для некоторых оказывается незаметен. Из двух суждений:

1. Некоторые красивые предметы — цветы
2. Некоторые цветы пахучи

на первый взгляд вытекает третье суждение: некоторые красивые предметы пахучи. Конечно, после некоторого размыш-

ления всякий убедится, что третье суждение вовсе не вытекает из данных двух суждений. Тот, кто знаком с законами и правилами логики, сразу скажет, что из двух данных суждений третье суждение не вытекает, больше того, он сразу решит, что из этих суждений нельзя сделать вообще никакого вывода. Часто бывает очень трудно сказать, какой вывод можно сделать из данных посылок. Для иллюстрации можно привести следующие примеры, часто встречающиеся в учебниках.

I. Задача Венна. Из членов общества одна часть обладает облигациями, а другая акциями, причем, обладающие облигациями не имеют акций, а обладающие акциями не имеют облигаций. Оказалось, что обладатели облигаций все являются членами этого общества. (Что вытекает отсюда?). Или:

II. Всякое А есть или только В или только С; D есть одновременно и В и С за исключением того случая, когда В есть Е; в этом случае D не есть ни В ни С. (Что вытекает отсюда?).

Из этих примеров можно убедиться, что выведение заключения не всегда является делом легким. В обычном разговоре, в беседе, во время дискуссии, в научно-исследовательской работе возможны ошибки, т. е. возможны неправильные выводы из данных посылок. Возможно и то, что мы не заметим такой ошибки, допущенной собеседником, противником. Изучение правил логического, последовательного мышления, упражнение, практика на примерах правильного мышления делает нас более чувствительными к такого рода ошибкам, все равно допущены эти ошибки нами или нашими противниками. Представители реакционной буржуазии часто пользуются для обмана масс незнанием этими последними законов правильного мышления и, прибегая к двусмысленным, туманным терминам, или жонглируя модными и популярными словечками, делают софистические выводы, защищающие интересы класса капиталистов. Особенно это проявляется в речах представителей капиталистических стран на пресс-конференциях, в заседаниях Организации Объединенных Наций. «Без масс не обойтись,— писал Ленин,— а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма нельзя вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи и мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим,— лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии».

«Могут ли, например; современные буржуазные политики быть последовательными, не впасть в логические противоре-

чия, мыслить доказательно и т. д., если перед ними стоит цель — обманывать массы? Нет, не могут. Логика становится опасной для буржуазии именно потому, что она помогает находить и обосновывать истину, ведет к истине, тогда как господствующие, эксплуататорские классы, как огня, боятся того, что народные массы их стран узнают истину. Именно поэтому не логику, а алогизм проповедует современная буржуазная философия релятивизма, прагматизма, интуитивизма, «номиналистической семантики» и т. п., подменяя логику софистикой, казуистикой, мистикой иррационализма».¹

Логика — надежное оружие против софистики, казуистики, мистики и иррационализма. Не всегда буржуазия относилась так пренебрежительно к логике, не всегда она старалась заменить ее алогическими, иррационалистическими теориями; было время, когда и буржуазия пользовалась логикой и даже признавала ее единственной наукой о познании.

Один из логиков отмечает, что логика — самый большой враг темного и запутанного мышления, она рассеивает туман, который прикрывает наше незнание. Из-за этого тумана мы часто полагаем, что знаем и понимаем предмет, в то время как мы ничего о нем не знаем и совсем его не понимаем. Логика предохраняет нас от употребления двусмысленных и неопределенных выражений и т. д.

5. Возможно, и это бывает нередко, что человек правильно мыслит, правильно обосновывает свои мысли, сразу замечает ошибки в рассуждениях противника, не зная логики и ее законов. Немецкий философ Гегель смеялся над теми, кто ожидал от изучения логики практической пользы. Гегель писал, что как физиология не может человека научить переваривать пищу, так и логика не может научить его правильному мышлению. Мысль Гегеля, конечно, в корне ошибочна. Во всяком случае, из этого сопоставления нельзя сделать вывода, что логика как наука бесполезна. Наш организм может хорошо переваривать пищу независимо от того, знаем ли мы или не знаем физиологию. Наши глаза хорошо выполняют свою функцию независимо от того, знаем ли мы или не знаем строение глаза и законы зрения. Люди часто говорят правильно, не зная грамматики данного языка. Но отсюда вовсе не вытекает, что науки — физиология, анатомия, грамматика — бесполезны. Правда, человек часто хорошо переваривает пищу, не зная физиологии, но если в процессе переваривания пищи окажется не все в порядке, если соответствующий орган нездоров, то для выяснения характера болезни, ее причины и тем более для оказания помощи больному органу необходимо знание физиологии. Мы можем правильно говорить на каком-либо языке, не имея ясного представления о грам-

¹ Вопросы философии. 1948 г., I, стр. 346.

матике данного языка, но исправить и тем более объяснить возможную ошибку мы не сможем без знания грамматики. Точно так же обстоит в данном случае дело с логикой. Многие правильно мыслят и хорошо обосновывают свои положения, не зная законов логики, но возможная ошибка, нарушение последовательности мышления может быть избегнуто и тем более объяснено только в том случае, если человек знает логику, ее законы и правила.

Г Л А В А III

УЧЕНИЕ О ПОНЯТИИ

1. Понятие и суждение

Традиционная логика рассматривает формы мышления, понятия, суждения и умозаключения в той последовательности, которую отчасти установил Аристотель. Вначале рассматривается понятие, которое определяется как мысль о существенных признаках предмета или класса предметов. Вслед за учением о понятии идет учение о суждении, которое понимается как мысль о чем-либо, о котором что-либо утверждается или отрицается. И, наконец, следует учение об умозаключении. Последнее определяется как связь суждений, в котором из одного или нескольких суждений с необходимостью вытекает новое суждение.

Конечно, с точки зрения педагогической можно излагать учение о формах мышления и по стандарту, установленному традиционной логикой. Но можно начинать учение об этих формах и с учения о суждении и даже с учения об умозаключении. Практика преподавания покажет, который из этих педагогических приемов более приемлем и целесообразен.

Но в традиционной логике изложение учения о формах мышления в определенной последовательности имело принципиальное значение. Формалистическая и идеалистическая логика, начиная с понятия, считала его исходным пунктом и, согласно этому, понимала суждение как связь понятий. Считая основным объектом логики умозаключение, традиционная логика не прямо приступала к учению об умозаключении, но, указывая на его сложную структуру, разлагала его на составные элементы — суждения; и только после изучения этих элементов — суждений — переходила к умозаключениям. Но

тут повторялась та же история: суждение так же обладает сложной структурой, оно так же состоит из элементов — понятий. Поэтому пужно было предварительно дать учение о понятиях, потом — о связях понятий — суждениях и, наконец, о связи суждений — умозаключеннях.

Придавая принципиальное значение такой последовательности изложения форм мышления, традиционная логика оставляла неразрешенным вопрос о действительном соотношении и связи между понятиями, суждениями и умозаключениями.

Неясное, а подчас и неправильное понимание соотношения понятия и суждения имеет весьма существенные следствия. В большинстве учебников логики, вслед за Аристотелем и классической традиционной логикой, утверждается, что признаки истинности и ложности характеризуют только суждение и что к понятию эти признаки неприменимы. Так, например, суждения «человек — животное, делающее орудия», «в социалистическом обществе существует полное соответствие производительных сил и производственных отношений» — истинны; суждения же «Атлантический пакт служит делу мира» или «металлы не проводят электричество» — ложны. С другой стороны, понятие «человек», «животное, делающее орудия», «Атлантический пакт», «металл» и т. д. не истинны и не ложны.

Эта точка зрения в корне ошибочная, и ошибка эта вытекает из ложного понимания отношения между понятием и суждением.

Дело в том, что суждение понимается как связь понятий, причем понятия предполагаются данными первоначально, ранее суждений, а суждение понимается как мысль, возникающая с помощью связи и отношения этих понятий. Отсюда и возникла традиция рассматривать понятия раньше суждений. В действительности же связь между понятиями и суждениями более сложная, чем это можно предполагать по учению традиционной логики.

Познание человеком действительности начинается с живого созерцания, обусловленного практической деятельностью людей. В процессе этой практической деятельности люди познают отдельные вещи, явления, их отдельные свойства, признаки, связи и отношения. Отражение в сознании людей этих вещей и явлений с их свойствами, отражения связей и отношений этих вещей, их свойств выражаются в суждениях. Суждения свойственны не только ученым, людям, оперирующим понятиями, но и всем, высказывающим определенные мысли о вещах, о конкретных явлениях, даже детям, не имеющим еще понятий.

Понятие — мысль, отражающая существенные признаки предметов. Эти существенные признаки непосредственно не

усматриваются. Как правило, непосредственно воспринимаются индивидуальные, единичные вещи и явления, несущественные признаки, внешние связи и отношения вещей. И первые суждения отражают именно эти вещи, эти признаки и связи. Только с переходом от живого созерцания к абстрактному мышлению возникают впервые понятия. В процессе познания «мы от б р а с ы в а е м ряд признаков, как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому».¹ Если бы сущность явления, общее в явлениях усматривалось непосредственно с помощью «интеллектуальной интуиции», «созерцанием сущности» (*Wesensschau*), как это утверждают идеалисты различных школ, тогда, конечно, понятие было бы первоначальным, оно непосредственно отражало бы, вне всякого процесса развития познания, сущность вещей. Но этот интуитивистический, мистический бред опровергается сложным и трудным путем исторического развития человеческого знания.

Познание идет от явления к сущности, от единичного к общему. Этот путь осуществляется в первую очередь в суждениях. Познание отдельных признаков вещи и явления выражается в суждениях. Вещи и явления находятся в разнообразных связях и отношениях друг к другу. В этих связях и отношениях проявляют они свои свойства, признаки. Знание о свойствах вещей выражается суждениями. Сравнивая вещи и явления, их свойства, связи и отношения, мы познаем различие между ними так же, как их сходство в определенных отношениях, т. е. тождество между ними; познаем случайные признаки и отличаем их от существенных. Все эти акты познания выражаются в первую очередь в суждениях. В первую очередь, говорим мы, так как только суждения недостаточны для описанного процесса познания: в процессе этого познания мы очень часто прибегаем к умозаключениям, доказательствам. Понятие поэтому не первоначальная форма мысли; оно, в определенном смысле, последняя форма мысли; результат многих суждений и умозаклучений.

Суждения возникают на всех ступенях диалектического пути познания: и результаты живого созерцания проявляются в суждениях, и абстрактное мышление протекает в форме суждений, и практическая деятельность людей, проверка на практике предполагает суждения.

Определять суждение, как связь двух понятий, значит утверждать, что суждения возникают только на втором этапе пути познания, на ступени абстрактного мышления.

На самом деле, уже живое созерцание пронизано мыслью, и на ступени живого созерцания существуют суждения. Не будь этого, мы никак не смогли бы перейти от живого со-

¹ Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 329.

зерцания к абстрактному мышлению; без этого мы бы не достигли понятия.

Понятия капитализма, электрона, всемирного тяготения, млекопитающегося, общественно-экономической формации и гораздо более простых, как, например, понятия дерева, камня и т. п., могут быть образованы в процессе длительного и глубокого изучения соответствующего материала. В процессе этого изучения мы познаем свойства данных вещей и явлений, часто ставим опыты, выставляем положения—суждения, делаем выводы на основании поставленных опытов, проверяем на практике полученные выводы, доказываем одни положения, опровергаем другие и на основании всего этого выковываем то или иное понятие.

Так, например, для образования научного понятия социально-экономической формации Марксу и Энгельсу пришлось изучить огромный исторический материал развития человечества, проанализировать характер производительных сил и производственных отношений на разных ступенях развития человеческого общества, открыть отличные друг от друга закономерности развития общества на разных ступенях и т. д., и только на основании глубокого и тщательного изучения всего этого можно было образовать понятие общественно-экономической формации.

Точно так же Ленину пришлось изучить огромный материал, касающийся современного капиталистического общества, открыть характерные и существенные его стороны, обосновать закон неравномерного развития капитализма и т. д., и только на основе всего этого он смог создать единственно правильное и научное понятие империализма.

Точно так же Сталин выковывает единственно правильное и научное понятие нации. Сталин выставляет целый ряд суждений, обосновывает их, опровергает целый ряд ложных положений и только после этого дает научное понятие нации.

Только после изучения вещества, его свойств, после ряда многочисленных опытов, после многочисленных проверок данных опыта и т. д. пришла физика к правильному понятию электрона, атомного ядра и т. д.

Понятие — результат многих суждений. Больше того, понятие — результат многих умозаключений и доказательств.

«Очень верно и важно,— отмечал Ленин,— именно это повторял популярнее Энгельс, когда писал, что естествоиспытатели должны знать, что итоги естествознания суть понятия».¹

Это положение можно распространить на все науки, именно, сказать, что итоги всякой науки как естественной, так и общественной, суть понятия. Отсюда вытекает два вы-

¹ Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 247.

вода: первый, о котором уже было сказано, а именно, что определение суждения как только связи или сочетания понятий является ложным; и второй, что понятия истинности и ложности приложимы не только к суждениям, но и к понятиям.

Когда Аристотель, а вслед за ним вся традиционная логика отрицали признак истинности и ложности у понятий, они вольно или невольно подменяли одно понятие другим, именно, подменяли понятие словом. Слова «капитализм», «демократия», «металл», «Пегас» и т. п., конечно, не истинны и не ложны. Но это не относится к понятиям. Понятие — отражение сущности вещей, отражение существенных признаков предмета, и как отражение не может не быть истинным или ложным. В понятии мыслится — понятие — мысль — определенные стороны, существенные признаки вещей. Мысль об этих признаках или отражает действительность или искажает ее, т. е. она или истинна или ложна. В понятии капитализма мыслится не нечто неопределенное, бесформенное, что-то смутное, — хотя у некоторых может быть и такое представление, — о чем нельзя сказать ни того, что оно истинно, ни того, что оно ложно, — в этом понятии мыслится формация общественно-экономическая, мыслится признак общественного производства, мыслится признак частного присвоения. И если эти признаки действительно характеризуют капитализм и являются существенными признаками капитализма, тогда понятие капитализма истинно, так как оно адекватно отражает действительность. Мы утверждаем, что понятия демократии, свободы, равенства, созданные идеологами империализма, ложны, так как эти понятия не отражают признаков подлинной демократии, свободы, равенства.

Да иначе и быть не может: ведь понятия — результат многих суждений; суждения же, — а с этим все согласны, — или истинны или ложны. Таким образом, понятие, образованное в результате суждений, не может оказаться вне признаков истинности или ложности.

Ленин всегда подчеркивал, что понятия отражают действительность, т. е. что к понятию безусловно приложимы признаки истинности и ложности. «Образование (абстрактных) понятий и операций с ними уже включают в себе представление, убеждение, сознание закономерности объективной связи мира... уже самое простое обобщение, первое и простейшее образование понятий (суждений, заключений) означает познание человека все более и более глубокой объективной связи мира».¹ Комментируя взгляды Гегеля на философию Аристотеля, Ленин пишет, что выражение «понятия человека суть душа природы» есть «лишь мистиче-

¹ Ленин. Философские тетради, 1947 г. стр. 153.

ский пересказ того, что в понятиях человека своеобразно (это Н В: своеобразно и диалектически!!) отражается природа».¹

Мы установили, что понятия — результат суждений (и умозаключений) и что поэтому определение суждения как сочетания и связи понятий ложно. Однако, с другой стороны, образованные с помощью суждений понятия участвуют в образовании суждений. В суждениях «металлы — проводники электричества», «в социалистическом обществе нет антагонистических противоречий» элементы этих суждений, как то «металлы», «проводники электричества», «социалистическое общество», «антагонистическое противоречие» являются понятиями. Тут, конечно, никакого противоречия нет: с помощью суждений в процессе познания действительности происходит образование понятий, и эти понятия становятся элементами новых суждений при дальнейшем углублении нашего знания. И опять-таки, с помощью этих новых суждений происходит образование новых понятий, старые понятия уточняются, делаются более адекватными действительности, глубже и полнее отражают действительность.

Так, например, Ленин, образовывая понятие империализма, выставляя и обосновывая ряд положений, а именно, что империализм характеризуется 1) концентрацией производства и капитала, дошедшей до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни, 2) слиянием банкового капитала с промышленным и созданием на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии, 3) вывозом капитала, в отличие от вывоза товаров, 4) образованием международных монополистических союзов капиталистов, 5) окончанием территориального раздела земли крупнейшими капиталистическими державами, применяет целый ряд понятий, которые уже образованы предварительными исследованиями классиков марксизма. Таковы, например, понятия «производства», «капитала», «банковского капитала», «финансового капитала», «монополии», «капиталистической державы» и др.

Точно так же И. В. Сталин, выковывая научное понятие нации, выставляет и обосновывает целый ряд суждений, а именно: «Нация—это, прежде всего, общность, определенная общность людей», «нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей», характеризующаяся общностью языка, общностью территории, экономической жизни и психического склада, применяет в этих суждениях целый ряд понятий, доказывает каждое из этих суждений и образовывает научное понятие нации.

В процессе познания понятия и суждения не оторваны друг от друга; не оторваны не в том смысле, что суждение

¹ Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 266.

состоит из понятий и поэтому они связаны друг с другом, а в том смысле, что они взаимно обуславливают друг друга, переходят друг в друга: суждения создают понятия и понятия создают суждения.

2. Признаки. Существенные и несущественные признаки.

Изучая вещи и явления действительности, мы легко замечаем сходство и различие между ними. Мы говорим, что один предмет сходен с другим и отличается от третьего. Так, например, Петр похож на Павла, но отличается от Ивана; или: государства народных демократий сходны друг с другом и отличаются от империалистических государств; или еще: дуб похож на сосну и в то же время отличается от нее. То, в чем предметы сходны друг с другом или чем они отличаются друг от друга, называется признаком предметов. Один и тот же признак является одновременно показателем и сходства и отличия между предметами. Так, например, членораздельная речь — признак сходства между людьми и в то же время признак различия между людьми и остальными животными; параллельность противоположных сторон — признак, в котором сходны все параллелограммы, и в то же время он является признаком, которым отличаются параллелограммы от трапеций.

Признаки бывают общие и индивидуальные. Общий признак характеризует группу предметов, индивидуальный признак характеризует единичный предмет. Так, например, признак «логик» является общим, признак же «создатель логики» — индивидуальным.

Не все признаки имеют одинаковое значение, одинаковую ценность. Предмет, явление обладает огромным количеством признаков, одним из них мы приписываем большее значение, другим — меньшее. Так, например, из признаков квадрата равенство его сторон имеет большее значение, этот признак более важный, чем величина его сторон. «Делание орудий» — признак более важный, чем цвет кожи человека. Чем обуславливается большее или меньшее значение признака предмета? Для квадрата признак равенства сторон — необходимый признак; без этого признака квадрат не может существовать; величина стороны не имеет такого значения, так как квадрат остается квадратом при любой величине сторон. Для человека признак «делания орудий» — необходимый признак, вне этого признака нет человека; что же касается белого или черного цвета кожи, то этот признак вовсе не является необходимым признаком: человек остается человеком, все равно, черная или белая у него кожа.

Признаки, которые необходимо характеризуют предметы и выражают его более важные стороны, называются существенными признаками. Данное определение существенных при-

знаков предварительное, и поэтому оно не совсем точное, так как вопрос о большей или меньшей важности, о большем или меньшем значении этих признаков требует дальнейшего разъяснения.

Многие логики считают существенные признаки относительными, относительными в том смысле, что они зависят от нашей определенной точки зрения. Если мы рассматриваем дерево с разных точек зрения, то существенными окажутся разные признаки; именно, рассматривая дерево как растение в одном случае, как материал для мачт в другом, как материал для шпал в третьем, для изготовления красивой мебели в четвертом, мы будем обращать внимание то на одну сторону, на один признак, то на другую и т. д., смотря по тому, какой признак удовлетворяет нашу потребность; этот признак и будет более важным в данном случае. Конечно, мы часто называем существенным признаком тот, который в данном конкретном случае нужен нам, удовлетворяет ту или иную нашу потребность. Но в таком случае ни один признак предмета не будет несущественным, так как всякий признак может удовлетворить нашу потребность в разных условиях. Таким существенным признаком может оказаться для человека пребывание в отличном от места преступления месте, если его обвиняют в этом преступлении, существенным может оказаться тяжесть стакана, который был употреблен в качестве метательного снаряда. В таком случае всякий единичный, даже случайный признак может стать существенным.

Всякая вещь, всякое явление представляет собой единство сущности и явления, общего и единичного. Явление—проявление сущности и поэтому само существенно, и потому несущественное, единичное может стать существенным, так как оно и есть проявление сущности. Неравномерное развитие капитализма не было существенным признаком капитализма, когда он был прогрессивным; но в эпоху империализма он сделался существенным признаком. Однако этот признак сделался существенным не потому, что мы начали рассматривать капитализм с какой-то новой точки зрения, а потому, что он является дальнейшим развитием самой законности капитализма. Изменилась не точка зрения на капитализм, а сам капитализм; промышленный капитализм превратился в монополистический капитализм.

В этом смысле понятие существенного признака — относительное: в процессе развития действительности существенный признак может превратиться в несущественный и наоборот.

Так, например, в период индустриализации и коллективизации нашей страны существенным, основным, решающим была техника. «Раньше мы говорили, что «техника решает

все». Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой».¹ «Это значит, что мы изжили уже в основном период голода в области техники. Но изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я сказал бы, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед».² «Вот почему старый лозунг — «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, — должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное».³

С другой стороны, относительность существенных признаков зависит также от развития наших знаний. В процессе развития познания действительности то, что считалось существенным, может оказаться менее существенным, а то и вовсе несущественным; наше знание относительно, оно, отражая действительность, приближается к действительности асимптотически, картина действительности все время исправляется, делается все более и более адекватной действительности и поэтому познание проникает все больше в глубь явления, в сущность явления. Познание идет от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. без конца.

Непосредственное знание, знание, доставляемое живым созерцанием, не проникает в глубь явлений, не дает знания сущности. Оно дает знание поверхностных, внешних свойств явления. Но явления не оторваны от сущности; сущность находится в явлениях: сущность явлений — это их закономерность, их внутренняя связь и отношение, что делает возможным единство многообразия явлений. «Человеческая сущность не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений».⁴

Сущность — это закономерность явлений, внутренняя структура, внутренняя связь и отношение вещей и явлений. Поэтому существенные признаки вещей и явлений — это признаки данной сущности, данной закономерности, структуры. Сущность капитализма — это его основная закономерность. Излагая сущность империализма, Ленин перечисляет признаки, совокупность и связь которых представляет собой закон-

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 490.

² Там же, стр. 489.

³ Там же, стр. 490.

⁴ Маркс. Тезисы о Фейербахе.

мерность, структуру империализма. Перечисляя существенные признаки наций — общность языка, общность территории, общность экономической жизни, общность психического склада, проявляющиеся в общности культуры, Сталин устанавливает структуру нации, ее закономерность. Ни один из признаков не может отсутствовать без нарушения этой структуры, все они связаны в одно целое, составляя единое целое, нацию. «Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы она перестала быть нацией».¹

Существенные признаки, выражающие закономерность, внутренние связи и отношения, структуру вещей и явлений, необходимы и вместе с тем достаточны для выделения одних предметов от других. Все остальные признаки на данном этапе развития действительности и уровня научного знания являются несущественными.

Мысль, отражающая существенные признаки предметов, является понятием. Из вышеизложенного вытекает, что понятие отражает структуру предметов, их сущность или закономерность класса предметов.

В учебниках логики часто употребляют выражение «признаки понятия». Конечно, и понятия обладают признаками; понятия также являются предметом изучения, и мы отличаем один вид понятия от другого, например, понятия общие от единичных, положительные от отрицательных и др. (см. ниже). И в этом смысле понятия обладают признаками. Но в учебниках логики говорится не об этих признаках понятий: признаки предметов считают признаками понятий; так, например, смертность объявляется признаком понятия человека, электропроводимость — признаком понятия металла. На самом деле понятие человека, металла не обладает, конечно, ни признаком смертности, ни признаком электропроводимости. Эти признаки — признаки реальных вещей, и понятия этих вещей отражают эти признаки, сами не обладая этими признаками; в понятиях мыслятся эти признаки.

Кроме изложенного деления признаков на общие и единичные и существенные и несущественные, важное значение имеет деление признаков на абсолютные и относительные, деление, которое играет большую роль в теории суждений и умозаключений и на которое логика мало обращает внимания.

Дело в том, что вещи и явления действительности характеризуются качественной определенностью. Качество вещи и

¹ Сталин. Соч., т. II, стр. 296.

явления — их простейшая и основная определенность, их внутренняя структура, закономерность их строения. Совокупность признаков (свойств), составляющих эту простейшую и основную определенность вещи, явления, характеризует вещь, как она есть, вне ее отношений к другим вещам. Признак полного соответствия производственных отношений и производительных сил — признак страны социализма, вне всякого отношения нашей страны к другим странам и к другим вещам и явлениям вообще; но признаки нашей страны социализма, выражающиеся в том, что она помогает строительству социализма в странах народной демократии и находится в антагонистических отношениях с фашистскими и полуфашистскими странами — признаки не абсолютные, а признаки, проявляющиеся по отношению к другим вещам. Эти признаки вытекают из сущности страны социализма, но обусловлены и теми странами, к которым имеет отношение наша страна. Эти признаки производные, относительные; относительные в том смысле, что они проявляются или даже возникают только в отношениях. Так, например, такие признаки вещей, как «быть слева», «больше», «меньше», «равным», «восточнее», «севернее», «быть братом» и т. д. — не абсолютные признаки, они не признаки вещей, взятых сами по себе, а признаки вещей по отношению к другим вещам.

3. Понятие и представление

Понятие — мысль, отражающая признаки предметов. Но эта мысль отражает не все и не любые признаки, а существенные признаки предмета или класса предметов. Этим отличается понятие от представления.

С помощью «живого созерцания», восприятия нам даются разнообразные предметы и явления. Отличительная черта восприятий заключается в том, что предмет дается в восприятии не в виде отдельных его признаков, а как нечто единое, цельное. Воспринимаемые предметы и явления существуют независимо от сознания, действуют на сознание, на органы чувств и отображаются нашим сознанием как единые, цельные предметы со всем своим многообразием свойств, признаков. Восприятие — не только совокупность ощущений; в восприятии участвует весь старый опыт, представления, заимствованные из прежнего опыта.

В процессе развития человеческого сознания ощущения, восприятия и мышление, которое возникло на основе первых, настолько переплелись, связались друг с другом, что у современного человека нет чистых восприятий, так же как нет «чистой мысли»: восприятия пронизаны мыслью, так же как и в мышлении заключается момент «живого созерцания».

Наше сознание может воспроизвести восприятие; мы можем мысленно «поставить» перед собой предмет, который мы раньше восприняли. Мысленное воспроизведение предмета восприятия является представлением. Представление тоже является отражением предмета, в нем так же отражаются признаки предмета.

Представление ближе стоит к действительности, чем понятие, оно живее, ярче, оно отражает разнообразные признаки, оно не выделяет существенных признаков и не отличает их от несущественных; представление всегда индивидуально. Оно индивидуально, во-первых, в том смысле, что у каждого человека своеобразное представление об одном и том же предмете, обусловленное различным опытом людей. Представление дома, человека и т. д. у одного человека одно, у другого — другое, и полностью эти представления у людей почти никогда не совпадают.

Представление индивидуально, во-вторых, потому, что представляемый предмет в конечном счете индивидуален. Существуют кроме единичных представлений и общие представления, т. е. существуют представления не только единичных вещей, но и класса вещей; например, представление здания Большого театра в Москве и представление здания; но если это последнее представляет на самом деле представление, оно будет представлением какого-либо такого или иного, следовательно индивидуального здания.

Понятие в этом смысле отстоит дальше от действительности. Понятие, отражая существенные стороны, признаки предметов, обладает определенностью, точностью, оно одинаково у людей, несмотря на разнообразие их личного опыта, оно характеризуется относительной устойчивостью, оно одно и то же на определенном уровне развития знания. Если понятие отражает сущность, структуру, закономерность вещи, явления, то представление, как правило, отражает их внешние свойства, правильное, оно отражает любые признаки вещей. Отражая сущность вещей, понятие глубже проникает в действительность, глубже отражает действительность.

В повседневной жизни люди пользуются большей частью не понятиями, а представлениями. Люди говорят друг с другом, сообщают друг другу мысли, рассказывают о событиях и т. д., вовсе не мысля понятиями. Если мы скажем, что такой-то шел по улице и споткнулся о камень и упал или такой-то ехал верхом на лошади, то это не значит еще, что у нас имеются понятия камня и лошади. Мы знаем, что такое камень, лошадь, но в большинстве случаев мы не знаем существенных признаков камня, лошади, то-есть, мы имеем представление о камне и лошади, но не понятие. Для повседневной жизни часто совершенно достаточно иметь представ-

ление о вещах, событиях, чтобы понимать друг друга. В науке представления вовсе недостаточны. Научное познание — познание с помощью понятий.

4. Объем и содержание понятий

Понятие отражает существенные признаки предметов. Совокупность существенных признаков предмета, которая мыслится в понятии, называется содержанием понятия. Нужно подчеркнуть, что эти признаки — не признаки самого понятия, это признаки самих предметов, в понятии они мыслятся как признаки предметов. И если мы в дальнейшем ради краткости будем употреблять выражение «признаки понятий» — выражение обычно встречающееся в учебниках логики, то оно будет обозначать признаки предметов, мыслимых в понятии.

Эти существенные признаки характеризуют предмет или группу предметов. Таким образом, понятие, как мысль о совокупности существенных признаков, обуславливает известный круг предметов. Совокупность этих предметов, мыслимых в понятии, называется классом предметов. Мысль же о классе предметов называется объемом понятия. Дело в том, что класс предметов состоит из реальных предметов и явлений; их можно разбить на более мелкие группы, классы. Так, например, класс людей можно разбить на более мелкие классы: класс белокожих, класс чернокожих и т. д. Понятие человека не состоит, конечно, из людей; в понятии — с помощью существенных признаков человека — мыслится класс людей; и это понятие можно разделить на более частные понятия: понятие белокожего, понятие чернокожего и т. д. Таким образом, объем понятия — не совокупность предметов, а совокупность понятий.

Количество предметов, мыслимых в понятии, может быть разнообразным. В понятии может мыслиться один предмет, например, понятие Кавказского хребта, понятие Великой Октябрьской социалистической революции, понятие земли (планеты), понятие основателя логики и т. д. В понятии может мыслиться ограниченное количество предметов, например, понятие планеты, понятие народно-демократического государства, понятие лауреата Сталинской премии, понятие Героя Советского Союза и т. д.; в понятии может мыслиться неограниченное число предметов, таковы, например, понятие человека, лошади, небесного тела и т. д.

Содержание понятия является обуславливающим, объем понятия — обусловленным. В процессе познания действительности мы познаем отдельные вещи, явления, различаем их отдельные признаки, выделяем существенные признаки от не-

существенных, сущность от явления, общее от индивидуального и, руководствуясь выделенными существенными признаками, причисляем те или иные предметы и явления к классу предметов, каждый предмет которого обладает этими признаками; мысль же о классе этих предметов и представляет собой объем понятия.

5. Виды понятий

Понятия можно делить по разным основаниям, но основным будет все же деление их по объему и содержанию.

а. Деление понятий по объему на общие и единичные. Понятие называется общим, если в его объеме мыслится более одного предмета, все равно, мыслится ограниченное или неограниченное количество предметов. Так, например, понятия планеты, народно-демократической республики, колхоза, человека, растения являются общими.

Понятие называется единичным, если в его объеме мыслится только один предмет. Например, понятия оси земли, автора «Войны и мира», Великой Отечественной войны являются единичными понятиями.

Общие понятия, в свою очередь, можно разделить на общие регистрирующие и общие нерегистрирующие или бесконечные. В первом случае число предметов, мыслимых в понятии, ограничено, их можно перечислить, регистрировать; таковы, например, понятия планеты, участника Великой Отечественной войны. Во втором случае число предметов, мыслимых в понятии, бесконечно, их нельзя перечислить, регистрировать; например, понятия человека, треугольника, небесного тела, участника войны и т. д.

Различие между регистрирующими и бесконечными общими понятиями: может показаться неважным, незначительным или даже чисто формальным, однако, оно играет большую роль в познавательном отношении, именно при характеристике ценности нашего познания.

Единичные понятия также делятся на два типа: простые единичные понятия, в которых мыслится один предмет, как состоящий из самого себя, например, понятие автора «Войны и мира», оси земли и т. д., и единичные собирательные понятия, в которых мыслится совокупность предметов, как единое целое, как единый предмет, например, понятие подмосковного леса, библиотеки имени Ленина, Н-ской дивизии, IX класса такой-то школы.

Понятие библиотеки как отражение существенных признаков разнообразных библиотек, конечно, общее понятие, но понятие библиотеки имени Ленина — единичное понятие, в нем мыслится собрание книг как единое целое. Мысль, выска-

занная относительно предмета, мыслимого в этом понятии, характеризует эту совокупность предметов как единое целое, а не отдельные предметы, из которых состоит эта совокупность. Так, если мы утверждаем о IX классе такой-то школы, что он успевающий, отличный и т. д., то это относится к классу как к целому, а не к каждому ученику этого класса. Если мы говорим о каком-либо лесе — «старый лес», то характеристика «старый» относится к лесу как целому, и этим мы не хотим утверждать, что в этом лесе нет совершенно молодых деревьев.

в. Деление понятий на конкретные и абстрактные. Понятие называют конкретным, если в нем мыслится предмет или класс предметов. Такое определение может показаться не совсем корректным и даже сбивчивым, так как в логике предметом называется все, о чем можно высказать мысль. Таким образом, и человек является предметом, и ведьма, и храбрость. Ведь про них можно высказать мысль, например, «человек смертен», «ведьма — фантастическое существо», «храбрость достойна награды».

Когда же мы говорим о конкретных и абстрактных понятиях, то имеем в виду понятие предмета, отличное от вышеизложенного. В данном случае человек, ведьма — предметы, храбрость же не предмет, а свойство предмета, вне которого это свойство не может существовать. Поэтому конкретными понятиями являются такие понятия, в которых мыслится предмет как целое, абстрактными же являются понятия, в которых мыслится сторона, свойство, признак предмета. Человек, капитализм, колхоз, поэт, металл, москвич, дом — конкретные понятия; человечность, белизна, скромность, урожайность — абстрактные понятия.

Абстрактные понятия можно создавать, отвлекая (абстрагируя), выделяя от предмета какую-либо сторону, какой-либо признак.

В сущности, всякое понятие абстрактно, в широком смысле слова, так как понятие, каково бы оно ни было, отражает не все признаки предмета или класса предметов, а только некоторые, именно существенные. Таким образом, и конкретное понятие отражает сторону предмета, правда, существенную, но все же сторону, которая отдельно от предмета существовать не может. Но, как было указано, в конкретном понятии мыслится предмет как целое, в то время как в абстрактном понятии — свойство, признак предмета.

Конкретные и абстрактные понятия могут быть общими и единичными. Общие конкретные понятия: книга, колхоз, рабочий класс. Общие абстрактные понятия: храбрость, урожайность, сладость. Единичные конкретные понятия: создатель логики, автор «Витязя в тигровой шкуре», «Волга». Единич-

ные абстрактные понятия: красота пушкинского стиха, героизм Гастелло и др.

с. Деление понятий на абсолютные и относительные. Относительными являются понятия, которые имеют смысл только по отношению к другим понятиям и которые мыслятся в связи с другим понятием. Они отражают предметы, которые не могут существовать один без другого. Например, понятие отца не может мыслиться без понятия детей, понятие пролетариата—без понятия буржуазии, внешнего—без внутреннего и т. п. Они являются относительными. Абсолютные понятия имеют смысл без всякого отношения к другим понятиям, они могут мыслиться вне связи с другими понятиями. Например, понятия человек, книга, общество, герой, колхоз и т. п. являются абсолютными понятиями.

д. Деление понятий на положительные и отрицательные. В некоторых случаях мы образуем понятия не тем способом, что выделяем существенные признаки, присущие предмету, а указанием, какими признаками не обладает данный предмет или класс предметов. Если понятие отражает признаки, присущие предмету, мы имеем положительное понятие. Если же в понятии мыслится признак, который не присущ предмету, мы имеем отрицательное понятие. В понятии всегда мыслятся известные признаки, но в положительных понятиях они мыслятся как присущие предмету, в отрицательных же — как не присущие. Так, например, понятия красивого, грамотного, четного числа и т. п. являются положительными понятиями, а понятия некрасивого, неграмотного, нечетного числа — отрицательными.

6. Основные отношения между понятиями

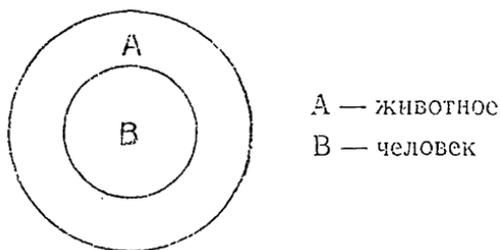
Отношения между понятиями могут быть разнообразными. Мы рассмотрим только основные отношения между ними. Принимая во внимание обе стороны понятия, его содержание и объем, можно разделить основные отношения между понятиями на два класса: на совместимые и несовместимые понятия. Деление отношений между понятиями на вышеуказанные виды обусловлено тем обстоятельством, что предметы и признаки предметов, мыслимые в понятиях, могут совпадать или исключать друг друга.

Совместимыми являются два таких понятия, в содержании которых нет признаков, исключающих друг друга. Поэтому вполне возможно, что объемы двух таких понятий вполне или хотя бы отчасти совпадают. Например, понятия человека и животного будут совместимыми, так как в этих понятиях мыслятся признаки, которые не исключают друг друга. Наоборот, несовместимыми называются такие два понятия, в содержании которых мыслятся признаки, исключающие друг

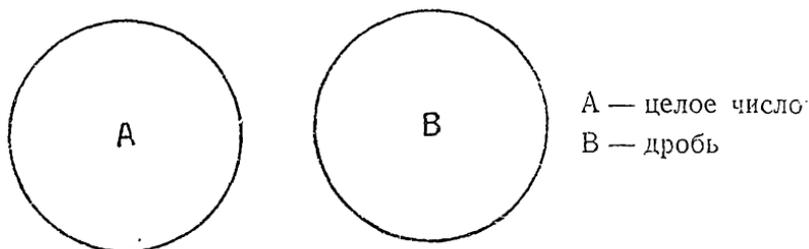
друга. Поэтому ясно, что не существуют предметы, которые могут мыслиться (одновременно) в обоих понятиях. Несовместимыми будут, например, понятия целого числа и дроби, так как признаки первого понятия исключают признаки второго. Поэтому ясно и то, что в классе целых чисел нет дробных чисел и в классе дробных нет целых чисел.

В логике принято изображать объемы понятий кругами. Подразумевается, что каждый предмет, мыслимый в понятии, изображается точкой круга. Совокупность точек круга представляет класс предметов, мыслимых в понятии. Если предметы, мыслимые в двух понятиях, всецело или частично совпадают, соответственно совпадают всецело или частично изображающие их круги. В противном случае, а именно, если мыслимые в двух понятиях предметы совершенно не совпадают друг с другом, исключают друг друга, изображающие их круги не имеют точек соприкосновения.

Так, например, отношение понятий человека и животного изображается в круговых схемах следующим образом:

понятия целого числа и дроби:

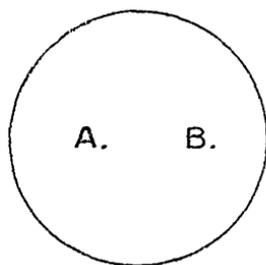
Различают три вида совместимых понятий: 1) равнозначимые понятия, 2) подчиненные и 3) перекрестные понятия.

1) **Равнозначимые понятия.** Равнозначимыми понятиями называются понятия, в которых мыслится тождественный

класс предметов, следовательно, объемы которых совпадают при различном содержании этих понятий. Таковы, например, понятия равностороннего и равноугольного треугольника, воспитателя Александра Македонского и основателя логики, оси земли и общего диаметра всех меридианов земли и т. п.

Эти пары понятий не тождественны, так как в них мыслятся различные признаки. В понятии равностороннего треугольника мыслится равенство сторон, а в равноугольном — равенства углов. Но объемы этих понятий всецело совпадают; они указывают, отражают один и тот же класс предметов, но характеризуют его различными признаками.

В круговых схемах равнозначные понятия выражаются следующим образом:

А — равноугольный треугольник

В — равносторонний треугольник

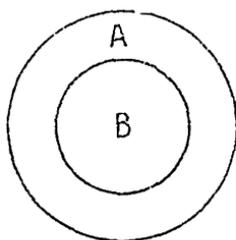
В этой схеме буквы А и В указывают на то обстоятельство, что содержания данных двух понятий отличаются друг от друга, однако объем у них один и тот же.

2) **Совместимые понятия могут быть подчиненными.** Например, отношение понятия животного и собаки — отношение подчинения. Если сравнить содержания этих понятий, станет ясным, что все содержание понятия животного входит как часть в состав содержания понятия собаки, так как собака как животное обладает всеми признаками животного и, кроме того, признаками, присущими ей как собаке. Если же сравнить объемы этих понятий, то окажется, что объем понятия собаки входит как составляющая часть в объем понятия животного. Таким образом, между понятиями А и В существует отношение подчинения в том случае, если содержание А входит как часть в В и объем В входит как часть в состав А.

Понятие с большим объемом в данном случае является общим понятием, понятие с меньшим объемом — частным. Общее понятие — шире по объему и беднее по содержанию, частное понятие — уже по объему и богаче по содержанию. Общее понятие называют подчиняющим, частное — подчиненным.

Отношение подчинения может существовать между двумя общими понятиями, а также между общим и единичным. В первом случае более общее понятие называется родом, ме-

нее общее (частное) — видом. Отношение рода и вида в круговых схемах выражается двумя кругами, из которых один включен в другой:

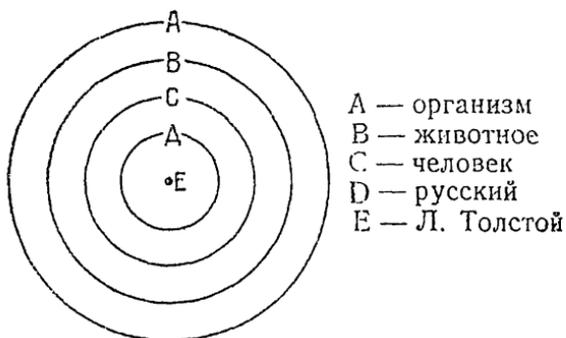

Ввиду особой важности родо-видовых отношений между понятиями, придется несколько подробнее рассмотреть некоторые вопросы, связанные с этим отношением.

а) Объем частного понятия входит в объем общего понятия, составляя часть последнего. Но данное общее понятие может, в свою очередь, входить в объем более общего понятия, таким образом понятия рода и вида относительны: одно понятие может быть родом по отношению к другому и в то же время видом по отношению к третьему. Так, например, понятие параллелограмма является родом по отношению к понятию прямоугольника и видом по отношению к понятию четырехугольника, классовое общество — род по отношению к капиталистическому обществу и вид по отношению к понятию общества. Можно расплосжить известный класс понятий по степени их общности так, что каждое понятие в пределах высшего и низшего будет родом по отношению к низшему и видом по отношению к высшему. Например:

Организм
Животное
Человек
Русский
Л. Толстой

В круговых схемах:

Понятие животного является родом по отношению к человеку и видом по отношению к организму. Но животное в данном случае является родом и по отношению ко всем другим понятиям, имеющим меньший объем, например, по отношению к понятиям русского, Толстого.

Понятие А является родом для всех остальных понятий, В, С, D, Е, а эти последние являются видами понятия А. И кроме того, все понятия А, В, С являются родами по отношению к понятию D. Из всех родов по отношению к данному виду ближайшим родом называется род, который наименее отличается объемом от данного вида.

Так, например, понятие животного является ближайшим родом по отношению к понятию человека, понятие прямоугольника является ближайшим родом для понятия квадрата и т. д.

в) Было уже упомянуто, что родовое понятие по сравнению с видовым обладает большим объемом и меньшим содержанием и, наоборот, видовое понятие по сравнению с родовым — меньшим объемом и большим содержанием.

На определенном уровне развития научного знания содержание и поэтому объем каждого понятия является строго определенным. Но это, конечно, не значит, что в процессе развития человеческого знания содержание понятия и его объем остаются неизменными. В процессе развития знания человек проникает все глубже в сущность вещей и явлений, открывает новые существенные признаки. То, что казалось существенным или было существенным, может оказаться несущественным или превратиться в несущественный признак. Поэтому понятия в процессе развития не стоят на месте, не являются застывшими, окаменелыми.

В понятии насекомого в одно время мыслились раки и пауки. С точки зрения современной науки содержание понятия насекомого намного уточнилось, и класс раков и пауков уже не мыслится больше в объеме насекомого. «Прежде сосцы считались признаком млекопитающего, но утконос не имеет вовсе сосцов».¹ Существенные признаки атома — неделимость, простота оказались вовсе несущественными, атом оказался со сложной структурой; понятие атома существенно изменилось. Понятия пространства, времени, материи, энергии и т. п. в физике изменились, изменилось их содержание, а в некоторых случаях на этом основании изменился и их объем.

Но на каждом определенном уровне развития научного знания каждое понятие обладает строго определенным содержанием. И об этом определенном и фиксированном содер-

---

¹ Энгельс. Диалектика природы, 1950 г., стр. 180.

жании понятия и его отношения к объему данного понятия идет речь в логике. И когда говорят, что изменение содержания данного понятия влечет за собой изменение объема этого понятия и наоборот, то это выражение нужно уточнить. Дело в том, что, изменяя содержание данного определенного понятия, мы изменяем и само понятие. Понятие, в котором изменили содержание, уже не то понятие, которое мы имели, оно уже другое понятие, оно уже отражает существенные черты другого класса предметов.

Изменение содержания, таким образом, может быть двоякое: 1) изменение содержания, зависящее от развития, углубления знания и 2) изменение содержания определенного, фиксированного понятия тем, что опускаются или добавляются некоторые признаки, вовсе не обусловленные развитием и углублением человеческого знания. Например, если понятие человека характеризовалось признаками «общественного животного» и оно заменилось признаком «делающего орудия», то это изменение содержания понятия человека обусловлено углублением нашего знания о человеке. Если же изменить содержание таким образом, что исключить один из признаков, например, «общественный» или «делающий орудия», или заменить признак другим, например, признаком «двуногий», то в этом случае изменение содержания вызвано уже не развитием знания. В данном случае изменяется понятие не в смысле его развития, т. е. лучшего и более глубокого, адекватного отражения сущности класса предметов, а в смысле замены одного понятия другим.

В этом последнем смысле содержание и объем понятия, как данного понятия, должны быть строго определенными. Изменяя содержание понятия, т. е. уменьшая или увеличивая его объем, мы получаем совершенно новые понятия. Этим путем мы можем создавать новые понятия.

Понятия возникают на основе живого созерцания, представлений, на основе их определенной обработки. Но понятия можно образовать на основе уже имеющихся готовых понятий. Для этого нужно изменить содержание понятий, уменьшить или увеличить их содержание. Соответственно этому изменяется и их объем. В первом случае объем понятия увеличится, во втором — уменьшится.

Процесс образования новых понятий путем уменьшения содержания уже имеющихся понятий называется обобщением понятия. Процесс образования новых понятий путем увеличения их содержания называется ограничением понятий.

Обобщая понятие человека, мы получим понятие животного, обобщая эти последние, получим понятие организма и, наконец, обобщая понятие организма, можно получить наиболее общее понятие, понятие материи. Ограничивая понятие челове-

ка, соответственно получим понятия, например, русского, Л. Толстого. Обобщение и ограничение имеют определенный предел. Предел обобщения — наиболее понятие, которое является родовым и не может быть больше видом какого-либо более общего понятия. Такие наиболее понятия называются категориями. Предел ограничения — понятие отдельного предмета, которое вовсе уже не имеет объема.

Сравнивая два понятия — видовое и родовое, например, понятия человека и животного, легко заметить, что видовое понятие богаче по содержанию и уже по объему родового понятия, и, наоборот, родовое понятие шире по объему и беднее по содержанию видового понятия. Например, содержание понятия человека богаче содержания животного, так как в содержании понятия человека мыслятся все существенные признаки животного и кроме того видовые признаки человека, именно существенные признаки человека, отличающие его от животного вообще. Таковы признаки, например, делания орудий, сознательности, членораздельной речи. С другой стороны, в объеме человека мыслятся только люди, в то время как в объеме животного кроме людей мыслятся и все остальные животные. Таким образом, между объемом и содержанием родо-видовых понятий существует обратное отношение. Объем и содержание двух понятий, между которыми установлено отношение рода и вида, таково, что понятие с большим содержанием обладает меньшим объемом. В объеме понятия материи мыслятся все предметы и явления, существующие независимо от сознания и могущие действовать на сознание, в то время как содержание состоит из тех двух признаков, которые перечислены тут же. В понятии треугольника мыслятся все треугольники, в понятии прямоугольного треугольника — только прямоугольные, а содержание последнего богаче содержания первого, так как в первом нет признака прямого угла.

Сказанное не будет иметь силу, если к содержанию понятия прибавить признак или признаки, характеризующие все предметы, мыслимые в объеме понятия. Такое положение встречается очень часто в процессе развития нашего знания. Так, если в процессе развития знания были открыты новые существенные признаки атома, то этим объемом понятия атома, конечно, не расширился. Или, если открыли новую планету и поэтому в объеме понятия планеты мыслится теперь 9, а не 8 планет, то от этого содержание этого понятия не стало беднее.

с) Изложенный выше принцип обратного отношения объема и содержания понятий оспаривается некоторыми логиками. Оспаривается этот принцип и с точки зрения фактической и с точки зрения ценности понятия для познания.

Гегель затратил много усилий для опровержения учения традиционной логики о понятии вообще и, в частности, для опровержения учения об обратном отношении содержания и объема понятий. С точки зрения Гегеля обобщение понятия не делает его содержание беднее; только рассудочное обобщение приводит к такому результату. Спекулятивное обобщение обогащает содержание: чем понятие более общее, тем оно более конкретное. Самое общее понятие включает в себя все богатство конкретного и единичного. Наименее общие понятия наиболее абстрактны, абстрактны в том смысле, что обладают самым бедным содержанием.

Точка зрения Гегеля понятна: Гегель — объективный идеалист, и его точка зрения приводит его, именно, к такому выводу. Для Гегеля, в конечном счете, единственная реальность — это понятие. Каждый предмет — понятие, и вся действительность — понятие.

С другой стороны, Гегель «угадал», что в действительности общее и единичное не оторваны друг от друга, общее и единичное связаны друг с другом, находятся в единстве. И поэтому понятие, как предмет действительности, должно быть единством общего и единичного: ведь понятие и есть единственная реальность. И Гегель, не отличая предмета действительности от его понятия, характеризует понятие так, как нужно было характеризовать предмет действительности, а не его понятие.

Марксистско-ленинская философия, конечно, не может ставить знака тождества между вещами и явлениями действительности и соответствующими им понятиями. Марксистско-ленинская философия впервые обосновала положение о единстве общего и единичного. Это положение имеет огромное значение в ленинской теории отражения, в марксистской философии вообще, в частности, в учениях логики. Жучка — отдельная, единичная собака, но она в то же самое время собака. Петр — отдельный, индивидуальный, но в то же время человек (см. об этом подробнее ниже).

Но это вовсе не означает того, что понятие, как отражение сущности предметов, было бы единством общего и единичного. «Всякое общее есть частичка (или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы».¹ Образовывая понятия, «мы отбрасываем ряд признаков, как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому».²

Понятие отражает общее и существенное в явлениях. Проще — отражает сущность вещей и явлений, а не сами вещи

¹ Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 329.

² Там же.

и явления в их многообразных признаках. Явление богаче сущности, понятие же, отражая только сущность, не может охватить всего богатства явления. Отбрасывая признаки при образовании понятий, выделяя общее и существенное, мы обедняем содержание, уменьшаем количество признаков. Обобщая понятия, мы, на самом деле, образуем новое понятие, более общее, следовательно, отбрасываем еще некоторые признаки, т. е. уменьшаем содержание. Так, например, отбрасывая признаки, характеризующие отдельных людей, и выделяя общее и существенное, мы создаем понятие человека. Отбрасывая признаки, характеризующие только человека, а не всех животных вообще, например, делание орудий,— мы создаем понятие животного более общее, т. е. обширнее по объему, но беднее по содержанию.

Марксистско-ленинская философия не отождествляет и не может отождествлять объективно существующие вещи и явления с отражающими их понятиями. Требовать от понятия, сущность которого заключается в отражении одной стороны, части, сущности вещей, отражать все особенности и частности вещей, не согласуется с материалистическим мировоззрением марксизма-ленинизма.

Некоторые советские логики, понимая, что признаки вещей и явлений, которые отражаются в общих понятиях, не могут быть индивидуальными, особыми признаками отдельных вещей и явлений, а только существенными, но в то же время не отказавшись от взгляда, что понятие должно отражать вместе с существенными и все остальные признаки, создают своеобразную, противоречивую теорию об отношении общего и единичного в понятии.

Проф. Асмус, например, утверждая, что «родовое понятие, будучи более широким по объему, чем видовое, заключает в своем содержании и меньшее сравнительно с видовым понятием количество признаков»¹, добавляет: «В каждом понятии, если оно подлинно научное понятие, предусматриваются все частные случаи, какие могут быть из него выведены и из каких составляется полное содержание понятия».² Так, в понятии треугольника предусматриваются все существенные признаки частных видов треугольника. Но из всех этих признаков, характеризующих частные случаи или виды треугольника и составляющих содержание понятия треугольника, ни один не отмечается в определении понятия «треугольник».³

Эти частные признаки принадлежат содержанию родового-

---

¹ Асмус. Логика, 1947 г., стр. 43.

² Там же.

³ Там же.

го понятия, но мы их не указываем, так как указывать их необходимо только в особых случаях, именно, когда мы хотим отличить один вид треугольника от других видов.

Противоречие, заключающееся в таком объяснении, сразу бросается в глаза. Как согласовать такие высказывания проф. Асмуса, как «родовое понятие включает в своем содержании меньшее сравнительно с видовым понятием количество признаков» и «все признаки, характеризующие частные случаи или виды треугольника, составляют содержание понятия треугольник»? Ведь если все признаки всех частных видов треугольника составляют содержание общего понятия треугольник, тогда содержание этого последнего будет включать не меньшее количество признаков, а гораздо большее их количество, так как в понятии прямоугольного треугольника будет содержаться признак прямого угла, в то время как в понятии треугольника вообще будут содержаться признаки всех видов, т. е. и прямоугольность, и косоугольность, и тупоугольность.

Не помогает делу аргумент, по которому вышеуказанное обстоятельство объясняется тем, что, правда, в содержании родового понятия содержатся все признаки видовых понятий, но в определении они не отмечаются. Ведь определение проф. Асмусом разъясняется как «установление содержания»¹ понятия. «Логическое определение раскрывает для мысли признаки, которые мыслятся наукой в содержании понятия».² Если в определении раскрывается содержание понятия, а в содержании понятия мыслятся все признаки, характеризующие виды этого понятия, так почему же эти последние не отмечаются в определении?

Наконец, нельзя соглашаться с утверждением, что «в каждом понятии... предусматриваются все частные случаи, какие могут быть из него выведены и из каких составляется полное содержание понятия». Это положение до слов «из каких составляется» представляет собой пустую тавтологию: конечно, если частные случаи выводятся из родового понятия, они в нем «предусматриваются». Но дело в том, «выводятся» ли частные случаи из родового понятия? Можно ли «вывести» частные случаи вида кенгуру, волка, кошки и т.д. из родового понятия млекопитающего?

д) Некоторые буржуазные логики, главным образом, неокантианского толка, в начале XX века возродили учение о понятии, как о такой форме мышления, которая включает в себе все особенности частного. Исходя из сугубо идеалистических принципов, именно, что чистое мышление строит дей-

¹ Асмус. Логика, стр. 52.

² Асмус. Логика, стр. 53.

ствительность и по форме и по содержанию, что основные отношения, которые являются чисто рассудочными, создают предметы и явления действительности, эти философы и логики создали своеобразную теорию понятия.

Во-первых, понятия не отражают действительности; вообще, понятие «отражения действительности» — неприемлемое для них понятие: действительность не отражается мышлением, а создается мышлением. Во-вторых, понятия суть не понятия вещей или класса вещей, хотя бы и созданных мышлением, а понятия отношений, функциональные понятия. Смысл этого положения можно объяснить на следующем примере: возьмем натуральный ряд целых и положительных чисел (1, 2, 3 и т. д.), в котором каждое последующее на единицу больше предыдущего. (Можно взять все числа и отрицательные, и дробные, и иррациональные). Ряд этот построен по определенному закону; этот последний и обуславливает все закономерности между членами ряда. Каждое число определено отношением к другим, каждое число является функцией других; не числа и их определенность обуславливают отношения между ними, а отношения создают числа. Понятие есть закон построения ряда; если говорить о признаках, то нужно сказать, что понятие есть закон построения ряда признаков. И этот закон включает в себя все особенности частных видов. Так, например, уравнение кривых второго порядка не только не выбрасывает частные виды этих кривых, а, наоборот, все виды этих кривых мыслятся в этом уравнении, которое выражает закон построения всех видов кривых второго порядка. Достаточно придать разные значения определенному параметру в этом уравнении, как мы получим уравнения эллипса, параболы и гиперболы. Точно так же из уравнения второй степени с одним неизвестным $Ax^2 + Bx - C = 0$, которым выражено общее понятие этого уравнения, получаем частные виды этого уравнения, придавая разные значения коэффициентам. В этом понятии мы имеем не совокупность признаков A, B, C, x , а закон их определенной связи.

Эта теория, ориентирующаяся на математические науки и на математическое естествознание и превращающая реальную действительность в уравнения, уже не пытается проводить свою точку зрения в общественных науках. Уже это одно обстоятельство указывает на ошибочность этой теории.

Конечно, поскольку научные понятия отражают сущность вещей и явлений, они так или иначе отражают закон, структуру вещей, явлений. Закон и сущность — понятия однородные (однородные). В законе заключается не все богатство явления, не все виды вещей и явлений, а только общее «идентичное в явлении» (Ленин). «Закон берет спокойное — и поэтому закон, всякий закон узок, неполон, приближителен»,

«Закон есть существенное в явлении» и еще: «Явление, цельность, тотальность, закон-часть», «явление богаче закона».¹

И если всякое научное понятие выражает закон, то этим самым оно выражает не все явление, и содержание понятия не может заключать все признаки частных видов и тем более единичных явлений, а только часть, более или менее «спокойное», тождественное в многообразии видов и единичных явлений.

Конечно, мы можем от родового понятия «спуститься» к видовым понятиям, разложить родовое понятие на составляющие его виды, «придавая определенному параметру» различные значения. Так, например, из родового понятия треугольника, придавая различные значения какому-либо углу A , значение $= 90^\circ$, $> 90^\circ$, получим виды прямоугольного и тупоугольного треугольника, но это не значит, что признаки эти мыслились в понятии родового понятия треугольника. Придавая различные значения цвету кожи в понятии человека, мы получаем видовые понятия белокожего, чернокожего, желтокожего и краснокожего, но эти признаки вовсе отсутствуют в содержании понятия человека. В понятии кривых второго порядка мыслятся существенные признаки, которыми одинаково обладают круг, эллипс, парабола и гипербола, и, отражая эти признаки, понятие потому и является понятием этих кривых. Но в этом понятии вовсе не мыслятся частные признаки эллипса, параболы, гиперболы. Изменяя определенный признак, мы придем к частным видам кривых второго порядка, но это вовсе не доказывает правомерность выставленной точки зрения.

Основа всей этой теории — идеализм, по которому вещи и явления — порождения мышления, предмет и мысль о предмете — одно и то же. И так как предмет является тождеством общего и частного, то и понятие о предмете характеризуется этими же признаками. Предмет создается закономерными отношениями; отношения — отношение мысли, они — порождения чистого мышления. Эти чисто рассудочные, априорные отношения, порождая предметы действительности, в то же самое время устанавливают закономерные связи между ними; и чистая мысль, изменяя отношения, «дедусирует» из общего понятия виды, содержащиеся в ней.

е. Если эта точка зрения одной из реакционных некантовских школ утверждает, что понятия не отражают предметов и явлений действительности, а являются законами нашего мышления, законами, создающими действительность, и при этом законами связи ряда, дающими возможность перехода от общего к частному и от одного вида к другому, и все частное содержание видов содержится в законе как общем

¹ Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 126—127.

понятии, то другое реакционное направление неокантианской философии вовсе отрицает за понятиями всякую научную ценность.

Исходя из принципов старой традиционной логики, это направление неокантианской школы считает, что общие понятия, создаваемые в естественных науках, настолько отдаляются от действительности, настолько бессодержательны, что представляют собой скелет, абстрактную схему, ничего общего не имеющую с действительностью. Опираясь на сходство предметов,— причем под предметами понимаются не объективные предметы, существующие вне и независимо от сознания, а предметы как предметы в познающем сознании, без которого эти предметы не существуют,— наше мышление выделяет сходные признаки, отбрасывая все частное, и приходит к тощим, бессодержательным схемам, оторванным от «действительности». Чем общее понятие, тем оно более оторвано от действительности. Причем, такое образование понятий происходит только в науках о природе. Что касается общественных наук, то в этой области вообще нет и не может быть общих понятий. Общественные явления индивидуальны, они не повторимы, они не сходны друг с другом; поэтому их нельзя сравнивать, выделять общие, сходные признаки — их у них и нет, а поэтому образование общих понятий, познание закономерности общественных явлений невозможно. Ясно, против кого направлена эта теория: если нет общего в общественных явлениях, нет закономерности в истории, подлинное познание исторического процесса невозможно. Нельзя предвидеть события, нельзя воздействовать и преобразовать общество.

Прежде всего об образовании общих понятий в общественных науках. Конечно, если явления только индивидуальны и неповторимы, образование общих понятий невозможно. Образование общих понятий возможно по отношению к той области действительности, где явления не только различаются друг от друга, но где в явлениях есть и нечто общее, существенное, тождественное, так как общее есть то единое тождественное, которое объединяет многообразие явлений (см. об этом подробнее ниже).

О каком сходстве и о какой повторимости явлений рассуждает эта реакционная теория? Если говорить об абсолютном сходстве, т. е. тождестве вещей и явлений, то такового нет ни в области явлений природы, ни в области общественных явлений. Всякое явление природы — дождь, гром, молния, падение камня, нагревание тел, образование атомов, распад атомов и так далее, и так далее — индивидуально, единично, происходит где-то в определенном месте, в определенное время, в определенных условиях и поэтому, как было сказано, носит единичный характер, и данное явление, в силу указанных об-

стоятельств, полностью, абсолютно, конечно, не повторяется. Но, несмотря на это, общее, тождественное повторяется. Как бы ни различались друг от друга молнии, возникшие в разное время, в разных местах и обстоятельствах, нечто общее содержится в них. Как бы ни различался распад атома в одном случае от распада в другом случае, нечто общее, существенное, тождественное содержится в них. Это тождественное и есть закономерность данных явлений.

Точно так же и в общественных явлениях: как бы ни отличалась социалистическая революция в нашей стране от будущих социалистических революций в капиталистических странах, нечто существенно-тождественное будет характеризовать их. Это существенно-тождественное и есть закономерность социалистической революции. Или как бы ни отличалась одна империалистическое государство от другого или одна буржуазная реакционная теория от другой, они характеризуются определенным существенно тождественным моментом, отражение которого в мышлении будет общим понятием империалистического государства, общим понятием реакционной буржуазной философской, политической и т. д. теории.

Общие понятия можно образовывать и фактически они образуются и в науках о природе и в науках об обществе. Закономерность господствует и в одной и в другой области. Предвидеть события и преобразовывать явления можно и в природе и в обществе. Грандиозная перестройка действительности произошла и происходит на наших глазах в нашей стране, и замечательнее всего то — в противоположность реакционной неокантианской школе, — что перестройка общественных отношений по определенному плану предшествовала перестройке природы.

Что касается познавательной ценности понятий, то нужно сказать, что понятия, правда, отходят от чувственной действительности — в этом заключается их природа в отличие от восприятий и представлений, — но это не значит, что они вообще отходят от действительности. Наоборот, отбрасывая случайные, поверхностные, несущественные признаки предметов, отвлекаясь от единичных особенностей явления, понятия схватывают сущность явления, отражают закономерности действительности и этим доставляют самое ценное, самое важное для познания действительности. Понятия — не бессодержательная схема, не тощий скелет действительности, а форма нашего мышления, отражающая единое в многообразии явлений, отражающая то ядро в явлениях, которое делает данное явление принадлежащим определенному классу, сущность, на основании знания которой люди могут воздействовать на природу и общество и преобразовывать их.

Восприятие, представление ближе к действительности, чем понятия, в том смысле, что они отражают действительность в чувственной форме, непосредственной форме. В них не различаются существенные стороны от несущественных и случайных, они ярче, живее понятий, но они гораздо дальше отстоят от действительности в том смысле, что они не отражают и не могут отражать сущность явлений, общее и тождественное, необходимое в явлениях, внутренние отношения, структуру, законы явлений. Понятия ближе к действительности, чем восприятия и представления, в том смысле, что они проникают в глубь вещей и явлений, отражают внутренние связи, структуру и законы явлений. Но они дальше от действительности в том смысле, что они не отражают многообразия чувственных признаков явлений.

«Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов и т. д., каковые понятия, законы... и охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы. Тут действительно, объективно три члена: 1) природа; 2) познание человека... и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории. Человек не может охватить — отразить природы всей, полностью ее «непосредственной цельности», он может лишь вечно приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.»¹

В другом месте Ленин высказывает мысль относительно того, что научные понятия не отходят от действительности, а наоборот, глубже и вернее отображают ее. «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно правильное... от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее».²

Нужно обратить внимание на одно обстоятельство. Дело в том, что понятие конкретного употребляется в двух различных друг от друга смыслах, и часто различное употребление этого термина приводит к неправильному толкованию высказываний классиков марксизма-ленинизма.

Понятие конкретного употребляется часто в смысле индивидуального, единичного; так, часто говорят «возьмем конкретный пример», «в конкретном случае...», «данный конкрет-

¹ Ленин. Философские тетради, 1947 г. стр. 156—157.

² Там же, стр. 146.

ный предмет...» и т. д. В таком понимании конкретный человек — это Сократ, Иван, Петр и т. д., единичный, индивидуальный человек; конкретный треугольник — это вот этот данный треугольник, единичный, со всеми своими особенностями. И, конечно, понятие человека, отражая общее, сущность человека, отвлекается от конкретных, индивидуальных свойств, признаков Петра, Сократа; в нем не мыслятся эти признаки; мы отбрасываем эти признаки, признаки некрасивого лица, афинянина, философа, жившего в V веке, и т. д. И поэтому понятие человека по признакам, мыслимым в этом понятии, беднее, уже признаков, характеризующих Сократа, беднее признаков конкретного человека.

Но понятие конкретного имеет и другой, более глубокий смысл: конкретное от слова *concretere*, что означает срастать, сращивать. Конкретное в этом смысле — это то, что сращивает, объединяет многообразие явлений, это то, что делает многообразие единым, это — единое в многообразии. Общее, сущность и есть именно то, что объединяет многообразие явлений; люди различны, многообразны по своим индивидуальным признакам, но они едины по своей сущности. Это общее, эта сущность и соединяет, сращивает всех различных людей в единый род человека.

Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д. отражает природу глубже, вернее, полнее, так как отражает общее, сущность и в результате дает самое конкретное, конкретное не в смысле богатства единичного, индивидуального, а конкретное в смысле единого в многообразии явлений.

Старая, традиционная логика не ошибалась, устанавливая принцип обратного отношения между содержанием и объемом понятия, утверждая, что в общем понятии не мыслятся индивидуальные признаки единичных вещей, что более общее понятие «обладает» меньшим числом признаков по сравнению с менее общим.

Это признаем и мы, утверждая, что понятия отходят от богатства непосредственной чувственной действительности.

Ошибка старой, традиционной логики заключалась в том, что она не понимала конкретное как единое в многообразии явлений, не понимала, что понятие не схема, не тощий скелет действительности, а отражение единого в многообразии, отражение глубокого, верного, полного, что понятие, отражая общее, является абстрактным и в то же время на самом деле является подлинно конкретным.

д. Представители математической логики устанавливают принципиальную разницу между отношением объемов двух понятий родовидового характера и отношением единичного понятия к родовому или видовому. Иначе говоря, между от-

ношением включения класса в другой класс и отношением включения единичного предмета в класс. Первое отношение они называют обычным термином — включение класса предметов в другой класс предметов, второе отношение они называют членством класса (class membership). Примером первого отношения могут служить такие отношения: люди и смертные, железо и металл и т. п.; примером второго отношения будут: Архимед — математик, Сократ — философ и т. д. В первом случае класс людей включен в класс смертных существ, железо — в класс металлов; во втором случае — Архимед является членом класса математиков. Различие между этими отношениями заключается в том, что в первом случае отношение между классами транзитивное (переходное); во втором же случае такого отношения нет. Например, если железо включено в класс металлов, а металлы включены в класс проводников электричества, то и железо будет включено в класс проводников электричества. Если же «Архимед является членом города-государства Сиракузы, а город-государство Сиракузы является членом Греко-Карфагенского союза, то это не значит, что Архимед является членом Греко-Карфагенского Союза».¹

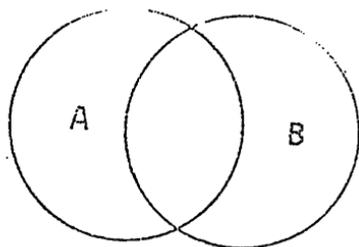
Отрицать существование такого своеобразного отношения, конечно, не приходится. Можно привести многочисленные примеры, иллюстрирующие подобное отношение. Речь идет тут о таком отношении между членом класса и классом, в котором признак класса не характеризует его отдельных членов, так как класс берется как единое целое, как единица, а если говорить не о классах, а о понятии, то понятие берется как единичное понятие. Например, множество всех чисел является бесконечно большим, но отдельные члены этого множества не бесконечно большие. ВКП(б) является членом Информбюро, но члены ВКП(б) не являются членами Информбюро. СССР является членом Организации Объединенных Наций, но члены нашей страны не являются таковыми и т. п.

Но дело в том, что, когда берется класс предметов или общее понятие, отражающее существенные признаки этого класса, то множество предметов в данном понятии мыслится раздельно, т. е. признаки, характеризующие класс, характеризуют и каждый отдельный предмет этого класса. Когда же берется класс предметов как единичный предмет или понятие этого класса как единичное понятие, тогда признак класса как единичного предмета, как правило, конечно, не будет характеризовать составные элементы класса. Поэтому примеры, приводимые представителями математической логики, двусмысленны. Архимед и математик, Архимед и член го-

¹ Cohen и Nagel, An Introduction to Logic, стр. 49.

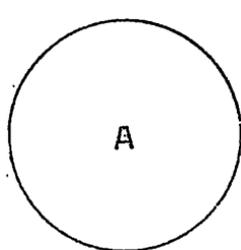
рода-государства и т. п. понятия, отношения между которыми ничем не отличаются от отношений понятий, например, железа и металла, человека и смертного; все признаки математика необходимо характеризуют и Архимеда, все признаки члена города-государства Сиракузы необходимо присущи и Архимеду. И, конечно, нельзя приписывать признаков города-государства Архимеду или какому-либо члену этого города, как нельзя приписывать члену партии признаков партии или члену сберкассы признаков сберкассы.

3. Совместимые понятия могут быть перекрестными. Перекрестными понятиями называются понятия, объемы которых совпадают только частично. Примерами перекрестных понятий могут служить понятия студента и спортсмена, поэта и русского, капиталиста и американца, женщины и врача и т. п. Объемы понятий студента и спортсмена не тождественны, есть студенты не спортсмены и есть спортсмены не студенты; но есть и такие студенты, которые являются спортсменами, и в этой части классы этих предметов совпадают. В круговых схемах перекрестные понятия выражаются так:

A — студенты.
B — спортсмены.

4. Несовместимые понятия. Несовместимые понятия обладают таким содержанием, которое исключает возможность какого-либо совпадения их объемов. Так, понятия целого и дроби, капиталистического общества и коммунистического общества, белого и не белого и т. п. исключают возможность совпадения их объемов. В круговых схемах несовместимые понятия изображаются двумя кругами, у которых нет точек соприкосновения:

A — целое число.
B — дробное число.

Несовместимые понятия могут быть противоречащими. Противоречащими называются два понятия, из которых содержание одного, отрицая признаки, мыслимые в другом, не замещает их какими-либо другими признаками. Так, например, понятия целого числа и не целого, капиталистического общества и не капиталистического, логика и не логика и т. п. будут противоречащими, так как признаки не целого числа отрицают признаки целого числа, но не заменяют их какими-либо признаками; не целое число может быть и дробным и смешанным. Если одно понятие обозначить буквой А, то противоречащее ему понятие обозначают не А. Часто такое символическое обозначение приводит к неправильному, формалистическому толкованию противоречащих понятий: под не А понимаю все что угодно, кроме А; полагают, что можно под не А мыслить весь мир и все явления действительности, за исключением А. Так, в понятии не спортсмена можно мыслить что угодно, кроме спортсмена, в понятии не белого, подразумеваются, якобы, не только цвета, кроме белого, но всякое явление, весь мир, кроме белого.

На самом деле, А и не А—два понятия, имеющие общий род, в них мыслятся два класса предметов, входящих в один общий для них класс. Так, не спортсмен — не всякое явление действительности, например, дерево, планета, камень и т. д., а, именно, человек, который не является спортсменом, но кем он является, каковы его признаки в отличие от спортсмена — неизвестно. Не целое, противоречащее целому числу, есть также число, но неопределенное в том смысле, что неизвестно, дробное или смешанное; не белое — цвет, а не что-либо другое.

Несовместимые понятия могут быть противоположными. Противоположными называются два понятия, из которых в содержании одного отрицаются признаки второго, но отрицаемые признаки замещаются признаками, исключаящими их. Так, например, понятия белого и черного, целого и дробн, капиталистического общества и коммунистического и т. п. Понятие коммунистического общества противоположно понятию капиталистического общества, так как содержание первого, отрицая признаки второго, содержит положительные признаки, исключаящие признаки второго.

В обоих случаях, и в случае противоположности и в случае противоречивости понятий, отрицание признаков относится к видовым признакам, а не к родовому. Понятия не целого числа, не белого, не коммунистического общества, так же как и понятия дробн, черного, капиталистического общества, не отрицают родовой признак, соответственно признак числа, цвета, общества.

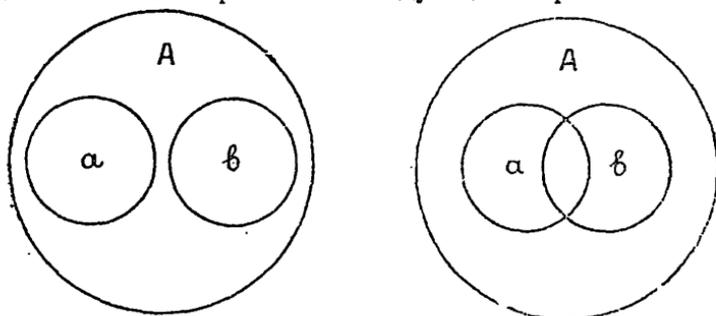
Другое дело, когда мы имеем дело с восприятиями и вы-

выражаем сомнение и даже уверенность, что данный предмет не то, что нам казалось: «это не дом», «не волк» и т. п. В данном случае «не волк» может и не относиться к классу животных, а может быть каким-либо предметом, который почему-либо мог показаться вначале волком.

Примечание: Различие между противоречащими и противоположными понятиями можно установить следующим образом: два понятия являются противоречащими, если они, исключая друг друга, оба вместе исчерпывают класс предметов, мыслимый в родовом для них понятии. Так, например, понятия белого и не белого, целого числа и не целого, капиталистического общества и не капиталистического общества являются противоречащими, так как, исключая друг друга, они исчерпывают весь класс предметов, мыслимый в их родовых понятиях, именно, понятия белого и не белого исчерпывают понятие цвета, понятия целого и не целого — понятие числа, понятия капиталистического и не капиталистического общества исчерпывают понятие общества.

Два понятия являются противоположными, если они просто исключают друг друга, не исчерпывая класса предметов, который мыслится в родовом для них понятии. Так, например, понятия целого и дроби, белого и черного и т. д. являются противоположными, так как, исключая друг друга, они не исчерпывают класса чисел, класса цветов и т. д.

5. Деление отношений понятий на соподчиненные и диспаратные. Отношения между понятиями могут быть отношениями соподчиненности и диспаратности. Если понятия имеют общий род, эти понятия называются соподчиненными, так как они подчиняются одному и тому же роду. Соподчиненными могут быть и совместимые понятия и несовместимые. Например, перекрестные понятия поэт и русский подчиняются понятию человека, металл и жидкость — понятию вещества. Понятия целое и дробь подчиняются понятию числа, а белое и не белое — понятию цвета. В круговых схемах отношение соподчиненности выражается следующим образом:

Однако, существуют понятия, которые не имеют общего рода, если только общим родом не считать понятие «существующего» вообще. Так, например, понятия треугольника и любви, доблести и атомного веса и т. п. Понятия, не имеющие общего рода, называются диспаратными.

7. Теория понятия.

Когда мы говорим о восприятиях, то нам ясно, что восприятиям соответствует определенный предмет, который отражается этим восприятием. Такое же положение имеется в случае представления: представление не так ясно и не так отчетливо, как восприятие, но оно также отражает определенный, индивидуальный предмет. Иначе дело обстоит с понятием. Что отражается понятием? Мы уже указывали на то обстоятельство, что понятие отображает не предмет или класс предметов, существующие в действительности, а сущность предмета, то общее, которое существует в предметах. Но возникает вопрос, существует ли такое общее вообще и если существует, то как оно существует. Вопрос этот не лишний, так как от того или иного решения этого вопроса зависит то или иное решение многих проблем логики. Эта проблема — одна из центральных проблем в философии, и уже в древней греческой философии начался спор по этому вопросу.

Не касаясь истории этого вопроса, разберем несколько теорий понятий, имевших определенное значение в системах логики.

1) **Концептуализм.** Концептуалистическая теория общих понятий очень распространена среди представителей специальных наук и, благодаря сходству по внешнему строению этой теории с марксистско-ленинской теорией понятия, часто принимается за последнюю. Содержание этой теории таково: из многообразного числа явлений действительности выделяется круг сходных явлений, например, люди, деревья и т. п. Эти явления строго единичны, индивидуальны. Мы сравниваем эти единичные явления и находим между ними признаки сходные и различные; т. е. явления выделенного круга явлений подвергаются анализу, разлагаются на признаки. Признаки, которыми отличаются данные явления, отбрасываются (мы от них отвлекаемся); сходные же признаки соединяются в одно целое. Это целое, составленное из сходных признаков, и есть понятие данного класса явлений.

Таким образом, в действительности нет общего, существуют только единичные вещи, явления. Общее — продукт (концепт) нашей мыслительной деятельности. Два момента характерны для этой теории: а) общее, созданное нашим мышлением, оторвано от действительности, правильное, ему не соответствует ничего в реальной действительности. Чем общее:

понятие, тем более удалено оно от действительности. Не отражая ничего существующего в действительности, оно, конечно, не может служить орудием ее познания; в) эта теория стремится объяснить возникновение общего из необщего, из чисто единичного. Если явления единичны и только единичны, то должно быть ясно, что из только единичных явлений общее никак не может получиться. Если, например, люди, собаки, деревья только единичны, индивидуальны и ничего нет общего между отдельными людьми, отдельными собаками и т. д., то не трудно убедиться в невозможности получения из них общего.

Но представители концептуалистической точки зрения утверждают, что у этих единичных вещей и явлений есть что-то общее, именно, сходные признаки. Концептуалистическая теория не понимает смысла понятия сходства. Сходства не может быть между явлениями, если между ними нет тождества в каком-нибудь отношении, так как сходство есть тождество в определенном отношении. А и В сходны — это значит, что они в каком-то отношении тождественны, именно, в отношении С. Петр сходен с Иваном именно потому, что они люди, железо и медь — потому, что они металлы, США и Англия — потому, что они империалистические государства, целое и дробь — потому, что они числа, красное и синее — потому, что они цвета и т. д. А и В сходны, так как у них есть тождественный момент С. Это С является уже не сходным с А и В, а именно, тождественным, так как если С опять только сходно с А и В, тогда для объяснения сходства между А и С требуется признание существования тождественного момента D и так далее до бесконечности.

Признание тождественного, как основания сходства, без которого понятие сходства теряет всякий смысл, есть признание того общего, которое существует в единичном как сущность этого единичного и которое отражается понятием.

Непонятым в этой теории является и то обстоятельство, что первым шагом образования понятия по этой теории служит выделение определенного круга явлений из многообразных вещей и явлений действительности. Почему выделяем мы людей, собак, деревья и т. п. для образования понятий человека, собаки, дерева, т. е. чем мы руководствуемся при выделении, например, сосны, яблони, пальмы и т. д. в один класс; не тем ли, что у нас есть уже понятие дерева и мы подводим под это понятие отдельные, различные друг от друга деревья. Выделять класс предметов из разнообразных явлений можно лишь тогда, когда мы имеем уже понятие с определенным содержанием и, руководствуясь этим содержанием, относим к определенному классу определенные единичные явления.

Почему мы не выделяем группу таких предметов, как, например, чернильницу, куст, планету и т. д. Да потому, что из сравнения этих предметов между собой, отвлечения несходных признаков и т. д., как это требуется рецентом концептуалистов, мы ничего не получим, в крайнем случае, получим понятие предмета вообще. Некоторые логики (напр. Drobisch) предлагают именно такой путь образования понятий. Но, как только что мы отметили, этот путь не может привести к понятиям о предметах, явлениях действительности.

Вышесказанное не означает того, что мы не производим анализа, сравнения, отвлечения и т. д. при образовании понятий. Мы это делаем, только опираясь на совершенно иные предпосылки.

а. Предметы и явления действительности даны нам в восприятии непосредственно как нечто целое; мы воспринимаем данного человека, данную собаку, кусок железа и т. д., именно, как человека, собаку, кусок железа и т. д. Но уже в процессе восприятия наше сознание, обусловленное практикой, начинает выделять в этих предметах и явлениях их отдельные стороны, т. е. обращает внимание на их определенные стороны.

В научной деятельности, при изучении тех или иных предметов, мы уже сознательно и с определенной целью разлагаем предмет на его составные элементы, разлагаем его на признаки и изучаем их отдельно.

«Когда мы мысленно рассматриваем природу или историю человечества, или нашу духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничего не остается неподвижным и неизменным, а все представляется движущимся, изменяющимся, возникающим и исчезающим. Таким образом, мы видим сперва общую картину, в которой частности пока более или менее ступшевыаются, мы больше обращаем внимание на ход движения, на переходы и связи, чем на то, что движется, переходит, находится в связи... Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно охватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения частных, составляющих ее, а пока мы не знаем их, нам не ясна и общая картина. Чтобы познать отдельные стороны, мы вынуждены вырывать их из их естественной (natürlich) или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям. В этом состоит прежде всего задача естествознания и истории...»¹

Нельзя изучать какое-либо сложное явление природы или общества, не разложив его на составные части, не выделив его отдельных признаков. Общая картина, которую дает нам вос-

¹ Энгельс. Анти-Дюринг, 1938 г., стр. 18.

приятие, недостаточна для познания предмета. Тем более необходимо расчленение и выделение элементов и признаков, при изучении группы предметов и явлений, которые и различаются друг от друга и сходны друг с другом.

Мысленное разложение предмета на его составные части, разложение признаков, связанных в предмете, на отдельные признаки называется анализом. Без анализа предметов и явлений мы не можем познать действительность. «Разложение природы на отдельные части ее, разделение различных явлений и предметов в природе на определенные классы, анатомическое исследование разнообразного внутреннего строения органических тел — все это было основным условием тех исполинских успехов, которыми ознаменовалось развитие естествознания за последние четыре столетия».¹

в. Но анализ, помогая нам изучить отдельные стороны и отдельные признаки вещей, разрушает цельную картину предметов и явлений. Только анализ не может дать настоящей картины действительности. Результат анализа — это масса оторванных друг от друга элементов и признаков, а не целостная картина вещей. Разложив вещь на составные элементы, перечислив признаки, изучив эти элементы и признаки, мы должны открыть и закономерную связь между этими элементами, между признаками и этим восстановить их единство, которое даст целостную картину вещи. Мысленное соединение составных элементов, мысленное соединение признаков в одно целое, дающее картину единства предмета, называется синтезом.

В процессе познания действительности анализ не оторван от синтеза, они всегда связаны друг с другом. Одностороннее применение анализа и синтеза искажает действительность. «Химия, в которой анализ является преобладающей формой исследования, ничего не стоит без его противоположности — синтеза».²

Как мы увидим ниже, анализ и синтез необходимы при образовании понятий.

с. Для образования понятий, кроме анализа и синтеза, мы прибегаем еще к помощи определенного логического приема, к абстракции.

Перечислив все известные на данном уровне знания признаки, мы можем по ходу познания или для определенных целей выделить один или несколько признаков, оставляя в стороне остальные, как не имеющие значения в данном случае. Так, например, желая найти сходные признаки между трапецией и квадратом, мы из всех их признаков выделяем признак четырехугольности, оставляя в стороне все осталь-

¹ Энгельс. Анти-Дюринг, 1938 г., стр. 19.

² Энгельс. Диалектика природы, 1950 г., стр. 176.

ные. Желая найти сходные признаки между Болгарией, Румынией, Китаем и т. д., мы выделяем признаки народно-демократического строя, строительство основ социализма, борьбу за мир и т. д., оставляя в стороне все остальные признаки, которыми они отличаются друг от друга.

Мысленное отбрасывание ряда признаков («мы отбрасываем ряд признаков» — Ленин), с помощью которого достигается выделение одного или нескольких признаков предмета, называется абстракцией или отвлечением. Выделение признака не отвлечение, а результат отвлечения. Мы не отвлекаем признак, который нас интересует, а отвлекаемся от остальных признаков, отбрасываем эти признаки и этим оставляем, выделяем интересующий нас признак.

Было уже упомянуто, что в процессе живого созерцания, восприятия вещи и явления действительности даны нам непосредственно. Конечно, абсолютно непосредственно нам ничего не дано; в конечном счете, все дано опосредствованно. Само живое созерцание опосредствовано всем развитием человечества, его производственной, практической деятельностью, прежним опытом, но речь идет теперь не об этом. Речь идет о том, что вещи существуют независимо и вне нашего сознания, действуют на наше сознание, и мы воспринимаем их.

Всякая вещь, всякое явление представляет собой единство общего и единичного, тождественного и различного, сущности и явления. Но это единство не дано нам непосредственно: мы не можем видеть, слышать, осязать и т. д. единство общего и единичного, тождественного и различного, явления и сущности.

Если бы тождественное, общее в явлениях, сущность явлений были непосредственно даны в живом созерцании, нам не нужно было бы образовывать понятия, вообще наука была бы излишней. Но, так как тождественное, общее существует в предметах, то последние воспринимаются нами как сходные. Сходство между предметами и явлениями дано уже непосредственно. Современный человек, даже не зная о том, что существует тождественное и общее в явлениях, ничего не зная о том, что существует сущность, проявляющаяся в явлении, видит сходство и различие между предметами. Сходство предметов и явлений может быть внешним, например, сходство между китом и рыбой, пауком и каким-либо насекомым, крестьянином в Советском Союзе и в капиталистическом обществе, сходство может быть и между предметами, внешне не сходными, например, между предметами, играющими в производстве, в практической деятельности людей одинаковую сходную роль, и т. д.

Таким образом, еще до образования понятий, которые на определенном уровне знания характеризуются строго определенным содержанием и, на основании этого, и объемом, у нас есть представления о сходных предметах. При образовании научных понятий мы пользуемся уже имеющимися в нашем распоряжении представлениями сходных предметов, мы производим анализ, разлагаем их на отдельные признаки, сравниваем, отбрасываем случайные, несущественные, выделяем существенные, находим общее и тождественное в предметах, образуем общие понятия и на основании таких признаков причисляем предметы, имеющие эти тождественные признаки, к одному классу. Как было уже указано, в процессе образования понятия мы производим целый ряд актов познания, ряд суждений, умозаключений и доказательств и с помощью их открываем общее и тождественное в явлениях, отражаем их в форме понятий.

2. Номинализм. Предпосылка номиналистической теории ничем не отличается от предпосылки концептуализма. В действительности существуют только единичные явления. Общего в действительности нет. Если номиналисты средних веков склонялись в сторону материализма, то номиналисты нового времени и современные номиналисты открыто проповедают самый крайний идеализм. Поэтому термин «действительность», употреблявшийся выше, обозначает не реальную действительность, существующую независимо от нашего сознания, а продукт нашего сознания, комбинации, комплексы ощущений. Номиналисты по сравнению с концептуалистами рассуждают более логично: именно, они понимают, что из чисто единичных явлений никакими способами нельзя получить общее. Поэтому они делают вывод, что общего, вообще, нет и, в частности, общих понятий не существует. Поэтому в нашем мышлении существуют только единичные представления о вещах. Но, пользуясь словами, которыми мы обозначаем сходные предметы, мы можем мыслить и классы предметов. Так, слово «человек» не термин, выражающий общее понятие человека, а знак, имя (попеч — отсюда и название этой теории), которое связалось с отдельными, единичными людьми. Когда мы мыслим человека, в нашем сознании почти всегда существует представление единичного человека, а не класс единичных предметов — людей. Но слово «человек» дает нам возможность объединить в один класс сходные предметы — в данном случае людей — и при необходимости мы можем обозреть весь класс.

Номинализм — агностическая теория. С точки зрения номинализма не существует сущности явления, поэтому познание сущности отрицается. Но в таком случае познание есть только познание единичных вещей. Подлинно общие

суждения, отражающие сущность вещей, заключающие самое ценное и глубокое знание, отрицаются номинализмом. Положение о том, что благодаря слову, которое объединяет класс вещей, можно при необходимости обозреть весь этот класс, является положением, которое при самых важных и ценных для познания случаев является ложным.

Допустим, что можно словом «планета» объединить класс сходных вещей, планет, и при необходимости, пользуясь этим словом, обозреть весь класс планет. Мы говорим, допустим это, так как число планет конечно и все они, так сказать, налицо. Но как мы можем обозреть весь класс людей, собак, чисел, деревьев и т. п., класс, содержащий неограниченное количество экземпляров, если мы не имеем общего понятия этого класса вещей. Не имея общего понятия о классе вещей, мы должны обозреть все единичные вещи класса для того, чтобы высказать мысль о предметах этого класса.

Теория, признающая существование только единичных вещей и явлений, превращает мир в хаос единичных вещей, между которыми нет никаких связей, так как между ними нет ничего общего. Эта теория, продуманная до конца, отрицает существование закономерности в действительности, так как отрицает существование общего, а законов только единичных вещей и явлений вообще не существует.

Но основная логическая ошибка номинализма принципиально та же, что и концептуализма. Каким образом и на основании чего одно слово может объединять класс вещей, почему одно слово не объединяет такие предметы, как, например, чернильницу, планету, капиталистическое общество, куст, геройский поступок и т. п.? Да потому, что между этими вещами нет сходства. Слово объединяет группу сходных вещей и явлений. Значит, единичные вещи и явления, при всей их единичности, являются сходными. Но ведь сходство вещей не что иное, как их тождество в известном, определенном отношении: вещи только тогда сходны, когда они в каком-либо отношении тождественны. Значит, признав сходство вещей, нужно признать и тождественность их определенной стороны, а признав это, нужно признать и общее, которое существует в вещах и делает их принадлежащими одному классу.

Если старый номинализм Беркли, возрожденный Махом и Авенарисом и их русскими последователями, отрицая общее и признавая только единичное, все же говорил о словах как представителях класса «предметов» (комплексов ощущений), все же не отрицал, что слова имеют определенный смысл, то новейший номинализм идет дальше и отрицает за словами всякий смысл.

Философия, с точки зрения современного номинализма, — это логический синтаксис языка науки. Под логическим синтаксисом языка понимается формальная теория лингвистических форм языка. Эта теория излагает формальные правила, которые управляют языком, а также развитие следствий, вытекающих из этих правил. Причем, формальной эта теория называется потому, что она не касается значения слов, не говорит о смысле предложений, а говорит только о видах и порядке символов (слов), из которых составлены выражения. Эта теория, не интересуясь смыслом и значением символов, устанавливает правила соединения символов в предложениях и правила выведения одних предложений из других; причем, не смысл и значение слов и предложений играет тут роль, а их синтаксическая форма. Например, язык политической экономии можно охарактеризовать, указав на слова «предложение и спрос», «заработная плата», «цена» и т. п., из которых строятся по правилам предложения этой науки. Спрашивается, чем же определяются эти правила? Эти правила устанавливаются самими учеными, их можно выбирать совершенно произвольно.

Слова-символы не только не выражают чего-нибудь общего, они не выражают ничего единичного, слова не имеют смысла. Нелепо говорить, что слова имеют какой-то смысл, отражающий реальные вещи, события. Вообще, надо исключить из философии упоминание о том, что мысли отражают действительность, больше того, вообще нельзя ставить вопроса об отношении между мыслями и вещами. Повторяется аргументация Беркли: «Вы скажете, — пишет Беркли, — что идеи могут быть копиями или отражениями (*resemblances*) вещей, которые существуют вне ума в немыслящей субстанции. Я отвечаю, что идея не может походить ни на что, кроме идеи...».¹

То же самое утверждают современные номиналисты: мысли можно сравнивать только с мыслями, а не с вещами. Философские предложения не связаны с выяснением природы вещей, мира, фактов. Тем более не связаны с ним слова или символы, лишенные всякого смысла.

Первые представители современного номинализма все еще пытались говорить о значении слов, но толковали эти «значения» как логическую природу самого слова. Так, например, утверждали они, можно сказать «это пятнышко красное», но нельзя сказать «это пятнышко громкое», потому что «пятнышко» по своей логической природе слова не может обладать звуком. Современный номинализм не хочет замечать, что ни о какой логической природе слов, как слов, не может быть речи; что пятнышко не может обладать зву-

¹ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, 1939 г., стр. 9

ком — это не логическая природа слов, а природа самих вещей.

Современный номинализм хочет стать над материализмом и идеализмом подобно махистам и эмпириокритикам, изгоняя из философии проблему взаимоотношения мышления и бытия как ложную проблему, изгоняя из философии понятия бытия и мышления, так как они имеют смысл, заменяя все эти понятия словами, не имеющими смысла и значения. Так, например, выражение, имеющее смысл, «факт есть сочетание объектов, вещей» переводится на язык логического синтаксиса — «предложение есть ряд символов».

Строя «логический синтаксис», который должен заменить науку и философию, современные номиналисты отрицают «метафизику», т. е. отрицают возможность познания действительности, возможность познания вещей и явлений мира (метафизика!), занимаются анализом слов, отрицая их значение и смысл, и поэтому не имеют дела с наукой, познанием.

«Подобное «радикальное» обращение с наукой, — пишет Корнфорт, — я могу рассматривать не иначе, как *reductio ad absurdum* метода «анализа», порождающего подобное обращение. Этот прием смазывает вопрос о логических основах науки и изображает метод науки как произвольное жонглирование положениями».¹

↓ 3. Так называемый реализм. Основной принцип так называемого реализма, который отличает его от номинализма и концептуализма, заключается в признании существования общего в объективной действительности, в виде идеи, как самостоятельной сущности. Античный и средневековый реализм, признающий существование общих идей независимо от нашего сознания и даже независимо от материального мира, в настоящее время защищается в несколько ином виде. Поэтому мы рассмотрим реалистическую теорию, приспособленную к потребностям нового времени и современного знания. Авторы этой теории называют ее уже не реализмом, а идеалреалистической теорией общих понятий.

Дело в том, что некоторым буржуазным философам и логикам стало очевидным то обстоятельство, что номиналистическая и концептуалистическая теории запутались в противоречиях, что знание — это знание не только единичного, но, главным образом, общего, что закономерности, если не в обществе, то в природе, во всяком случае, существуют. А где существует закономерность, там существует и общее. Но, признав существование общего, они характеризуют его так, чтобы возродить идеализм на новой основе.

¹ Корнфорт. Наука против идеализма, стр. 241.

Идеал-реалистической называют эту теорию ее представители потому, что, признавая существование общего, они утверждают идеальность, а не материальность общего. Реальным считают они все то, что существует в пространстве и во времени: реально — пространственно-временное бытие. К общему не приложимы признаки пространства и времени; оно сверхпространственно и сверхвременно, поэтому оно не реально, а идеально; и кроме того: реальное бытие существует на основе идеального. Платоновский идеализм, разгромленный еще Аристотелем, возрождается реакционной философией современной буржуазии.

Каждый реальный предмет, каждое реальное явление — строго единичны и ничего тождественного, общего в них как в реальных предметах нет. Сравнив Сократа, Декарта, Канта как реальных личностей, мы не найдем в них ничего общего и тождественного; «по составу своего бытия они внеположны друг другу». Весь состав бытия Сократа целиком вмещается в то пространство, которое он занимал в Афинах, и в тот отрезок времени, которое протекало в V веке и в начале IV в.; а весь состав бытия Канта — пространство Восточной Пруссии и отрезок времени XVIII в. Поэтому ничего общего, ничего тождественного в них нет и быть не может. Таким образом, утверждает эта теория, в реальном, — мы бы сказали материальном существовании этих людей нет ничего общего, так как они всецело находятся в разных пространствах и времени. И если между ними есть общее, тождественное, то оно не реально, а идеально. Это идеальное общее и тождественное, сверхвременное и сверхпространственное — «Я» или «Абсолютный дух», который проявляется в разных эпохах и в разных пространствах, в разных личностях. Таким же образом идея треугольника осуществляется в разнообразных треугольниках.

Весь этот идеалистический бред основан на своеобразном различении реального и идеального и соответственно этому на софистической интерпретации нескольких примеров. Сократ и Кант, Петр и Павел могут жить в разное время и в разных пространствах, но закономерность строения их организма одна и та же, и эта закономерность существует где-нибудь в идеальном мире, а в реальной материальной действительности. Люди живут в разных эпохах и в разных пространствах, но сущность их, «способность делать орудия», «воздействовать на природу с целью ее преобразования» существует в реальной, материальной действительности и не нужно для этого выдумывать особый идеальный мир идей, в котором, якобы, эти идеи находятся.

Один какой-либо случай падения камня отличается от другого аналогичного случая тем, что один произошел в од-

ном месте и в определенное время, а другой — в другое время и в другом месте. Абсурдно отсюда заключать, что закон тяготения существует не в реальном, материальном мире, а где-то в идеальном.

Эта теория обходит молчанием самый трудный вопрос, который она должна разрешить: каким образом общее связывается с единичным, ведь общее как идеальное ничего общего не имеет и не может иметь с единичным — материальным, реальным. Одно внепространственно и вневременно, другое существует только в пространстве и во времени. Каким образом эти два принципиально различных момента могут соединиться, чтобы образовать единое целое. Старый вопрос, над решением которого еще Платон («Парменид») ломал себе голову и не мог его разрешить, вновь стоит неразрешенным перед представителями теории идеал-реализма. Они принципиально оторвали общее, как идеальное, от единичного, как реального, и если Платон хоть как-то старался решить вопрос об их единстве, то представители новейшего платонизма полагают, что вопрос будет решен, если они скажут, что идеальное «проявляется» в реальном, или же, что реальные единичности суть «органы» (?) идеального.

Вместо «раздвоения единого», единого, которое содержит противоположные моменты — общее и единичное, оба из которых являются материальными, чем и обуславливается их единство, — новейший платонизм, как и античный, стремится объединить в одно целое то, что принципиально отлично друг от друга, те элементы, у которых нет ничего общего. Ясно, что такая затея не может окончиться благополучно.

4. Априоризм. Не в лучшем положении кантовская теория понятия, которую он развивает в своей системе субъективного идеализма. Понятия — это априорные формы рассудка, они оформляют чувственный материал. Причем, характеристика понятий и чувственного материала такова, что они ничего общего между собой не имеют и не могут иметь. Понятия чистые, априорные активные формы и присущи только мышлению; материал — ощущения — эмпирического происхождения чувственны, пассивны.

И известно, как Кант бьется над разрешением вопроса об их единстве и никак не может его разрешить: то, что принципиально оторвано друг от друга, нельзя объединить в одно целое. Нужно исходить не из оторванных частей и стремиться их объединить, а, наоборот, нужно исходить из единства двух моментов, общего и единичного, формы и содержания и понять раздвоение единого на противоположные моменты.

8. Определение понятий

1. **Сущность определения.** Выше мы указывали, что понятия — результат многих суждений, умозаключений и доказательств. В процессе познания мы открываем свойства (признаки) предметов и выражаем это наше знание в суждениях. Сравниваем познанные признаки, признаем некоторые из них существенными, некоторые из них несущественными. Тут мы применяем суждения, умозаключения, доказательства, и постепенно из неясных, туманных и сбивчивых представлений о предмете выявляется ясное и точное понятие, более или менее адекватно отражающее сущность предмета. Предметы и явления действительности изменяются, развиваются, приобретают новые признаки; изменяется и развивается и наше знание о предметах; то, что было существенным, может стать несущественным в процессе изменения и развития действительности; то, что казалось существенным, может в будущем, в процессе развития и углубления знания, оказаться несущественным и т. д. Поэтому содержание понятий меняется. С развитием знаний изменяются и развиваются понятия: одни понятия заменяются другими, одни понятия переходят в другие.

Но все это, конечно, не мешает нам стремиться к точному установлению смысла и содержания понятий на данном уровне развития научных знаний. Суждение, устанавливающее содержание понятия, называется определением. Определение, таким образом, устанавливает не все признаки определяемого предмета, не все связи и отношения данного предмета к другим предметам, а только те, которые на определенном уровне научного знания признаны существенными. Определение, так сказать, схватывает основное ядро, те признаки, которые необходимо присущи определяемому предмету, и вместе с тем, признаки, достаточные для выделения данного предмета (или класса предметов) от других предметов.

Определение поэтому есть не просто изложение уже готового знания, а вывод долгого процесса познания действительности. Поэтому неправильно то мнение, по которому знание начинается или должно начинаться с определения понятий. Другое дело, когда в учебниках излагается в систематическом порядке знание о каком-либо предмете, накопленное человечеством. Тут часто можно начинать с определенных понятий. Если в учебниках химии дается, например, определение металла: «Металлы отличаются от металлоидов особым блеском, большей электропроводностью и теплопроводностью. По химическим свойствам они характеризуются тем, что окислы их (по крайней мере низшие) обладают основным

характером» (Каблуков. Химия), или: «Металл — простое тело, имеющее металлический вид, хорошо проводящее тепло и электричество. Атомы их легко отдают свои валентные электроны, переходя в катионы и производя восстановления» (Меньшуткин. Химия); или, когда мы определяем понятие языка: «Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания» (Сталин), или в начале курса логики даем определение: «Логика — наука о законах и формах правильного мышления», то это не значит, что познание этих вещей и явлений начинается определением этих вещей и явлений. Как было указано, к определениям мы приходим в результате долгого и трудного пути познания. Определение — определенный этап в процессе знания, и если не начальный, то и не последний.

Неправильно также мнение, по которому всякое определение — идеал знания, определением заканчивается процесс развития знания о предмете. Это мнение, якобы, вытекает из того положения, что определение выражает сущность предмета, а знание сущности предмета есть идеал знания. Конечно это не так. Во-первых, знание от сущности первого порядка идет к более глубокой сущности и т. д. до бесконечности;¹ во-вторых, определение, отражая и выявляя существенные стороны предмета, не содержит в себе многообразных признаков, многообразных связей и отношений, характеризующих предмет. Так, определение треугольника, выражая существенные признаки треугольника, не содержит многообразных свойств треугольника, выраженных в теоремах о треугольниках, оно выражает только «ядро», сущность этого предмета, как основание, опираясь на которое можно вывести и другие его свойства. Определение капитализма схватывает только ядро, сущность капиталистического способа производства, но не все его признаки, схватывает только то, что является основанием для вывода и понимания многих других его признаков.

Определение понятия является, с одной стороны, результатом развития знания и, с другой стороны, основанием дальнейшего развития знания.

2. Определение понятия через ближайший род и видовое отличие. Определением мы назвали суждение, устанавливающее содержание понятия; в нем должны быть перечислены все существенные признаки предмета (или класса предметов). Но такое перечисление часто бывает несистематическим и не совсем легким: ведь требуется перечислить все сущест-

¹ «Бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности». Ленин. Философские тетради, стр. 198.

венные признаки. Вместо полного перечисления существенных признаков пользуются приемом определения, указанного уже Аристотелем, а именно, пользуются определением через ближайший род и видовое отличие. Возможность такого приема определения обуславливается двумя моментами: а) в содержании какого-либо понятия заключается содержание более общего, родового понятия. Если в определении указать это родовое понятие, то часть существенных признаков определяемого понятия будет уже предусмотрена в родовом понятии и их уже не нужно будет перечислять. Остается перечислить те существенные признаки, которые присущи только данному виду в отличие от родового понятия. Из всех родов ближе к определяемому понятию стоит ближайший род. Указав в определении этот ближайший род и добавив отличительные признаки вида, получаем определение, которое в наиболее краткой и сжатой формулировке выделит данный предмет из всех других предметов.

в) С другой стороны, возможность такого приема определения обусловлена тем обстоятельством, что определение не есть начальный этап знания: оно возможно только на определенном уровне развития человеческого знания, именно, на таком уровне, когда уже выработаны определенные понятия, среди которых можно найти родовые понятия и, в частности, ближайший род определенного понятия. Имея родовое понятие человека — понятие животного — и указывая на отличительный, специфический признак человека — делание орудий, мы приходим к определению: «человек — животное, делающее орудия». Таковы же определения: 1) Материализм — философское мировоззрение, утверждающее первичность материи и вторичность сознания, 2) Квадрат — прямоугольник с равными сторонами, 3) Капитализм — антагонистическая социально-экономическая формация, в которой производство носит общественный характер, а присвоение — индивидуальный, 4) Логика есть наука, изучающая формы и законы правильного мышления.

В каждом из этих определений указывается ближайший род (соответственно: философское мировоззрение, прямоугольник и т. д.) и видовое отличие.

Огромное большинство понятий определяется в науках с помощью ближайшего рода и видового отличия (*definitio per genus proximum et differentiam specificam*). Эти определения, конечно, не отражают всего многообразия предметов, явлений действительности. Определения не указывают, не устанавливают принципа развития явлений, они не указывают на многообразные связи и отношения, которые существуют между явлениями. Они всегда односторонни, так как выявляют всегда одну сторону явлений. Поэтому они, конеч-

но, недостаточны для познания действительности. Но определение не ставит перед собой таких целей. Ставить определенно такие цели, значит требовать «чтобы оно давало больше того, что оно в состоянии выразить».¹

«Дефиниции... всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие существа самого дела, а это уже не есть дефиниция. Для того, чтобы выяснить и показать, что такое жизнь, мы должны исследовать все формы жизни и изобразить их в их взаимной связи».²

Но, несмотря на недостаточность определений в процессе познания, научное познание не может обойтись без них. Классики марксизма-ленинизма очень часто применяют при определении сложнейших понятий прием ближайшего рода и видового отличия.

Классическими примерами таких определений могут служить определения нации, государства, империализма и т. д., данные классиками марксизма-ленинизма. И. В. Сталин дает следующее определение нации: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры».³ В этом определении ближайшим родом является понятие «общности людей», а все остальные признаки — видовым отличием.

3. Ограниченность приема определения через ближайший род и видовое отличие. Несмотря на то, что огромное число понятий можно определить способом ближайшего рода и видового отличия, он, этот способ, не является всеобщим. Существуют понятия, которые вообще должны оставаться неопределимыми.

На ограниченный характер данного способа определения указывает В. И. Ленин в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм». Определяя понятие материи, Ленин говорит: «Что значит дать «определение»? Это значит прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое. Например, когда я определяю: осел есть животное, я подвожу понятие «осел» под более широкое понятие. Спрашивается теперь: есть ли более широкие понятия, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это—предельно-широкие, самые широкие понятия; дальше которых по сути дела (если не иметь в ви-

¹ Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 322.

² Там же.

³ Сталин. Соч., т. II, стр. 296.

ду всегда возможных изменений номенклатуры) не пошла до сих пор гносеология».¹

Таким образом, существуют понятия с предельно широким объемом, для которых нельзя подыскать родового понятия и которые нельзя определять вышеуказанным способом.

С другой стороны, существуют понятия, для которых нельзя подыскать и выразить в понятии видовое отличие. Таково, например, понятие красного цвета. Это понятие можно подвести под более широкое понятие цвета, но невозможно указать видовое отличие (другое дело, если понятие красного цвета определяется с помощью понятия электромагнитных колебаний; тогда видовым отличием будет определенная частота этих колебаний). Видовое отличие красного цвета можно указать, воспринять, но в понятиях его выразить нельзя. Следовательно, и такие понятия не поддаются определению через ближайший род и видовое отличие.

Наконец, должны существовать понятия, которые вообще нельзя определить этим способом. Ведь всякое определение этим способом заключается в следующем: определяемое понятие (например, человек) определяется с помощью других понятий, именно, с помощью понятия ближайшего рода (животное) и видового отличия (делание орудий). В свою очередь нужно определить и те понятия, с помощью которых дано определение определяемому понятию. Таким образом, одно понятие определяется с помощью другого, другое — с помощью третьего и т. д. Поэтому должны существовать понятия, которые уже не определяются этим способом, но с помощью которых определяются другие понятия.

Понятия, которые не могут быть определены способом ближайшего рода и видового отличия, определяются или перечислением группы существенных признаков, или простым указанием на признак предмета, или установлением связи и отношения между предметами, которое определяет данный предмет.

4. Генетическое определение. В научном знании часто прибегают к генетическому определению. Сущность генетического определения заключается в указании возникновения и образования предмета. Так, например, круг можно определить как геометрическую фигуру, получающуюся в результате вращения отрезка прямой вокруг одного из его концов на плоскости. Например, шар можно определить как геометрическую фигуру, образованную вращением полуокружности вокруг диаметра круга; кривые второго порядка — пересечением плоскостями конуса; экватор — линией пересечения земли определенной плоскостью.

¹ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, стр. 94.

Указывая на происхождение объекта, генетическое определение указывает вместе с этим на признаки данного объекта.

5. Правила определения. По смыслу, который мы придали определению, должно быть ясно, что цель его заключается в установлении и перечислении существенных признаков предмета и этим самым в выделении его из всех остальных предметов. Определение не может считаться правильным, если эта цель не достигнута. Определение всегда выражается в форме суждения, в котором объем определяемого понятия (например объем квадрата) должен быть равным объему определяющего понятия (прямоугольник с равными сторонами): ведь определяющее понятие раскрывает содержание определяемого понятия и этим обуславливает объем определяемого понятия. Только в этом случае определение может быть правильным. Поэтому первое правило определения формулируется следующим образом:

а. Определение должно быть соразмерным. Другими словами, понятия определяемого и определяющего в определении должны быть тождественными. Нарушение этого правила может быть двояким: правило может быть нарушено и в том случае, когда в определяемом пропущен какой-либо существенный признак, и в случае, когда в нем утверждается такой признак, который не мыслится в содержании определяемого понятия.

В первом случае определение будет слишком широким, так как, опуская признак, мы увеличиваем объем понятия, во втором случае — слишком узким, так как, присоединяя новый признак, мы уменьшаем объем понятия. Например, определение логики как науки о мышлении будет слишком широким, так как, опустив существенный признак «правильный», мы расширили объем определяемого понятия, и в нем уже мыслится не только логика, но и психология. Точно так же, определение параллелограмма, как четырехугольника, у которого противоположные стороны параллельны и углы прямые, будет слишком узким, так как, присоединяя лишний признак прямых углов, мы сужаем объем параллелограмма до прямоугольника.

Возможно, конечно, что указание лишнего признака не уменьшит объема понятия: это в том случае, когда указанный признак присущ всем предметам, мыслимым в объеме понятия. Такое указание лишнего признака не нарушает правила, но, несмотря на это, такое определение нельзя считать корректным: во-первых, если этот признак лишний, т. е. несущественный, он не должен входить в определение, так как в нем должны быть перечислены только существенные признаки; во-вторых, такое определение, хотя само по себе не лож-

но, может привести к ложным выводам. Например, определение человека как двуногого животного, делающего орудия, может привести к выводу, что существуют животные и не двуногие, делающие орудия.

в. Определение не должно заключать в себе круга. Круг в определении имеется в том случае, когда одно понятие определяется с помощью другого, которое, в свою очередь, определяется первым. Например, определение логики, данное в учебнике Струве, заключает в себе круг: логика есть наука о правильном мышлении; правильное же мышление есть мышление, согласное с правилами логики.

Круг в определении является ошибкой, так как задача определения заключается в установлении существенных признаков предмета, а определение, которое заключает в себе круг, этой задачи выполнить не может.

Своеобразный вид круга в определении представляет так называемая тавтология. Тавтология — это ошибочное определение, в котором определяемое повторяется в определяющем. Например, логика — наука о логическом мышлении. Тавтология имеется в определении понятия правильного мышления в учебнике Строговича. Дав определение логики как науки о законах правильного мышления, проф. Строгович добавляет: «Законы правильного мышления — это такие законы выражения и связи мыслей, которые необходимо соблюдать, чтобы развитие наших мыслей было правильным...»

с. Определение не должно быть только отрицательным. Дело в том, что отрицательное определение не достигает цели, именно установления содержания понятия, так как в нем указываются признаки, которые не присущи предмету. Например, суждения «социализм не есть капитализм» или «параллелограмм не есть трапеция» не могут считаться правильными определениями, хотя сами по себе эти суждения истинны. Определение должно перечислить существенные признаки капитализма, параллелограмма, а не указывать только, чем они не являются.

Конечно, определение может включать в себя и отрицательные признаки, но только при условии указания и положительных признаков. Таково, например, определение параллельных линий в элементарной геометрии. Исключением из этого правила являются определения многих отрицательных понятий, которые не могут быть определены согласно этому правилу.

Определение должно быть ясным. Согласно этому правилу, определяющее должно выражаться ясными и отчетливыми понятиями, в которых нет двусмысленностей. Часто в

определениях встречаются образные выражения; они могут быть хороши, красивы, но в определении не пригодны, так как задача определения совершенно иная.

9. Деление понятий

1. **Сущность деления.** Логическая операция, направленная на установление содержания понятия, как было разъяснено выше, является определением понятия. Содержание обуславливает объем понятия, и поэтому, раскрыв содержание, мы этим актом устанавливаем и объем данного понятия. Зная существенные признаки предмета, мы легко можем составить класс предметов, зачисляя в одну группу все те предметы, которые обладают этими признаками.

В процессе познания так же, как и в практической деятельности, нам часто приходится иметь дело с обратным действием, а именно, делить класс предметов на меньшие классы и даже на единичные предметы, составляющие данный класс. Объем понятия — та сторона понятия, посредством которой мыслится класс предметов. Следовательно, нам приходится делить объем понятия на соподчиненные виды. Деление объема понятия на соподчиненные виды и, соответственно, деление класса предметов на однородные — в каком-либо отношении — подчиненные классы вызывается необходимостью лучшего изучения этого класса, лучшего и отчетливого уяснения объема понятия, своеобразного построения доказательств известных положений относительно видов, включенных в объем родового понятия. Так, например, изучая свойства треугольников, приходится делить их на прямоугольные, косугольные и тупоугольные, так как, кроме общих существенных признаков, присущих треугольнику вообще, у них имеются и специфические признаки, и доказательства определенных теорем опираются часто именно на эти специфические признаки. Изучая историю человеческого общества, мы выделяем определенные социально-экономические формации, так как каждая формация представляет, правда, собой общественную формацию, но каждая из них своеобразна, подчиняется определенным закономерностям и требует отдельного изучения.

Вообще изучение явлений действительности заставляет нас группировать явления в классы не только для облегчения познания этих явлений, но и потому, что — и это главное — сами эти явления настолько своеобразны и различны, что включаются в различные классы.

Сущность деления понятия заключается в том, что понятие рассматривается как родовое и объем его разделяется на соподчиненные виды. Понятие, объем которого делится,

называется делимым понятием, соподчиненные виды, на которые делится понятие,—членами деления. В делимом понятии, как родовом, мыслится класс предметов. При делении мы относим эти предметы к разным группам мыслимых в соподчиненных видах, на основании какого-либо признака. Например, людей можно разделить по цвету кожи, по национальности, по образованию и т. д., треугольники — по отношению углов к прямому углу, по равенству или неравенству сторон, уравнения—по числу неизвестных или по степени неизвестного и т. д. и т. д. Признак, по которому делится объем понятия на соподчиненные виды, называется основанием деления.

Основанием деления может быть любой признак, позволяющий произвести деление, но для научных и практических целей берут признаки, существенные в каком-либо отношении. В процессе деления основание деления может быть использовано двояким образом: 1) можно делить объем понятия по присутствию или отсутствию признака; например, современные государства можно разделить на демократические и не демократические, четырехугольники — на параллелограммы и не параллелограммы, студентов — на отличников и не отличников и т. д. 2) можно делить объем понятия по изменению признака; например, людей можно разделить по цвету кожи на белокожих, чернокожих и т. д., общественные отношения по изменению способа производства — на родовой, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, коммунистический.

а. Деление по присутствию или отсутствию признака. Деление объема понятия по присутствию или отсутствию признака есть в сущности разделение объема понятия на два противоречащих друг другу видовых понятия. Практически это деление производится следующим образом: из данного объема понятия выделяется какой-либо вид (которому присущ определенный признак) и объем понятия разделяется на этот вид и на противоречащий ему (т. е. вид, которому этот признак не присущ). Обозначая делимое понятие буквой **А** и выделяя из его объема какой-либо вид, например, **а**, делим весь объем понятия на **а** и не **а**.

$$A \begin{cases} a \\ \text{не } a \end{cases}$$

далее, из объема понятия не **а** выделяем вид **в** и делим снова объем понятия не **а** на **в** и не **в**

$$\text{не } a \begin{cases} b \\ \text{не } b \end{cases}$$

и т. д. Полное деление получает форму:

$$A \left\{ \begin{array}{l} a \\ \text{не } a \end{array} \right\} \left\{ \begin{array}{l} в \\ \text{не } в \end{array} \right\} \left\{ \begin{array}{l} с \\ \text{не } с \end{array} \right\} \left\{ \begin{array}{l} d \\ \text{не } d \end{array} \right\}$$

$$\begin{array}{l} \text{Пример: общественно-} \\ \text{экономическая} \\ \text{формация} \end{array} \left\{ \begin{array}{l} \text{социалистическая} \\ \text{не социалистическая} \end{array} \right\} \left\{ \begin{array}{l} \text{родовая} \\ \text{не родовая} \end{array} \right\}$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{рабовладельческая} \\ \text{не рабовладельческая} \end{array} \right\} \left\{ \begin{array}{l} \text{феодалная} \\ \text{не феодалная} \end{array} \right\} \left\{ \begin{array}{l} \text{капиталисти-} \\ \text{ческая} \end{array} \right\}$$

Каждый акт деления дает два противоречащих вида. Такое деление называется двучленным или дихотомическим. Данный прием деления обладает положительными чертами: так как деление объема происходит по присутствию и отсутствию признака, то полученные члены деления составляют весь объем делимого понятия; каждый предмет, мыслимый в понятии, попадает или в один или в другой член. Продолжая последовательно делить таким образом отрицательное понятие, можно исчерпать весь объем понятия. Однако этот прием деления обладает и недостатками. Во-первых, отрицательное понятие (не а), возникающее в процессе деления, остается слишком неопределенным; во-вторых, вследствие этой неопределенности в нем может мыслиться и тот вид, который нами уже выделен в процессе деления, например, в нашем примере третий акт деления дает два противоречащих понятия — «феодалная» и «не феодалная» и в этом последнем понятии могут мыслиться уже выделенные виды «социалистическая» и «рабовладельческая».

в. Деление понятия по изменению признака. Избежать этих недостатков в процессе деления можно, если применить другой прием деления, именно, прием деления по изменению признака. Прием этот состоит в следующем: берется признак, присущий всем предметам, мыслимым в объеме понятия, способный к видоизменениям, и, перечисляя эти видоизменения, получают все виды, входящие в объем родового понятия. Так, например, можно разделить объем понятия «социально-экономическая формация» на основании изменения признака «способ производства»; можно разделить объем

понятия «человек» по изменению признака «цвет кожи», угол — по отношению к прямому углу (равный прямому, больше, меньше прямого угла), «человек» — по отношению к средствам производства и т. д. Например:

1) Социально - экономическая формация	первобытно - родовая рабовладельческая феодалная капиталистическая коммунистическая
2) Угол	прямой тупой острый
3) Человек	белокожий чернокожий желтокожий краснокожий
4) Материальные условия жизни общества	географическая среда плотность населения способ производства ма- териальных благ

2. Правила деления. Деление понятий, как уже было указано, имеет важное значение и в науке и в практической жизни. Поэтому нужно всегда следить, чтобы оно было правильным. Условия правильного деления выражены в нескольких правилах.

а. Деление должно производиться по одному и тому же основанию. Конечно, одно и то же понятие можно разделить в разных случаях по разным основаниям, например, понятие человека можно разделить и по национальному признаку, и по цвету кожи, по возрасту, по полу и т. д., но если деление производится по одному какому-либо признаку, нельзя в процессе деления заменять этот признак другим. Так, например, деление человека на белокожего, чернокожего, русского, мужчину и т. д. будет неправильным, так как деление это произведено по трем основаниям: по цвету кожи, по национальному признаку и по признаку пола. Это деление ошибочно потому, что, во-первых, не исчерпывает объем понятия и, во-вторых, потому, что мыслимые предметы попадают одновременно в разные виды.

в. Сумма членов деления должна равняться объему делимого понятия. Задача деления заключается в разделении

объема понятия на соподчиненные виды. Поэтому деление будет только в том случае правильным, если перечислены все виды родового понятия, т. е. если перечисленные виды исчерпывают объем рода. Например, деление углов на прямые и острые будет неправильным, узким, так как пропущен вид, именно тупой угол.

с. Члены деления должны исключать друг друга. Сущность этого правила заключается в том, что каждый предмет, мыслимый в объеме понятия, при делении этого понятия должен войти в один и только в один из членов деления. В сущности, это правило вытекает из первого правила: если основание деления одно, то, конечно, члены деления будут исключать друг друга. Так, например, деление государств на демократические, империалистические, великие и малые неправильно, так как члены деления не исключают друг друга. Так же неправильно деление студентов на отличников, спортсменов и математиков, так как один и тот же студент может быть и отличником, и спортсменом, и математиком.

д. Основание деления должно быть ясным. Основанием деления всегда является какой-либо признак, но не всякий признак может стать основанием для деления. Признак, пригодный для основания деления, должен быть настолько ясным и точным, чтобы его нельзя было понимать различно. Например, нельзя книги делить на интересные и не интересные, углы — на большие и маленькие, так как признаки «интересный», «большой» относительно и лишены точного и ясного содержания. Угол 35° большой по сравнению с углом 25° и маленький по сравнению с углом 60° . Математическое исследование интересно для математика и может быть совершенно не интересным для студента-филолога.

ГЛАВА IV

ТЕОРИЯ СУЖДЕНИЯ

1. Традиционное учение о суждении

По распространенному учению традиционной логики суждение представляет собой соединение, синтез двух понятий. Многие логики и в настоящее время считают это определение суждения правильным; так, в учебнике, изданном у нас в 1948 году, дается следующее определение суждения: «Суждением называется сочетание понятий, выражающее какую-либо мысль».¹

Понятия составляют элементы суждения; из отдельных понятий — как только элементов суждения — не может быть построено знание. Только определенное единство этих понятий, единство, которое выражается в форме суждения, заключает в себе знание.

Представители традиционной логики, принимающие данное определение суждения, понимают, что оно недостаточно, ибо оно не дает возможности отличить суждение от таких высказываний, которые выражают просьбу, приказание и т. д. и которые также содержат мысли и являются сочетанием понятий. Поэтому они, наряду с данным определением, выставляют другое определение, а именно, что суждение есть мысль, что-либо утверждающая или отрицающая.

Отдельные понятия ничего не утверждают и не отрицают. Понятия «смертный», «человек», «металл», «проводник электричества», «капитализм», «классовое общество» и т. д. ничего не утверждают и ничего не отрицают. Но соединение этих понятий, с помощью утверждения или отрицания, создает суждения. И если отдельные понятия не заключают в себе никакого знания, то суждения представляют именно такую форму мысли, которая содержит знание. Поэтому, су-

¹ Строгович. *Логика*, стр. 109.

ждение можно определить так же как мысль, которая или истинна или ложна. Этим отличается суждение и от понятий и от таких высказываний, которые выражают просьбу, приказание и т. п.

Соединив понятия «человека» и «смертного», «капитализма» и «классового общества», без утверждения и отрицания, мы получим опять-таки понятия, а не суждения: «смертный человек» и «капиталистическое классовое общество».

Не утверждая и не отрицая ничего, эти понятия ничего нам не говорят о тех предметах, которые они выражают. Больше того, они не говорят нам даже того, существуют ли вообще такие предметы. Например, понятия «Пегас», «ведьма», «металл», «собака» и т. п. не содержат ни знания о признаках, свойствах, отношениях предметов, ни знания о существовании или несуществовании этих предметов.

Однако эти же самые понятия, соединенные с помощью утверждения или отрицания, создают полноценные мысли, выраженные в форме суждений; они содержат знания о признаках, свойствах, отношениях предметов:

«Человек смертен» и «капитализм есть классовое общество».

Из традиционного определения суждения становится ясным и состав всякого суждения: «Всякое суждение представляет собой связь понятий; в нем особым образом связаны понятия. Если мы рассмотрим суждения, которые постоянно высказываем в нашей повседневной жизни, то увидим, что в каждом суждении имеются три элемента: 1) подлежащее, 2) сказуемое и 3) связка. Подлежащее суждения — то, о чем мы что-либо высказываем; сказуемое — то, что высказывается относительно подлежащего. Связка — указание на отношение, существующее между подлежащим и сказуемым».¹

Для того, чтобы понятие подлежащего в суждении не смешивать с понятием подлежащего в предложении, первое в логике часто называют субъектом (от латинского слова *subjektum*) и обозначают буквой S; точно так же сказуемое суждения называют предикатом (от латинского слова *praedictum*) и обозначают буквой P.

Таким образом, в суждении два основных элемента — два понятия или два термина — и связка. Схематически суждение можно выразить следующим образом:

S есть P или S не есть P.

Слово, выражающее связку, чаще всего опускают и заменяют его чертой или даже вовсе ничем не заменяют:

S — P или SP.

¹ Строгович. Логика, стр. 147.

2. Недостатки традиционного определения суждения

а. Абсолютно неприемлемо принципиальное противопоставление понятий и суждений, а именно, что понятия не содержат знания и к ним не приложимы понятия истинности и ложности, в то время как суждения содержат знание и к ним только приложимы понятия истинности и ложности. В главе о понятии мы подробно рассмотрели этот вопрос и здесь мы его больше не будем затрагивать.

в. Признак истинности и ложности, безусловно, характеризует суждение. Но этот признак настолько широк, что оказывается недостаточным для выявления природы суждения. Во-первых, на основании вышесказанного оказалось, что понятия истинности и ложности характеризуют и понятия, да и не только понятия. Поэтому этот признак не сможет помочь нам отличить суждение как форму мышления от других форм. Во-вторых, — и на это нужно обратить особое внимание, — в учебниках и курсах логики в специальных исследованиях по вопросам логики очень часто и очень много говорится об истине. Но понятие истины в этих учебниках и курсах остается или неопределенным или же в это понятие вкладывается совершенно иное, совершенно отличное от понятия адекватного отражения, содержание.

Наряду с определением суждения как мысли, утверждающей или отрицающей, Аристотель давал суждению и другое определение, связанное с первым, а именно, Аристотель определял суждение как мысль, которая может быть истинной или ложной. Но аристотелевская логика была связана с его общим учением о познании и, вообще, с его философским мировоззрением и была обусловлена основными принципами его философии. В системе его философии понятие истины имело определенное содержание: истина — отражение действительности в сознании познающего. И если Аристотель определял суждение как мысль истинную или ложную, то это определение включает в себе только часть истины; если оно неприемлемое, то только потому, что оно слишком широкое.

Другое дело, когда это определение выставляется разнообразными представителями традиционной и современной буржуазной логики. Оно — это определение, уже не только недостаточно, как слишком широкое, но принципиально ложно. Суждение — мысль, которая истинна или ложна! Но что понимается под истиной?

Понятие истины — это понятие необходимости и всеобщности мысли, утверждают логики, защищающие кантовскую точку зрения. Мысль истинна, когда она характеризуется необходимостью и всеобщностью; а необходимость и всеобщность обусловлены априорными формами познающего сознания.

Истина, утверждают другие логики, — это «долженствование» так мыслить, а не иначе (одна из школ неокантианцев), а это долженствование обусловлено «идеальным миром смысла». Истина — это сам предмет в его подлиннике, обладание предметом (интуитивизм); истина — это «полезность» мысли, мысль, которая «работает на нас» (прагматизм), экономное описание ощущений или «мышление по принципу наименьшей траты сил» (эмпириокритицизм), или просто фикция, помогающая нам приводить ощущения в систему, гармонию (фикционализм); а современный, так называемый логический позитивизм принципиально отождествляет истинность с правильностью, последовательностью мысли; «предложения следует сравнивать с предложениями, а не с «опытом», или каким-либо «миром», или с чем-либо еще. Все эти бессмысленные удвоения (разрядка моя — К. Б.) принадлежат к более или менее утонченной метафизике и поэтому их следует отвергнуть. Каждое новое положение сталкивается с совокупностью предложений, имеющих налицо и согласованных друг с другом. Предложение называется правильным, если его можно отнести к системе. Все то, что мы не можем систематизировать, отбрасывается как «неправильное». (Карнар).

Все эти идеалистические извращения понятия истины нужно иметь в виду, когда какой-либо буржуазный логик утверждает, что суждение есть мысль истинная или ложная. Извратив понятие истины, эти логики уничтожают и ту часть истины, которая заключается в аристотелевском определении.

с. Конечно, суждение состоит из понятий (или из представлений), понятие субъекта суждения связано с предикатом суждения. И также несомненно то обстоятельство, что в суждении что-то утверждается или отрицается о чем-то. Но принципиально неприемлемо учение о том, что в суждении одно понятие утверждается или отрицается о другом понятии, предикат утверждается или отрицается о субъекте. Ведь субъект суждения понимается как составная часть суждения, которое состоит из связи понятий, т. е. понимается как понятие. И разве, высказывая суждения «человек смертен», «металл — проводник электричества», мы утверждаем, что смертность присуща понятию человека? Проводимость электричества утверждается разве по отношению к понятию металла? Конечно, нет! Предикат утверждается или отрицается не по отношению к субъекту суждения, так как он является понятием, а по отношению к предмету (классу предметов, сущности предметов и явлений), который существует независимо от понятия и который указывается, отражается этим понятием.

Понятие металла не является ни проводником, ни не

проводником электричества. Таковым является сам металл, объективно существующий независимо от понятия металла. Понятие человека не является смертным, таковым является человек, как реальное существо.

Само по себе определение суждения как сочетания понятий, даже без указания на то, что эта связь отражает связи и отношения вещей и явлений действительности,— что, безусловно, необходимо,— еще не является идеалистическим, так как дальнейшее разъяснение этого определения может придать ему тот или иной смысл. Так, большинство буржуазных логиков, придерживающихся этого определения, отрицают возможность отражения действительности суждением как сочетанием, синтезом понятий. Это, утверждают они, недопустимая метафизика, это, говорят они, произвольные допущения.

Советские логики дают этому определению материалистическую интерпретацию, утверждая, что сочетание понятий отражает действительность. Но эта интерпретация не помогает делу, ибо, как уже указывалось, из этого определения вытекает нелепая мысль, якобы в суждении предикат приписывается понятию, а не предмету.

Конечно, в суждении связаны понятия, понятие субъекта связано с понятием предиката. Но мысль, выраженная в суждении, относится не к этим понятиям, а к предметам, которые отражаются этими понятиями. Элементы, из которых состоит суждение, не являются предметами, которые мыслятся в данном суждении, и предметы, к которым относится суждение, не являются составными элементами суждения.

Даже в том случае, когда суждение выражает мысль о понятиях, элементы суждения—понятия субъекта и предиката—не совпадают с этими понятиями.

Известный русский логик Каринский писал: «Формальная логика делает еще более ошибок. Она признает объектом представление. Здесь есть ошибка, общая и логике индуктивной, именно признание, что сказуемое в суждении относится к представлению о предмете как представлению, а не предмету. Но есть и другая ошибка, заключающаяся в том, что под представлениями, могущими быть субъектами суждений, разумеются, между прочим, и общие понятия. Общие понятия обнимают собой много предметов, имеющих общие свойства, и чем такое понятие общее, тем беднее его содержание, тем менее оно содержит в себе признаков. В тех случаях, когда произносится общее суждение, субъектом суждения служат вовсе не те общие признаки, которые составляют содержание, а частичные предметы, которые все

подходят под понятие. Когда мы говорим, что треугольники имеют сумму углов, равную двум прямым, то не хотим сказать, что понятие треугольник как соединение известных признаков имеет сумму углов, равную двум прямым, а хотим сказать, что все треугольники, подходящие под это понятие, имеют это свойство. Когда мы говорим: «Люди смертны» — мы говорим не о понятии человека, а о действительных людях, подходящих под это понятие».¹

д) Признаки истинности и ложности необходимо характеризуют суждение так же, как признаки утверждения и отрицания. Но даже в том случае, если мы правильно понимаем понятие истины, определяем ее как отражение действительности в нашем сознании, то и в этом случае определение суждения как мысли, которая или истинна или ложна, не может быть достаточным, так как признак истинности или ложности не говорит ничего о том, отраженном чего является суждение.

Несмотря на недостаточность признаков истинности или ложности и утверждения или отрицания для полного выявления природы суждения, мы будем пользоваться ими для характеристики суждения. Для правильного определения суждения мы должны рассмотреть отдельные виды суждений, встречающиеся в науке и практической жизни, и только на этом основании можно дать требуемое определение. Предварительно же суждение можно определить как мысль, отражающую связи и отношения вещей и явлений действительности. Это определение требует, конечно, детального рассмотрения и, главное, оправдания.

3. Суждение и предложение

Суждение как мысль может существовать только на базе языкового материала. Мышление не может существовать в отрыве от языка. В своих работах относительно марксизма в языкознании И. В. Сталин, критикуя учение Марра о языке и мышлении, пишет:

а. Н. Я. Марр отрывает мышление от языка;

б. Н. Я. Марр считает, что общение людей можно осуществить и без языка, при помощи самого мышления, «свободного от «природной материи» языка, свободного от «норм природы»;

в. Отрывая мышление от языка и «освободив» его от языковой «природной материи», Н. Я. Марр попадает в болото идеализма.

Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языково-

¹ Вопросы философии, 1947 г., № 2, стр. 289.

го материала, без языковой оболочки, так сказать, в оголенном виде. Но это совершенно неверно. Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка».¹

Исходя из этих принципов о взаимоотношении языка и мышления, установленных И. В. Сталиным, становится ясным и то положение, что суждение как мысль, отражающая связи и отношения вещей и явлений действительности, всегда оформляется в языковом материале, так как язык есть непосредственная реальность мысли. Всякое суждение реально существует в форме предложения. Но отсюда, конечно, не следует, что всякое предложение является суждением.

Предложения, в которых выражается вопрос, просьба, приказание, например, «проводит ли металл электричество», «будет ли существовать в коммунистическом обществе государство», «принести воду» и т. п., не являются суждениями, так как они ни истинны, ни ложны, они ничего не утверждают и ничего не отрицают, они не отражают связей и отношений между вещами и явлениями действительности. Конечно, если вопросительные и повелительные предложения имеют какой-либо смысл, они предполагают определенные суждения. Если, например, предложение «проводит ли металл электричество?» имеет смысл, то оно предполагает ряд суждений, а именно, что существуют металлы, существует электричество, существуют тела, проводящие электричество. Или, если предложение «имеет ли Пегас крылья?» имеет смысл, то оно предполагает ряд суждений, а именно, что существует Пегас (или как реально, объективно существующее животное, или как фантастическое существо, встречающееся в мифологии), существуют животные, имеющие крылья, и т. д. Но все это, конечно, не значит, что само это вопросительное предложение является суждением.

Уже это одно обстоятельство показывает, что нельзя отождествлять суждение и предложение.

В предложении, кроме подлежащего и сказуемого, могут быть и другие части предложения: дополнение, определение, обстоятельства места, времени. В суждении нет таких элемен-

¹ И. Сталин. Относительно марксизма в языкознании. К некоторым вопросам языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 36—37.

гов; в суждении, как говорят, — только два термина: субъект и предикат, связанные определенной связью, определенным отношением. (В данном случае имеется в виду простое суждение, а не связь нескольких суждений). Так, например, в суждении «Жучка — красивая, маленькая, черная собака»: Жучка — субъект, маленькая, черная, красивая собака — предикат, подразумеваемая связка «есть» — знак утверждения, указывает на связь предмета и его признака.

Своеобразие суждения и его отличие от предложения сделается более ясным, если мы разберем вопрос о субъекте и предикате суждения. Возьмем суждение «Москва — столица Советского Союза» и попытаемся установить субъект и предикат данного суждения. На первый взгляд вопрос этот — самый элементарный: мы высказываем мысль о Москве (S) и утверждаем, что она, Москва, является столицей Советского Союза (P). Но оказывается, что вопрос этот не всегда решается так просто. Какой смысл вкладываем мы в это суждение, что мы хотим сказать, говоря, что «Москва — столица Советского Союза»? Хотим ли мы сказать, что 1) Москва, а не какой-либо другой город является столицей Советского Союза, или что 2) Москва является столицей, а не каким-либо областным или районным центром Советского Союза, или же, наконец, что 3) Москва является столицей Советского Союза, а не какого-либо другого государства.

Данное предложение — «Москва — столица Советского Союза» включает в себе три отличных смысла и поэтому это одно предложение выражает три различных суждения. Суждения, выраженные одним данным предложением, представляют собой ответы на три отличных друг от друга вопроса: первое суждение отвечает на вопрос, что является Столицей Советского Союза, второе суждение отвечает на вопрос, чем является Москва для Советского Союза, третье суждение, наконец, отвечает на вопрос, столицей какого государства является Москва. На все эти вопросы мы отвечаем обычно одним предложением: Москва — столица Советского Союза, делая ударение то на словах «столица Советского Союза», то на слове «столица», то на слове «Москва».

Во всех трех случаях — предложение одно и части предложения, подлежащее и сказуемое, неизменны; но во всех трех случаях это одно предложение выражает три различных мысли. Следовательно, три различных суждения с различными субъектами и различными предикатами. Определить в предложении субъект и предикат соответствующего суждения можно легко, если обратить внимание, на какое слово падает логическое ударение. Удобнее же определить субъект и предикат, представив себе вопрос, на который от-

вечает предложение: то, что дано в полном и определенно поставленном вопросе, есть субъект суждения, а ответ на этот вопрос есть предикат суждения.

4. Традиционная классификация суждений

В теории познания вообще и, в частности, в теории умозаключения большое значение имеет вопрос о форме суждения. Правда, всякое суждение, с точки зрения традиционного учения, представляет собой определенное отношение двух понятий—субъекта и предиката. Но, несмотря на это, суждения отличаются друг от друга. Дело в том, что связь понятий в суждении может быть связью объемов или содержаний понятий. В зависимости от объема и содержания подлежащего и сказуемого, от своеобразия их связи, их отношения и т. д. суждения делятся на несколько видов. В сущности, корни этого традиционного деления восходят к Аристотелю и его ученикам. Своеобразная классификация, данная стоиками, не имела успеха, хотя отдельные моменты этой классификации заключают здоровое зерно и постепенно возрождаются в наше время. Что касается классификации аристотелевской школы, она, подвергшись некоторым изменениям, была освящена Кантом и достигла наших дней и известна под названием традиционной классификации суждений.

Традиционная логика рассматривает суждения с четырех точек зрения: с точки зрения качества, количества, отношения и модальности.

В суждении — два элемента: субъект и предикат, которые связаны с помощью утверждения или отрицания. Качеством суждения называется свойство суждения, которое состоит в том, что в суждении предикат утверждается или отрицается относительно субъекта. С точки зрения качества различают суждения утвердительные, отрицательные и неопределенные. В утвердительном суждении предикат утверждается относительно субъекта; в отрицательном суждении предикат отрицается относительно субъекта, и, наконец, в неопределенном суждении относительно субъекта утверждается отрицательный предикат.

1) Утвердительное суждение: Советский Союз — социалистическое государство; S есть P;

2) Отрицательное суждение: советские люди не хотят войны; S не есть P;

3) Неопределенное суждение: в Англии не социалистический строй; S есть не P.

В суждении предикат может утверждаться или отрицаться по отношению ко всему объему субъекта, или по отношению лишь к части объема, или же по отношению к единичному представителю объема субъекта. Различие суждений,

обусловленное объемом субъекта, к которому относится предикат, называется различием по количеству. По количеству суждения делятся на общие, частные и единичные.

1) Общим суждением называется такое суждение, в котором предикат утверждается или отрицается относительно всего объема субъекта, например, «все люди смертны».

2) Частным называется суждение, в котором предикат утверждается или отрицается относительно части объема субъекта, например, «некоторые студенты спортсмены».

3) Единичным суждением называется суждение, в котором предикат утверждается или отрицается относительно единичного понятия, например, «Пушкин великий русский поэт XIX века».

Таким образом, по количеству суждения могут быть трех видов:

1) Общие: «Все народно-демократические страны строят социализм»; $S - P$.

2) Частные: «Некоторые металлы жидкости»; некоторые $S - P$.

3) Единичные: «Эльбрус — самая высокая гора на Кавказе»; $S - P$ или «это $S - P$ ».

Связь субъекта и предиката в суждении может отличаться по своему характеру. Предикат может утверждаться (или отрицаться) по отношению к субъекту при всех условиях или, иначе, независимо от условий. Возможно, однако, что связь субъекта и предиката ставится в зависимость от какого-либо условия. Наконец, возможен и такой случай, в котором к субъекту из нескольких предикатов относится только один, или из нескольких субъектов только одному может быть присущ данный предикат.

Таким образом, с точки зрения характера связи между субъектом и предикатом суждения делятся на категорические (безусловные), гипотетические (условные) и дисъюнктивные (разделительные).

1) Категорическими суждениями называются суждения, в которых связь между субъектом и предикатом не зависит от каких-либо условий; например, «металлы проводят электричество»; $S - P$.

2) Условными называются суждения, в которых связь между субъектом и предикатом зависит от какого-либо условия; например, «если коммунистическое общество будет находиться в империалистическом окружении, то в этом обществе будет существовать государство»; «если А есть В, то С есть D», или «если А есть, то есть В».

3) Разделительными называются суждения, в которых из нескольких предикатов только один присущ субъекту; на-

пример, «треугольник ABC — или прямоугольный, или косогольный, или тупогольный»; S есть или P₁ или P₂, или P₃.

Разделительное суждение может иметь и другой вид, именно, оно может содержать несколько субъектов, из которых только одному присущ данный предикат, или S₁, или S₂ есть P.

Что касается четвертого класса суждений, суждений модальности, традиционное учение кладет в основание деления чаще всего ценность связи субъекта с предикатом.

В этом отношении оно следует кантовскому положению: «Модальность суждения есть совершенно особая функция их; отличительное свойство ее состоит в том, что она ничего не прибавляет к содержанию суждения (так как кроме количества, качества и отношения нет ничего, что составляло бы содержание суждения), а касается только ценности связи субъекта с предикатом в отношении мышления вообще».¹ С точки зрения модальности суждения разделяются на проблематические, ассерторические и аподиктические.

1) Проблематическими суждениями называются суждения, в которых связь субъекта с предикатом мыслится как только возможная, например, «возможно на Марсе существует органическая природа»; «возможно S — P».

2) Ассерторическими называются суждения, в которых связь субъекта и предиката утверждается (отрицается) как действительная, например, «в Советском Союзе построен социализм»; S есть P.

3) Аподиктическими называются суждения, в которых связь субъекта и предиката утверждается как необходимая, например, «каковы материальные условия жизни общества, таков и характер общественного строя»; «S необходимо есть P».

Таким образом, традиционная классификация суждений выглядит так:

Виды суждений

I. Качество

1. Утвердительные
2. Отрицательные
3. Неопределенные

II. Количество

1. Общие
2. Частные
3. Единичные

III. Отношение

1. Категорические
2. Условные
3. Разделительные

IV. Модальность

1. Проблематические
2. Ассерторические
3. Аподиктические.

¹ Кант. Критика чистого разума.

Эта традиционная классификация суждений не знает или не касается вопроса о сущности суждения; она обращает внимание не столько на то обстоятельство, что выражает, что отражает суждение, или, тем более, как оно его отражает, сколько на отдельные признаки, которые могут характеризовать те или иные суждения. Одно какое-либо суждение может обладать различными признаками и с точки зрения этих признаков может попасть и, в действительности попадает, в различные классы. Пользуясь этой возможностью, классическая логика объединяет две точки зрения, точки зрения качества и количества, — имея в виду теорию умозаключения, — и устанавливает четыре вида суждения.

1. Общеутвердительные суждения, которые являются одновременно и общими и утвердительными; например, «все люди смертны»; схема: все S суть P .

2. Общеотрицательные суждения, которые являются одновременно и общими и отрицательными; например, «киты не рыбы»; $\bar{S}$ не есть P ; или: ни одно S не есть P .

3. Частноутвердительные суждения, которые являются одновременно частными и утвердительными; например, «в некоторых странах установлена народная демократия»; схема: некоторые S суть P .

4. Частноотрицательные суждения, которые одновременно и частные и отрицательные; например, «некоторые люди не знают логики», некоторые S не есть P .

Эти четыре вида суждений обозначаются соответственно буквами: a , e , i и o . Общеутвердительные — буквой a , общеотрицательные — буквой e , частноутвердительные — буквой i , и частноотрицательные — буквой o . Буквы a и i являются первой и второй гласной латинского слова *affirmo* — утверждаю, буквы e и o такими же буквами латинского слова *nego* — отрицаю.

На основании этих обозначений, все четыре вида суждения можно представить в схемах, которые облегчают изложение теории умозаключения.

Схема общеутвердительного суждения	—	$\bar{S}aP$
» общеотрицательного	»	— $\bar{S}eP$
» частноутвердительного	»	— $\bar{S}iP$
» частноотрицательного	»	— $\bar{S}oP$

5. Сущность суждения

1. Сознание есть отражение бытия; «сознание есть сознанное бытие» (Маркс). Поэтому нет ничего такого в сознании, что бы не было таким или иным отражением действительности; и истинная мысль, и ложная мысль, и фантасти-

ческие представления являются отражением действительности. Истинная мысль адекватно, приблизительно точно отражает действительность; ложная мысль, отражая действительность, искажает ее, говоря словами Аристотеля, соединяет то, что в действительности разъединено и разъединяет то, что в действительности соединено.

Мы уже указывали на двоякий смысл термина «отражение». В одном случае мы выставляем положение, что «сознание — сознанное бытие», т. е. что всякое сознание есть отражение действительности; в другом случае, говоря об истине, мы также говорим об отражении сознанием действительности; но тут речь идет не об отражении вообще, а об адекватном отражении познанием действительности.

Формы мышления, изучаемые логикой, понятие, суждение, умозаключение также являются отражением действительности. В отличие от ощущений, восприятий, представлений эти формы мышления отражают действительность не непосредственно, а опосредствованно. Возникает вопрос, что и как отражается формами мышления. Конечно, общий ответ, что формы мышления отражают действительность, является правильным; но этот ответ не является достаточным. Ведь и восприятия и представления отражают действительность.

Действительность—единое целое. Она—не совокупность вещей и явлений, а связанное целое, в котором каждое отдельное явление связано многими отношениями с другими явлениями, со всем этим целым, как часть этого целого.

«В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и независимых друг от друга, — а как связанное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга.

Поэтому диалектический метод считает, что ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями, ибо любое явление в любой области природы может быть превращено в бессмыслицу, если его рассматривать вне связи с окружающими условиями, в отрыве от них, и, наоборот, любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений».¹

И не только весь объективный мир представляет собой связанное, единое целое, но и каждое явление представляет собой единое целое, различные стороны которого стоят друг к другу в разнообразных связях и отношениях. Каждое явление

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 536.

ние, каждая вещь — единство составляющих ее частей, сторон, свойств. Вещи существуют не только сами по себе — «в себе», но и для других, точнее, в связи с другими, благодаря другим, в зависимости от других. Вещи, явления качественно определены; но эти вещи были бы кантовскими непознаваемыми «вещами в себе», если у них не было бы связей и отношений с другими вещами.

Ленин, комментируя гегелевскую логику, пишет: «Вещь в себе — «весьма простая абстракция». Кажется мудростью изречение, что мы не знаем, что такое вещи в себе. Вещь в себе есть абстракция от всякого определения¹ (бытие-для-другого) (от всякого отношения к другому), т. е. ничего. Следовательно, вещь в себе «не что иное, как ложная, пустая абстракция».² Ленин продолжает: «Это очень глубоко: вещь в себе и ее превращение в вещь для других (Ф. Энгельс). Вещь в себе вообще есть пустая, безжизненная абстракция. В жизни в движении все и вся бы в а е т как «в себе», так и «для других» в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое».³

Качественная определенность вещей и явлений проявляется в их разнообразных свойствах. Свойство вещей и явлений есть не что иное, как проявление их качественной определенности по отношению к другим вещам. Мы познаем вещи по их свойствам, признакам. На основании знания их свойств, признаков мы проникаем в глубь явлений, открываем их качественную определенность, их структуру, сущность, закон. И, конечно, если бы вещи были только «вещами в себе», т. е. существовали независимо, изолированно друг от друга, не имели бы связей и отношений друг к другу (свободны «от всякого отношения к другому»), то их качественная определенность не проявилась бы ни в каких свойствах и мы, конечно, были бы лишены возможности их познать.

Свойства вещей зависят от их качественной определенности. С другой стороны на характер свойства влияет и то обстоятельство; к какому явлению, какой вещи относится данная вещь. Поэтому характер, своеобразие свойства зависит от двух моментов: 1) от качественной определенности вещи, вступающей в отношение, и 2) от характера вещи, с которой вступает в отношение данная вещь. Конечно, ведущей стороной является та вещь, которая вступает в связь, отношение с другими вещами, так как свойство вещи зависит от ее качественной определенности.

Советский Союз определенное качество, страна социализма, страна, строящая коммунизм. Его качественная

¹ Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 82 (разрядка моя.—К. Б.).

² Там же.

³ Там же, стр. 83.

определенность как страны социализма, как страны, строящей коммунизм, как общественного строя, в котором производственные отношения и производительные силы находятся в полном соответствии, ничуть не изменится, будет ли он находиться в связи и в отношениях с другими странами, будут ли, вообще, другие страны существовать или нет, будет ли окружена наша страна империалистическими или социалистическими странами.

Но эта одна качественная определенность проявляется в различных свойствах к народно-демократическим государствам, с одной стороны, и к фашистским и полуфашистским государствам, с другой стороны.

Коммунистическое общество остается коммунистическим со своей качественной определенностью, со своей закономерностью, все равно будет ли оно окружено империалистическими государствами или социалистическими. Но в зависимости от данных условий у него будут определенные свойства: если оно будет окружено империалистическими странами, в нем будет существовать государство, если же такого окружения не будет, то государство отомрет. Существование государства в коммунистическом обществе не является законом существования такого общества, не является его качественной определенностью, а является свойством, проявлением его качественной определенности в известных условиях, в определенных отношениях.

И. В. Сталин пишет: «Если нет в мире изолированных явлений, если все явления связаны между собой и обуславливают друг друга, то ясно, что каждый общественный строй, каждое общественное движение в истории надо расценивать не с точки зрения «вечной справедливости», или другой какой-либо предвзятой идеи, как это делают нередко историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которым они связаны...

Все зависит от условий, места и времени».¹

На конкретный случай такого положения указывает Маркс: «Один и тот же экономический базис,— один и тот же со стороны главных условий,—благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств».²

---

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 539—540.

² Маркс. Капитал, т. III, стр. 697.

Познавая действительность, мы познаем качество, сущность вещей, познаем отношения и связи между вещами, отношения и связи внутри вещей, познаем свойства, признаки вещей, проявляющиеся в этих связях и отношениях, и выражаем их в суждениях.

Познавая действительность, мы идем от явления к сущности, от случайного к необходимому, от единичного и различного к общему и тождественному и т. д. Все они связаны друг с другом, ни один не существует без другого. Сущность не может существовать вне отношения к явлению, случайное вне необходимого, единичное вне общего, различное вне тождественного и т. д.

Цель познания — не только единичное, но и общее и, главным образом, общее; не только различное, но тождественное и, главным образом, тождественное; не только явление, но и сущность, закон и, главным образом, сущность, закон. Только познав сущность явления, его закон, мы можем применить его к явлению, к единичному, преобразовать, изменить его, только на основе такого познания мы можем предвидеть события. «Закон, — писал Ленин, — есть отношение».¹ Суждение есть мысль, отражающая связи и отношения вещей и явлений.

2. Можно подумать, что данное определение суждения как определенной, формы логической мысли слишком узкое и поэтому неправильное: ведь оно предусматривает только связи и отношения, в то время как в реальной действительности существуют вещи и явления, их качественная определенность, о которой выше было сказано, существуют законы явлений, их сущность. Правда, не существует вещей и явлений вне связей и отношений их между собой, но ведь связи и отношения суть связи и отношения вещей. Ведь ведущими, с нашей точки зрения, являются вещи и явления, а не их связи и отношения. Ведь положение тут такое же, как в проблеме материи и движения: материя не существует вне движения, как и движение без материи, но не существование движения создает материю, а существование материи обуславливает движение; движение есть форма существования материи.

Но познание вещей и явлений, познание сущности, закона явлений возможно только с помощью познания связей и отношений между вещами, связей и отношений между сторонами вещи и явления. Как материю мы познаем, познавая форму движения материи, так и вещи и явления познаются в их движении, т. е. в их связях и отношениях.

---

¹ Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 128.

«Подобно тому, как нет движения без материи, так нет материи без движения», — писал Энгельс.¹ К этому Энгельс добавлял: «Раз мы познали формы движения материи (для чего, правда, нам не хватает еще очень многого, ввиду кратковременности естествознания), то мы познали и самое материю, и этим исчерпывается познание».²

Метафизический отрыв вещей и явлений от их связей и отношений приводит к своеобразному заключению, якобы мы познаем вещи и явления отдельно от их связей и связи и отношения отдельно от вещей и явлений. Вещи и явления познаются в связях и отношениях и так отражаются в суждениях.

Всякое суждение выражает, отражает какую-либо связь, отношение, но это не значит, что оно, отражая связи и отношения, не отражает своеобразия, сущности вещей. Именно тем, что оно отражает связи и отношения, оно отражает и сами вещи и явления.

Самое ценное и важное в познании — отображение закона действительности — всегда выражается суждением, отображающим связи и отношения между явлениями. «Закон есть отношение», — писал Ленин; отражая в суждении закон как отношение, мы отражаем сам предмет, само явление, саму действительность. Так, например, отражая наипошире законы всей действительности, природы общества и мышления, мы отражаем связь и единство всех явлений действительности (1-я черта диалектики), связь и единство количества и качества (3-я черта), связь, единство противоположностей. Отражая принцип развития действительности (2-я и 4-я черты), мы отражаем связь отрицательного и положительного, связь прошлого и будущего, связь отживающего и развивающегося, связь между старым и новым и т. д. Все это «составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные».³

Законы физики, химии и т. д. всегда выражают связи и отношения между явлениями.

Выразим наше знание о таких предметах, как капитализм, социализм. Как только мы выразим наше знание об этих предметах, сразу убедимся, что мы выразили суждение, которое отражает определенную связь, определенное отношение между общественным производством и частным присвоением (капитализм), определенную связь, определенное отношение полного соответствия производственных отношений характеру производственных сил, полного соответствия общест-

¹ Энгельс. Диалектика природы, 1950 г., стр. 184.

² Там же.

³ Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 539.

венной собственности на средства производства с общественным характером процесса производства.¹

Возьмем такой предмет, как производство или способ производства: «Следовательно, — пишет И. В. Сталин, — производство, способ производства охватывает как производительные силы общества, так и производственные отношения людей, являясь, таким образом, воплощением их единства в процессе производства материальных благ».²

Познавая, отражая эти связи и отношения, мы познаем, отражаем сами вещи, явления действительности.

Все положения математики, отражая объекты, изучаемые этой наукой, выражаются в суждениях, которые отражают определенные связи. Таковы суждения, выражающие такие «предметы», как производная, функция, дифференциал, интеграл, уравнение и т. д. Таковы же суждения, выражающие аксиомы математики, например, «для любых двух точек А, В, существует прямая а, принадлежащая каждой из этих двух точек А, В», или «если точка В лежит между точкой А и точкой С, то А, В, С суть три различные точки прямой, и В лежит также между С и А».³

Или аксиомы Евклида: равные порознь третьему, равны между собой, целое больше части и т. д.

Все эти и другие аксиомы, выражая сущность объекта, выражают его, отражая определенную связь, отношение между предметами.

Но есть огромное количество разнообразных суждений, которые как-будто не отражают никаких связей и отношений. Таковы, например, суждения «собака—животное», «Болгария—народно-демократическая республика», «человек смертен», «хинин горек».

На самом деле и эти суждения, как и всякое суждение, выражают определенную связь и отношение и этим отражают своеобразие предмета. Ведь суждение «собака — животное» устанавливает (отражает) связь между двумя классами предметов, а именно, классом собак и классом животных, отражает включение класса собак в класс животных. Точно так же отрицательное суждение «киты не рыбы» устанавливает отношение между китами и рыбами, именно, что класс китов выключен из класса рыб.

Таким же образом суждение «хинин горек» устанавливает связь между предметом и его свойством. Связи и отношения, которые существуют в объективной действительности; не являются только связями и отношениями между отдельными предметами или между классами предметов; эти связи

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 553.

² Там же, стр. 551.

³ Гильберт. Основания геометрии, стр. 57, 59.

и отношения существуют и в каждом отдельном предмете, как, например, связи и отношения между частями или элементами вещей и явлений, между предметом и его свойствами, между отдельными свойствами данного предмета. Мысля отдельное свойство как абстрактное (отвлеченное) понятие, мы ведь выделяем его из общей связи, отвлекаемся от остальных сторон вещи, от которой мы выделили данное свойство; следовательно оно, это свойство, было связано с предметом, и, высказывая мысль о свойстве вещи, мы отражаем связь этого свойства с вещью.

Само строение простого суждения, которое состоит из субъекта, предиката и связи между ними, указывает на то обстоятельство, что суждение отражает действительность, вещи и явления действительности путем отражения связей и отношений, существующих в действительности.

Что касается сложных суждений, как, например, условного суждения «если А есть В, то С есть D», то тут связь, отражаемая суждением, настолько очевидна, что излишне говорить об этом.

Наконец, суждения, отражая разнообразные связи и отношения; отражают также одну определенную связь: связь общего и отдельного. «Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с предложения любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь... есть диалектика: отдельное есть общее».¹

Суждение есть отражение связей и отношений действительности. Связи и отношения могут быть и между отдельными предметами, между предметами и их свойствами, между отдельными свойствами, между отдельными сторонами действительности, между тождественным и различным, общим и единичным и т. д. Часто одно и то же суждение выражает не одну какую-либо связь и отношение, а несколько. Суждение «Жучка есть собака» выражает связь предмета и класса предметов — Жучка включена в класс собак, выражает связь отдельного и общего, различного и тождественного, явления и сущности и т. д.

В определении суждения мы умышленно употребляли слова «связи и отношения»; дело в том, что некоторые логики проводят определенную грань между понятиями связи и отношения. Утверждают, что отношение существует между предметами, а связь может существовать не только между предметами, но и между предметом и его свойством. Дело, конечно, не только в употреблении того или иного термина: можно употреблять эти термины как синонимы — в действительности они так и употребляются. Например, П. В. Таванем

¹ Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 328—329.

в своем исследовании «О видах суждения» пишет: «Таким образом, деление суждений на утвердительные и отрицательные есть деление не по характеру связи между понятиями, а по характеру выражаемой в суждении связи между предметами и их признаками.

Имеющиеся в каждом суждении отношения между субъектом и предикатом по их объему являются следствием выраженного в связке суждения знания об отношениях между предметами и их признаками».

Как видим, в одном случае говорится о связи между предметами и их признаками, а в другом — об отношениях между предметами и их признаками. Конечно, тут нет никакой ошибки, никакой двусмысленности.

Дело не в том, будем ли мы употреблять эти термины как синонимы или нет. Дело в том, что связи и отношения между предметами отличаются от связей и отношений между предметами и их признаками и поэтому отражающие их суждения будут отличаться друг от друга.

3. Некоторые советские логики до последнего времени не признавали правильным определение суждения как формы нашего мышления, отражающей связи и отношения действительности. Дело в том, что буржуазная так называемая «логика отношений», критикуя аристотелевскую логику, противопоставляет ей учение о суждении как мысли, выражающей отношения. Формализм, реакционность идеалистической «логики отношений» вызвали среди советских логиков законную реакцию против этого направления. Не поняв сущности этого направления, некоторые логики начали критиковать понимание суждения как отражения реальных связей и отношений, утверждая, что при таком понимании суждения пропадает сам предмет, о котором высказывается мысль.

Так, например, в учебнике логики проф. Строговича утверждается, что суждения, выражающие отношения, по своей конструкции соответствуют «идеалистическому характеру буржуазной философии», что «логический смысл «суждений отношений» состоит в том, что в них устанавливаются определенные отношения между предметами мысли, но ничего не утверждается о самих предметах, о их существовании, о их свойствах»... «Суждения отношения — это бессубъектные суждения, т. е. суждения без подлежащего, поэтому в них ничего не говорится, не утверждается и не отрицается о самих предметах действительности, о их свойствах. Таким образом, эта теория имеет идеалистический, агностицистский характер».¹

Когда «логика отношений» критикуется таким образом, то эта критика не достигает своей цели. Вместо того, чтобы

¹ Строгович. Логика, 1949 г., стр. 158—159.

критиковать определенное формалистическое и идеалистическое направление в современной буржуазной логике, критикуется и отвергается определенный вид суждения — суждения, которое отражает отношения, существующие в объективной действительности, отвергается, вообще, понимание суждения как формы мысли, отражающей связи и отношения действительности.

«Логика отношений» критикует аристотелевскую логику не только за то, что аристотелевская логика не соответствует уровню современной науки — это было бы во всяком случае справедливо, за недостатки аристотелевской логики Аристотеля критикуют многие; главное тут заключается в том, с каких позиций критикуют аристотелевскую логику.

Представители «логики отношений» критикуют аристотелевскую логику за ее «субстанциализм», т. е. за, в основном, материалистическое истолкование форм мышления, понятия, суждения, умозаключения. Формы мышления по Аристотелю являются отображением форм действительности; понятия, суждения, умозаключения обладают предметным характером, они относятся к реальной действительности. Аристотель признавал, что суждения отражают связи действительности. «Так что в истине пребывает тот, кто полагает разделенное разделенным и соединенное — соединенным, а в заблуждении тот, чье мнение противоположно действительному положению вещей». Для Аристотеля принципы мышления обладают онтологической значимостью. Средний термин в силлогизме не только средний по объему, связывающий крайние термины, он — отражение реальной причины.

В силлогизме о смертности Сократа средний термин — «причина» заключения: человечность (человеческая природа) в Сократе есть основание вывода и причина смертности Сократа.

Эта материалистическая точка зрения Аристотеля и является объектом критики со стороны представителей «логики отношений». «Логика отношений» отвергает материалистический принцип логических учений Аристотеля, отвергает учение Аристотеля о действительности, существующей вне и независимо от сознания, и, называя это учение метафизикой и субстанциализмом, становится на позиции ничем не прикрытого идеализма и релятивизма. Один из представителей современной «логики отношений» Серрюс пишет: «...существует род идеализма, вполне совместимый с логикой отношений и даже составляющий единое с этой последней; его можно характеризовать как релятивистский идеализм..., так как рассматривает одну лишь мысль без ее реального объекта».²

¹ Аристотель. *Метафизика*, IX, 10, 1051 в.

² Серрюс. *Опыт исследования значения логики*, стр. 182.

«Логика отношений» выросла на принципах кантовской философии. Кант доказывал, что предметы (не вещи в себе, которые принципиально не познаваемы) природы построены нашим мышлением; причем это построение предметов происходит путем оформления ощущений категориями. Так как категории являются законами связей и отношений, то получается, что наше мышление вносит отношения в действительность. Неокантианская теория «исправила» Канта в сторону полного идеализма: мышление строит действительность и по форме и по содержанию.

«Мышление создает основы бытия». «На вопрос: что есть действительность, самым глубоким ответом является: идея». «Ошибкой Канта было признание данных ощущений, которые оформляются категориальными связями и отношениями, вследствие чего строятся вещи». «Мышлению ничего не дано, оно само строит всю действительность» (Cohen).

Кассирер, один из представителей неокантианской школы, специально пишет громадное исследование, в котором старается доказать, что вещи и явления суть совокупность отношений.

Атом, конечно, не существует реально, «все то содержит атом, которое можно ему приписать, происходит из отношений, мысленным средоточием которых он является». Выступая против «аристотелевского» понимания понятия как отражения в мысли существенных признаков предмета, Кассирер утверждает, что «субстанциальные» понятия, т. е. понятия о вещах и явлениях неприемлемы с точки зрения уровня современной науки, что на смену им выступают функциональные понятия. «Невозможно уже заблуждаться и принимать предметы физики — массу, силу, атом, эфир — за новые реальности;... они. инструменты, создаваемые, себе мыслью, чтобы изобразить хаос явлений в виде расчлененного и измеримого целого». «Сама материя становится идеей по мере того, как ее содержание все отчетливее сводится к идеальным концепциям, созданным и испытанным математикой» (Кассирер).

Ничего нового тут по сравнению с тем, что было разбито вдребезги Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», нет.

Подобно Серрюсу, Кассирер уже в 1910 году писал, что эта идеалистическая точка зрения связана с особым типом логики, именно, с логикой отношений, которая принципиально противоположна логике вещей. Если старая логика исходила из вещей, то новая логика исходит из отношений, которые создают предметы.

Таким образом, «логика отношений», исходя из неокантианских учений, растворяет вещи в отношениях, правильное,

не признавая вне и независимо от сознания существующую действительность, утверждает, что предметы создаются отношениями. Современная реакционная и идеалистическая «логика отношений» считает, что существуют не вещи и явления объективного мира с их многообразными отношениями, а что отношения, отношения идеальные, отношения чистого рассудка создают впервые предметы.

6. Виды суждений

1. Недостатки традиционной классификации. Традиционная классификация суждений, установленная уже Аристотелем и его последователями и окончательно освященная Кантом, не может удовлетворить требования современного уровня знаний. Уже то обстоятельство, что она почти не изменялась и не развивалась в продолжение столетий, делает ее весьма сомнительной. Исследование видов суждений показывает, что эта классификация не предусматривает всех видов суждений, и ей приходится часто втискивать в установленные четыре класса суждений такие суждения, которые обладают иной структурой. Некоторые виды суждений в этой классификации получили неправильную интерпретацию.

Даже в том случае, если бы традиционная классификация предусматривала все виды суждений и давала им правильное толкование, даже и в этом случае принцип деления суждения неправильный: ведь основными видами, в конечном счете, являются суждения категорические, условные, разделительные и т. д. Что касается утвердительных, отрицательных, общих, частных и т. д. суждений, то эти виды на деле представляют виды основных суждений.

С другой стороны, все разнообразные суждения бывают или простыми или сложными. Деление суждений на простые и сложные, деление, которое было установлено еще в древности, представляет собой не грамматическую точку зрения, как это было у стоиков, а чисто логическую. Дело в том что логики, не признающие такого деления при классификации суждений, принуждены в конце концов признать его.

Как только представитель традиционной классификации приступает к изложению учения об условных суждениях, так он сразу забывает данный раньше им самим анализ суждения, учение о его составных частях — субъекте, предикате и связке — и начинает говорить о сложных суждениях. Например, в учебнике логики проф. Асмуса читаем: «...в сложном суждении — «если две линии параллельны каждая порознь третьей, то и т. д.». И дальше: «Такое сложное суждение, в котором истинность высказывания стоит в зависимости от ус-

ловня, которое формулируется в самом суждении, называется условным или гипотетическим».¹

То же самое встречаем мы в логике проф. Строговича: «Как видим, гипотетическое (условное) суждение является сложным суждением, оно состоит из двух суждений; первое суждение устанавливает условие, которое обуславливает правильность второго суждения».²

Но если существуют сложные суждения, в отличие от простых, то классификация суждений должна была быть проведена в первую очередь на основании этого принципа.

2. Деление суждений на простые и сложные. Мы уже указывали, что суждения отражают связи и отношения действительности. Отображая связи и отношения, суждение тем самым отображает сущность вещей и явлений, их свойства, состояние, разнообразные отношения между предметами. Но это не значит, что связи и отношения отражаются в суждении всегда в виде связи между понятием субъекта и понятием предиката. Например, в суждении «если коммунистическое общество будет в окружении империалистических стран, то в коммунистическом обществе будет существовать государство» связь между существованием государства в коммунистическом обществе и положением этого общества в окружении империалистических стран выражена не связью между понятиями субъекта и предиката, а связью двух суждений, из которых одно является основанием, а другое следствием.

Поэтому состав суждения не всегда разлагается на понятия субъекта и предиката. Раньше было отмечено, что элементы суждения — не вещи, не предметы, но мысль, выраженная в суждении, относится к вещам и предметам действительности. Элементами суждения могут быть и отдельные понятия (представления) и целые суждения.

Суждения, составные элементы которых представляют собой понятия субъекта и предиката, являются простыми суждениями. Суждения, составные элементы которых представляют собой суждения, являются сложными суждениями. Примерами простых суждений могут служить следующие суждения: 1) В СССР построен социализм, 2) США начали агрессивную войну в Корее, 3) Железо — металл, 4) Стекло не проводит электричества и т. д. Примерами сложных суждений могут служить следующие суждения: 1) Если мир познаваем, то и общественная жизнь познаваема, 2) Если данная геометрическая фигура — кривая второго порядка, то она или круг, или эллипс, или гипербола, или парабола и т. д.

В простых суждениях понятие субъекта и понятие предиката связаны связкой. В суждении «железо—металл» поня-

¹ Асмус. Логика, стр. 86.

² Строгович. Логика, стр. 167.

тие железа—субъект, понятие металла—предикат, подразумеваемое «есть» — связка. В сложном суждении «если тело нагреть, то оно расширится» связаны не понятия субъекта и предиката; тут связаны два суждения связью основания и следствия. Конечно, в каждом отдельном суждении, которое является составной частью данного суждения, есть и субъект и предикат, но в данном суждении главное не их связь, а связь именно этих двух суждений.

В классе простых суждений находится только один тип суждения — это категорическое суждение. В классе сложных суждений мы находим несколько типов суждений: условные, разделительные, разделяющие, конъюнктивные, копулятивные.

3. Категорические суждения. Категорическое суждение выражает мысль о качественной определенности предмета, о наличии (отсутствии) свойства, состояния у предмета, т. е. о наличии (отсутствии) связи предмета и свойства, о наличии (отсутствии) отношения предмета к другим предметам, о существовании (несуществовании) предмета. Состав категорического суждения: понятие субъекта, понятие предиката и связка; схема категорического суждения: S — P.

Аристотель, определяя суждение как речь, утверждающую или отрицающую что-либо о чем-либо, имел в виду только категорическое суждение. И виды суждений, которые он перечислил, были, в сущности, видами категорического суждения. Не касаясь истории и оценки разнообразных классификаций видов категорического суждения, мы можем разделить категорические суждения, на виды: 1) по содержанию 2) по качеству, 3) по количеству, 4) по модальности.

А. Виды категорического суждения по содержанию. По содержанию категорические суждения могут выражать мысль о существовании (несуществовании) предмета, о наличии (отсутствии) свойства у предмета, о включении (исключении) предмета или класса предметов в класс предметов и, наконец, об отношении между предметами.

а. Суждения о существовании (несуществовании) предметов. Всякое категорическое суждение выражает мысль о предмете. Суждение — мысль, а мысль не может быть беспредметной; мысль всегда — мысль о чем-либо. Выскажем ли мы мысль о том, что «в СССР существует социалистический строй» или, что «Пегас — крылатый конь», наша мысль относится к какому-либо предмету, в данном случае к СССР и Пегасу. Но легко заметить, что форма существования этих предметов принципиально отличается друг от друга: в первом случае речь идет об объективном существовании предмета, во втором же случае — о фантастическом существовании античной мифологии. Признаки истинности и ложности характеризуют и первое и второе суждение. Истинность первого суждения

понятна. Истинность же второго суждения заключается не в том, что Пегас как крылатый конь существует в объективной действительности, а в том, что это суждение адекватно отражает то представление, которое было у древних греков. И с этой точки зрения суждение «Пегас—рогатый конь», конечно, ложное.

Категорическое суждение, выражающее мысль об объективном существовании предметов и явлений, является суждением о существовании (эgzистенциальным суждением).

В суждениях о существовании утверждается (отрицается) не существование чего-либо в какой-либо форме, а, именно, объективное существование предмета.

В суждениях «нет материи без движения», «атомы существуют», «бога нет» высказана мысль о существовании или несуществовании предметов. Связка «есть» в таких суждениях выражает одновременно и связку и существование.

Можно интерпретировать суждения о существовании предмета как утверждение о включении данного предмета в состав объективного мира.

в. Суждения, отражающие связь предмета и его свойства. Суждения, отражающие связь предмета и его свойства, признака, состояния настолько распространены, что многие логики считают их основным, даже единственным видом суждения. Так, например, очень часто в учебниках логики суждение определяется как «высказывание о предметах и явлениях объективной действительности, заключающееся в указании на принадлежность им или отсутствие у них определенных признаков».¹

В суждениях «эта роза красная», «хинин горек», «географическая среда не является решающей силой общественного развития», «все вещи и явления действительности связаны друг с другом» и т. п. высказывается мысль о том, что данные предметы и явления обладают (не обладают) такими-то и такими-то признаками. Суждения о связи предмета и свойства (состояния) часто называют атрибутивными суждениями.

Атрибутивная теория суждения встречается в разных вариантах. Наиболее часто встречается она у логиков, стоящих на позициях «логики содержания». Дело в том, что логика, определяя суждение как связь понятий, должна поставить вопрос о том, как эти понятия связываются в суждении, что связывается в суждении — объемы понятий или содержания понятий.

Решение этого вопроса обусловлено тем обстоятельством, что считается в понятии основным, содержание или объем понятия. Смотря по тому, что считают основным, объем

¹ Строгович. Логика, стр. 144.

или содержание понятия, строят «логику объема» или «логику содержания».

В «логике содержания» содержание понятия считается основным. Содержание понятия обуславливает объем понятия. Соответственно этому утверждается, что в суждении понятия связываются со стороны их содержания. В умозаключении так же связываются понятия и так же со стороны их содержания.

В «логике объема» объем понятий считается основным. Объем понятия обуславливает его содержание. Соответственно этому утверждается, что в суждении понятия связываются со стороны их объема.

Атрибутивная теория суждения развивается в «логике содержания». Сущность этой теории, как было указано, заключается в понимании суждения как определенной связи между содержанием понятия субъекта и содержанием понятия предиката.

1) **Теория полного тождества содержаний понятий субъекта и предиката.** Теория полного тождества содержания понятий субъекта и объекта с внешней стороны похожа на теорию тождества объемов понятий, входящих в суждение (см. ниже), и часто бывает переплетена с ней. Среди логиков, защищающих эту теорию, известен С. Джевонс.

Принцип этой теории заключается в положении, что в суждении S и P тождественны по содержанию и связка «есть» выражает это тождество.

Заранее нужно отметить, что представители этой теории, в частности Джевонс, при построении теории суждений, выделяют условные и разделительные суждения и рассматривают с точки зрения тождества содержаний только так называемые элементарные суждения, т. е. суждения категорической формы.

Суждения (предложения по терминологии Джевонса) выражают тождество во времени, пространстве, количественное тождество, тождество по степени или по какому-либо иному обстоятельству. Тождество может быть трех родов: 1) простое, 2) частное и 3) ограниченное. Самый значительный класс суждений — это класс, который содержит суждения, выражающиеся формулой $A=B$. Например, «цвет Тихого океана=цвет Атлантического океана», «Юпитер=самая большая планета», «число два=первое четное число» и др. В частности, к этому классу принадлежат все определения, например, «Поваренная соль=хлористый натрий».

Второй значительный класс суждений — это суждения, выражающие частное тождество. Когда мы высказываем суждение «все млекопитающие — позвоночные», мы хотим этим сказать не то, что млекопитающее то же самое, что позвоночное, но только то, что млекопитающие составляют часть

класса позвоночных. Старая логика, полагает Дже-
вонс, рассматривала это суждение как суждение, выражаю-
щее мысль о включении одного класса предметов в другой
класс. Но отношение включения опирается на отношение
тождества. Млекопитающие животные не могли бы быть
включены в класс позвоночных, если бы первые не были
тождественны части класса позвоночных животных. Поэтому
смысл этого суждения таков:

Млекопитающие=часть позвоночных.

Некоторые логики, продолжает свои рассуждения Дже-
вонс, чтобы избежать трудностей теории суждения, прибег-
ли к квантификации предиката. С этой точки зрения наше
суждение получает следующую интерпретацию: все млекопи-
тающие — некоторые позвоночные. Но слово «некоторые»
слишком уж неопределенный термин. Если обозначить «мле-
копитающее» буквой А, «позвоночное» — буквой В, а «неко-
торые» — буквой У, то суждение выразится формулой: $A=UB$.
Тут, в этой формуле, не видно, о каких У-х идет речь. Вме-
сто этого Джевонс данное суждение выражает формулой
 $A=AB$. Если формула $A=UB$ говорит нам, что А есть неко-
торые В, именно те, которые суть У, и неизвестно, что подра-
зумеется под У-ом, формула $A=AB$ показывает, что А суть
«некоторые» В, именно те В, которые суть А. АВ — часть
класса В, поэтому эта формула показывает и то, что А вклю-
чено в класс В. Таким образом, суждение «все млекопитаю-
щие — позвоночные» значит:

Млекопитающие=млекопитающие позвоночные.

Джевонс признает, что такая интерпретация может пока-
заться сложной и искусственной, но она облегчает построе-
ние теории умозаключения и вносит, вообще, в логику гар-
монию.

Третий значительный класс суждений — суждения огра-
ниченного тождества. Формула, выражающая эти суждения,
такова: $AB=AC$; она выражает тождество классов АВ и АС.
Смысл этой формулы следующий: в классе А все В суть С,
иначе говоря, тут установлено тождество В и С в сфере
класса А. Это тождество выражает не вообще тождество
между В и С, но тождество это ограничено классом А. Како-
во положение вне класса А, суждение не решает этого вопро-
са. Быть может, полагает Джевонс, все суждения принадле-
жат к данному типу.

Правда, Джевонс часто говорит о классах, все же его
теория — это теория содержания, а не объема, так как содер-
жание понятия, полагает он, обуславливает объем понятия.
Последнее свое положение Джевонс нигде не обосновывает.
В доказательствах и умозаключениях, пишет он, мы можем
обратить внимание на содержание понятий, но можем опе-

реться на объем понятий; но есть основание думать, что содержание является основным и существенным.

Джеводса нельзя упрекнуть в том, что он не принял во внимание своеобразный характер сложных суждений и что его теория тождества содержаний не подходит к таким суждениям. Как мы уже указывали, он с самого начала выделил сложные суждения,—где он рассматривает только разделительные суждения,—его теория построена только для элементарных суждений. Но тем более должно упрекнуть Джеводса за то, что он, выставив принцип—тождество содержаний, который должен представлять сущность суждения, совершенно отказывается от этого принципа при анализе сложных суждений. В сущности, принцип тождества содержаний Джеводса применяет только к элементарным суждениям, что же касается сложных суждений, то он не дает тут никакого принципа, он просто описывает два вида разделительных суждений и на этом кончает весь анализ сложных суждений.

Но и в объяснении простых суждений точка зрения тождества содержаний неприемлема. Джеводс сам видит сложность и искусственность той интерпретации, которую он дает простым суждениям. В оправдание этой сложности и искусственности он указывает на то обстоятельство, что она облегчает построение теории умозаключения. Но все дело в том, что искусственность интерпретации сама по себе уже указывает на ложность теории, и оправдывать ею легкое построение теории умозаключения недопустимо, тем более, что теория суждения Джеводса, во-первых, вовсе не облегчает понимания умозаключений и, во-вторых, самые интересные и не разработанные формы умозаключений оставляет без внимания.

Теория полного тождества содержаний понятий субъекта и предиката неприемлема, так как она стремится втиснуть разнообразные виды суждений в одну схему, в один тип. Конечно, существуют суждения, в которых содержание субъекта тождественно содержанию предиката, т. е. совокупность признаков, мыслимых в понятии субъекта, тождественна совокупности признаков, мыслимых в понятии предиката. Например, в суждении «квадрат есть прямоугольник с равными сторонами» содержание субъекта и предиката тождественно. Но существование таких суждений не есть еще довод в пользу теории, что все суждения должны быть такого типа.

Суждения о существовании, о включении класса предметов в класс предметов, многообразные суждения об отношениях предметов вовсе не подходят под такое понимание суждения.

Конечно, ввиду тесной связи содержания и объема понятий можно толковать суждения определенного вида (но не

все суждения) и с точки зрения отношений содержаний и с точки зрения объемов понятий субъекта и объекта смотря по тому, утверждение или отрицание чего мы имеем в виду, то ли мы утверждаем или отрицаем, что данный предмет обладает признаком, то ли, что данный предмет входит в определенный класс предметов.

Суждение «киты не рыбы» ничего не говорит о признаках кита или рыбы, а только о том, что киты не входят в класс рыб или объем кита исключается из объема рыб. Конечно, к этому суждению мы приходим в процессе познания признаков китов и рыб и различия их признаков, но это знание выражено в других суждениях, а не в данном.¹

Теория полного тождества содержаний субъекта и предиката приписывает предикату несвойственный ему характер, именно характер субъекта: $A = AB$, и поэтому нельзя уже отличить понятие субъекта от понятия предиката.

Искусственность, а поэтому и ложность этой точки зрения делается особенно ощутимой, когда вопрос ставится о суждениях, отражающих отношения между предметами и о суждениях, которые выражают неравенства. Первые Джевокс вовсе не рассматривает, суждения же, выражающие неравенства, он искусственным путем хочет свести к равенству.

В суждениях $A > B$, $A < B$, $A = B$, Петр выше Павла, Москва южнее Ленинграда и т. п. нет речи о тождестве. Тут, в этих суждениях, выражена мысль именно о том, что A и B не равны, не тождественны, что Петр и Павел не равны по высоте и т. д. Эти суждения нельзя выразить теми формулами, которыми выражаются все простые суждения по этой теории: $A=B$, $A=AB$, $AB=AC$. Рецепт сведения данных суждений к суждениям о тождестве (равенстве) таков: каждое суждение, выражающее неравенство, можно выразить в форме равенства. Суждение $A > B$ можно выразить в форме равенства $A=B+r$, где r —положительная величина, равная разности между A и B .

Искусственность такой интерпретации показывает лишний раз несостоятельность теории тождества содержаний. Еще искусственнее будет выражение в виде равенства суждения A не равно B ; оно примет форму: $A=B \pm r$. Такие интерпретации, усложняя суждение, не помогают выявлению смысла суждения. Еще хуже будет обстоять дело, когда из таких суждений строится умозаключение.

Кроме всего сказанного основной недостаток всей этой теории заключается в том, что она рассматривает суждение как связь терминов, понятий: связь эта выражается в тождестве понятий. Основной момент, который должен характеризовать суждение, выражать его сущность, а именно, что суж-

¹ Подробно об этом см. ниже.

дение — это мысль, отражающая действительность, вовсе не интересует данную теорию.

2) **Теория неполного тождества содержаний субъекта и предиката.** Один из видов теории содержания можно назвать теорией неполного тождества содержания.

Нужно предварительно заметить, что и эта теория, подобно предыдущей, касается только элементарных суждений. К сложным суждениям эта теория не относится.

Субъект есть то, относительно которого высказывается предикат. Отсюда вытекает, что содержание субъекта определяет все признаки и составные части, которые могут быть высказываемы относительно субъекта, оно обуславливает все определенности, которые можно предцировать по отношению к нему. Субъект обуславливает, предикат обусловлен. Содержание субъекта — это совокупность определенностей; предикат как определенность — часть содержания субъекта. Если содержание субъекта простое (т. е. в нем мыслится только один признак), тогда S и P совпадают, между ними полное тождество. Если предикат выражает все содержание субъекта, как это имеет место, например, в определении, — и в этом случае S и P тождественны. Вне этих предельных значений отношение между членами суждения выражает неполное тождество, неполное равенство. Логическое отношение между S и P есть «включение», «вчинение» P в S. Это отношение обозначается так: $S \leftarrow P$.

Вне всякого сомнения существуют суждения, о которых говорит эта теория. Суждения, выражающие связь предмета и его признака, — именно такого рода. Эту мысль и выражает эта теория языком традиционной логики: признак как часть содержания понятия приписывается понятию как предикат субъекту. Эта теория и есть в строгом смысле атрибутивная теория суждения. В суждении «человек разумен» признак разумности и является одним из признаков, подразумеваемых в понятии человека, и P тождественен с частью признаков S.

Но этот принцип не может объяснить структуру всех суждений. Один из представителей этой теории, Б. Эрдманн, сам же указывает, что данный принцип является характерной чертой только простых суждений.

Но дело в том, что и для простых суждений выставленный принцип оказывается недостаточным. Многообразные отношения, которые выражаются в суждениях, насильственно сведены к одному единственному отношению, — отношению части и целого. В суждении «молния — причина грома» в содержании понятия молнии вовсе не заключается признак грома или «причины грома» и, наоборот, понятие грома или «причины грома» вовсе не является частью содержания

понятия молнии. Вообще суждения, выражающие отношение причины, временные и пространственные связи между вещами и явлениями, отношения родства, равенства, и т. д., никак нельзя объяснить принципом неполного тождества содержания или принципом «вчинения».

И тут, как в разобранный выше теории, вопрос об отношении суждения к действительности не поставлен. Представители этих теорий интересуются только одной проблемой: каково взаимоотношение понятий в суждениях. Понятия в суждениях — или полностью тождественные по содержанию или же частично тождественные. Эти теории принципиально стоят на позициях идеализма.

Суждение — основное орудие познания действительности. Суждение — мысль, отражающая действительность. Признак истинности и ложности необходимо присущ всякому суждению. И поэтому основной вопрос, который должна решить теория суждения, — это вопрос, что и как отражает суждение.

3). **Материалистическое толкование атрибутивной теории.** Общее определение суждения как мысли, выражающей наличие (отсутствие) признака у предмета, ничего не говорит еще ни за материализм, ни за идеализм. Главное тут, как понимается понятие предмета и признака. Милль не устал утверждать, что суждение выражает не отношение понятий, а отношение вещей, что в суждении «золото желтое» утверждается не что-либо о понятии золота, а о самой вещи, о золоте, что оно обладает признаком желтизны. Тем не менее, Милль стоял на точке зрения субъективного идеализма, понимая под вещью возможность ощущений.

Но, конечно, атрибутивную теорию суждения можно толковать материалистически. В таком случае суждение определяется как мысль, отражающая связь предмета и его признака или наличие признака у предмета.

Мы уже указывали, что такие суждения существуют и они представляют собой один из видов — очень распространенный — категорического суждения. Но атрибутивная теория идет дальше и считает, в сущности, все суждения атрибутивными.

Дело в том, что сущность суждения должна быть понимаема так, чтобы она охватывала и объясняла все возможные суждения. Понимание суждения атрибутивной логикой может показаться приемлемым в том случае, если мы имеем дело с простыми суждениями. Как только мы вспомним о существовании сложных суждений, понимание суждений атрибутивной логикой делается весьма сомнительным. Достаточно принять во внимание существование условного суждения «если А, то В» (или: «если А есть В, то С есть Д»), как учение атрибутивной логики теряет почву под ногами. Ведь нельзя интерпретировать данное суждение как выражение отношения

предмета и признака. Если даже в это суждение вложить смысл: «если А присущ признак В, то С присущ признак Д», то и в этом случае главное, существенное не присущность признака предмету, а связь основания и следствия. Или же нужно будет употребить насилие над смыслом суждения и прочесть его следующим образом: «следствие С есть Д есть признак основания А есть В». Или же, наконец, нужно «свести» условное суждение к категорическому и это последнее интерпретировать как выражающее атрибутивное отношение.

Но дело в том, что и простые суждения не все поддаются атрибутивному истолкованию. Попытка истолковать все разнообразные виды суждений с атрибутивной точки зрения означает сведение всех разнообразных видов отношений и связей, существующих в действительности, к одному единственному виду, к атрибутивному отношению. Термин «признак», которым пользуется атрибутивная логика,— суждение есть мысль, утверждающая принадлежность признака предмету,— теряет всякий смысл, он слишком формален, чтобы выразить какое-либо содержание.

Даже оставаясь в пределах старой формальной логики, которая знает только отношения объемов и содержаний, нельзя с полным смыслом обосновать атрибутивную точку зрения. Очень часто мы высказываем суждения, в которых утверждается включение предмета (класса предметов) в класс предметов, или с точки зрения объемов понятий,— включение объема одного понятия в объем другого понятия, например, «киты — млекопитающие», «Болгария — народно-демократическая республика», «уран принадлежит к классу радиоактивных элементов» и т. п. Аtribuтивная логика утверждает, что этот класс суждений имеет так же атрибутивный смысл: Данный предмет — в наших примерах «киты», «Болгария», «уран»,— имеет некоторую совокупность признаков, общую ряду предметов, составляющих данный класс: в наших примерах класс млекопитающих, народно-демократических республик, радиоактивных элементов.

Конечно, в процессе познания мы должны сперва познать признаки данного предмета, признаки ряда предметов, составляющих данный класс, знать, что некоторая совокупность признаков данного предмета сходна, тождественна с признаками некоторой совокупности предметов, составляющих данный класс, и только на основании этого знания мы можем включить данный предмет в данный класс предметов. Короче говоря, содержание определяет объем понятия, если выразить это в терминах классической логики.

Рассуждение это, безусловно, правильное, но оно не решает вопроса. То обстоятельство, что мы включаем предмет в класс предметов на основании признаков предмета, не исклю-

чает существования своеобразного класса суждений включения (исключения). Одно дело — на основании чего мы делаем, и другое — что мы делаем. Мы включаем предмет в класс предметов на основании знания нами признаков предмета, но в суждениях этого класса мы включаем предмет в класс предметов, а не приписываем ему признак.

Нормальный смысл суждения заключается в том, что мы утверждаем в данном суждении, а не то, на основании чего мы утверждаем.

Связь объема и содержания настолько тесная, что подобные суждения можно толковать как атрибутивные, так же как и суждения включения. В суждении «Болгария — народно-демократическая республика» мы утверждаем, что Болгария обладает некоторой совокупностью признаков, делающих ее народно-демократической республикой. Но, говоря о едином фронте демократических государств, мы, утверждая, что Болгария — народно-демократическая республика, тем самым утверждаем включение Болгарии в этот фронт. Атрибутивное истолкование всех суждений совершает ошибку следующего порядка: вместо выяснения нормального смысла суждения, оно ставит вопрос «почему» и, отвечая: потому, что предмету присущ такой-то признак, сводит суждение к атрибутивному отношению и не замечает, что утверждается в нем.

И в науке и в практической жизни мы часто высказываем суждения, отражающие включение предмета или класса предметов в другой класс предметов. Суждения включения (исключения) имеют право на существование, несмотря на то, что данную операцию мы производим на основании знания признаков.

Но быть может сам факт включения (исключения) предмета в класс предметов нужно считать признаком. В таком случае наше суждение «Болгария — народно-демократическая республика» нужно понимать так: включение Болгарии в класс народно-демократических республик является признаком Болгарии. Но это суждение уже не совпадает с первым суждением, это — новое суждение, суждение о нашем суждении.

Большой натяжкой, и к тому же ошибочной, является попытка свести к атрибутивным суждениям суждения о всякого рода отношениях, пространственных, временных, причинных, отношений равенства, родства и т. д. Суждение равенства $A=B$ атрибутивная логика истолковывает как суждение, отражающее атрибутивное отношение, отношение предмета и признака на том основании, что в этом суждении мы выражаем собственную величину A (признак A) через сравнение с B . Представители атрибутивной логики иногда не отри-

цают того обстоятельства, что в этом суждении выражается и отношение одного предмета (А) к другому предмету, но утверждают, что главное тут не отношение этих предметов, а отношение предмета и признака.

Для суждений, выражающих наличие у предмета (класса предметов) того или иного свойства (роза — красная), и для суждений, выражающих включение предмета в класс предметов, которые, как мы видели, с точки зрения атрибутивной логики сводятся к первому виду, применяется традиционная схема S есть P . Для суждений же, выражающих отношения, применяется часто «гибридная» схема S есть RP (признак = определенному отношению), так как в этом суждении главным является опять-таки атрибутивное отношение, но кроме того оно выражает и отношение (R) предмета к предмету.

В суждении A больше B мы, конечно, выражаем величину A , но выражаем ее по отношению к B . «Больше B » не есть нечто абсолютное, и без отношения A к чему-нибудь оно было бы чем-то непознаваемым, невыразимым. Величина A ни больше, ни меньше, ни равна, взятая отдельно, сама по себе. Она больше или меньше, или равна в отношении к чему-нибудь. Нелепо говорить о величине в себе, вне отношения к чему-либо. Конечно, вещь обладает и количественной определенностью, и поэтому по отношению к одной вещи она становится большей, по отношению ко второй — меньшей и по отношению к третьей — равной. Признак A (больше) существует не само по себе, а только в отношениях, и вне отношений этого признака у этой вещи нет. Возьмем суждение A слева от B . Что A существует и что оно качественно определено, в этом нет никакого сомнения, но признаком «быть слева» A само по себе не обладает, этим признаком оно обладает по отношению к B , а по отношению к C оно может обладать противоположным признаком — «быть справа».

Доводы, приводимые представителями атрибутивной логики, легко могут быть обращены против них. Так, например, многие представители математической логики, исходя из тех же положений, а именно, что в суждениях о включении класса предметов в класс предметов выражаются свойства, признаки этого класса предметов, совершенно устраняют суждения о свойствах, состояниях предметов.

Суждение « x делится на два» выражает определенное свойство числа x , а именно — делимость на 2 или, иначе, — четность. Класс предметов, обусловленный этим свойством, содержит в себе в качестве элементов все предметы, обладающие данным свойством, и не содержит никаких других. При таком подходе возможно с каждым свойством предметов соотносить однозначно определяемый класс. И точно так же, обратно, каждому классу соответствует свойство, принадле-

жащее исключительно элементам этого класса, а именно — свойство принадлежать этому классу. Согласно этому, по мнению многочисленных логиков, отпадает необходимость всякого различия между двумя понятиями — класса и свойства. Другими словами, становится излишней какая-либо особая «теория свойства», так как совершенно достаточно теории классов.¹

Таким образом, одно и то же рассуждение приводит к противоположным результатам: одни утверждают, что основное отношение, которое отражается в суждении, — это атрибутивное отношение, отношение предмета и свойства, другие же основным считают отношения классов, предметов, совершенно отбрасывая понятие свойства и вместе с этим и атрибутивные суждения.

На самом деле существуют суждения о свойствах — атрибутивные суждения — и суждения о включении класса предметов в другой класс предметов. Этот последний вид мы рассмотрим ниже. Свойства, признаки предметов обуславливают класс предметов, но это вовсе не означает, как мы указывали выше, что нужно все суждения сводить или только к одному или только к другому классу.

Каждое суждение дает нам знание о предмете. Если всякое знание о предмете называть знанием о свойстве (признаке) предмета, тогда, конечно, и знание о сущности, о качественной определенности предметов, знание о законах, об отношениях между предметами, нужно называть таким же образом. Но в марксистско-ленинской философии понятие «свойства» имеет определенный смысл; поэтому нельзя все и вся объявлять свойством.

с. Суждение о включении класса предметов в класс предметов. Определенным и самостоятельным видом категорических суждений являются суждения, отражающие включение (исключение) предмета в класс предметов или одного класса предметов в другой класс предметов.

Суждения «роза — цветок», «киты не рыбы», «логика — наука» и т. п. отражают связь между классами предметов: классом роз и классом цветов, классом китов и классом рыб, причем, в первом суждении утверждается, что предметы первого класса включены в другой класс предметов, а во втором суждении утверждается, что класс китов исключается из класса рыб.

Мы уже указывали на то обстоятельство, что включение нами предмета (класса предметов) в класс предметов происходит на основании знания свойств, знания того, что некоторая совокупность свойств данного предмета сходна, тождественна со свойствами некоторой совокупности предметов, со-

¹ Тарский. Введение в логику, стр. 112.

ставляющих данный класс. Но это обстоятельство не превращает суждение включения в суждение о свойствах вещей и явлений. На основании знания свойств мы высказываем мысль о том, что данный класс предметов включен (исключен) в другой класс предметов. На первый план выдвигается мысль о включении или исключении. Что касается того обстоятельства, почему один класс предметов включается в другой, то оно выражается другим суждением, суждением о свойствах предметов.

Конечно, можно интерпретировать одну и то же суждение и как суждение о свойствах предметов и как суждение о включении. Например, суждение «роза — растение» можно понимать как суждение, выражающее мысль о том, что роза обладает всеми свойствами растений, но можно понимать это суждение и как выражающее мысль о том, что роза принадлежит к классу растений. Дело в том, какой смысл вкладываем мы в это суждение, что мы хотим выразить этим суждением, то ли хотим сказать, что роза обладает свойствами растений, то ли, что роза входит в класс растений. Огромное количество суждений, выражающих классификацию, суждения о множествах в математике и т. д., выражают именно включение (исключение) одного класса предметов в другой.

Что суждение можно истолковать различным образом, смотря по тому, какую мысль мы хотим выразить, на что мы обращаем внимание или какую сторону действительности мы имеем в виду, хорошо разъяснял Карпинский:

«Произнося суждение: такой-то человек болен такой-то болезнью, мы можем иметь в виду разъяснение состояния его телесного организма, и тогда это суждение будет суждением о состоянии этого предмета, но можем также иметь в виду непосредственное отнесение его к классу людей, характеризующемуся этой болезнью, для того, например, чтобы перенести на него предикат недолговечности, относящийся к этому классу, и в таком случае суждение наше будет отождествлением этого предмета с одним из членов группы людей, страдающих этой болезнью».¹

Это, конечно, не значит, что данные два суждения тождественны. Ведь истолковывая суждение различным образом, мы вкладываем в это суждение различный смысл, следовательно, имеем не одно, а различные суждения, у которых одинаково словесное выражение.

Нужно обратить внимание на одно важное обстоятельство, которое характеризует и суждения о свойствах предметов и суждения о включении предмета в класс предметов. Дело в том, что суждения, выражающие мысль о свойствах вещей и явлений, и суждения, выражающие мысль о включе-

¹ «Вопросы философии», № 2. 1947, стр. 395.

нии предметов в класс предметов, отражают одну из замечательных черт действительности: связь отдельного и общего.

Суждения «Жучка — собака», «Болгария — народно-демократическая республика», «киты — млекопитающие» и т. п. отражают связь отдельного и общего. Суждение «Жучка — собака» можно толковать как суждение о свойствах предмета (Жучка обладает всеми свойствами собаки), можно толковать как суждение включения (Жучка принадлежит к классу собак), но это суждение в то же время отражает связь отдельного и общего; отдельное (Жучка) есть общее (собака).

В традиционной логике суждения о включении трактовались как суждения, в которых связывались объемы понятий субъекта и предиката. «Связь объемов подлежащего и сказуемого суждения выражается в том, что объем подлежащего включается в объем сказуемого или исключается из него».¹ При правильном понимании понятия объема, данное определение суждения о включении класса предметов в другой класс не является ошибочным. Ошибочной является теория суждения, которая все разнообразие видов суждения трактует как суждения включения. Представители логики объема, развивая теорию суждений, согласно которой в суждении субъект и предикат всегда связаны со стороны их объемов, защищают или точку зрения субсумции, или точку зрения полного тождества объемов S и P .

1) Теория субсумции. Основную мысль теории субсумции высказал впервые Аристотель. В начале Первой Аналитики Аристотель пишет: «Одно и то же высказать одно относительно другого или сказать, что одно заключается в другом, как целом». Несмотря на различные интерпретации, которые Аристотель дает суждению, вышеуказанный принцип является для него основным: вся его теория силлогизма основана на этом принципе. Античные логики в большинстве случаев стоят также на этой точке зрения (Апулей, Порфирий, Боэций и др.). Многие логики нового времени защищают точку зрения субсумции. Интересно то обстоятельство, что даже логики, не признающие теории субсумции, очень часто прибегают к этой теории при изложении некоторых частей логики, в частности, при изложении теории категорического силлогизма.

Согласно теории субсумции, понятие субъекта суждения представляет собой вид по сравнению с понятием предиката суждения, который должен быть родовым понятием по отношению к субъекту. Таким образом, сущность утвердительного суждения заключается в том, что объем субъекта включается в объем понятия предиката. Соответственно в отрицательном

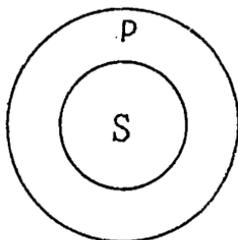
¹ Строгович. Логика, стр. 150.

суждении объем субъекта исключается из объема предиката. По характеру утвердительного суждения теория эта называется теорией субсумции: сущность связки заключается в подведении, субсумировании объема одного понятия (S) под объем другого понятия (P).

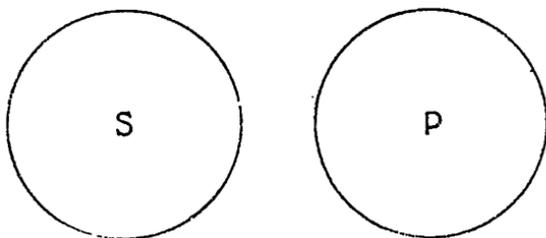
В суждении «собака — животное» объем субъекта уже чем объем предиката; второе понятие — родовое по отношению к первому. Сущность этого суждения заключается в включении объема собаки в объем животного, что выражается в связке «есть».

На основании этой теории стало возможным графическое изображение суждений с помощью кругов.

Общеутвердительное суждение можно выразить двумя кругами, один из которых вписан в другой: меньший круг представляет объем субъекта, больший — объем предиката.

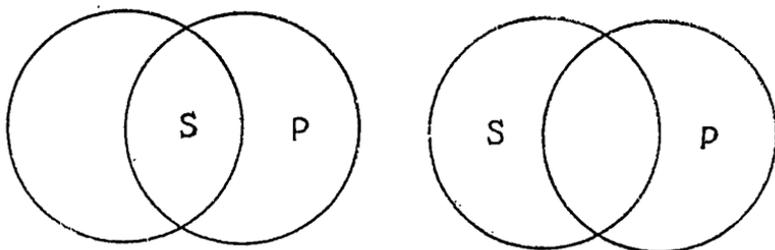

Общеотрицательное суждение можно выразить двумя кругами:

они обозначают, что S не входит в P, исключается из P.

Частноутвердительное и частноотрицательное суждения можно выразить соответственно:

Теория субсумции видит в суждении только соединение или разъединение понятий. Включение одного понятия в другое или исключение одного из другого. Конечно, поскольку в объеме понятия мыслится совокупность предметов, постольку представители этой теории говорят и о «классах предметов». Суждение «собака — животное» выражает то обстоятельство, что один класс предметов (собаки) входит в другой класс предметов (животные). Но этот момент не является существенным для этой теории: ее интересует не отношение предметов, а отношение понятий. Если бы представители этой теории обратили внимание на отношения предметов и явлений действительности, то сразу стала бы очевидной ограниченность и ложность этой теории.

Теория субсумции неприемлема, она ложна. Конечно, существуют суждения, в которых субъект суждения связан с предикатом суждения, как вид с родом. Но смысл суждения заключается не в отношении между понятиями, а в отношении между предметами действительности, которые отражаются этими понятиями. Суждения о включении, конечно, существуют. Но существует огромное число разнообразных видов суждений, нормальный смысл которых вовсе не заключается в том, чтобы выразить мысль о включении (исключении) класса предметов в другой класс предметов.

Теория субсумции ошибочна, во-первых, потому, что она не объясняет всех видов суждений. Существуют суждения, которые выражают мысль о принадлежности (не принадлежности) свойства предмету — «эта роза красная», «Советский Союз в продолжении ряда лет боролся один на один против фашистской Германии и ее сателлитов» и др.

Суждения $A=B$, «Петр — отец Павла» и т. п. вовсе необъяснимы с точки зрения субсумции. Разве смысл первого суждения заключается в включении A в класс предметов «равных B », а второго — включении Петра в класс «отцов Павла»?

Определения, которые представляют собой суждения, в которых объемы субъекта и предиката равны, остаются вне поля зрения теории субсумции. Эти суждения нельзя трактовать как суждения, в которых субъект является видом и включается в понятие предиката, которое является родом.

Тот выход из этого положения, на который указывают представители разбираемой теории, а именно, что в предельных случаях мы уже не имеем субсумции, подведения понятия субъекта под понятие предиката, а имеем тождество S и P , делу не помогает, так как, допуская такое положение, мы уже отходим от теории субсумции.

Теория субсумции была приемлема для Аристотеля, поскольку он имел в виду построение определенной теории умозаключения, теории категорического силлогизма. Для этой

узкой цели теория субсумции быть может казалась достаточной. Но детальное изучение сущности суждения, с одной стороны, и выявление новых форм умозаключения, отличных от категорического силлогизма, с другой, побуждают логику оставить узкие рамки и ложную основу теории субсумции и попытаться построить новую теорию и классификацию суждений.

Аристотель был последователен в проведении своих принципов. Интересно то обстоятельство, что, зная о существовании своеобразных суждений, отличных от категорических, например, о существовании условных суждений, Аристотель вовсе не вводит их в круг своего анализа.

Аристотель хорошо понимал, что то понимание суждений—включение (или исключение) одного класса предметов в другой класс предметов, которое послужило ему достаточной основой при построении учения о категорическом силлогизме, не подходит к структуре условного суждения. Аристотелю, как видно, было ясно то обстоятельство, что в условном суждении нет субъекта и предиката в точном смысле этих терминов. Тем более не возможна интерпретация условных суждений в духе теории субсумции. Нельзя же серьезно утверждать, что в суждении «если А есть В, то С есть Д» одна часть (основание) субсумируется под вторую часть (следствие) суждения, что основание есть видовое понятие, а следствие—родовое, в которое включается первое.

Наконец, теория субсумции ложна, так как по этой теории определяющей стороной в понятии является объем понятия, содержание же понятия—обусловленной, производной.

Таким образом, теория субсумции ограничено трактует понятие «связки». Связка «есть» имеет много значений: теория субсумции имеет только одно значение связки: включение понятия субъекта в понятие предиката. Ошибочность этой теории заключается не в том, что она признает существование определенного типа суждений, а в том, что она, во-первых, этот тип суждений признает единственным видом суждений и не замечает многообразных видов суждений и, во-вторых, не ставит вопроса об отношении суждения к действительности.

2) Теория тождества объемов. Существует, как мы уже указывали, и другой вид объемной теории суждения: теория тождества объемов понятий в суждении. По этой теории субъект и предикат всякого суждения обладают одинаковым объемом, и только на основании этого тождества объемов можно связывать понятия в суждениях. Конечно, это касается только утвердительных суждений, что касается отрицательных суждений, то в них объем одного понятия исключает объем другого. Представители этой теории утверждают,

что эту точку зрения защищал Аристотель в некоторых частях своего *Органона*.

Из логики нового времени точку зрения тождества объемов понятий субъекта и предиката в суждении защищали авторы классического учебника формальной логики — «Логика Пор-Рояля», Гамильтон и др. В логике Пор-Рояля утвердительное суждение определяется как тождество объемов субъекта и предиката. Слово «есть» выражает именно это тождество.

Подробно эта мысль развита у Плуке. Если мы касаемся рассуждений Плуке, то только потому, что он так сформулировал свои мысли, что этим дал толчок определенному направлению в логике. Плуке разбирает суждение «все львы — животные» и дает ему интерпретацию тождества объемов понятий льва и животного. Конечно, вне суждения эти понятия обладают различными объемами: объем «льва» меньше объема «животного»; в объеме животного мыслятся не только львы, но и лошади, собаки и т. д. Но в суждении понятие животного имеет ограниченный объем, объем равный объему субъекта. Поэтому смысл суждения «все львы — животные» заключается не в включении понятия льва в понятие животного, как вида в род, а следующий: «все львы суть львы — животные» или «все львы суть некоторые животные». Уже в этой интерпретации высказана та мысль, которую английские логики считают своим открытием и из-за которой происходил спор между ними о приоритете этого открытия. Это новое открытие заключается в квантификации предиката. Один из авторов квантификации предиката, излагая учение о суждении, выставляет постулат: логика должна излагать ясно все то, что содержится в мысли как подразумеваемое. Мы мыслим субъект суждения всегда как количественно определенное. Но есть ли субъект единственный, количественно определенный в мысли, термин? Чтобы ответить на этот вопрос, авторы этой теории пользуются теорией субсумции. Связывать в суждении субъект с предикатом — значит подводить понятие субъекта под понятие предиката. Выказывая суждение «человек — животное», мы подводим понятие «человек» под понятие «животное», но, вводя понятие «человек» в понятие «животное», мы признаем, что понятие «человек» занимает определенное место в понятии «животного». Чтобы мыслить одно понятие в другом, мы должны знать не только то, что одно составляет часть другого, но мы должны точно определить, какую именно часть оно составляет. Поэтому, мысля какое-либо понятие, мы точно ограничиваем его объем, занимаемый им в объеме другого понятия, к которому он принадлежит. Таким образом, предикат всегда и необходимо мыслится количественно-определенным, равным

количеству субъекта. То обстоятельство, что количество не выражено в суждении,— обычное явление. Если мы высказываем суждение «человек—животное», то мы в действительности мыслим — «все люди — животные», хотя слово «все» мы не употребляли. Также, хотя мы и не употребляли слова «некоторые», тем не менее ясно, что в понятии «животное» мы мыслим не всех животных, а только некоторых. Смысл вышеприведенного суждения таков: все люди суть некоторые животные. Поэтому суждение есть тождество, идентификация понятий по их объему. Ясно, что традиционное деление суждений на общие и частные не удовлетворяет эту теорию. Квантифицируя сказуемое, мы приходим к признанию четырех видов суждений с точки зрения количества.

Утвердительные суждения

1. Обще-общие суждения: все треугольники — все трехсторонние геометрические фигуры.
2. Обще-частные суждения: все треугольники — некоторые геометрические фигуры.
3. Частно-общие суждения: некоторые геометрические фигуры — все треугольники.
4. Частно-частные суждения: некоторые треугольники — некоторые равносторонние фигуры.

Отрицательные суждения

1. Обще-общие суждения: ни один треугольник не есть ни один квадрат.
2. Обще-частные суждения: ни один треугольник не есть некоторая равносторонняя фигура.
3. Частно-общие суждения: некоторая равносторонняя фигура не есть ни один треугольник.
4. Частно-частные суждения: некоторые треугольники не суть некоторые равносторонние фигуры.

Таким образом в утвердительном суждении мы приравниваем объем субъекта к объему предиката. В отрицательном суждении мы утверждаем, что такое приравнивание невозможно.

Ошибочность этой теории должна быть очевидной. Во-первых, эта теория построена таким образом, будто существуют только категорические суждения; сложные суждения остаются вне объяснения.

Например было бы нелепостью утверждать, что в условном суждении «субъект» и «предикат» тождественны по объемам. Во-вторых, эта теория не может объяснить и структуры категорического суждения. Суждение «эта роза красная»

утверждает определенное отношение между прозой и ее свойством, и ни в каком случае нельзя интерпретировать его как суждение: эта роза есть некоторый из красных предметов. Суждение «Петр — дед Павла» нужно трактовать по этой теории так: «Петр принадлежит к некоторой части дедов Павла». А как понимать суждение $a \supset b$? Наверное так: a занимает в классе предметов, больших b , определенную, некоторую часть (?).

Такое усложнение суждения не только ничего не дает, но и извращает смысл суждения. Кроме того и цель, поставленная этой теорией, не достигается. Предикат должен мыслиться в суждении точно отграниченным объемом, количественно определенным, утверждают представители этой теории, в действительности же ничего определенного с количественной точки зрения о предикате сказать мы не можем: a занимает в классе предметов, больших b , определенную (?), некоторую часть; какую определенную часть?

Далее: с точки зрения разбираемой теории совершенно стирается различие между понятиями субъекта и предиката. В суждении «все люди — животные», которому эта теория дает интерпретацию «все люди — некоторые животные», нет уже различия между S и P , так как это суждение идентично с суждением «некоторые животные — все люди». Субъект и предикат теряют всякое значение, и суждение превращается не в уравнение, как думают представители этой теории, а в простое тождество. Что субъект и предикат имеют определенное значение и их нельзя переставлять, заменять один другим без изменения смысла суждения, будет подробно разъяснено в дальнейшем. Наконец, против теории тождества объемов субъекта и предиката суждения нужно сказать то же самое, что было сказано против теории субсумции. Теория тождества объемов считает объем понятия определяющим, основным, а содержание понятия вторичным, производным, что, безусловно, ложно. Между прочим, тут же нужно заметить, что классификация отрицательных суждений даже с точки зрения данной теории не может считаться правильной: обще-частные и частно-частные отрицательные суждения вообще не существуют. Возьмем так называемое обще-частное отрицательное суждение: «ни один треугольник не есть некоторая равносоставленная фигура». Чтобы иметь право высказать это суждение, т. е. исключить треугольники из определенных равносоставленных фигур, нужно взять класс этих определенных равносоставленных фигур во всем объеме; а если это так, то обще-частное суждение получает обычную форму обще-отрицательного суждения. То же самое нужно сказать и о так называемом частно-частном отрицательном суждении.

Конечно, мы не отрицаем существования таких суждений,

которые выражают равенство классов предметов, мыслимых в понятиях субъекта и предиката; нет никаких оснований отрицать существование таких суждений. Но такие суждения представляют собой один из видов суждений, остальные же виды суждений принципиально отличаются от них тем, что, во-первых, они не выражают тождества объемов субъекта и предиката, и, во-вторых, тем, что они вообще не выражают отношения объемов. Основной же недостаток данной теории заключается в том, что она не ставит проблему взаимоотношения суждения и действительности. Обращая внимание на отношение между понятиями, она не касается вопроса, что же отражают суждения и как отражают суждения связи и отношения между вещами и явлениями действительности. Даже если попытаться материалистически интерпретировать эту теорию, т. е. подчеркнуть, что сочетание объемов понятий субъекта и предиката в суждении отражает сочетание, связь между реальными предметами действительности, то и тогда эта теория останется ограниченной и потому ложной: все разнообразные связи и отношения предметов и явлений действительности придется втиснуть в прокрустово ложе отношений между классами предметов. Отношение предмета и свойства, отношения во времени, пространстве, причинные, родственные отношения, отношения равенства, неравенства, степени и т. д. нельзя трактовать как отношения равенства, тождества классов предметов.

3) В суждениях о включении предмета в класс предметов нужно различать два вида. Эти виды различаются по тому обстоятельству, какой смысл вкладываем мы в понятие класса. Обычно класс предметов понимается как множество сходных предметов; мыслимых разделительно. Так, например, в суждении «Жучка — собака» в понятии собаки мыслится класс собак, причем, с одной стороны, утверждается включение «Жучки» в этот класс и, с другой стороны, — единство единичного и общего. И поэтому мы имеем право переносить признаки общего на единичное, в данном случае признаки собаки на Жучку.

Но часто можно мыслить класс предметов как нечто целое и единичное, например, «Н-ская дивизия», «Брянский лес», «Всесоюзная коммунистическая партия большевиков». Суждение, в котором утверждается, что данный предмет включен в класс предметов, мыслимый как целое, единичное, обладает своеобразным характером: именно, признаки класса нельзя переносить на этот предмет. Утверждая, например, что X класс такой-то школы успевающий, мы не утверждаем того, что каждый ученик данного класса успевающий; утверждая, что ВКП(б) — член Информбюро, мы, конечно, не утверждаем, что член партии Иванов член Информбюро. В таких суж-

дений утверждается членство класса. Нужно, следовательно, отличать суждения о членстве класса от суждений обычного включения предметов в класс предметов.

д. Суждения, отражающие отношения между предметами. Совершенно особый характер имеют суждения, отражающие временные, пространственные, причинные и т. д. отношения между предметами. «Ленинград — севернее Москвы», «Аристотель был современником Александра Македонского», «гром — причина молнии» — все эти суждения выражают мысль об отношении между предметами. Субъектом таких суждений является понятие о каком-либо предмете (под предметом понимается не только объективно существующий предмет, но и образ фантазии, не только предмет в узком смысле слова, но и свойство, состояние предмета — все, о чем может быть высказана мысль), предикатом — отношение к другому предмету, связкой — установление данного отношения, утверждение или отрицание. В суждении $A=B$ субъектом служит A , предикатом — «равное B », связкой — утверждение данного отношения — «есть».

Суждения, отражающие отношения и связи между предметами, отличаются и от суждений, отражающих связь предмета и его свойства, и от суждений, отражающих отношения включения одного класса предметов в другой класс. Отличие это заключается, кроме вышеуказанного, в следующем.

В суждении, отражающем связь предмета и его свойства, отношение между понятиями суждения — отношение между понятием субъекта и понятием предиката — отражает отношение, которое существует между предметами соответствующих понятий.

В суждении «хинин горек» понятие субъекта относится к понятию предиката как понятие к признаку, мыслимому в этом понятии. В понятии хинина мыслятся признаки a в c d ..., в понятии горечи — признак d . В объективной действительности реальный предмет, отображаемый понятием субъекта (хинин), обладает свойством горечи. S отображает хинин, P — его признак, связь между S и P отображает связь предмета с его свойством.

Таково же положение и в суждениях о включении. В суждении «собака — животное» объем понятия субъекта (понятие собаки) входит в объем понятия предиката (понятие животного). В объективной действительности класс собак входит в класс животных.

Если мы обозначим предмет и его свойства или классы вещей, из которых один включен в другой, буквами соответственно A и B , и отношение между ними буквой R (буква R в первом случае выражает связь предмета и его свойства, во втором — включение), а понятия, отражающие A и B , со-

ответственно буквами S и P и отношение между этими понятиями через r, то данный отрезок действительности выразится через ARB, а суждение, отражающее этот отрезок действительности,— через SrP, причем S, r, P соответственно отражают A, R и B.

В суждениях об отношениях между предметами нет такого соответствия. В суждении «молния — причина грома», понятие «молния»—S, понятие «причина грома»—P, «есть»—связка. В реальной действительности между молнией и громом существует причинная связь, но эта связь не отражается ни в одном элементе суждения, отдельно взятом. Связь между молнией и громом отражается смыслом целого суждения.

Конечно, в каждом суждении связи и отношения действительности отражаются смыслом целого суждения. Но в суждениях о предмете и его свойстве связь предмета и свойства отражается определенной связью между содержанием S и P. В суждениях о включении связь между классами предметов отражается связью между объемами S и P — объем одного входит в объем другого. В суждениях об отношении связь между предметами не отражается связью между S и P.

Что данное положение правильное — это явствует из следующего соображения. Мы мыслим не предметами, а отображениями предметов, в данном случае понятиями, но мыслим о предметах; понятия обладают двумя сторонами — объемом и содержанием; отношения объемов отражают отношения классов предметов, отношения по содержанию отображают отношения между предметом и свойством, т. е. утверждается, что предмет, мыслимый со стороны таких-то признаков, обладает еще таким-то признаком. Суждения об отношениях между предметами не отражают связи и отношения связью содержаний или объемов S и P; в противном случае они свелись бы к одному из первых двух видов суждений. Следовательно, суждения об отношениях отражают действительность только общим смыслом этих суждений.

В. Виды категорического суждения по качеству. Аристотель рассматривал суждения в их связи с понятием истины. С точки зрения Аристотеля, то суждение истинно, которое соединяет то, что соединено в самой действительности, и разъединяет то, что разъединено в действительности. Ложно то суждение, которое соединяет то, что разъединено, и разъединяет то, что соединено в действительности.

Из такого понимания истинности и ложности суждений вытекает возможность двойкой формы суждений по качеству: суждение, которое выражает «соединение вещей», является утвердительным, а суждение, которое выражает «разъединение вещей», является отрицательным.

Всякое категорическое суждение — или утвердительное,

или отрицательное. В категорическом суждении утверждается или отрицается существование предмета, утверждается или отрицается наличие свойства у предмета, или включение предмета или класса предметов в класс предметов, или, наконец, разнообразные отношения между предметами.

Дальнейшее развитие логики привело к отрыву логики от действительности, в частности к отрыву суждения от действительности, и объявило суждение сочетанием, связью понятий. Ложность такого понимания сущности суждения рассмотрена выше: в суждениях утверждаются или отрицаются отношения вещей и явлений.

Если суждение — определенная связь понятий, синтез понятий, тогда непонятным становится признание отрицательных суждений за самостоятельный и первоначальный вид суждений наряду с утвердительными.

И, в самом деле, целый ряд логиков во главе с Зигвартом отрицает за отрицательными суждениями право на самостоятельное и первоначальное существование. Такое отношение к отрицательным суждениям покоилось на своеобразном рассуждении. Суждение всегда является синтезом двух понятий — субъекта и предиката. В отрицательном суждении такого синтеза нет.

Связь, которая разъединяет, — это бессмыслица. Связка имеет определенный смысл: она должна выражать соответственное суждению положительное отношение субъекта и предиката, отнесение предиката к субъекту, она должна пробуждать ту мысль, что предикат принадлежит субъекту.

Поэтому только утвердительное суждение является первоначальным видом суждения. Отрицательное суждение не может, следовательно, рассматриваться, как равноправный утвердительному суждению и одинаково с ним первоначальный вид суждения.

Если это так, то возникает вопрос, что же представляют собой отрицательные суждения. Ведь нельзя же отрицать их существование, мы ведь часто употребляем отрицательные суждения и в науке и в практической жизни. Но дело в том, что никто не отрицает за отрицательными суждениями права на существование, отрицается только их равноправность утвердительным суждениям и их первоначальность наряду с утвердительными.

В простом утвердительном суждении, полагают эти логики, всего три элемента: субъект, предикат и мысль об их единстве (синтез). В отрицательном суждении, кроме этих трех элементов, в качестве четвертого элемента привходит отрицание, которое противится попытке совершить синтез и противопоставляет всему суждению «А есть В» свое нет! В данном случае связка не носитель отрицания, а объект отрица-

ния. Поэтому суждение «А не есть В» означает: ложно, не следует верить тому, что А есть В. Отрицание всегда направляется против попытки совершить синтез, оно предполагает ожидание, что субъект и предикат должны быть соединены. Объектом отрицания всегда служит выполненное суждение или такое суждение, которое мы пытались выполнить: отрицательное суждение, следовательно, суждение о суждении и поэтому не первоначально и не равноправно утвердительному.¹ Отрицательное суждение не элементарное суждение; оно суждение о суждении, субъект которого утвердительное суждение, а предикат — выражение ложности этого утвердительного суждения.²

Такую же точку зрения защищают представители современной буржуазной формалистической логики. Опираясь на рассуждения Расселя, эти логики создали своеобразную классификацию суждений, в которой отрицательное суждение трактуется как «функция истинности». Если простое суждение обозначить буквой р, то отрицательное суждение — не р нужно понимать как суждение о суждении: «р ложно». Так, например, если р обозначает суждение «эта роза красная», то отрицательное суждение выразится предложением: «ложно, что эта роза красная».

Конечно, в процессе рассуждения, в процессе доказательства какого-либо положения ничего не изменится, если мы суждение «А не есть В» заменим суждением «ложно, что А есть В». Результат нашего рассуждения от этого не изменится, доказательство выставленного положения будет одинаковым — применим мы первое суждение или второе. Но ведь дело тут не ограничивается этим. Ведь вопрос стоит о сущности суждения, об отношении суждения к действительности: есть ли отрицательное суждение суждение о действительных вещах и явлениях или оно суждение о суждении. Формализм этой точки зрения выражается именно в том, что она не интересуется вовсе отношением суждения к действительности, а заботится только о том, можно ли одно суждение заменить таким другим суждением, чтобы доказательство от этого не пострадало.

Представители этого направления ищут в истории логики мыслителей, у которых встречаются высказывания, на основании которых можно было бы думать, что и они отрицают равноправность утвердительных и отрицательных суждений. Конечно, в истории логики можно найти логиков, защищающих вышеизложенный взгляд на отрицательные суждения. Наглядней, чем у других, такой взгляд обнаруживается у Гей-

¹ Зигварт. Логика, т. I, 1908 г., стр. 135—139 и сл.

² Erdmann. Logik, I, 1907, стр. 575 и сл.; см. также Wundt, Bachmann, Krug и др.

линкса, у которого можно найти выражения почти дословно встречающиеся у Зигварта. Можно подобные мысли вычитать у Канта, не говоря уже о Бахмане и Круге, которые защищают подобную точку зрения.

Но мы не можем оставить в стороне попытку этих логиков причислить Аристотеля к своему лагерю. Мы уже указывали на связь аристотелевской теории суждения с реальной, объективной действительностью. Если истинное утвердительное суждение связывает то, что связано в действительности, то истинное отрицательное суждение разъединяет то, что разьединено в самой действительности. Поэтому отрицательное суждение настолько же правомерно и первоначально, как и утвердительное. Быть может Аристотель не смог до конца продумать понятие «разъединения в действительности», на что указывают некоторые логики; но ведь это не является основанием для зачисления Аристотеля в лагерь Зигварта и др. Аристотель ясно указывает на объективный принцип деления суждений на утвердительные и отрицательные; и ему не нужно было считать отрицательное суждение суждением о суждении. Кроме того, Аристотель указывает и на «недостаток» чего-либо или в чем-либо как на объективную основу отрицательных суждений.

Единственное место, на которое могут опираться названные логики, причисляя Аристотеля к своему лагерю, — это место из второй Аналитики. Говоря о доказательстве и утверждая, что принцип позитивного доказательства лучше, чем принцип негативного доказательства и само позитивное доказательство лучше негативного, Аристотель выставляет положение, что «утвердительная посылка более ранняя и известная, чем отрицательная, так как посредством утверждения познается отрицание и утверждение более раннее, так же как бытие более раннее, чем небытие...»¹

Никакая интерпретация данного места не позволит причислить Аристотеля к логикам, отрицающим самостоятельность и элементарность отрицательного суждения, к логикам, признающим отрицательное суждение суждением о суждении. Речь идет о преимуществе позитивного доказательства перед негативным, что бытие более раннее, чем небытие, что с помощью утверждения познается отрицание и т. д. Можно соглашаться с Аристотелем или не соглашаться, — этот вопрос сейчас не подлежит рассмотрению, но вычитать из данного текста то, что хотят Зигварт, Эрדманн и другие, нельзя никоим образом. Одно выражение в конце главы имеет формулировку, нужную этим логикам, но к несчастью для них тут говорится не о суждениях, а о доказательстве, именно, что негативное доказательство обусловлено позитивным. Мысль эта очень простая и обычная и совершенно не имеет отношения к проблеме отрицательного суждения. Вот это выражение: «... без позитивного доказательства не может существовать и отрицательное.»²

¹ Аристотел., *Ап1. post.* I, 25, 83 в.

² Там же. Кстати, признавая рядом с бытием также небытие, признавая в таблице категорий рядом с «именем» также «лишение», Аристотель должен был признавать и самостоятельность отрицательного суждения.

Нужно отметить, что, несмотря на распространенность в последнее время изложенного взгляда, он не может быть приемлем. Дело в том, что суждения отражают объективную действительность, в действительности же вещи и явления обладают определенностью; вещи и явления качественно определены; определенность вещи, явления означает не только то, что оно таково, каково оно есть, но и то, что оно отлично от другого. То, что оно таково, а не иное,—это выражается утвердительным суждением, а то, что оно отлично от другого, это находит себе выражение в отрицательном суждении. Поэтому и утвердительное суждение и отрицательное и самостоятельны и первоначальны. «Всякая конкретная вещь всякое конкретное нечто стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, ergo, бывает самим собой и другим»¹.

Поскольку каждая вещь бывает самой собой, постольку ее отражение выражается утвердительным суждением. Поскольку же она бывает другой, иной, не самой собой, постольку она, отражаясь в сознании в процессе познания, выражается отрицательным суждением.

Наконец, присутствие или отсутствие признака у вещей, существование или несуществование определенных отношений между вещами — вполне достаточное основание для признания равноправности утвердительных и отрицательных суждений. Утверждение, якобы, отрицание всегда направлено против выполненной связи или, тем более, против ожидаемой связи субъекта и предиката — если бы оно было даже установленным фактом, не имеет никакого значения для самостоятельности отрицательного суждения. Логика рассматривает суждения не как психологический факт отрицания и утверждения, а как отражение связей и отношений реальной действительности: постольку и утвердительные и отрицательные суждения самостоятельны и отражают действительность.

Этим, конечно, мы не отрицаем того факта, что существуют суждения, отрицающие другие суждения. Но отрицающие суждения нужно отличить от отрицательных. Отрицательные суждения имеют дело с действительностью, с фактами, предметами, явлениями действительности, их связями и отношениями так же, как и утвердительные. Отрицающие суждения имеют дело с другими суждениями, смысл которых они отрицают. Отрицающими суждениями могут быть и утвердительные и отрицательные в одинаковой степени.

В связи с этим нужно рассмотреть своеобразное релятивистическое толкование утвердительных и отрицательных суждений, выставленное Лосским. Можно было, конечно, пройти мимо такой интерпретации суждений, если бы они не

¹ Ленин. Философские тетради, 1936 г., стр. 136.

повторялись в учебниках логики, изданных в Советском Союзе.¹

Проф. Асмус в своей Логике пишет: «Сопоставление суждений обнаруживает, что качество суждения, т. е. его утвердительность или отрицательность не есть то, что принадлежит суждению независимо от его отношения к другим суждениям. Одно и то же суждение оказывается и утвердительным и отрицательным — в зависимости от того, по отношению к каким суждениям мы будем его рассматривать».²

Рассмотрим пример суждения, с помощью которого Лосский и Асмус иллюстрируют свою мысль (пример принципиально один и тот же: «Иванов не имеет аттестата зрелости» и «Николаев не защитил дипломного проекта»). «Иванов не имеет аттестата зрелости» — суждение отрицательное, так как в этом суждении выражается мысль, что субъекту не присущ определенный предикат. Это суждение, если мы его рассматриваем отдельно от других суждений, будет отрицательным, утверждают эти логики. Но, сопоставляя его с другими суждениями, мы будем вынуждены признать, что это суждение в одном случае будет утвердительным, а в другом отрицательным. Сопоставив это суждение с суждением «Только те лица, которые имеют аттестат зрелости, могут поступить в университет», убеждаемся, что первое суждение отрицательное, так как Иванов не входит в класс лиц, которых имеет в виду субъект второго суждения. Сопоставив же это суждение с суждением «Лица, не имеющие аттестата зрелости, не могут поступить в университет», мы убеждаемся, что наше суждение утвердительное, так как Иванов входит в класс лиц, которых имеет в виду субъект второго суждения.

Беспримерное в истории логики рассуждение! Определять утвердительный или отрицательный характер данного суждения тем, входит ли субъект этого суждения в объем субъекта другого суждения.

К любому суждению можно подобрать такое суждение, которое отрицается первым, т. е. имеет противоположный первому смысл, но от этого данное суждение не становится отрицательным суждением. Асмус смешивает два понятия: отрицательное суждение с суждением, смысл которого отрицает смысл другого суждения.³ Неудивительно, что, не разобравшись в этом вопросе, Асмус выставляет два, едва ли совме-

¹ См., например: Асмус. Логика, 1947 г. См. также мою Логiku (на груз. языке), где проводится такая же точка зрения.

² Лосский. Логика. Асмус. Логика, стр. 76—77.

³ Таванец правильно отмечает: «Проф. Асмус здесь явно не различает отрицательного суждения как суждения, отображающего неприсущность известного признака предмету, от отрицающего суждения, т. е. суждения, несовместимого с каким-нибудь другим суждением». Вопросы философии, 1943 г., стр. 156.

стимых, положения: «Качество суждения не есть его безусловное свойство» (77) и «Качество — очень важная характеристика суждения».

Лосский старается этим учением оправдать одно из основных правил категорического силлогизма, а именно, что из двух отрицательных посылок вывод нельзя получить. Пример, который он приводит, на первый взгляд противоречит этому правилу.

Кто не имеет аттестата зрелости, не может поступить в университет

Иванов не имеет аттестата зрелости

Иванов не может поступить в университет.

Если не стать на точку зрения относительности утвердительного и отрицательного характера суждений, нужно признать, по Лосскому, что мы сделали правильный вывод из двух отрицательных посылок. Но этого не может быть. Поэтому одна из посылок должна быть утвердительной. И на самом деле, думает Лосский, вторая посылка — утвердительное суждение по отношению к первой посылке, так как она утверждает содержание первой.

Рассуждение такое же, как у Асмуса, и поэтому на этом уже не стоит останавливаться, заметим только еще раз: качество суждения определяется не отношением суждения к суждению, а отношением суждения к объективной действительности.

Обратим внимание на другую сторону вопроса: на самом ли деле мы имеем в данном примере две отрицательные посылки и, кроме того, имеем ли мы дело с категорическим силлогизмом. Ведь пример, который приводится Лосским, вовсе не пример категорического силлогизма. Первая посылка в данном умозаключении — условное суждение, своеобразно выраженное, поэтому правило категорического силлогизма тут не применимо.

С. Виды категорического суждения по количеству. В каждом категорическом суждении наличие или отсутствие признака, связи, отношения может утверждаться или по отношению к целому классу предметов, или по отношению к части класса, или же, наконец, по отношению к единичному предмету.

В суждении «все металлы проводят электричество» утверждается наличие определенного признака, именно, «проводимости электричества» у всех предметов класса металлов. В суждении «ни одно империалистическое государство не миролюбиво» утверждается отсутствие определенного признака, именно, «миролюбивости» у всех империалистических стран. Суждение, в котором утверждается наличие или отсутствие признака, связи, отношения у всех предметов класса, называется общим суждением.

В суждении «в некоторых странах Европы строится социализм» определенный признак утверждается по отношению к некоторым странам, а не по отношению к целому классу стран Европы. В суждении «некоторые идеи не способствуют развитию общества» отрицается признак «способствовать развитию общества» не у всех идей, а только у некоторых идей. Суждение, в котором утверждается наличие или отсутствие признака, связи, отношения у части предметов класса, называется частным суждением.

В суждении «Суворов — великий полководец» утверждается наличие признака у одного предмета. В суждении «Иванов — не физкультурник» утверждается отсутствие определенного признака у одного предмета. Суждение, в котором утверждается наличие или отсутствие признака, связи, отношения у единичного предмета, называется единичным суждением.

Схемы общего, частного и единичного суждений будут соответственно: все $S - P$, некоторые $S - P$ и $S - P$.

Рассмотрим виды категорического суждения по количеству подробнее.

а) Общие суждения. Обратим внимание на различие между двумя общими суждениями: 1) все студенты первого курса философского факультета Московского университета комсомольцы, 2) все люди смертны. В первом суждении класс предметов, о котором утверждается предикат, исчисляем, и истинность данного общего суждения зависит от истинности единичных суждений, на основании которых строится это общее суждение: мы должны удостовериться, что каждый отдельный студент данного курса, факультета и т. д. комсомолец, и только на основании такого знания имеем право высказать общее суждение. Таковы же суждения: 1) все монеты данного кллада римского происхождения, 2) все рабочие завода Н стахановцы, 3) все кандидаты блока коммунистов и беспартийных были избраны в горсовет и т. д.

Во втором суждении, именно, «все люди смертны» предикат утверждается о всех предметах класса, каждый из которых вовсе не изучен. Большое количество суждений, наиболее ценных в познавательном отношении, обладает именно таким характером: все законы действительности выражаются в таких общих суждениях.

На основании чего мы имеем право высказывать общие суждения о предметах целого класса, не изучая всех предметов класса?

Номиналистическое направление буржуазной логики утверждает, что и в данном случае общее суждение является суммой единичных суждений. Такова была точка зрения Милля. Милль номиналист: для него общее — сумма единичностей;

для него суждение «все люди смертны» представляет сокращенное выражение единичных фактов: мой отец умер, мой дед умер, А, В, С умерли.

Недалеко ушли от Милля современные представители субъективного идеализма, так называемого логического позитивизма. Общие суждения не могут считаться истинными, — утверждают они. Мы имеем дело только с единичными фактами, единичными данными. Для того, чтобы высказать истинное суждение «все люди смертны», мы должны установить смертность всех отдельных людей. Но общее суждение, во-первых, относится к бесконечно большому числу предметов, во-вторых, относится к будущим явлениям, которые еще не наступили и которые по этой причине еще не могли быть изучены. Поэтому истинность и ложность применимы только к единичным суждениям и ни в коем случае не применимы к общим. А так как всякое суждение характеризуется признаком истинности или ложности, то ясно, что общие суждения, не представляющие собой сумму единичных суждений, вовсе не являются суждениями. Они, эти общие суждения, — формулы, полезные правила, которые нужно проверить на каждом отдельном факте.

Отрицая за общими суждениями характер суждения, т. е. отрицая за ними характер истинности (суждения, выражающие законы природы не являются истинными, утверждают логические позитивисты), так называемый логический позитивизм отрицает самое ценное в познании, именно, познание законов, познание общего, сущности. Они неприкрыто защищают агностицизм и субъективный идеализм.

С другой стороны, представители реакционной буржуазной философии, признающие существование и ценность общих суждений, выражающих знание о бесконечно большом числе предметов, утверждают, что данное суждение относится не к предметам класса, а к идее этого класса, к понятию, которое существует объективно, но независимо от материальной действительности, вне пространства и времени.

Мы уже указывали (в главе о понятии), что эта реакционная теория, возрождая платонизм, отрывает общее от отдельного, объявляет общее идеальным и признает идеальные основы материального. Это общее, оторванное от отдельного, единичного, не имеет ничего общего с отдельным, единичным, и поэтому для познания реального, объективного мира познания «интуитивное постижение» этого общего не может иметь какого-либо значения.

Настоящее общее суждение, суждение, которое не является совокупностью единичных суждений, есть именно суждение об общем. Общее и отдельное не оторваны друг от друга в реальной действительности; только в абстракции

мы можем мыслить общее отдельно от единичного и единичное отдельно от общего. Конечно, к общему суждению мы приходим путем единичных суждений, открываем общее в вещах и явлениях путем изучения отдельных единичных вещей и явлений; но это вовсе не значит, что мы должны перебрать и изучить бесконечное число отдельных вещей и явлений, чтобы иметь возможность высказать суждение о целом классе.

Изучив определенное число явлений, мы открываем общее, сущность этих явлений и высказываем суждение об общем, о сущности вещей данного класса. Но, открыв общее и высказав суждение о нем, мы тем самым высказываем мысль обо всех отдельных предметах данного класса, так как каждый предмет данного класса характеризуется этим общим, этой сущностью. Каждый предмет, правда, является единичным, отдельным, но в каждом этом предмете заключается общее, как частица, сторона, сущность этого единичного, отдельного.

Таким образом, нужно отличать два вида общего суждения: 1) общее суждение, как сокращенное выражение определенных единичных суждений и 2) общее суждение, как отражение общего, сущности в явлениях.

1) **Общевыделяющие суждения.** Рассматривая общие суждения, традиционная логика совершенно не обращает внимания на своеобразие таких суждений, как общевыделяющие и общеисключающие. Мы не хотим сказать, что традиционная логика совершенно не знает этих суждений, что она вообще игнорирует их. В продолжение более чем двухтысячелетней своей истории логика не могла не обратить на них внимание, тем более, что эти суждения употребляются на каждом шагу и в науке и в практической жизни, в обычном разговоре.

Дело в том, что традиционная логика не нашла и не могла найти им место в классификации суждений. Исходя из определенных целей, именно, из целей построения теории силлогистического умозаключения, традиционная логика должна была оставить целый ряд видов суждений вне рассмотрения или должна была попытаться свести их к суждениям, перечисленным в классификации, так как эти суждения не только нарушили бы стройность классификации, но и совершенно разрушили бы теорию силлогизма.

В частности, так обстоит дело с так называемыми общевыделяющими и общеисключающими суждениями, которые с точки зрения традиционной логики должны были войти в класс количества.

Отличительный признак общевыделяющего суждения, как правило,— слово «только». Таковы, например, суждения:

1) только в Советском Союзе построен социализм, 2) только отличники могут поступить в высшую школу без вступительных экзаменов, 3) только человек является животным, делающим срудия, и т. п.

Отличие этих суждений от обычных общих суждений сразу бросается в глаза. Правда, и в этих суждениях предикат утверждается обо всем классе предметов, и поэтому они — тоже общие суждения, но в них выражено больше знания, чем в обычных общих. Общее суждение «все люди разумны» выражает мысль о том, что людям присущ признак разумности. Остается открытым вопрос, существуют ли еще, кроме людей, разумные существа. Но на основании только данного общего суждения вопрос этот нельзя решить. В обще-выделяющем суждении этот вопрос уже не ставится. Суждение «только люди разумны» выражает мысль, что нет ни одного существа, кроме человека, который обладал бы признаком разумности. Точно так же: суждение «ртуть—жидкий металл» не говорит ничего о том, существуют ли, кроме ртути, жидкие металлы. Общевыделяющее суждение «только ртуть является жидким металлом» утверждает не только то, что ртуть — жидкий металл, но и то, что нет ни одного металла, кроме ртути, который был бы жидким.

Общевыделяющее тем и отличается от общего, что оно утверждает о наличии или отсутствии признака, связи, отношения только у выделенного класса предметов.

Традиционная логика знает эти суждения, но отрицает их право на самостоятельное существование, так как их никак нельзя «втиснуть» в классическую теорию умозаключения; сразу же придется отказаться от правил первой и второй фигур категорического силлогизма, да и все учение о категорическом силлогизме окажется в плачевном состоянии.

Чтобы выйти из неловкого положения и оставить в неприкосновенности старую классификацию суждений и учение об умозаключении, традиционная логика прибегает к разным интерпретациям общевыделяющих суждений, насилая их природу. Так, общевыделяющее суждение она сводит к общему суждению, преобразовывая, например, суждение «только люди разумны» в суждение «все разумные существа люди». Но такая интерпретация является уже показателем неполноты, недостатка традиционной классификации.

Во-первых, это уже определенная интерпретация, и, во-вторых, полученное общее суждение выражает не совсем ту мысль, которая заключается в общевыделяющем суждении. Мы уже указывали, что общевыделяющее суждение выражает больше знания, оно обладает большей познавательной ценностью, чем обычное общее суждение. Так и в данном

случае: общевыделяющее суждение выражает мысль, что только люди разумны, и что нет в мире других существ, обладающих разумностью; общее же суждение, полученное путем преобразования общевыделяющего, выражает мысль о том, что все разумные существа люди. Но существуют ли неразумные существа, которые являются так же людьми или люди, которые являются неразумными существами, этот вопрос данным общим суждением не решается.

Сведение общевыделяющих суждений к общим диктуется необходимостью оправдания правил силлогистических умозаключений. Умозаключение

Только ртуть — жидкий металл

Вещество x не ртуть

Вещество x не жидкий металл

нарушает правила категорического силлогизма так же, как и умозаключение

Только народно-демократические страны строят социализм

Болгария строит социализм

Болгария народно-демократическая страна.

Эти умозаключения, безусловно, правильны, однако и в первом умозаключении и во втором нарушены правила силлогизма. Чтобы оставить в неприкосновенности эти правила, традиционная логика вместо того, чтобы изучить своеобразие этих умозаключений, сводит их к силлогизмам, а для этого ей приходится сводить общевыделяющие суждения к обычным общим суждениям.

2) **Общеисключающие суждения.** Еще более трудной задачей оказывается для традиционной логики «освоение» так называемых общеисключающих суждений. Общеисключающее суждение является также общим суждением, и внешний признак, выраженный словечком «все», характерен и для него. Но от обычного общего оно отличается тем, что из этого «всего» исключается часть, которой не присущ признак, присущий «всем». Таковы, например, суждения: 1) все, окончившие среднюю школу, кроме отличников, должны сдать приемные испытания для поступления в высшую школу, 2) все металлы, кроме ртути, — твердые тела и т. п.

Суждения этого типа также не подчиняются принципам традиционной логики. И старая логика пытается преобразовать их таким образом, чтобы придать им форму обычного общего суждения.

Общейисключающее суждение будет прежде всего преобразовано в обшчевыделяющее, а это последнее в обычное обшее. Так, например, обшейисключающее суждение «все, окончившие среднюю школу, кроме отличников, должны сдать приемные испытания для поступления в высшую школу» преобразуется в суждение «только отличники среди окончивших среднюю школу не должны сдавать приемных испытаний для поступления в высшую школу». Это суждение преобразуется в обычное обшее, как было указано выше: «все поступающие в высшую школу без приемных испытаний суть отличники».

Громоздкость и неестественность этих преобразований бросается в глаза. Но главное в том, что все эти преобразования бесцельны, они только усложняют дело: в научном исследовании, в практической жизни никто не старается сводить обшчевыделяющие и обшейисключающие суждения к обычным обшим суждениям. Мы их понимаем так же хорошо, как и обшчные общие суждения. Больше того, они обладают большей познавательной ценностью, чем обшчные общие, полученные путем их преобразований. Так что, преобразовывая их в обшчные общие, мы теряем часть того знания, которое заключено в них. Что касается умозаклучений из таких суждений, то они вполне правомерны и так же понятны, как и умозаклучения из обшчных общих, и мы умозаклучаем из таких суждений, вовсе не пытаясь сводить их к обшчным обшим.

в) Частные суждения. Было уже указано, что в частных суждениях выражается мысль о части класса предметов. Для выражения этого обстоятельства чаще всего употребляется слово «некоторые». Примерами частных суждений могут служить следующие суждения: 1) некоторые металлы жидкости, 2) некоторые студенты — физкультурники, 3) некоторые народы сбросили ярмо капиталистов и помещиков и т. п.

В повседневной речи слово «некоторые» употребляется в двух отличных друг от друга смыслах. Употребляют это слово в смысле «только некоторые»; так, например, если директор завода, характеризуя рабочих, скажет, что все рабочие на заводе выполняют план, а некоторые перевыполняют его, то, конечно, он вкладывает в слово «некоторые» именно этот смысл; или, если мы скажем, что все империалистические страны готовятся к агрессивной войне, а некоторые уже начали агрессивную войну, то, конечно, мы употребили это слово в смысле «только некоторые»:

С другой стороны, если преподаватель, зайдя в класс и узнав, что ученики в первом ряду — все русские, скажет, что некоторые ученики в данном классе русские, то, конечно, он хочет этим сказать не то, что только некоторые ученики рус-

ские, а то, что по крайней мере некоторые ученики русские. «Некоторые» в данном случае является отрицанием «ни одного». Поэтому второй смысл, в каком употребляется это слово, обозначает «по крайней мере некоторые». В этом смысле «некоторые» — это может быть и один и несколько, а может быть и все.

Нужно отличать эти два смысла слова «некоторые». Суждения, в которых слово «некоторые» употребляется в смысле «по крайней мере некоторые», будем называть частными суждениями; те же суждения, в которых это слово употребляется в смысле «только некоторые», — частновыделяющими суждениями.

В логике много спорили, да и теперь спорят о том, какой смысл является более точным и приемлемым. Большинство представителей традиционной логики защищает точку зрения, согласно которой слово «некоторые» имеет значение — во всяком случае в логике — «по крайней мере некоторые». Некоторые логики, в том числе и представители математической логики, защищают противоположную точку зрения, а именно, слово «некоторые» для них значит «только некоторые».

Спор, как это видно из вышележащего, совершенно бесплодный. Дело в том, что существует два вида частных суждений: частное суждение, выражающее определенную, незавершенную ступень нашего знания, в котором мы применяем слово «некоторые» в смысле «по крайней мере некоторые». Эти суждения по ценности заключенного в них знания стоят гораздо ниже общих и частновыделяющих суждений. Но нельзя совершенно отвергать их значение. Правда, они выражают в себе незавершенное знание, но все же они выражают определенное знание о части класса предметов. Мы не сразу познаем действительность; в процессе развития познания частные суждения имеют определенное значение.

Существуют частновыделяющие суждения, в которых мы применяем слово «некоторые» в смысле «только некоторые». Эти суждения, по ценности заключенного в них знания, стоят гораздо выше простых частных и часто немногим уступают по значению общим суждениям. Кроме того, частновыделяющие суждения играют важную роль в умозаключениях.

Определенный вид частновыделяющих суждений представляют суждения, в которых выражается знание о большинстве предметов данного класса. Эти суждения начинаются, обычно, словом «большинство»; таковы, например, суждения: 1) большинство студентов философского факультета комсомольцы, 2) большинство населения земного шара подерживает Стокгольмское воззвание и т. п.

Тут уже высказывается мысль не о какой-то, совершенно неопределенной части класса предметов; класс предметов в этом суждении определен, в противном случае невозможно было высказать суждение о большинстве предметов класса; и часть класса, о которой высказан предикат, не является совершенно неопределенным: во всяком случае, мысль высказывается о части, которая больше половины предметов класса.

Эти суждения, заключая в себе некоторое определенное знание, играют определенную роль в умозаключениях. Из таких суждений можно делать правомерные выводы, в то время как обычные частные суждения не дают права сделать вывод.

с) Некоторые замечания об общих и частных суждениях. Английский логик Д. Венн дал впервые своеобразное толкование общим и частным суждениям категорического вида, толкование, которое сделалось основным в математической логике и которое является в настоящее время преобладающим в учебниках зарубежной логики. Это своеобразное понимание общих и частных суждений выражено Венном следующим образом. Универсальное суждение (т. е. суждение, высказывающее мысль о всех предметах данного класса) не утверждает ничего о существовании предметов, а отрицает существование определенного вида предметов. Частные суждения не отрицают существования чего-либо, а утверждают существование определенных предметов в классе. Так, в суждении «все люди смертны» утверждается не существование людей, о которых мы утверждаем признак смертности, а отрицается существование бессмертных людей. Другими словами, утверждается, что в классе бессмертных людей нет ни одного предмета, т. е. что этот класс пустой. Обычная схема общего суждения «все S суть P» принимает следующий вид $SP = 0$ (класс людей не смертных пустой).

Суждение «некоторые студенты спортсмены» утверждает, что существует, по крайней мере, один человек, который является студентом и спортсменом. Обычная схема частного суждения «некоторые S—P» принимает форму: $SP \neq 0$ (т. е. класс людей студентов и спортсменов не пустой).

Эта мысль, развитая представителями математической логики, как уже было указано, является преобладающей точкой зрения в современных буржуазных учебниках логики. Мы должны подробнее рассмотреть и оценить эту точку зрения, так как она играет определенную роль в учении об умозаключениях.

Разберем на примере современную интерпретацию общих и частных суждений с этой точки зрения. Возьмем суждение «все металлы — проводники электричества».

Общеутвердительное суждение (а) «все металлы — проводники электричества» не утверждает ничего о существовании металлов. Смысл этого суждения заключается в следующем: «если существует такой предмет, как металл, то он — проводник электричества», но существуют ли такие предметы, об этом в суждении ничего не говорится. Формулировка этого суждения такова: «для всякого x , если x есть металл, то x проводник электричества».

Общеотрицательное суждение (е) «ни один металл — не проводник электричества» принимает такую форму: «для всякого x , если x металл, то ложно, что x проводник электричества».

Частноутвердительное суждение (i) «некоторые металлы — проводники электричества» принимает форму: «существуют такие x , что x металл и x проводник электричества».

Частноотрицательное суждение (o) «некоторые металлы — не проводники электричества» принимает форму: «существуют такие x , что x металл, и ложно, что x проводник электричества».

Такая интерпретация общих и частных суждений является, безусловно, ошибочной и неприемлемой для нас. Прежде всего нужно обратить внимание на то обстоятельство, что отрицательное суждение трактуется тут как отрицание утвердительного. Эту точку зрения мы подробно разобрали выше и теперь на ней уже не будем задерживаться.

Главное, на что мы должны тут обратить внимание, — это следующее: на самом ли деле в общих суждениях вовсе не говорится о существовании предметов, о которых высказывается мысль, и что только в частных суждениях утверждается существование предметов.¹

Дело в том, что в науке и в практической жизни мы часто высказываем суждения в общеутвердительной и общеотрицательной форме, в которых на самом деле не утверждается существование предметов. Так, например, зная теорию радиоактивности, мы можем высказать суждение «все элементы, тяжелее урана, — радиоактивны».² Или, основываясь на определенной теории происхождения солнечной системы, мы можем утверждать, что все планеты за Плутоном движутся вокруг солнца с запада на восток.

В этих суждениях мы, конечно, не утверждаем существование элементов тяжелее урана или существование планет за Плутоном. Этими суждениями мы хотим сказать именно

---

¹ Общие суждения, в которых, согласно этой точке зрения, не говорится ничего о существовании предметов, называются универсальными, частные же суждения — экзистенциальными.

² Предполагается, что последний элемент в периодической системе — уран.

то, что если существуют такие элементы, такие планеты, то они должны обладать такими-то признаками, должны подчиняться такой-то закономерности.

Но, высказывая такие суждения, мы на самом деле высказываем не общие суждения, а, исходя из определенной закономерности, познанной нами, — гипотетические суждения. Как мы увидим ниже, гипотетические суждения своеобразны, они отличаются от общих суждений, и нельзя сводить все общие суждения к ним.

Когда представители математической логики для своих определенных целей интерпретируют общие суждения таким образом и утверждают, что такое толкование общих суждений «оправдывается потребностями математических применений логики, где класть в основу аристотелево понимание было бы нецелесообразно» (Гильберт и Аккерман — Основы теоретической логики, стр. 79), то это более или менее понятно для построения гипотетически дедуктивной системы; но распространять такое толкование на все области знания, на все общие суждения было бы не только показателем агностицистской точки зрения, но и просто нелепо.

d. Единичные суждения. Единичное суждение — суждение об единичном предмете. В этих суждениях выражается мысль о том, что данный единичный предмет обладает (не обладает) определенным признаком, данный единичный предмет имеет такое-то отношение к другому предмету. Единичное суждение может быть двух видов: 1) суждение об единичном предмете, например: «эта роза красная», «Пожарский — трижды Герой Советского Союза», «Жучка — собака», 2) суждение о совокупности предметов, рассматриваемой в качестве целого, например, «коммунистическая партия — передовой отряд рабочего класса», «Н-ская дивизия — гвардейская», «правительство Англии подчиняется приказам США» и т. п.

Единичные суждения, конечно, обладают меньшей познавательной ценностью, чем общие суждения; во-первых, потому, что единичное суждение выражает знание об одном предмете, в то время как общее суждение заключает знания о целом классе предметов; во-вторых, общее суждение очень часто выражает сущность, закон явлений и вещей, в то время как никакое единичное суждение не может их выразить.

С другой стороны, единичное суждение выражает более определенное знание, чем частное не выделяющее суждение. Большая определенность единичных суждений по сравнению с частными выражается, в частности, и в том, что умозаключения из единичных суждений могут быть законны, в то время как из частных суждений нельзя получить правильного

вывода. Поэтому в теории умозаключений, в частности, в теории силлогизма, отличие единичных суждений от общих не принимается во внимание, тем более, что и в единичных суждениях предикат утверждается относительно целого класса предметов: то обстоятельство, что в этом классе мыслится один предмет, не имеет существенного значения для умозаключения.

7. Отношение субординации между суждениями единичности, особенности и всеобщности

Выше было подробно разъяснено, что формы мышления не оторваны друг от друга: в процессе движения, развития познания одна форма мышления обуславливает другую, одна форма является результатом развития другой. Так, понятие является результатом развития нашего знания, результатом многих суждений, умозаключений и доказательств. Но реальность самого понятия — только в суждении. И, кроме того, образовавшееся в результате многих суждений и умозаключений, понятие само становится элементом новых суждений. Из суждений строятся умозаключения, и результат умозаключений представляет собой вновь суждение, новое по сравнению с теми, из которых оно результировано, которое снова становится элементом нового умозаключения.

Энгельс специально разбирает вопрос об отношении субординации между суждениями.

«Уже доисторические люди, — пишет он, — знали практически, что трение порождает теплоту, когда они открыли — может быть, уже сто тысяч лет назад — способ получать огонь трением, а гораздо раньше согревали холодные части тела растиранием их. Но отсюда до открытия того, что трение есть вообще источник теплоты, прошло то, что его знает сколько тысячелетий. Но так или иначе, настало время, когда человеческий мозг развился настолько, что мог высказать суждение: трение есть источник теплоты — суждение наличного бытия и притом положительное суждение.

Прошли новые тысячелетия, пока в 1842 г. Майер, Джоуль и Колдинг не изучили этот специальный процесс в его отношениях к открытым за это время другим аналогичным процессам, т. е. изучили его в его отношениях к его ближайшим общим условиям и смогли формулировать такого рода суждение: всякое механическое движение способно превратиться при помощи трения в теплоту. Итак, вот сколько времени и сколько эмпирических знаний потребовалось, чтобы продвинуться в познании вопроса от вышеприведенного положительного суждения и наличного бытия до этого универсального суждения рефлексии.

Но отныне дело пошло быстрее. Уже три года спустя.

Майер смог поднять—по крайней мере по существу—суждение рефлексии на ту высоту, на которой оно находится теперь.

Любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превратиться прямо или косвенно в любую другую форму движения: суждение понятия и притом аподиктическое,—высшая вообще форма суждения.

Итак, то, что у Гегеля является развитием логической формы суждений как таковой, выступает здесь перед нами как развитие наших, опирающихся на эмпирическую основу теоретических сведений о природе движения вообще. Это показывает, что законы мышления и законы природы необходимо согласуются между собой, если они только правильно познаны.

Мы можем рассматривать первое суждение как суждение единичности: в нем регистрируется единичный факт, что трение порождает теплоту. Второе суждение можно рассматривать как суждение особенности: особенная форма движения, механическая, обнаруживает свойство переходить при особенных обстоятельствах (благодаря трению) в другую особенную форму движения, в теплоту. Третье суждение — это суждение всеобщности: любая форма движения, оказывается, способна и должна превращаться в любую иную форму движения. В этой форме закон достиг своего последнего выражения».¹

Данная Энгельсом классификация суждений, конечно, не отрицает деления категорических суждений на общие, частные и единичные. В делении суждений на общие, частные и единичные основанием деления служил класс предметов: в одном случае брался весь класс предметов, во втором случае — часть класса, в третьем — один единственный предмет.

Энгельс же рассматривает историю развития человеческого знания—«вот сколько времени и сколько эмпирических знаний потребовалось, чтобы продвинуться в познании»..., «развитие логической формы суждений как таковой, выступает здесь перед нами как развитие наших опирающихся на эмпирическую основу теоретических сведений о природе движения вообще...» — и показывает, в каких формах суждения проявляется развитие знания.

Все эти суждения, которые формулирует Энгельс, являются общими суждениями: 1) трение есть источник теплоты (суждение единичности), 2) всякое механическое движение способно превратиться в теплоту (суждение особенности) и 3) любая форма движения способна превратиться в любую другую форму движения (суждение всеобщности). Эти общие суждения выражают последовательно слу-

¹ Энгельс. Диалектика природы, 1936 г. стр. 101—102.

пени развития человеческого познания, ступени развития нашего знания о законах природы: каждое из этих суждений отражает закон природы все более и более в общей форме; в последней форме закон достигает своего абсолютного выражения.

8. Деление суждений по характеру выражаемой в них связи (модальность суждения)

1) Одним из самых неразработанных учений в традиционной логике является учение о модальности суждений. Традиционная логика различает суждения модальности, т. е. проблематические, ассерторические и аподиктические, то по ценности¹ связи между субъектом и предикатом, то по прочности² связи субъекта и предиката, то по степени достоверности³ суждения, то по непосредственности и опосредствованности знания⁴, заключенного в суждении, то по степени существенности для субъекта признака, выражаемого сказуемым, и т. д. Причем данные основания деления часто переплетаются, заменяются, на первый план выдвигается то одно, то другое основание.

Так, например, в учебнике проф. Асмуса основанием деления суждений по модальности в начале выступает степень достоверности: в проблематических суждениях утверждение мыслится как всего лишь вероятное, в аподиктических и ассерторических суждениях утверждение мыслится как необходимое. Необходимость же бывает или необходимостью факта или необходимостью доказательства. В первом случае достоверность непосредственная, во втором случае опосредствованная, в первом случае мы имеем ассерторическое суждение — «Лев Толстой родился в 1828 году», во втором — аподиктическое — «квадрат, построенный на гипотенузе прямоугольного треугольника, равняется сумме квадратов, построенных на его катетах».

«Последовательнее» эта точка зрения выражена в известном учебнике Ибервега. Проблематический характер, утверждает Ибервег, выражается в неуверенности утверждения о совпадении связи представлений с действительностью, ассерторический характер заключается в непосредственной достоверности, аподиктический характер состоит в опосредствованной, доказательной достоверности.

Но, во-первых, достоверность, истинность не имеет степеней. Степень может иметь вероятность, можно говорить о большей и меньшей степени вероятности, но не о степенях ис-

¹ Кант. Критика чистого разума.

² Строгович. Логика.

³ Асмус. Логика.

⁴ Ueberweg. Logik, Асмус. Логика.

инности. Суждения «Толстой родился в 1828 г.» и «квадрат, построенный на гипотенузе прямоугольного треугольника, равен сумме квадратов, построенных на его катетах» одинаково истинны или одинаково ложны, смотря по тому, отражают они действительность или нет.

Во-вторых, это деление суждений по модальности нарушает правило деления: сначала основанием деления берется степень достоверности, а потом способ обоснования, непосредственность или опосредствованность суждения.

Наконец, непосредственность и опосредствованность ничего не меняют в достоверности, истинности суждения: вель посылки не менее достоверны, чем выводное суждение.

Многие логики, на основании сказанного выше, делают неправильный вывод, именно, или вовсе отрицают деление суждений по модальности, или не видят различия между ассерторическими и аподиктическими суждениями.

«Таким образом,— пишет один из логиков,— мы отказываемся в логике от деления суждений по модальности, признавая все суждения одинаково обладающими характером необходимости», причем проблематические суждения совершенно выкидываются из логики, а ассерторические и аподиктические суждения уже не различаются друг от друга.

Точно так же Зигварт не хочет видеть различия между ассерторическими и аподиктическими суждениями: «...несостоятельна поэтому попытка отличать ассерторическое знание от аподиктического, как непосредственное констатирование факта и опосредствованное знание, полученное путем вывода: ведь опосредствованное знание обладает не большей степенью достоверности, чем его посылки».

2) Мы не можем отказаться от деления суждений на проблематические, ассерторические и аподиктические. В науке и практической жизни мы часто применяем эти суждения, часто строим умозаключения из таких суждений; часто утверждаем о возможности или невозможности наступления определенного события, существования такого-то явления, так же как и необходимости таких-то явлений. Логика не может отказаться от них, отбросить эти суждения как неимеющие значения для познания.

Формально можно было отличить проблематические, ассерторические и аподиктические суждения друг от друга следующим образом: суждение будет аподиктическим, если противоречащее ему суждение исключается как немыслимое; ассерторическим будет суждение, если противоречащее ему исключается фактом, явлением, отображенным в первом суждении; проблематическим будет суждение, если данное суждение не исключает противоречащего ему суждения.

Исходя из этих определений, суждения « $2 \times 2 = 4$ », «в евклидовой геометрии сумма углов треугольника равна $2d$ » и т. п. будут аподиктическими, так как противоречащее им немыслимо. Суждения «дождь идет», «эта роза красная» и т. п. будут ассерторическими, так как, правда, противоречащее им может быть мыслимо, но оно отвергается фактическим положением дел: роза могла быть и не красной, но она в действительности красная, и поэтому отвергается противоположное суждение. Наконец, суждения «вечером может пойти дождь», «Спартак может выиграть у ЦДСА» и т. п. будут проблематическими, так как противоположное им вовсе не исключается.

Конечно, для теории умозаключения это чисто формальное различие между суждениями модальности может быть и является достаточным, но оно обходит молчанием сущность отличия между ними.

Сущность различия между суждениями проблематическими, ассерторическими и аподиктическими заключается в том, что первые являются суждениями о возможном, вторые — суждениями о действительном, третьи — суждениями о необходимом.

Возможность, действительность и необходимость — объективные категории: они отражают определенные связи и отношения действительности. Суждения, отражающие эти определенные связи действительности, и являются суждениями модальности.

Эти связи и отношения действительны, т. е. они существуют в действительности, и поэтому суждения и проблематические, и ассерторические, и аподиктические отражают действительность.

Объективная действительность, существующая вне и независимо от человеческого сознания, — исходный пункт нашего мировоззрения. Действительность обуславливает и возможность и необходимость. Возможность — это тенденция развития, заложенная в самой действительности. Мы отличаем абстрактную возможность от реальной: абстрактная возможность — это возможность явления, которая не противоречит законам действительности, но которая и не обусловлена тенденцией развития действительности. Конечно, можно высказывать суждения, выражающие такую возможность, но они не играют никакой роли в процессе познания.

Но в процессе познания действительности суждения, выражающие реальную возможность, играют огромную роль. «Возможно построение социализма в одной стране», «возможно построение коммунистического общества в одной стране» — суждения, имеющие огромное познавательное и практически-политическое значение в деле преобразования общественных отношений.

Возможность существует в действительности; возможность не только возможна, она есть; как тенденция развития действительности она сама действительна, но она является возможностью для другой действительности, которая еще не осуществлена, которая еще не существует. И пока она не осуществлена, существует и другая возможность, а быть может и другие возможности. Когда мы утверждаем, что «возможно (может быть) США начнут войну в этом году против Китая», то мы учитываем реальную возможность, заложенную, существующую в структуре империализма США, в политике США. Но существует и другая возможность, также заложенная, существующая в политике США, обусловленная учетом сил и отношениями между государствами, именно, возможность отказа от войны.

Или, когда мы высказываем суждение «сегодня может пойти дождь», мы утверждаем о существующей в действительности возможности — на существование такой возможности указывает, например, показание барометра, облачность и т. д. Но наряду с этой возможностью существуют разнообразные условия, которые могут противодействовать осуществлению этой возможности.

Поэтому суждение возможности содержит в себе две мысли: 1) данная возможность, как тенденция развития, — существует; суждение, выражающее это обстоятельство, ничем не отличается от ассерторического суждения; 2) данная возможность еще не осуществлена, — возможность еще не есть действительность — и ее осуществление зависит от разных условий, которых может и не оказаться налицо и поэтому она может и не осуществиться. Суждение, выражающее это обстоятельство, и называется проблематическим.

Процесс развития действительности обуславливает возникновение разных возможностей. Но тот же процесс развития, отбрасывая некоторые возможности, постепенно опрашивает круг возможностей, пока, наконец, все возможности, кроме одной, будут устранены. Оставшаяся «возможность» уже не возможность, а действительность.

Если проблематическое суждение, утверждая о наличии в реальной действительности возможности возникновения определенного явления, оставляет открытым вопрос об осуществлении этой возможности, то ассерторическое суждение утверждает факт существования данного явления. Если мы высказываем суждение о том, что в период империализма возможно построение социализма в одной стране, то тем самым мы, конечно, утверждаем наличие в действительности этой возможности, но этим суждением мы еще не говорим о действительности социалистического общества: оно может и не осуществиться. На XVI съезде партии И. В. Сталин говорил:

«Советский строй дает колоссальные возможности для полной победы социализма. Но возможность не есть еще действительность. Чтобы превратить возможность в действительность, необходим целый ряд условий, в числе которых линия партии и правильное проведение этой линии играют далеко не последнюю роль».

Высказывая суждение о том, что «в Советском Союзе построен социализм», мы говорим уже не о возможности, а о действительности, о факте существования данного явления. «Таким образом, — говорил И. В. Сталин, — полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом».¹

Аподиктическое суждение выражает мысль о необходимом. Не распространяясь о категории необходимости, укажем только на одно обстоятельство: необходимость связана с сущностью явления, с закономерностью действительности. Отдельное не существует отдельно от общего и явление отдельно от сущности; «уже здесь есть элементы, зачатки, понятия необходимости, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь...».² Необходимость существует в действительности, и она выражает то, что вытекает из закономерности, из внутренней структуры вещей и явлений.

Возможность, действительность (как осуществление возможности), необходимость не оторваны друг от друга; они переходят друг в друга и представляют разные стороны одной, объективно существующей действительности. Поэтому и суждения возможности, действительности и необходимости переходят друг в друга. Проблематическое суждение, утверждая наличие возможности в реальной действительности, превращается в ассерторическое суждение. То же проблематическое суждение, выражая возможность возникновения определенного явления, обусловленного закономерностью развития действительности, является аподиктическим суждением. Всякое категорическое суждение, утверждая наличие, факт существования признака, связи и отношения, — все равно, является ли этот признак необходимым или нет, — является ассерторическим суждением.

9. Сложные суждения.

1. **Своеобразие сложных суждений.** Из многочисленных видов сложных суждений мы рассмотрим условные, разделительные, разделяющие, конъюнктивные и копулятивные.

Схема условного суждения: если А есть В, то С есть D,

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 510.

² Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 329.

или: если А есть, то В есть; пример: «если коммунистическое общество окружено империалистическими странами, то в этом обществе существует государство».

Схема разделительного суждения: А есть или В, или С; или А, или В есть С. Пример: «данный треугольник или прямоугольный, или косоугольный, или тупоугольный»; или «или: Пушкин, или Лермонтов написал данное стихотворение».

Схема разделяющего суждения: все А есть частью В, частью С. Пример: «треугольники бывают частью прямоугольные, частью косоугольные, частью тупоугольные».

Схема конъюнктивного суждения: А и В суть С; пример: «Болгария и Чехословакия — народно-демократические республики».

Некоторые логики видят сущность сложных суждений в том, что в таких суждениях несколько субъектов или несколько предикатов. Так, например, утверждают эти логики, в разделительном суждении «А есть или В, или С, или D» — один субъект и три предиката; а в суждении «А или В, или С есть D» — три субъекта и один предикат. В условном суждении вида «если А есть В, то С есть D» два субъекта — А и С и два предиката — В и D.

При таком толковании совершенно теряется своеобразие сложных суждений. В условном суждении «если А есть В, то С есть D» мы вовсе не утверждаем, что субъекту А присущ предикат В и субъекту С — предикат D, а утверждаем определенную связь между двумя суждениями «А есть В» и «С есть D», отражающую определенную связь, отношение объективной действительности. Разделительное суждение «А есть или В, или С, или D» на самом деле представляет собой сокращенное выражение связи трех суждений:

А есть В или
А есть С, или
А есть D,

и оценивается это суждение с точки зрения истинности или ложности как единое целое, как одно суждение.

Точно так же конъюнктивное суждение «треугольник ABC прямоугольный и равнобедренный» представляет собой связь двух суждений «треугольник ABC прямоугольный» и «треугольник ABC равнобедренный». Но данное сложное суждение рассматривается как одно суждение, а не как два разных суждения. Если мы будем рассматривать их как два отдельных суждения, то может оказаться, что одно суждение будет истинным, а другое ложным, например, если треугольник ABC прямоугольный, но не равнобедренный. В данном случае это суждение как единое целое, как сложное суждение будет только ложным.

Сложные суждения представляют собой связь суждений; отражающую связи и отношения действительности.

2. Условные суждения. Сложное строение условного суждения и своеобразие умозаключений, построенных из таких суждений, как видно, было причиной того, что Аристотель их вовсе не рассматривает. Только ученики Аристотеля Теофраст и Эвдем и философы стоической школы специально занялись этим видом суждений. С этого времени условные суждения делаются объектом изучения и разнообразных толкований.

а) Самое распространенное толкование условного суждения в традиционной логике заключается в следующем: если в категорическом суждении утверждается присущность предиката субъекту без всяких условий, то в условном суждении присущность предиката субъекту утверждается условно, под определенным условием. Такое понимание условных суждений отрицает принципиальное своеобразие этих суждений и сводит их к категорическим.

Дело в том, что данная интерпретация видит в суждении только связь S и P . В условном суждении утверждается или отрицается связь субъекта и предиката при определенном условии; условие выражено в первой части суждения «если A есть B », а связь S и P — во второй части. Главное, что утверждается или отрицается в условном суждении, то же самое, что и в категорическом. Другими словами: и категорическое суждение

S есть P

и условное

если A есть B , то S есть P

утверждают одно и то же, а именно, что « S есть P », но первое высказывает эту мысль в безусловной, а второе — в условной форме. Отсюда дальнейший вывод: условное суждение будет утвердительным, в случае, если оно выражает присущность PS , и отрицательным, если эта присущность отрицается. Таким образом, суждение «если коммунистическое общество будет в империалистическом окружении, то в этом обществе будет существовать государство» будет утвердительным (если A есть B , то C есть D); суждение же «если коммунистическое общество будет в окружении социалистических стран, то в этом обществе не будет государства» будет отрицательным. Логически рассуждая, нужно было бы добавить, что истинность или ложность суждения... «если A есть B , то S есть P » зависит от истинности или ложности второй части, именно: суждения « S есть P ».

Ошибочность такого толкования условного суждения сразу бросается в глаза. В условном суждении выражается

мысль, в первую очередь, не о том, присущ или не присущ предикат В субъекту А и предикат Р субъекту S, а необходимая связь, связь основания и следствия между суждениями «А есть В» и «S есть Р». В условных суждениях нет обычных субъектов и предикатов. Нельзя серьезно утверждать, что первая часть условного суждения является субъектом, а вторая предикатом: следствие «S есть Р» ничего не утверждает и не отрицает чего-либо об основании «А есть В».

в) Так же ошибочно разлагать условное суждение на два субъекта и два предиката, так как, во-первых: основная мысль, выраженная в этом суждении, останется не выявленной, а именно, будет установлена связь между А и В (субъектом и предикатом первого суждения) и между S и P (субъектом и предикатом второго суждения), а связь основания и следствия — что и является сущностью условного суждения — останется вне поля зрения; во-вторых, истинность и ложность условного суждения придется в таком случае сводить на истинность и ложность составляющих его суждений, что, конечно, было бы неверно. Суждения 1) если железо сложное тело, то оно разлагается на элементы, 2) если Магомет пророк, то Коран священная книга, 3) если США миролюбивое государство, они не начнут войну против Кореи и т. п. — истинны, хотя составные части этих суждений — и основания и следствия — ложны.

Кроме того, был бы крайне усложнен вопрос о качестве условного суждения: во-первых, нужно было бы поставить вопрос о качестве этого суждения и, во-вторых, решить вопрос о том, которое из условных суждений:

- 1) если А есть В, то S есть Р
- 2) если А не есть В, то S есть Р
- 3) если А не есть В, то S не есть Р
- 4) если А есть В, то S не есть Р

считать утвердительным и которое отрицательным.

с) Так же нужно считать ошибочным толкование, по которому в условном суждении оба суждения — и основание и следствие — представляют собой субъект суждения, предикатом же является связь основания и следствия. Такой точки зрения придерживался Зигварт.

Весь материал условного суждения Зигварт объявляет субъектом, а предикатом считает мысль о необходимом следствии. «Быть необходимым следствием» является, на самом деле, не предикатом, а связью между двумя суждениями. Считать необходимую связь предикатом условного суждения такая же ошибка, как если считать связку в категорическом суждении предикатом.

d) Наконец, нельзя оставить без внимания своеобразное толкование сущности суждения, которое не только в условном,

но и во всех суждениях видит связь основания и следствия. Согласно этой теории во всяком суждении субъект является основанием, предикат — следствием. В этом отношении нет никакой разницы между категорическими и условными суждениями. Различие между этими суждениями заключается в том, что субъект категорического суждения есть «нечто найденное познающим субъектом в составе мира», а субъект условного суждения «есть нечто предположенное познающим субъектом». Поэтому они различаются и по ценности заключающегося в них знания: категорические суждения представляют собой гораздо более высокую ступень знания и являются целью его, так как дают сведения о подлинном составе мира, а условные суждения часто играют роль лишь предварительной ступени к категорическому знанию.

Представители данной точки зрения защищают в философии одну из самых реакционных идеалистических теорий. Для них мир представляет «системность», причем эта последняя обусловлена «идеальными связями». Мы непосредственно, интуитивно усматриваем эти связи, связь основания и следствия, и в каждом суждении выражаем эту связь. Не распространяясь о мистическом¹ бреде относительно идеальных связей, обратимся к разбору данной теории суждения.

Данная точка зрения непримемлема: если во всяком суждении связь субъекта и предиката—это связь основания и следствия, тогда всякое суждение должно быть истинным. Представители этой точки зрения на самом деле утверждают, что всякое суждение истинно, что ложных суждений не существует. «Суждение не может быть ложным», «мышление может быть только источником истины» — таков вывод из данной точки зрения. Ложное суждение — это не суждение, а «высказывание», это не продукт мышления.

Нелепость этой точки зрения сразу станет ясной, если мы обратим внимание на историю развития человеческого знания. Одни теории сменялись другими, философские системы рушились и появлялись новые, огромное количество взглядов и идей оказалось ложным — и все они, оказывается, состояли не из суждений, а из «высказываний». Представители этих теорий, систем, взглядов, оказывается, не мыслили, не обладали мышлением или не пользовались мышлением. Эту нелепую точку зрения пытаются оправдать тем, что под мышлением понимают мистическое «сверхчувственное созерцание».

е) Условные суждения выражают связь двух суждений, причем эта связь — логическая связь основания и следствия. Эти суждения имеют огромное значение и в науке и в пра-

¹ Один из представителей этой теории озаглавил свою книгу так: «Основание мистического эмпиризма».

ктической, политической деятельности. Этими суждениями мы выражаем часто законы действительности, ими пользуемся в практической деятельности — «если не хочешь ошибаться, нужно смотреть вперед, а не назад», — пользуемся ими в процессе предвидения будущих событий.

Связь основания и следствия, выраженная в условном суждении, может непосредственно отражать причинную связь между явлениями действительности. Возьмем для примера несколько условных суждений: 1) если коммунистическое общество находится в империалистическом окружении, тогда в этом обществе будет существовать государство, 2) если железо нагреть, оно расширится, 3) если через подкисленную воду пропустить электричество, она разложится на водород и кислород, и т. п.

Во всех этих суждениях связь основания и следствия, выраженная в них, отражает связь причины и действия реальной действительности. Империалистическое окружение коммунистического общества причинно обуславливает существование государства в этом обществе. Нагревание железа — причина, расширение железа — действие.

Это, конечно, не значит, что логическая связь основания и следствия тождественна причинно-следственной связи. Данные примеры иллюстрируют только выставленное выше положение, что связь основания и следствия часто непосредственно отражает причинную связь.

В условном суждении «если в коммунистическом обществе существует государство, то ясно, что оно окружено империалистическими странами» существование государства в коммунистическом обществе не является причиной империалистического окружения этого общества; или в суждении «если река замерзла, значит был мороз» замерзание реки не причина, а действие мороза.

В данных суждениях, если их считать суждениями, а не сокращенными умозаключениями, основание выражает не причину и следствие — не действие; в данном случае основание выражает логическое основание знания; мы знаем, что река замерзает только при морозе, значит замерзание реки обусловлено морозом.

Конечно, и эти суждения не непосредственно, а опосредствованно отражают причинную связь, существующую между явлениями действительности.

Часто в условных суждениях выражается связь средства и цели, например, «если не хочешь ошибаться, нужно смотреть вперед, а не назад»; часто в этих суждениях выражается последовательность или одновременность событий, например, «если ты придешь ко мне, я покажу тебе новую книгу» и т. п.

Большое значение имеют условные суждения, отражающие необходимое сосуществование признаков; например, суждения 1) если треугольник равнобедренный, то его углы при основании равны, 2) если у двух треугольников соответствующие углы равны, то эти треугольники подобны, и т. п.

В этих суждениях отражается не причинная связь, не связь цели и средства или временная последовательность двух явлений, а необходимая связь одного признака, который является основанием, с другим, который является следствием.

Своеобразие этих условных суждений заключается в том, что не только части условного суждения связаны связью основания и следствия, но и сами мыслимые в этих суждениях признаки связаны связью основания и следствия.

Связь основания и следствия всегда утвердительна. В суждениях:

- 1) если А есть В, то С есть D
- 2) если А не есть В, то С есть D
- 3) если А не есть В, то С не есть D
- 4) если А есть В, то С не есть D

утверждается всегда связь основания и следствия. Можно было бы подумать, что только первое суждение является утвердительным, а все остальные отрицательными, так как в последних трех встречается отрицание или в основании или в следствии. Разберем второй пример: если А не есть В, то С есть D. Нужно обратить внимание не на то обстоятельство, что тут в основании имеется отрицание, а на то, что данное основание — каково бы оно ни было — обуславливает определенное следствие, т. е., что существует связь основания и следствия. В суждениях: 1) если а не больше и не меньше в, то а равно в, 2) если государство не приняло плана Маршалла, то оно подлинно демократическое, и т. п., несмотря на отрицание в основании, утверждается, именно, связь основания и следствия.

Точно так же в третьем суждении, в котором и основание и следствие отрицательны. Суждения: 1) если коммунистическое общество не будет в империалистическом окружении, то в этом обществе не будет существовать государство, 2) если нет мороза, то река не замерзнет, 3) если треугольник не равнобедренный, то углы при основании не равны, и т. п. также утвердительны, так как и в этих суждениях утверждается связь основания и следствия.

Наконец, четвертый пример, который многими считается отрицательным суждением, так же нужно считать утвердительным. Суждения: 1) если коммунистическое общество будет окружено социалистическими странами, то в этом обществе не будет государства, 2) если государство приняло план Маршалла, оно не демократическое, 3) если ученик прилежно

занимается, он не останется на второй год, и т. п. нельзя считать отрицательными, так как в этих суждениях, как и в трех предыдущих, утверждается связь основания и следствия.

Если смысл условных суждений заключается в связи основания и следствия, то ясно, что отрицательных условных суждений нет, все условные суждения утвердительны.

Существуют суждения, отрицающие условные суждения, но не отрицательные суждения. Например, суждение «хотя правительство США агрессивно, отсюда вовсе не следует, что американский народ желает войны». В данном суждении отвергается необходимость связи между основанием и следствием условного суждения, так как в реальной действительности не существует связи между данными явлениями.

От условных суждений нужно отличать суждения импликации, принятые в математической логике. Суждения импликации связывают два любых суждения x и y словом «если—то», «если x , то y », причем это соотношение не следует понимать как выражение для отношения основания и следствия. Импликация ложна только в том случае, когда x истинно и y ложно, во всех остальных случаях импликация считается истинной.

Таким образом, из перечисленных ниже четырех — на первый взгляд странных до нелепости — суждений, первые три истинные суждения и только четвертое ложно:

- 1) если «дважды 2 равно 4», то «снег бел»
- 2) если «дважды 2 равно 5», то «снег бел»
- 3) если «дважды 2 равно 5», то «снег черен»
- 4) если «дважды 2 равно 4», то «снег черен»¹

Несмотря на парадоксальность формулировок, в этих суждениях заключается определенный смысл, и мы нередко пользуемся подобными суждениями.²

Нормальный смысл этих суждений, несмотря на парадоксальную формулировку, легко понятен: суждение «если $2 \times 2 = 5$, то снег черен» выражает мысль, что суждение «снег черен» так же истинно, как суждение, что $2 \times 2 = 5$. Или: «если Черчилль не поджигатель войны, тогда и $2 \times 2 = 5$ ».

Эти суждения имеют определенный смысл и имеют в определенной области свое значение, но их не нужно смешивать с условными суждениями.

3. Разделительные суждения. Схема разделительного суждения, как мы указывали выше, двоякая: 1) A есть или B ,

¹ Гильберт и Аккерман. Основы теоретической логики, стр. 20—21.

² Поэтому совершенно неприемлемо утверждение Строговича, который реакционность буржуазной логики видит в применении таких суждений, якобы чуждых нормальному человеческому мышлению. Строгович. Логика, 1949 г., стр. 24.

или С, 2) А или В есть С. Разделительное суждение — сложное суждение; в этом суждении соединено два (и больше) суждения союзом «или». Союз «или» имеет несколько значений. В логике отмечают два значения этого союза. В суждениях 1) «угол ABC или прямой, или острый, или тупой», 2) «Иванов или женат, или не женат» и т. п. союз «или» имеет характер разделительно-исключающий: предикаты данных суждений исключают друг друга; треугольник ABC не может быть одновременно и прямоугольным и остроугольным и тупоугольным; Иванов не может быть одновременно и женатым и не женатым.

С другой стороны, один из предикатов должен, безусловно, характеризовать предмет. Следовательно, в рассматриваемом типе разделительного суждения предикаты исключают друг друга, но один из них, безусловно, присущ предмету: только в этом случае это суждение является истинным.

В суждениях: 1) студент, сдающий экзамены отлично, или прилежный, или способный, 2) лекция может быть интересной или по содержанию, или по форме, 3) «если кто из товарищей опаздывал на молебн, или доходили слухи о какой-нибудь проказе гимназистов, или видели классную даму поздно вечером с офицером, то он очень волновался и все говорил, как бы чего не вышло» (Чехов),¹ и т. п. союз «или» употребляется не в смысле исключения предикатов: студент может быть одновременно и прилежным и способным, но одним из них — безусловно, иначе будет необъяснимым, каким образом он может сдать экзамены на «отлично».

Разделительные суждения, в которых предикаты не исключают друг друга, называются соединительно-разделительными.

4. Разделяющие суждения. Схема разделяющего суждения отличается от схемы разделительного суждения: все А — частью В, частью С. Например, «деревья бывают частью лиственные, частью хвойные», «треугольники бывают частью прямоугольные, частью остроугольные, частью тупоугольные».

В отличие от разделительных суждений, в которых понятие субъекта выражает единичный предмет, субъект разделяющего суждения отражает всегда класс предметов; в предикате перечислены виды данного класса предметов.

Не нужно полагать, что отличие разделительного от разделяющего суждений можно установить тем обстоятельством, что в первом употребляется слово «или», а во втором слово «частью». Слово «или» в данном случае не надежный признак; в разделяющем суждении составные суждения могут быть связаны и союзом «или» и союзом «и». Разделяющее суж-

¹ Пример приведен проф Яновской в комментариях к книге Гильберга.

дение «деревья бывают частью лиственные, частью хвойные» можно выразить с помощью союза «или» и с помощью союза «и»: 1) «деревья бывают или лиственные, или хвойные», 2) «деревья бывают и лиственные и хвойные». В обоих случаях смысл один, а именно, класс деревьев разделяется на два вида: вид лиственных и вид хвойных. Соответственно разделительное суждение будет: «это дерево лиственное или хвойное».

Примеры разделяющих суждений: 1) войны бывают справедливые и несправедливые, 2) углы бывают или прямые, или острые, или тупые, 3) люди бывают частью белокожие, частью чернокожие, частью желтокожие, частью краснокожие.

Примеры разделительных суждений: 1) угол ABC или прямой, или острый, или тупой, 2) Франция или приняла «план Маршалла», или не приняла, 3) Петров или партийный, или беспартийный.

5. Конъюнктивные и копулятивные суждения. Схема конъюнктивного суждения: A есть и B и C. Пример: «треугольник ABC прямоугольный и равнобедренный». В конъюнктивном суждении два (и больше) суждения связаны союзом «и». В обоих суждениях предмет суждения один, но в первом суждении утверждается один предикат, а во втором суждении — другой:

треугольник ABC прямоугольный
треугольник ABC равнобедренный.

В копулятивном суждении суждения также связаны союзом «и», но в данном случае в этих суждениях утверждается один предикат по отношению к разным предметам:

Болгария — народно-демократическая республика

Чехословакия — народно-демократическая республика.

Копулятивное суждение, следовательно, будет иметь вид: «Болгария и Чехословакия — народно-демократические республики». Схема: A и B суть C.

10. Отношение между категорическими суждениями

Было уже указано, что категорические суждения с точки зрения качества и количества делятся на: 1) общеутвердительные — SaP, 2) общеотрицательные — SeP, 3) частноутвердительные — SiP и 4) частноотрицательные — SoP.

Рассматривая категорические суждения, не трудно заметить, что они могут отличаться друг от друга формой и материей. Под материей категорического суждения подразумеваются те понятия, которые входят в состав суждения. Под формой категорического суждения подразумевается качественная и количественная характеристика суждения. В суждениях «все металлы — проводники электричества» и «некоторые металлы — проводники электричества» материя сужде-

нии одинакова, однако форма различная, так как понятия, которые входят в состав данных суждений,— металл и проводники электричества — одинаковы, но количество этих суждений отличное. Суждения «все металлы — твердые тела» и «ни один металл не является твердым телом», также имеют одну и ту же материю, но отличаются по форме, по качеству.

Рассмотрим отношение между суждениями, отличными друг от друга по форме и одинаковыми по материи.

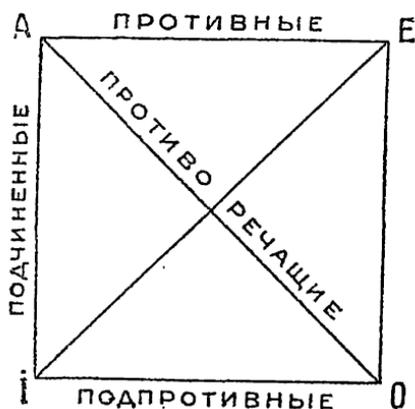
а) Общие суждения, имеющие одинаковую материю и отличающиеся только качеством, т. е. суждения SaP и SeP, называются противными суждениями; например: «все металлы проводят электричество» и «ни один металл не проводит электричества»;

б) Частные суждения, имеющие одинаковую материю и отличающиеся только качеством, т. е. суждения SiP и SoP, называются подпротивными суждениями; например: «некоторые металлы — твердые тела» и «некоторые металлы — не твердые тела».

с) Суждения, имеющие одинаковую материю и отличающиеся друг от друга и качеством и количеством, т. е. суждения SaP и SoP, или SeP и SiP, называются противоречащими суждениями; например: «все металлы — твердые тела» и «некоторые металлы — не твердые тела» или «ни один металл не является жидким» и «некоторые металлы жидки».

д) Наконец, суждения, имеющие одинаковую материю и отличающиеся друг от друга только количеством, т. е. суждения SaP и SiP или SeP и SoP, называются подчиняющими и подчиненными; например, суждение «все металлы проводники электричества» будет подчиняющим по отношению к суждению «некоторые металлы — проводники электричества»; последнее суждение будет подчиненным по отношению к первому.

Для наглядности отношения между суждениями часто иллюстрируют так называемым «логическим квадратом».

11. Распределенность терминов в суждении

1. В теории умозаключений, построенных из категорических суждений, большую роль играет учение о распределенности терминов в суждениях. В категорическом суждении понятия субъекта и предиката могут мыслиться или во всем своем объеме, или в части своего объема.

Термин распределен в суждении, если он мыслится во всем объеме, т. е. если в нем мыслится весь класс предметов, о которых говорится в суждении; и, наоборот, термин не распределен в суждении, если в нем мыслится часть класса предметов, т. е. если он мыслится в части своего объема.

2. В общеутвердительных суждениях (SaP) субъект распределен, предикат не распределен. Субъект общеутвердительного суждения распределен, так как предикат этого суждения высказывается обо всем классе предметов, мыслимых в понятии субъекта. В суждении «все металлы — проводники электричества» «проводимость электричества» утверждается обо всем классе металлов.

Что касается предиката общеутвердительного суждения, то он не распределен, так как понятие «проводники электричества» мыслится не во всем объеме. Для того, чтобы иметь право высказать суждение «все металлы — проводники электричества», мы должны иметь в виду все металлы, но вовсе нет необходимости мыслить все проводники электричества.

3. В общеотрицательном суждении (SeP) распределены субъект и предикат. В суждении «киты не рыбы» высказывается мысль обо всех китах. Следовательно, субъект суждения распределен. Предикат также распределен, так как киты исключаются из всего класса рыб. Для того, чтобы иметь право высказать суждение «киты не рыбы», мы должны иметь в виду весь класс рыб, из которого исключаются киты.

4. В частноутвердительном суждении (SiP) ни субъект, ни предикат не распределены. В суждении «некоторые металлы — жидкости» субъект не распределен, так как речь идет о некоторых предметах класса. Предикат также не распределен, так как вовсе не нужно знать весь класс жидкостей, чтобы высказать данное суждение.

5. В частноотрицательном суждении (SoP) субъект не распределен, предикат распределен. Субъект данного суждения не распределен, так как в частноотрицательном суждении говорится о некоторых предметах класса. Предикат данного суждения распределен, так как эти некоторые предметы исключаются из всего класса. В суждении «некоторые металлы — не жидкости» высказывается мысль о некоторых металлах, которые исключаются из всего класса жидкостей

Таким образом:

в общеутвердительном суждении распределен S, не распределен P,

в общеотрицательном суждении распределены и S и P,

в частноутвердительном суждении ни один термин не распределен,

в частноотрицательном суждении S не распределен, P распределен.

Эти четыре правила можно свести к двум:

1. В общих суждениях распределен субъект,

2. В отрицательных суждениях распределен предикат.

ГЛАВА V

ТЕОРИЯ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ. НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ ИЛИ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СУЖДЕНИЙ

1. Определение умозаключения

Было уже указано, что знание бывает непосредственное и опосредствованное. Знание, выраженное в таких суждениях, как, например, «сегодня плохая погода», «мои часы показывают половину четвертого», «эта роза красная», «Петр сидит слева от Павла» и т. п., — непосредственное. Непосредственное в том смысле, что в истинности этих суждений мы убеждаемся путем восприятий, путем живого созерцания. Нам не приходится рассуждать, доказывать, т. е. приводить доводы для оправдания этих суждений. Мы просто указываем собеседнику на предмет суждения, и достаточно восприятия этого предмета, чтобы он убедился в справедливости нашего суждения. Конечно, непосредственность этого знания относительна. Абсолютно непосредственного знания нет, и оно не может существовать: само живое созерцание опосредствовано практикой, опосредствовано всей историей человечества. Органы чувств — продукт всемирной истории, писал Маркс.

Следовательно, под понятием непосредственного знания в данном случае подразумевается знание, доставляемое живым созерцанием, в отличие от знания выводного, опосредствованного уже имеющимся в нашем распоряжении знанием.

Так, например, знание того, что сумма углов треугольника (в Евклидовой геометрии) равна двум прямым, не являет-

ся непосредственным, так как никакое восприятие не может доставить нам такого знания. Это знание опосредствованное, выводное: оно выводится из имеющегося в нашем распоряжении определенного запаса знаний. Знание о возможности победы коммунизма в одной стране или знание того, что язык не является надстройкой базиса и не является поэтому классовым, не непосредственное знание. Никакое живое созерцание не убедит нас в справедливости этих суждений. Эти суждения нужно обосновать: нужно изучить, проанализировать целый ряд фактов, нужно изучить историю языка и только на основании этих знаний можно прийти к такому выводу.

Опосредствованное знание — адекватное отражение действительности, но не непосредственное, а с помощью разнообразных форм умозаключения.

Умозаключение — форма мышления, посредством которой, на основании уже имеющихся знаний, получают в виде вывода новые знания. Так как и имеющееся знание и выводное выражается в суждениях, то умозаключение принимает всегда форму связи суждений, в которой из одного или нескольких суждений вытекает с необходимостью новое суждение.

Данное определение показывает, насколько отличается данная форма мышления от уже рассмотренных, от понятия и суждения. Дело в том, что всякое знание выражается в суждениях. Нет и не может быть ни одной истины, которая не выражалась бы в суждении: всякая истина, как отражение действительности в сознании человека, доставляемая и ощущениями, и восприятиями, и полученная в результате умозаключения, выражается в форме суждения. Ощущаем ли мы холод или тепло, воспринимаем ли мы красную розу или восход солнца и т. п., мы выражаем наше знание в суждениях: «холодно», «тепло», «эта роза красная», «солнце восходит» и т. д.; делаем ли мы умозаключения, например:

Железо — металлы
Металлы проводят электричество

Железо проводит электричество,

и посылки и вывод представляют собой суждения.

Конечно, и понятия заключают в себе знание. И это потому, что они, будучи результатом многих суждений, умозаключений и доказательств, сами представляют свернутые суждения: действительность понятия только в суждении.

Поэтому и к понятиям и к суждениям применимы понятия истинности или ложности. Иной характер носят умозаключения: умозаключение — форма мышления, посред-

ством которой из одного знания выводится другое знание. Само умозаключение — прием, способ, который может быть правильным или неправильным. Оно не включает само по себе какого-либо знания, так же как, например, не включает в себе знания прием анализа или синтеза. Истинным или ложным может быть результат анализа или синтеза, но сам прием анализа или синтеза может быть правильным или неправильным.

Однако это не значит, что формы умозаключения оторваны от действительности и не обусловлены формами действительности. Как анализ обусловлен действительным составом вещи и явления, именно, тем, что вещь состоит из отдельных элементов, сторон, на которые она может разлагаться, так и умозаключение обусловлено формами связи вещей и явлений, которые обуславливают формы связи мыслей, суждений.

Умозаключение, т. е. форма связи суждений, в которой одно суждение с необходимостью вытекает из другого или других, правильно в том случае, если оно отражает форму связи вещей и явлений. Но часто связь вещей не дана нам непосредственно, и мы, чтобы установить эту связь, прибегаем к посредственному звену, которое вовсе не является необходимым для связи самих вещей. В действительности, явления А и В связаны друг с другом определенной связью. Допустим, что эта связь не дана нам непосредственно, что бывает очень часто. Чтобы узнать, установить эту связь, нам приходится отыскивать посредствующее звено, например, С, и с помощью этого С мы устанавливаем связь между А и В. Между тем, в реальной действительности связь А и В часто вовсе не требует посредствующего звена для связи между собой. А выше В и В выше С, — мы заключаем, что А выше С; если бы А и С были даны непосредственно, то никакого умозаключения не нужно было делать. Мы непосредственно увидели бы, что А выше С. Но так как А и С не даны непосредственно, мы ищем такое В, которое было бы связано и с А и с В, и посредством этого В устанавливаем отношение А и С.

Сумма углов треугольника равна двум прямым. Но истинность этого положения не дана непосредственно. Поэтому мы, чтобы убедиться в истинности данной теоремы, ставим между понятием треугольника и понятием «суммы углов = $2d$ » посредствующие звенья, параллельность линий, равенство внутренних накрест лежащих углов, соответствующих углов, суммы углов на одной стороне прямой около одной точки и делаем вывод о равенстве суммы углов 2 прямым. Мы опосредствовали эту связь, чтобы установить истину, и опосредствовали такими посредствующими звеньями, которые взяты, конечно, из действительности, но которые не

нужны реальной действительности для существования этой связи.

По закону тяготения тела притягиваются друг к другу силой, которая пропорциональна их массам и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. Истинность этого положения не дана непосредственно; поэтому мы ищем и устанавливаем посредствующие звенья, ставим опыты, связываем суждения и, наконец, убеждаемся в его истинности. Но ведь в реальной действительности эти звенья для данной связи не играют никакой роли, отношение притяжения существует без этих посредствующих звеньев, которые мы установили для открытия, доказательства этого отношения.

Допустим, что в реальной действительности А не есть D, но непосредственно это отношение нам не дано. Как можем убедиться в истинности положения, что А не есть D?

Можно многими способами убедиться в этом, если мы сумеем найти посредствующие звенья, с помощью которых можем связать А и D. Например: 1) найдем посредствующее звено В; если установим, что А есть В, а D не есть В, то убедимся в том, что А не есть D; или сложнее: 2) установим, что А есть или только В, или только С и что D есть одновременно и В и С, тогда убедимся, что А не есть D; или еще сложнее: установим, что А есть или только В, или только С, D есть одновременно и В и С, за исключением того случая, когда D есть Е; в этом случае D не есть ни В, ни С.

В самой действительности, реальной, существующей независимо от нашего сознания, связь, отношения между А и D непосредственно, т. е. эта связь не требует посредствующих звеньев. А просто, непосредственно не есть D. Мы опосредствуем эту связь включением посредствующих звеньев и устанавливаем с их помощью непосредственную связь между А и D.

Если мы не обратим должного внимания на это обстоятельство, вся сущность умозаключения останется для нас непонятной; возникнут ложные представления об умозаключении, возникнут ложно поставленные вопросы о сущности умозаключения, вопросы, которые с таким усердием дискутируются в курсах по логике. Одним из таких вопросов, который особенно тщательно дискутируется в логике, является вопрос об аналитическом или синтетическом характере умозаключения. Вопрос этот формулируется так: содержится ли уже заключение в посылках, или в заключении утверждается нечто новое, нечто иное по сравнению с посылками.

Эта ложно, метафизически поставленная проблема приводит к нелепой, неразрешимой антиномии: или заключение содержится в посылках, и тогда в выводе ничего нового нет, вывод только своеобразное повторение посылок и поэтому

умозаключение не имеет никакой познавательной ценности; или заключение дает нечто новое, нечто иное по сравнению с посылками, и тогда непонятно, каким образом из посылок получается нечто иное, не содержащееся в посылках.

Вопрос поставлен неправильно, и понятно, что и решение является неправильным.

Для решения проблемы о характере умозаключения возьмем простой пример умозаключения о математическом равенстве:

$$\begin{array}{r} A=B \\ B=C \\ \hline A=C \end{array}$$

Если мы будем рассуждать следующим образом: «в посылках устанавливается равенство трех величин А, В, С, а в заключении делается вывод о равенстве двух из этих величин, именно А и С», то, конечно, вывод не даст ничего нового; в выводе повторяется то, что уже дано в посылках. Но сущность данного умозаключения вовсе не заключается в этом. Сущность данного умозаключения заключается в следующем: даны две величины А и С, отношение между которыми нужно установить. Если отношение между А и С дано непосредственно, тогда умозаключение излишне. К умозаключению мы прибегаем именно потому, что отношение между А и С непосредственно не дано. В чем же заключается сущность умозаключения? Она заключается в том, что для установления отношения между А и С мы отыскиваем среди других величин такую величину В, относительно которой известно ее отношение к А и С. Эта величина В опосредствует отношение А и С. Этим опосредствованным путем мы открываем связь, отношение между двумя величинами, которое существовало непосредственно в действительности, но которое нам непосредственно не было дано.

В связи с этим нужно обратить внимание на одно важное обстоятельство. Умозаключение обусловлено формами связи вещей и явлений, которые обуславливают формы связи мыслей, суждений. Но не нужно понимать отражение умозаключением формы связи вещей и явлений как непосредственное отражение, как простой фотографической снимок действительности.

Во-первых, посредствующее звено (или звенья) для установления связи между S и P нужны нам, и действительность в этом звене часто вовсе не нуждается; так, например, равенство А и С вовсе не нуждается в посредствующем звене В; А равно С не потому, что В существует и оно опосредствует их равенства; А и С в действительности равны без всякой

помощи В; в связи с этим, во-вторых, данное посредствующее звено не является и для умозаключения непременно необходимым, оно может быть и другим. Для установления равенства А и С, которое существует в действительности, нет необходимости, чтобы посредствующее звено было именно данным В; этого вовсе не требует существующее равенство А и С, так же как оно, в данном случае, не требует для своего существования вообще какого-либо посредствующего звена. Для установления этого равенства посредствующим звеном может быть не только В, но и D, E и т. д., лишь бы оно сыграло роль такого звена. Конечно, в случае равенства двух величин посредствующее звено, как бы мы его ни обозначили, в конечном счете должно быть одним, равным А и С. Но очень часто в умозаключениях посредствующие звенья могут быть конкретно разными, лишь бы они принадлежали к одной категории, лишь бы они имели в своем составе то общее, что делает их возможным быть посредствующим звеном. Так, например, в традиционном примере о смертности (Р) Сократа (S) связь S и Р опосредствуется средним термином (M), посредствующим звеном понятия «человек», но можно, конечно, опосредствовать и понятием «животное», и понятием «организм». Для опосредствования связи между двумя явлениями, — в терминах логики — между S и Р, — необходимость заключается не в том или ином конкретном посредствующем звене, а в том общем, которое проявляется в этом конкретном. Поэтому вывод о связи между S и Р может быть опосредствован разными, отличными друг от друга конкретными звеньями, и поэтому отличные друг от друга посылки могут дать один и тот же вывод, и одно и то же положение можно доказывать различными путями, — но эти конкретные посредствующие звенья должны обладать тем общим, которое дает возможность связывать S и Р, так как они связаны в действительности.¹

2. Так называемые непосредственные умозаключения

Из сказанного выше о характере умозаключения вытекает, что умозаключение — всегда опосредствованная форма мысли. Строго говоря, непосредственных умозаключений нет. По традиции непосредственными умозаключениями называются такие умозаключения, в которых вывод следует из одного суждения. Так, например, из суждения «все собаки животные» следует вывод: «некоторые животные собаки». На самом деле последнее суждение нельзя считать выводом в собственном смысле этого слова. В действительности тут мы имеем отношение двух понятий: смысл «выводного» суждения вполне

¹ В данном рассуждении имеется в виду только один вид умозаключения.

заключен в данном суждении. «Выводное» суждение часто делает более ясным то отношение между понятиями, которое уже установлено в данном суждении. Непосредственные умозаключения на самом деле являются преобразованием суждений. Преобразование суждений играет определенную роль в процессе логического мышления, в процессе познания, выявляя полностью смысл суждения. Преобразование суждений или так называемые непосредственные умозаключения не расширяют нашего знания, а только разъясняют его.

1. **Обращение (conversion)**. Обращением называется непосредственное умозаключение о предикате данного суждения (посылки).

Схема обращения такова:

$$\frac{S - P}{P - S}$$

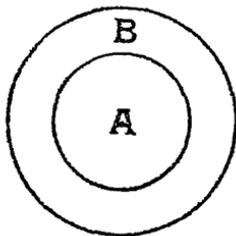
пример:

Все металлы — проводники электричества
Некоторые проводники электричества — металлы.

а. **Обращение общеутвердительного суждения.** Обращение общеутвердительного суждения дает частноутвердительное суждение.

$$\frac{S a P}{P i S}$$

Объясняется данное обстоятельство тем, что в общеутвердительном суждении предикат не распределен. Но предикат данного суждения после его обращения становится субъектом преобразованного суждения, поэтому он и тут не будет распределенным. Следовательно, мы получим частноутвердительное суждение. В круговых схемах:

А — металлы

В — проводники электричества.

Из данной схемы ясно видна правильность преобразования.

Исключением из данного правила являются определения,

преобразование которых не изменяет количества суждения, так как в определениях субъект и предикат равны по объему.

Например, обращение суждения «квадрат есть прямоугольник с равными сторонами» дает общеутвердительное суждение: «прямоугольник с равными сторонами есть квадрат».

Обращение суждения, которое изменяет количество суждения (общеутвердительное преобразуется в частноутвердительное), называется обращением с ограничением (conversio per limitationem); обращение, в котором количество суждения не изменяется, называется простым (conversio simplex).

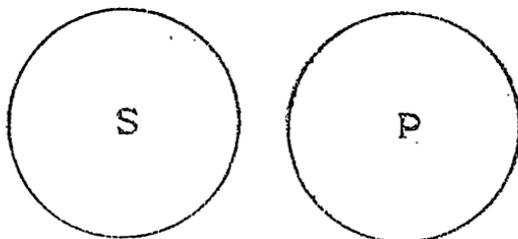
в. **Обращение общеотрицательного суждения.** Обращение общеотрицательного суждения простое.

$$\frac{S e P}{P e S}$$

Ни одна народно-демократическая страна не агрессивна

Ни одна агрессивная страна не народно-демократична.

Право на такое обращение объясняется распределенностью предиката в общеотрицательном суждении. Если предикат общеотрицательного суждения распределен, то он, будучи взят в качестве субъекта в преобразованном суждении, будет также распределенным. В круговых схемах это обстоятельство выразится нагляднее:

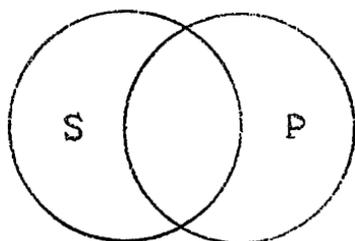
с. **Обращение частноутвердительного суждения.** Обращение частноутвердительного суждения простое.

$$\frac{S i P}{P i S}$$

Некоторые студенты спортсмены

Некоторые спортсмены студенты.

Так как в частноутвердительном суждении предикат не распределен, то в преобразованном суждении, в котором он занимает место субъекта, он также не будет распределенным. В круговых схемах данное обстоятельство выразится следующим образом:

d. Частноотрицательное суждение не обращается.

$S \text{ o } P$

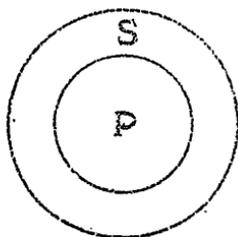
?

Некоторые студенты не спортсмены

?

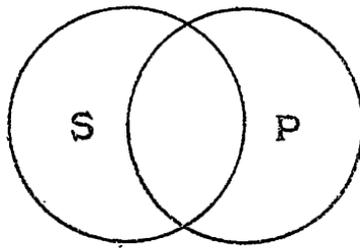
Опираясь на учение о распределенности терминов в суждениях, мы, казалось бы, должны были утверждать, что обращение частноутвердительного суждения возможно и что данное обращение дает в результате общеотрицательное суждение, так как предикат частноутвердительного суждения распределен. Однако из одного частного суждения никакими способами нельзя получить общего суждения.

Смысл частноотрицательного суждения является настолько неопределенным, что ничего определенного о предикате данного суждения сказать нельзя. Частноотрицательные суждения могут выражать различный смысл: 1) оно может иметь следующий смысл:

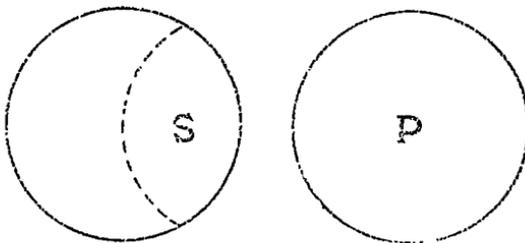
т. е. «некоторые S не суть P»; но если оно имеет такой смысл, то обращение даст общеутвердительное суждение: «все P суть S».

2) оно может иметь следующий смысл:

т. е. «некоторые S ~~не~~ суть P»; тогда обращение дает частноутвердительное суждение: «некоторые P суть S».

3) наконец, оно может иметь смысл:

т. е. «некоторые S не суть P»; тогда обращение дает общеотрицательное суждение: «ни одно P не есть S».

Так как из частноотрицательного суждения не видно, какой смысл заключается в нем, первый, второй или третий, то обращение данного суждения невозможно.

Примечание: Обращение общевыделяющих суждений всегда простое. Например, «только люди обладают членораздельной речью» обращается в общевыделяющее суждение: «только обладающие членораздельной речью — люди». Обращение общевыделяющего суждения в простое общее суждение логически, конечно, допустимо, но при этом теряется часть знания, заключенного в общевыделяющем суждении.

2. Превращение (obversio). Превращение — это такое преобразование (или непосредственное умозаключение) суждения, в котором устанавливается связь между субъектом данного суждения и предикатом, противоречащим предикату данного суждения.

$$\frac{S - P}{S - \text{не } P}$$

Все студенты первого курса комсомольцы

Ни один студент первого курса не является
не комсомольцем.

Так как при превращении субъект суждения остается неизменным как субъект, понятие же предиката превращается в противоречащее понятию данного предиката, то изменяется в соответствии с этим и качество суждения, утвердительное суждение превращается в отрицательное и, наоборот, в противном случае изменился бы смысл данного суждения.

Если относительно обращения можно было спорить, является ли оно умозаключением, то относительно превращения не может быть никакого сомнения: оно просто грамматическое изменение формы суждения.

Общеутвердительное суждение превращается в общесо-
тветительное $SaP \rightarrow Se\text{ не }P$; «все собаки животные» $\rightarrow$
«ни одна собака не является не животным».

Общесоответительное суждение превращается в обще-
утвердительное $SeP \rightarrow Sa\text{ не }P$; «ни одна империалистиче-
ская война не справедлива» $\rightarrow$ «все империалистические
войны несправедливы».

Точно так же: SiP превращается в $So\text{ не }P$
и SoP превращается в $Si\text{ не }P$.

3. Противопоставление (contrapositio). Противопоставле-
нием называется такое преобразование суждения, в котором
субъект данного суждения высказывается о предикате, про-
тиворечащего предикату этого суждения.

$$\frac{S - P}{\text{не } P - S}$$

Все металлы — проводники электричества

Ни один не проводник электричества не металл.

Легко заметить, что противопоставление можно свести к двум преобразованиям — к превращению и обращению. Так, например, приведенная выше схема принимает следующий вид:

$$\frac{S - P}{\text{не } P - S} \text{ превращение}$$
$$\frac{S - P}{\text{не } P - S} \text{ обращение}$$

Пример: Все металлы — проводники электричества:

Ни один металл не является не проводником электричества

Ни один не проводник электричества — не металл.

Таким образом, зная правила превращения и обращения, легко преобразовать суждения путем противопоставления. Так, например, $S a P$ при превращении преобразуется в $S e \text{ не } P$, а последнее при обращении преобразуется в $\text{не } P e S$.

Ниже даны правила для преобразований суждений a, e, i, o путем противопоставления.

Данное суждение	Превращение	Обращение
$S a P$	$S e \text{ не } P$	$\text{не } P e S$
$S e P$	$S a \text{ не } P$	$\text{не } P i S$
$S i P$	$S o \text{ не } P$	?
$S o P$	$S i \text{ не } P$	$\text{не } P i S$

Общеутвердительное суждение преобразуется в общеотрицательное;

общеотрицательное суждение преобразуется в частноутвердительное;

частноутвердительное суждение путем противопоставления не может быть преобразовано;

частноотрицательное суждение преобразуется в частноутвердительное.

3. Условия истинности и ложности суждений в логическом квадрате.

Как было указано выше, суждения a, e, i, o находятся в определенных отношениях друг к другу, если, конечно, материал этих суждений одинаков. В этом случае отношения между суждениями a, e, i, o настолько просты и ясны, что легко можно установить истинность или ложность одних суждений на основании истинности или ложности других. Так, например, истинность суждения a является условием ложности e . На самом деле, если суждение «все металлы — проводники электричества» истинно, то, безусловно, будет ложным суждение «ни один металл — не проводник электричества».

Рассмотрим все возможные отношения между суждениями a, e, i, o с точки зрения условий их истинности или ложности.

а) Противные суждения (a и e). Из двух суждений: 1) все планеты светят отраженным светом и 2) ни одна плане-

та не светит отраженным светом, истинность одного суждения есть условие ложности другого. Оба суждения не могут быть истинными, так как если первое суждение истинно, т. е. отражает действительность, то второе суждение противоречит действительности.

Но противные суждения оба могут быть ложными. Например, 1) все металлы твердые тела и 2) ни один металл не является твердым телом. Поэтому ложность одного из этих суждений не является условием истинности другого.

На основании вышесказанного можно установить два правила относительно противных суждений: 1. Два противных суждения не могут быть одновременно истинными, но могут быть одновременно ложными; 2. Истинность одного суждения есть условие ложности второго, но ложность одного не является условием истинности второго.

в) Противоречащие суждения (а и о, е и и). Возьмем два противоречащих суждения: 1) все студенты спортсмены и 2) некоторые студенты не спортсмены. Если всем студентам присущ определенный признак, не может быть, чтобы некоторым студентам этот признак не был присущ. Следовательно истинность общеутвердительного суждения есть условие ложности частноотрицательного суждения. Противоречащие суждения не могут быть одновременно истинными. С другой стороны, если ложно суждение, что все студенты спортсмены, тогда, безусловно, истинно, что некоторые студенты не спортсмены. (Или, если ложно, что некоторые студенты не спортсмены, тогда истинно, что все студенты спортсмены). Поэтому ложность одного из противоречащих суждений есть условие истинности другого суждения.

Таким образом, можно установить правила: 1) Два противоречащих суждения не могут быть одновременно истинными или одновременно ложными; 2) истинность одного из них есть условие ложности второго и ложность одного из них есть условие истинности второго.

с) Подчиняющие и подчиненные суждения (а и и, е и о). Из двух суждений: 1) все физкультурники готовы к труду и обороне и 2) некоторые физкультурники готовы к труду и обороне — истинность общего суждения обуславливает истинность частного, так как, если какой-либо признак характеризует весь класс предметов, то он будет характеризовать и часть этого класса.

С другой стороны, если какой-либо признак характеризует часть предметов класса, то это еще не значит, что он будет характеризовать все предметы данного класса. Так, например, если некоторые страны являются народно-демократическими, то это, конечно, не значит, что все страны будут такими.

Таким образом, истинность общего суждения является условием истинности подчиненного ему частного, но истинность подчиненного вовсе не является условием истинности подчиняющего его суждения: оно может быть как истинным, так и ложным.

Из двух суждений: 1) некоторые металлы — газы и 2) все металлы — газы, ложность первого есть условие ложности второго, так как, если какой-либо признак ложно приписан некоторым предметам класса, то тем более ложным будет приписывание этого признака всем предметам этого класса. Ложность подчиненного суждения есть условие ложности подчиняющего его суждения.

Наконец, из двух суждений: 1) все металлы — жидкости и 2) некоторые металлы — жидкости — ложность подчиняющего суждения вовсе не является условием ложности подчиненного ему суждения, так как какой-либо признак может не характеризовать все предметы класса, но может характеризовать часть предметов этого класса, как это видно из данного примера.

Правила истинности и ложности подчиняющих и подчиненных суждений таковы:

1) Истинность подчиняющего суждения есть условие истинности подчиненного;

2) Ложность подчиненного суждения есть условие ложности подчиняющего суждения;

3) Истинность подчиненного не является условием истинности подчиняющего;

4) Ложность подчиняющего суждения не является условием ложности подчиненного.

d. Подпротивные суждения (i и o). Два подпротивных суждения не могут быть одновременно ложными. Так, например, суждения 1) некоторые государства агрессивны и 2) некоторые государства не агрессивны — не могут быть оба ложными, так как, если ложно, что некоторые государства агрессивны, то, безусловно, истинным будет суждение, что существуют не агрессивные государства, и если ложно, что некоторые государства не агрессивны, то, безусловно, истинным будет суждение, что существуют агрессивные государства.

С другой стороны два подпротивных суждения могут быть одновременно истинными. Например, два суждения: 1) некоторые металлы — жидкости и 2) некоторые металлы — не жидкости — одновременно истинны.

Условия истинности и ложности подпротивных суждений таковы:

1. Ложность одного из подпротивных суждений есть условие истинности второго;

2. Истинность одного из подпротивных суждений не является условием ложности второго.

Примечание. В современной буржуазной логике учение об условиях истинности суждений в логическом квадрате подвергается определенному изменению. Так, например, представители этой логики утверждают, что истинность суждения a не является условием истинности i , так же как истинность e не есть условие истинности суждения o .

Основанием для такого утверждения служит своеобразное толкование общих и частных суждений. Переводя самые простые и понятные суждения ради «точности» и «избегания» двусмысленности на заумный язык,¹ эти логики дают им затем ложную интерпретацию. Так, например, самому простому суждению «все люди смертны» придают форму: «для всякого x , если x человек, то x смертен». Дальше следует такая интерпретация данного суждения: в этом суждении не утверждается существование людей.

Частное суждение же «некоторые люди чернокожи» получает форму: «существуют такие x , что x человек и x чернокожий». В этом суждении утверждается существование чернокожих людей. Таким образом, в общих суждениях существование предметов не утверждается, в частных же существование предметов утверждается. Поэтому из истинности суждения a нельзя выводить истинность i , как и из истинности e нельзя выводить истинность o : ведь в суждениях i и o утверждается существование предметов, а в соответствующих общих суждениях a существование предметов нет речи.

Формализм и абсурдность данной интерпретации ясна. Истина — отражение действительности. И если мы утверждаем истинность общего суждения, то этим самым утверждаем, что данное суждение отражает действительность. Ведь весь смысл учения об условиях истинности и ложности суждений, разобранных выше, заключается не в том, что мы утверждаем, допустим, истинность a , а в условии, именно, если признать истинным суждение a , то e будет ложным, o будет ложным, i будет истинным. Истинно ли a , решить этот вопрос ресурсами только логики невозможно. Два противных суждения: 1) Все черты черные и 2) Ни один черт не черный — оба ложные, так как никаких черт нет. Но если

¹ Пример такого преобразования суждения приводят В. П. Тугаринов и Л. П. Майстров из примечаний Яновской к книге Гильберта: суждение «Все советские женщины уравнены в правах с советскими мужчинами» приводится к виду: «Для всякого предмета, верно, что если этот предмет есть советская женщина, то он уравнен в правах с советскими мужчинами». «Вопросы философии», 1950 г., № 3, стр. 338.

какой-либо буржуазный философ признает истинным первое суждение, то он должен считать ложным второе и истинным частноутвердительное.

Таким образом, признав истинным суждение а, т. е. признав его отражением действительности, мы должны признать истинным и суждение і.

Учение об условиях истинности и ложности суждений в логическом квадрате легко изобразить в таблице:

		а	е	і	о
а	и	—	л	и	л
а	л	—	п	н	и
е	и	л	—	л	и
е	л	н	—	и	н
і	и	н	л	—	н
і	л	л	и	—	и
о	и	л	н	н	—
о	л	и	л	и	—

Буквы и, л, н обозначают соответственно „истинно“, „ложно“ и „неопределенно“.

ГЛАВА VI

УЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ ЛОГИКИ О СИЛЛОГИСТИЧЕСКИХ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯХ

1. Определение силлогизма в традиционной логике

С точки зрения классической, традиционной логики учение о дедуктивных умозаклЮчениях полностью совпадает с учением о силлогизме: дедуктивное умозаклЮчение является силлогизмом и, наоборот, силлогизм является единственной формой дедуктивного умозаклЮчения. Известная система логики Милля так и называется: «Система Логик силлогистической и индуктивной»; в силлогистической логике подразумевается дедуктивная. Аристотель, признавая силлогизм единственной подлинной формой умозаклЮчения, определял силлогизм, как всякое вообще умозаклЮчение, следующим образом: «Силлогизм есть мысль (*logos*), в которой, если что-нибудь установлено, то из этого установленного вытекает с необходимостью что-либо отличное».¹

Исходя из определенных принципов, Аристотель строит теорию одного вида силлогистического умозаклЮчения, именно, теорию категорического силлогизма. В *Органоне* Аристотеля есть места, указывающие на то обстоятельство, что Аристотелю должны были быть известны и некоторые другие формы дедуктивных умозаклЮчений, но с точки зрения тех принципов, на которые он опирался, он не мог считать эти умозаклЮчения силлогистическими; с другой стороны, видно, что он не мог создать общую теорию дедуктивных умозаклЮчений или не смог связать эти умозаклЮчения с принципами

¹ Anal. prior. I, I, 246.

категорического силлогизма и поэтому оставил их вне анализа.

Только ученики Аристотеля Теофраст и Эвдем, а потом представители стоической школы, не считаясь с принципами Аристотеля и в противоречии с ними, расширили учение о силлогизме, включив в него условные умозаключения (вместе с разделительными). После этого установилась традиция в классической логике рассматривать в теории силлогистических умозаключений не только категорический, но и условный и разделительный силлогизмы. Но, введя разделительные и условные умозаключения в класс силлогистических умозаключений, традиционная логика попала в неудобное положение: оказалось, что эти виды умозаключений настолько отличны друг от друга, что традиционная логика не смогла дать определения, выражающего сущность силлогистического умозаключения. Авторы курсов и учебников по логике или вовсе не дают определения силлогизма вообще, или дают такое определение, которое характеризует только категорический силлогизм.

Так, например, в учебнике Строговича дано следующее определение силлогизма: «Силлогизмом называется дедуктивное опосредствованное умозаключение, состоящее в подведении частного случая под общее правило и в выведении из этого общего правила следствий, вытекающих для данного частного случая».

Это определение, если стать на точку зрения Строговича, признающего только силлогистические умозаключения в группе дедуктивных (опосредствованных) умозаключений, к числу которых он причисляет и условные умозаключения, — слишком узкое. Умозаключение типа:

Если А есть В, то С есть D
Если С есть D, то Е есть
Если А есть В, то С есть D

никак нельзя трактовать как подведение частного случая под общее правило; а оно должно быть силлогистическим умозаключением по мнению Строговича.

Также нельзя трактовать как подведение частного случая под общее правило умозаключения типа:

Если А есть В, то С есть D
А есть В
Следовательно, С есть D,

которое также считается силлогистическим.

Больше того, даже не всякий вид категорического силлогизма подойдет под это определение. Например:

Натрий — металл
Натрий легче воды

Некоторые металлы легче воды,

умозаключение это Строгович считает категорическим силлогизмом, но под данное определение оно не подходит, так как тут нет подведения частного случая под общее правило.

В учебнике проф. Асмуса силлогистическое умозаключение определяется следующим образом: «В силлогизмах рассматриваются такие отношения между понятиями по содержанию, из которых сразу и легко могут быть выводимы отношения между теми же понятиями по объему».¹

Тут же дается другое определение силлогизма: умозаключения, в которых посылки выражают отношения принадлежности, называются силлогизмами.²

Между этими двумя определениями нет никакой связи. Проф. Асмус сам чувствует шаткость своих определений и дальнейшими оговорками сводит на нет данные определения:

1) Условное умозаключение:

Если А есть В, то С есть D

Если С есть D, то Е есть

Если А есть В, то Е есть

проф. Асмус рассматривает в главе о силлогизмах. Но так как оно не подходит к данным определениям силлогизма, то в примечании оно вдруг объявляется не силлогистическим умозаключением, «так как в нем нет терминов, характеризующих силлогистические выводы».

Индуктивные умозаключения проф. Асмус не считает силлогистическими. Однако это правильное положение противоречит утверждению проф. Асмуса, что полная индукция характеризуется тем, что «посылки и выводы полной индукции обычно являются суждениями о принадлежности»,³ что по определению, данному проф. Асмусом, характеризует только силлогизмы.

Умозаключение

Хинин горек

Вещество x хинин

Вещество x горькое

¹ Асмус. Логика, стр. 155.

² Там же.

³ Там же, стр. 251.

силлогистическое. Но разве тут мы заключаем к отношению понятий по объему, исходя из отношений понятий по содержанию, как этого требует определение силлогизма?

Выводные суждения двух умозаключений

$$\begin{array}{l} 1) \ A=C \\ \quad B=C \\ \hline \quad A=C \end{array}$$

и 2) Две величины, равные порознь третьей, равны между собой

$$\begin{array}{l} A \text{ и } C \text{ равны порознь } B \\ \hline \text{Следовательно, } A=C \end{array}$$

ничем не отличаются друг от друга ($A=C$). Однако первое умозаключение проф. Асмус не считает силлогизмом, второе же включает в класс силлогизмов. Где же то основное различие, которое установил проф. Асмус, между силлогизмами и не силлогистическими умозаключениями: в силлогизме вывод устанавливает отношение между объемами понятий, а в выводах не силлогистических умозаключений такое отношение не устанавливается.

Все эти недоразумения и противоречия объясняются тем обстоятельством, что разнородные умозаключения включены в понятие силлогизма и понятие силлогизма терлет свою определенность.

В учебнике логики Виноградова и Кузьмина силлогизму дается такое определение: «Силлогизм — это такое умозаключение, в котором из двух данных суждений выводится третье суждение, причем одно из двух данных суждений — непременно общее».¹

Можно привести множество примеров не силлогистических умозаключений, в которых две посылки, причем одна из посылок—общее суждение. Не касаясь таких умозаключений, можно указать на разделительные и условные умозаключения, которые авторы считают силлогизмами, но которые, противоречат данному определению силлогизма.

Данный треугольник или прямоугольный, или тупоугольный, или косоугольный

Данный треугольник прямоугольный,

Следовательно, он не тупоугольный и не косоугольный.

Посылки этого умозаключения не являются общими суждениями, однако оно считается авторами силлогизмом.

¹ Виноградов и Кузьмин. Логика, 1949, стр. 98.

Разберем еще одно определение силлогизма. Оно принадлежит немецкому логику Эрдманну. Эрдманн дает двоякое определение силлогизма; силлогизм можно понимать в широком и узком смысле. Силлогизм в широком смысле — это опосредствованное умозаключение вообще. В этом смысле силлогизм есть умозаключение, в котором из более чем одного данного суждения выводится с необходимостью новое суждение.¹

Силлогизм в узком смысле этого слова есть умозаключение из двух данных суждений, которые имеют общий член, причем в выводе получается новое суждение, связывающее отличные друг от друга члены данных суждений.²

Это определение силлогизма шире обычных определений, встречающихся в учебниках логики; под него можно подвести и чисто условное и разделительное умозаключения. Однако условно-категорическое умозаключение уже выпадает из этого определения.

Умозаключение типа:

$$\begin{array}{l} \text{Если } A \text{ есть } B, \text{ то } C \text{ есть } D \\ \quad \quad \quad A \text{ есть } B \\ \hline \text{Следовательно, } C \text{ есть } D \end{array}$$

не связывает разнородные члены посылок, оно просто утверждает следствие первой посылки.

Также не подходят под данное определение разнообразные типы так называемых несиллогистических умозаключений, которые Эрдманн считает силлогизмами.

Таким образом, традиционная логика, включив в класс силлогистических умозаключений все разнообразные виды умозаключений, кроме индуктивных; естественно, не смогла дать определения силлогизма. Поэтому логики, стоящие на позициях традиционной логики, очень часто и не пытаются дать такое определение и прямо переходят к изложению учения частных видов «силлогистических» умозаключений.

2. Простой категорический силлогизм

Простой категорический силлогизм состоит из трех суждений: два из них — посылки, а третье суждение — вывод. Посылки — категорические суждения; ясно, что и вывод будет категорическим суждением. Поэтому и называется это умозаключение категорическим. Например:

¹ В. Erdmann. Logik, стр. 641.

² Там же, стр. 655.

Металлы — проводники электричества
Железо — металл

Железо — проводник электричества.

Вывод «железо — проводник электричества» не вытекает ни из первой посылки только, ни из одной второй посылки. И на самом деле только из первого суждения «металлы — проводники электричества» не вытекает, что «железо — проводник электричества», так как только на основании первой посылки мы не знаем, что железо — металл. К первому суждению нужно добавить второе: «железо — металл». Вывод вытекает только в том случае, когда оба эти суждения сопоставлены. Если мы все же часто делаем заключения этого типа из одного суждения, например, «все металлы — проводники электричества», следовательно, и «железо — проводник электричества», то это объясняется тем, что на самом деле мы подразумеваем второе суждение: «железо — металл». Что это так, должно быть ясно из следующего примера:

Все металлы — проводники электричества

Следовательно, вещество x проводник электричества.

Умозаключение это, конечно, неправильно. Вывод можно было сделать, если бы мы знали, что вещество x металл (вторая посылка!).

Два суждения, которые представляют посылки категорического силлогизма, должны быть каким-то образом связаны. Если между посылками нет такой связи, то из них нельзя получить никакого вывода. Например, из двух суждений:

Металлы — проводники электричества

Железо имеет большое значение в народном хозяйстве

никакого вывода получить нельзя, так как эти суждения ничем друг с другом не связаны. В первом же примере:

Металлы — проводники электричества

Железо — металл

Железо — проводник электричества

понятие «металл» является общим для обеих посылок и их связывает именно это общее для них понятие. Это общее для посылок понятие называется средним понятием или средним термином (*terminus medius*) и обозначается буквой М. Средний термин — в нашем примере «металл» — связывает два других термина, в нашем примере — железо и электриче-

ство. Эти последние называются крайними терминами. Крайний термин, который занимает место субъекта в выводе, называется меньшим термином и обозначается буквой S. Другой крайний термин, занимающий место предиката в выводе, называется большим термином и обозначается буквой P.

Наименования «меньший термин» для субъекта вывода (S) «большой термин» для предиката вывода (P) объясняется принципами теории субсумции: объем субъекта меньше объема предиката, объем субъекта входит в объем предиката, как вид в род. Например, понятие железа (S) входит в понятие «проводник электричества» (P).

Средний термин входит в обе посылки, связывая их. В этом и заключается его роль, поэтому в выводе он уже не фигурирует. Из двух других терминов каждый входит только в одну из посылок. Посылка, в которую входит меньший термин, называется меньшей посылкой, посылка же, в которую входит больший термин, — большей посылкой.

Для последовательного хода мыслей, для умозаключения не имеет значение порядок посылок, какая посылка мыслится первой и какая второй:

1. Металлы — проводники электричества
Железо — металл

Железо — проводник электричества.

Железо — металл
Металлы — проводники электричества

Железо — проводник электричества.

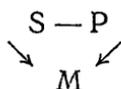
Примеры 1 и 2 показывают, что последовательность посылок не играет никакой роли в умозаключении. Несмотря на это, по традиции, большую посылку ставят на первое место, а меньшую после большей. Для изучения видов категорического силлогизма такой порядок посылок имеет определенное значение с точки зрения традиционной логики.

Применив обозначение меньшего, большего и среднего терминов, можем написать схему категорического силлогизма:

$$\begin{array}{r} M - P \\ S - M \\ \hline S - P \end{array}$$

В одной посылке дано отношение среднего термина и большего термина, в другой — дано отношение между меньшим и средним терминами. В выводе нужно установить отно-

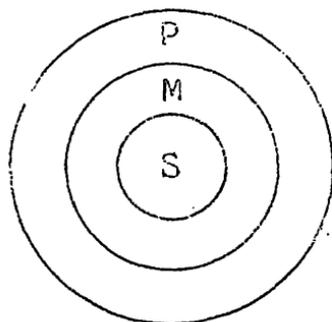
шение между меньшим и большим терминами. Схему категорического силлогизма можно представить более наглядно:

Из этой схемы видно, в чем состоит сущность категорического силлогизма. Дано отношение между S и M и между P и M , нужно найти отношение между S и P . Поэтому категорический силлогизм можно определить следующим образом: категорический силлогизм есть опосредствованное умозаключение об отношении двух понятий (S и P) на основании знания их отношения к третьему понятию (M).

Очень часто в учении о категорическом силлогизме логика, применяя теорию субсумции, прибегает к круговым схемам. Круговые схемы применяются часто представителями и других направлений, оправдывая это тем, что круговые схемы облегчают изучение различных видов категорического силлогизма и делают их более наглядными.

Наш пример в круговых схемах выразится следующим образом:

объем железа входит в объем металлов, объем же металлов — в объем проводников электричества. Следовательно, объем железа включается в объем проводников электричества. Из этой схемы видно и то, почему термины силлогизма носят названия меньшего, среднего и большего.

3. Фигуры категорического силлогизма

Рассмотрим два примера категорического силлогизма:

1. Все металлы — проводники электричества
Железо — металл

Железо — проводник электричества.

2. Ни одна империалистическая война не справедлива

Война Советского Союза против германских фашистов была справедливой

Война Советского Союза против германских фашистов не была империалистической.

Схема первого умозаключения будет:

$$\begin{array}{r} 1. \quad M - P \\ \quad \quad S - M \\ \hline \quad \quad S - P \end{array}$$

Схема второго умозаключения:

$$\begin{array}{r} 2. \quad P - M \\ \quad \quad S - M \\ \hline \quad \quad S - P \end{array}$$

Если сравнить эти схемы, то не трудно заметить, что они отличаются друг от друга. В первом силлопизме средний термин занимает в большей посылке место субъекта, а в меньшей — место предиката. Во втором силлогизме средний термин в обеих посылках занимает место предиката. Как видно, мы имеем тут дело с двумя различными видами категорического силлогизма. Эти виды отличаются друг от друга положением среднего термина в посылках. Виды категорического силлогизма, отличающиеся друг от друга положением среднего термина в посылках, называются фигурами категорического силлогизма.

Для теории категорического силлогизма положение среднего термина, — а от этого будет зависеть и положение крайних терминов, — имеет большое значение. Например, если средний термин занимает место субъекта, то он может быть распределен только в том случае, если посылка общая. Если он занимает место предиката — посылка должна быть отрицательная, чтобы иметь его распределенным. То же самое следует сказать и о крайних терминах. От распределенности же терминов, в частности среднего термина, зависит возможность и характер вывода, как мы убедимся в этом в дальнейшем.

В зависимости от положения среднего термина Аристотель различал три фигуры категорического силлогизма:

1.	2.	3.
M — P	P — M	M — P
S — M	S — M	M — S
<hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/>	<hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/>	<hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/>
S — P	S — P	S — P

К. Гален добавил к этим трем фигурам четвертую:

$$\begin{array}{r} 4. \\ P - M \\ M - S \\ \hline S - P \end{array}$$

В первой фигуре средний термин — субъект большей посылки и предикат меньшей. Пример:

Все народно-демократические республики развиваются по
пути к социализму

Болгария — народно-демократическая республика

Болгария развивается по пути к социализму.

Во второй фигуре средний термин занимает в обеих посылках место предиката.

Пример:

Ни одна народно-демократическая республика
не приняла «план Маршалла»

Италия приняла «план Маршалла»

Италия не является народно-демократической республикой.

В третьей фигуре средний термин занимает в обеих посылках место субъекта.

Пример:

Киты — млекопитающие

Киты живут в воде

Некоторые животные, живущие в воде, — млекопитающие.

В четвертой фигуре средний термин занимает в большей посылке место предиката, а в меньшей — место субъекта.

Пример:

Все квадраты — параллелограммы

Ни один параллелограмм не треугольник

Ни один треугольник не параллелограмм.

4. Модусы категорического силлогизма

В каждой фигуре категорического силлогизма различают несколько видов. Дело в том, что силлогизмы внутри каждой фигуры могут отличаться друг от друга характером посылок,

т. е. качеством и количеством посылок. Каждая из посылок может быть общеутвердительным, общеотрицательным, частноутвердительным или частноотрицательным суждением. Виды силлогизма, которые отличаются друг от друга характером, т. е. качеством и количеством посылок, называются модусами категорического силлогизма. Например, силлогизм первой фигуры, в котором обе посылки общеутвердительные (а и а), будет представлять один модус первой фигуры, а силлогизм той же фигуры, в котором большая посылка — общеотрицательное суждение (е), а меньшая — частноутвердительное суждение (i), будет другим ее модусом.

Например:

1. Металлы — проводники электричества (а)
Железо — металл (а)

Железо — проводник электричества (а).

2. Ни одна справедливая война не является империалистической (е)

Некоторые войны справедливы (i)

Некоторые войны не являются империалистическими (о).

Схемы будут соответственно:

1. MaP
SaM

SaP

2. MeP
SiM

SoP

Оба примера — умозаключения по первой фигуре, но представляют различные ее виды — модусы, так как характер посылок различный.

Легко вычислить, сколько возможных комбинаций можно составить из посылок. В каждой фигуре большая посылка может быть а, е, i, о; также и меньшая посылка. Поэтому число возможных комбинаций в каждой фигуре=16.

аа	еа	ia	оа
ае	ее	ie	ое
ai	ei	ii	oi
ао	ео	jo	оо

В четырех фигурах число возможных комбинаций=64. Оказывается, что не все перечисленные комбинации посылок дают вывод. Так, например, по второй фигуре комбинация аа не дает вывода:

Все русские — граждане Советского Союза
Все грузины — граждане Советского Союза

?

В данном примере «русские» — больший термин (Р), «грузины» — меньший термин (S), «граждане Советского Союза» — средний термин (М). Из данных посылок нельзя сделать вывод, в котором будет установлено отношение между S и Р.

5. Правила категорического силлогизма

Вопрос о том, какие из 64 арифметически возможных модусов логически правомерны, т. е. какие из них позволяют сделать вывод, является одним из основных вопросов теории категорического силлогизма. Силлогизм имеет определенную структуру, которая подчиняется определенным правилам. Задача логики состоит в данном случае в установлении этих правил. Эти правила дадут возможность выделить правомерные модусы из 64 арифметически возможных.

Правила категорического силлогизма делят на две группы: к первой группе относят правила, которым подчиняются все фигуры категорического силлогизма; их называют общими правилами. Ко второй группе относят правила, которым подчиняются отдельные фигуры; они называются специальными правилами. Общие правила в свою очередь делят на две группы: 1) Общие правила, которые выводятся из общей структуры категорического силлогизма и которые называются общими основными правилами, и 2) Общие правила, которые выводятся не из структуры силлогизма, а из основных правил; они называются общими производными правилами. Таким образом, правила категорического силлогизма представляют собой:

I. Общие правила:

- 1) общие основные правила,
- 2) общие производные правила.

II. Специальные правила.

6. Общие основные правила категорического силлогизма

1. В категорическом силлогизме — три термина. Правило это вытекает из определения категорического силлогизма. Дано отношение между S и М и между Р и М, нужно устано-

вить в выводе отношение между S и P. Если в категорическом силлогизме будет 4 термина, тогда не будет среднего термина, так как S имело бы отношение к M, а P имело бы отношение к M₁; в таком случае посылки не имели бы ничего общего, между S и P не было бы связующего звена и вывод не мог бы быть получен. С другой стороны, вывод не может быть получен и в том случае, если в силлогизме будет два термина, так как вывод был бы в таком случае повторением одной из посылок:

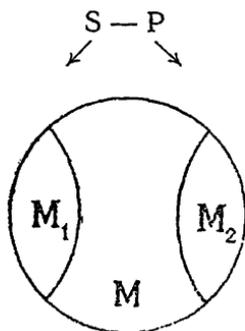
$$\begin{array}{r} S - M \\ M - M \\ \hline S - M, \end{array}$$

вывод же должен быть всегда новым суждением по сравнению с посылками.

2. Средний термин должен быть распределен в одной из посылок. Средний термин должен быть взят в одной из посылок во всем объеме, в противном случае невозможно установить, к чему относятся S и P: возможно что S имеет отношение к одной части M, а P имеет отношение к другой части M. В таком случае среднего термина по существу уже нет. Например:

Все русские — граждане Советского Союза
Все грузины — граждане Советского Союза
 ?

Вывода из этих посылок сделать нельзя, так как понятие «гражданин Советского Союза» не распределено ни в одной из посылок. Схематически положение это можно выразить следующим образом:

Если M не распределен ни в одной из посылок, тогда в большей посылке P может иметь отношение к M₂, а в мень-

шей — S — к M₁. Поэтому нельзя никак заключить об отношении S и P.

3. Крайние термины не могут быть распределены в выводе, если они не распределены в посылке. В выводе отношение между S и P может быть установлено на основании их отношения к M. Поэтому в выводе можно говорить только о тех S и P, о которых говорится в посылках. Если в посылках говорится о некоторых S и о некоторых P, то в выводе, конечно, нельзя получить знания обо всех S или P.

Пример:

Киты живут в воде
Киты — млекопитающие животные

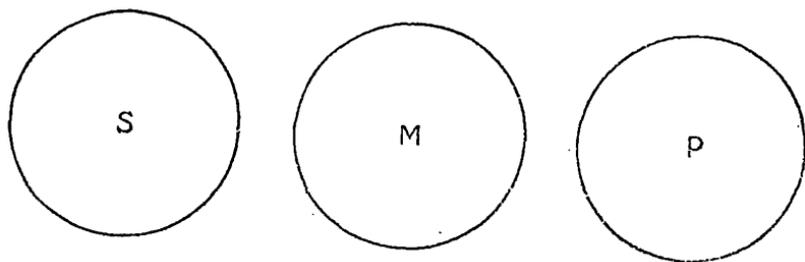

Некоторые млекопитающие животные живут в воде.

В меньшей посылке предикат (млекопитающие животные), как известно, не распределен, поэтому и в выводе он не может быть распределен (некоторые млекопитающие животные).

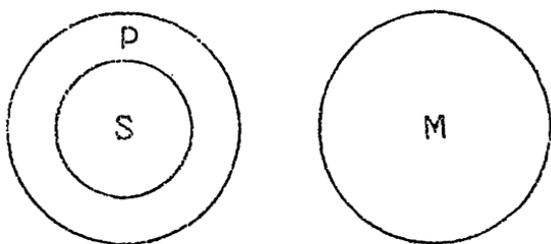
4. Из двух отрицательных посылок вывод не получается. В отрицательном суждении объем субъекта находится вне объема предиката. Если обе посылки отрицательные, это значит, что и S и P находятся вне M. А отсюда не видно, каково может быть отношение между S и P. На основании этого правила мы утверждаем не то, что между S и P нет никакой связи, — в таком случае вывод был бы возможен, именно, отрицательный вывод, — а то, что нельзя определить, есть ли какая-либо связь между S и P. Отношение между S и P при двух отрицательных посылках может быть различным.

а. Отношение между S и P может быть таково:

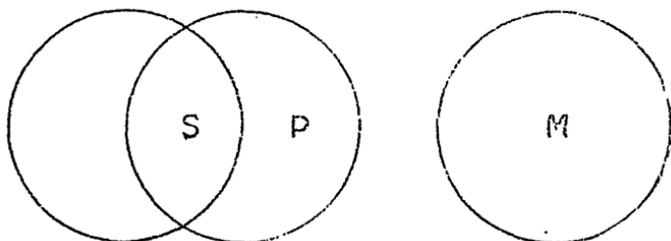
Из схемы видно: S не есть M и P не есть M. Но если между S, M и P такое взаимоотношение, как это изображено в круговых схемах, тогда и вывод был бы возможен: S не есть P.

в. Отношение между S, M и P может быть иное:

Из схемы видно: S не есть M и P не есть M. Но если между терминами силлогизма отношение таково, как это изображено в круговых схемах, то вывод получается утвердительный: S есть P.

с. Возможен и третий случай взаимоотношения между S, M и P при двух отрицательных посылках:

Ни S, ни P не есть M. Однако из круговых схем видно: некоторые S суть P. Именно то обстоятельство, что при двух отрицательных посылках между S и P возможны различные отношения и из посылок не видно, каково может быть в данном случае отношение а, в, или с, делает невозможным вывод.

Пример:

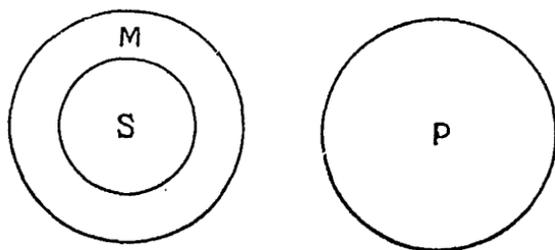
Стекло не проводит электричества

Железо (резина) — не стекло

?

5. Если одна из посылок отрицательна, то и вывод отрицательный. Если одна посылка отрицательна, а вторая утвердительна, это значит, что объем одного из крайних терминов входит в объем среднего термина, а объем другого крайнего

термина выключен из объема среднего. Например: S входит в M, а M выключен из P; ясно, что S будет выключен из P.

Пример:

В капиталистических странах нет планового хозяйства
Англия — капиталистическая страна

В Англии нет планового хозяйства.

7. Общие производные правила категорического силлогизма

Для установления общих производных правил нужно принять во внимание, кроме основных правил, следующие соображения: с помощью категорического силлогизма можно получить в выводе суждения *a*, *e*, *i* и *o*. Какова бы ни была фигура, в посылках один термин (средний термин) должен быть распределен. Если вспомним третье основное правило — крайние термины не могут быть распределены в выводе, если они не распределены в посылках, то легко убедиться, что для получения частноутвердительного вывода требуется только один распределенный термин, именно, *M*, так как *S* и *P* в этом суждении не распределены. Для частноотрицательного вывода требуются два распределенных термина, *M* и *P*; последний должен быть распределенным в отрицательном суждении. Общеутвердительный вывод также требует двух распределенных терминов: *M* и *S* (вывод общий). Для общеотрицательного вывода уже требуется три распределенных термина: *M*, *S* и *P* (*S* и *P* — так как вывод общий и отрицательный).

1. Из двух частных посылок вывода получить нельзя. Частные посылки могут быть *i i*, *i o*, *o i*, *o o*.

Посылки *o o* вывода не дают, так как обе посылки отрицательны (правило 5).

В посылках *i i* нет ни одного распределенного термина. В посылках один термин (*M*) во всяком случае должен быть распределенным, поэтому эти посылки не дают вывода.

В посылках *i o* и *o i* распределены по одному термину — предикат отрицательной посылки, но для вывода один рас-

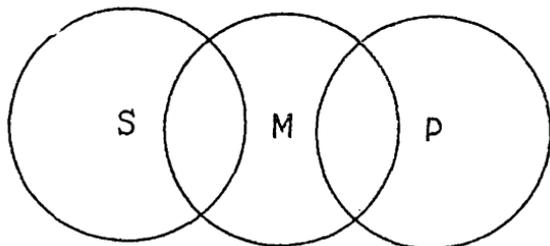
пределенный термин оказывается недостаточным. Распределенным должен быть средний термин (М) и больший термин, так как одна из посылок отрицательная, следовательно и вывод отрицательный. В отрицательном же выводе Р распределен, следовательно, он должен быть распределен и в посылках. Возможность вывода обусловлена двумя распределенными терминами, у нас же всего один распределенный термин.

Пример:

Некоторые металлы — жидкости
Некоторые жидкости обладают приятным вкусом

?

В круговых схемах:

2. Если одна из посылок частная, то и вывод частный. Если предварительно исключить комбинации посылок eo и oe (две отрицательные посылки!), то останутся следующие комбинации: а) обе посылки утвердительные: ai и ia, в) одна посылка утвердительная, другая отрицательная: ao, oa, ei, ie.

Рассмотрим первые два случая (ai и ia). В посылках распределены по одному термину, именно, субъект общеутвердительного суждения. Но один распределенный термин совершенно недостаточен для обоснования общего вывода; для последнего требуется два распределенных термина: М как средний термин и меньший термин (S) как субъект выводного общего суждения. Поэтому данные случаи дают право только на частный вывод.

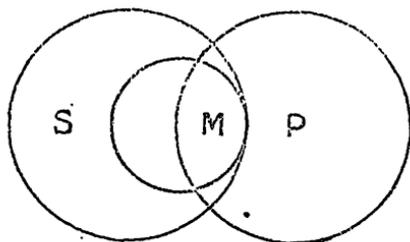
Рассмотрим комбинации ao, oa, ei, ie. В каждой комбинации по два распределенных термина — в первых двух субъект а и предикат о, в остальных случаях субъект и предикат е. Но два распределенных термина совершенно недостаточны для обоснования общего вывода; для получения общего вывода требуется три распределенных термина: М (2-ое правило), S — для получения общего вывода и Р, так как одна из посылок отрицательна, следовательно, и вывод будет

отрицательным и значит Р — распределенным; а раз Р распределен в выводе, он должен быть распределен и в посылках.

Следовательно и комбинации посылок во втором случае дают право на получение только частного вывода. Пример:

Все логики знакомы с работами Аристотеля
Некоторые математики являются логиками

Некоторые математики знакомы с работами Аристотеля.
В круговых схемах:

8. Первая фигура и ее специальные правила

Все металлы — проводники электричества
Железо — металл

Железо — проводник электричества.

Схема:

$$\begin{array}{c} M - P \\ S - M \\ \hline S - P \end{array}$$

Присматриваясь к структуре первой фигуры, легко можно заметить, что:

- 1) **Меньшая посылка должна быть утвердительной и**
- 2) **Большая посылка должна быть общей.**

1. На самом деле, если меньшая посылка будет отрицательной, то и вывод должен быть отрицательным (правило 5). В отрицательном выводе предикат (Р) распределен, поэтому он должен быть распределен и в посылках (правило 3). Р занимает место предиката в большей посылке, поэтому большая посылка должна быть отрицательной. Следовательно,

если меньшая посылка отрицательная, то и большая посылка должна быть отрицательной; вывод же из двух отрицательных посылок не получается. Поэтому для возможности вывода меньшая посылка должна быть утвердительной.

2. Большая посылка должна быть общей, так как средний термин в меньшей посылке не распределен (меньшая посылка — утвердительное суждение!), поэтому он должен быть распределен в большей посылке. В большей же посылке средний термин занимает место субъекта; следовательно, большая посылка — общее суждение.

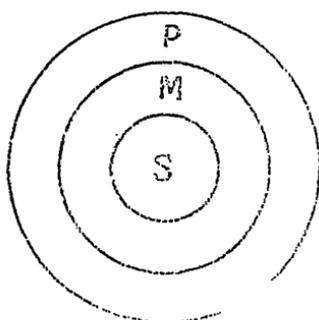
Теперь легко определить, какие из 16 комбинаций посылок дают вывод по первой фигуре. Выпишем все возможные комбинации и рассмотрим, какие из них удовлетворяют общим и специальным правилам:

aa	ea	ja	oa
ae	ee	ie	oe
ai	ei	ii	oi
ao	eo	io	oo

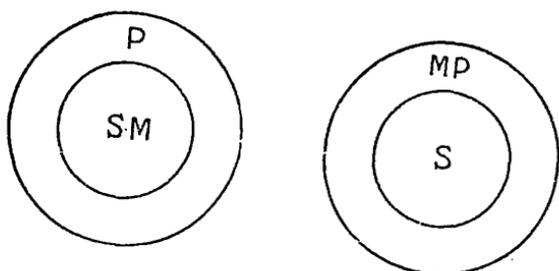
Комбинации ee, eo, oe и oo не дают вывода, так как обе посылки отрицательны; комбинации ii, io и oi вывода не дадут, так как обе посылки частные; ae, ao и ie также не дают вывода, так как меньшая посылка отрицательна; ii, наконец, ia и oa не дают вывода, так как большая посылка частная. Таким образом, остаются четыре логически возможных модуса, посылки которых следующие: aa, ea, ai и ei.

Рассмотрим модус aaa: все M суть P и все S суть M; если все S включены в M, а все M включены в P, ясно, что все S включены в P.

Схема:

Возможны и другие случаи:

Во всех случаях вывод вполне закономерен: S есть P; по первой фигуре из посылок aa получается вывод a; схема этого модуса:

а а а

$$\frac{\begin{array}{l} M \text{ а } P \\ S \text{ а } M \end{array}}{S \text{ а } P}$$

Пример:

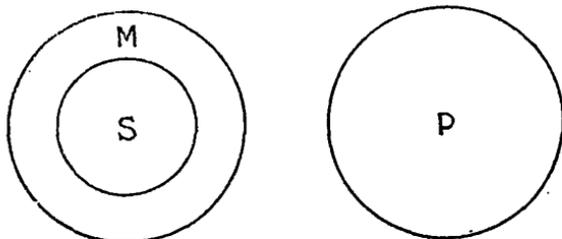
Все империалистические страны готовятся к агрессивной войне
Соединенные Штаты Америки — империалистическая страна

Соединенные Штаты Америки готовятся к агрессивной войне.

Модус e a e. Ни одно M не есть P, все S суть M; если все S включены в M и ни одно M не входит в объем P, то ни одно S не войдет в объем P. Схема второго модуса (e a e);

$$\frac{\begin{array}{l} M \text{ e } P \\ S \text{ а } M \end{array}}{S \text{ e } P}$$

Пример:

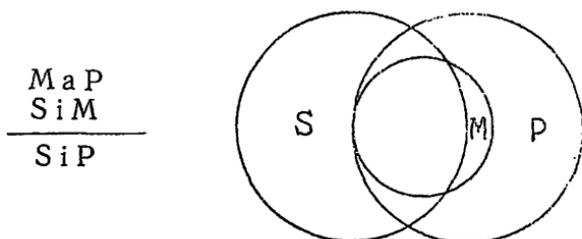
Ни одна планета не светит собственным светом
Марс — планета

Марс не светит собственным светом.

Посылки третьего модуса а и і. Все М суть Р и некоторые S суть М: следовательно, эти некоторые S суть Р. Состав модуса — а і і.

Схема:

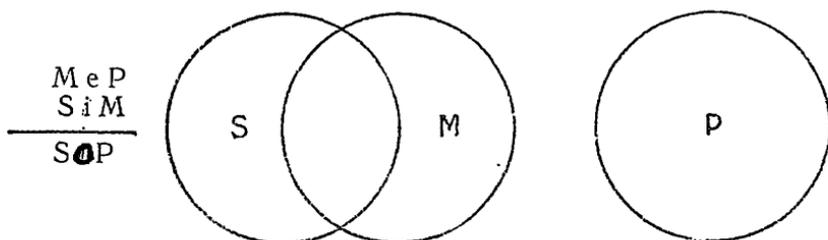
Пример:

Все металлы проводят электричество
Некоторые жидкости — металлы

Некоторые жидкости проводят электричество.

Посылки четвертого модуса е и і; ни одно М не есть Р и некоторые S суть Р; следовательно, эти некоторые S будут вне Р.

Схема четвертого модуса (е і о) такова:

Пример:

Ни одна демократическая страна не приняла «плана
Маршалла»

Некоторые страны Европы демократические

Некоторые страны Европы не приняли «плана Маршалла».

Таким образом, в первой фигуре оказалось четыре правомерных модуса, состав которых следующий: а а а, е а е, а і і и е і о. В средних веках модусам категорического силлогизма дали определенные имена. Имена эти составлены следующим образом: взяты первые четыре согласных латинского алфавита В, С, D, F, как начальные буквы имен этих модусов; затем взяты гласные, выражающие состав модусов, например, для первого модуса а, а и а, для второго е, а и е

и т. д. Эти гласные связаны определенными согласными так, чтобы получились слова. Первый модус первой фигуры называется *Barbara*, второй — *Celarent*, третий — *Darii* и четвертый — *Ferio*.

Характерная черта первой фигуры заключается в том, что по этой фигуре происходит применение какого-либо общего принципа к частному случаю. Большая посылка выражает закон, аксиому, принцип, вообще, положение, которое касается всего объема понятия, всего класса предметов; например, все металлы проводят электричество, все народно-демократические республики начинают строить социализм, все планеты движутся вокруг солнца и т. д. Маленькая посылка утверждает, что предмет (или понятие), о котором мы судим, входит в данный класс предметов (является видом данного понятия), например, железо — металл, Болгария — народно-демократическая республика, Марс — планета и т. д. Понятен и характер вывода: то, что утверждается о целом классе (о роде), утверждается также о предметах, входящих в этот класс (о видах этого рода).

Познавательное значение первой фигуры огромное: из вышензложенного должно быть ясно, что один из моментов общего пути познания — от абстрактного мышления к практике — осуществляется, как правило, с помощью этой фигуры: истинность общего положения мы оправдываем на практике, это же происходит с помощью применения общего положения к частному случаю, единичным фактам.

Первая фигура дает выводы *a*, *e*, *i* и *o*. Нужно подчеркнуть и то обстоятельство, что только первая фигура дает общеутвердительный вывод, что имеет огромное познавательное значение.

9. Вторая фигура и ее правила

Правила второй фигуры также зависят от ее структуры. Достаточно взглянуть на схему второй фигуры:

$$\begin{array}{c} P - M \\ S - M \\ \hline S - P, \end{array}$$

как сразу станет ясным первое правило этой фигуры:

1) Одна из посылок должна быть отрицательной. На самом деле, во второй фигуре средний термин занимает в обеих посылках место предиката; но средний термин должен быть распределен в одной из посылок, и та посылка, в которой распределен средний термин, будет отрицательной.

2) Большая посылка должна быть общей. Так как во второй фигуре одна из посылок отрицательна, то и вывод

будет отрицательным. В отрицательном выводе больший термин (P) распределен, значит он распределен и в посылках. Большой термин занимает место субъекта в большей посылке, следовательно, большая посылка — общая.

Если применим к 16 арифметически возможным модусам правила общие и специальные, то найдем четыре логически правомерных модуса: eae, aee, eio, aoo. Названия этих модусов следующие Cesare, Camestres, Festino, Baroco. Названия эти составлены в соответствии с названиями модусов первой фигуры. Дело в том, что Аристотель считал первую фигуру совершенной, т. е. он полагал, что правильность и убедительность вывода гарантируется только первой фигурой. И поэтому правильность и убедительность остальных фигур требует дополнительного оправдания. Одним из приемов такого оправдания служит созданный Аристотелем прием сведения остальных фигур к модусам первой фигуры. Таким образом, если выводы по остальным фигурам не обладают такой убедительностью, как выводы по первой фигуре, и если им требуется дополнительное оправдание, то это оправдание производится сведением остальных фигур на первую, совершенную фигуру.

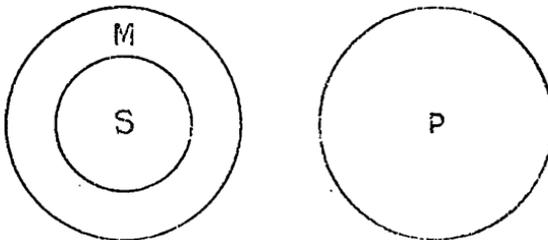
Начальные буквы названия модусов второй фигуры указывают, на какой модус первой фигуры можно их свести. Поэтому первые два модуса второй фигуры — Cesare, Camestres сводятся на модус Celarent первой фигуры (C), Festino сводится на Ferio (F), Baroco на Barbara (B). Согласные, которые вставлены между гласными (s, m, r), обозначают ту операцию, с помощью которой происходит это сведение.

Рассмотрим модусы второй фигуры.

1. Модус Cesare (eae)

$$\begin{array}{r} P e M \\ S a M \\ \hline S e P \end{array}$$

Если S всецело включен в M, а P совершенно исключен из M, то ясно, что S всецело исключен из P.

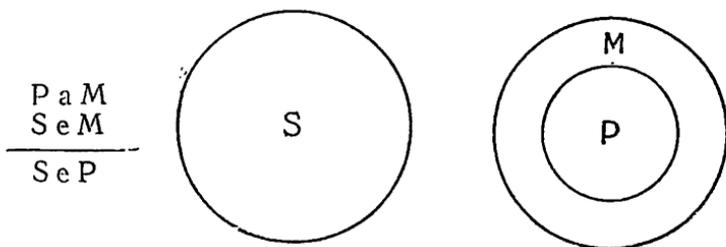
Пример:

Ни одна империалистическая война не справедлива
Война Советского Союза против немецких фашистов была
справедливой

Война Советского Союза против немецких фашистов не
была империалистической.

2. Модус Camestres (aee)

Если S всецело выключен из объема M , а P всецело
включен в M , то ясно, что S выключен из объема P .

Пример:

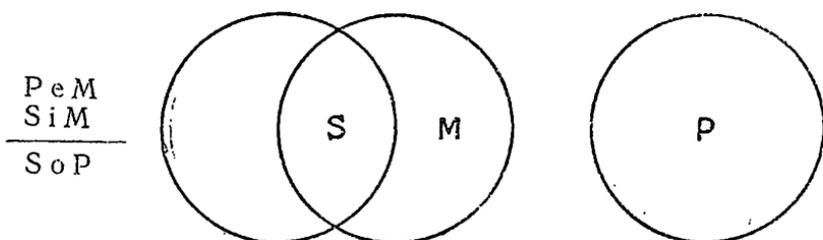
В демократических странах все граждане пользуются одина-
ковыми правами

В Соединенных Штатах Америки граждане не пользуются
одинаковыми правами

Соединенные Штаты Америки не являются демократической
страной.

3. Модус Festino (eio)

Если часть объема S включена в M , а M всецело исклю-
чен из P , ясно, что эта часть объема S исключена из P .

Пример:

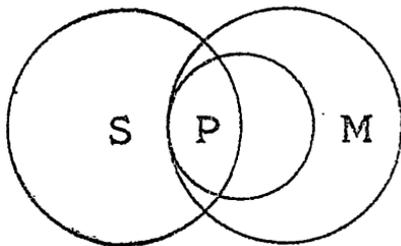
Ни одна демократическая страна не агрессивна
Некоторые страны агрессивны

Некоторые страны не демократичны.

4. Модус Барoco (aoo)

$$\frac{P \text{ a } M}{S \text{ o } M} \\ \hline S \text{ o } P$$

Если часть объема S не включена в M , а P всецело включен в M , ясно, что эта часть объема S не включена в P .

Пример:

Все марксисты признают связь языка и мышления,
Некоторые языковеды не признавали связи языка и
мышления

Некоторые языковеды не были марксистами.

Умозаключения по второй фигуре противоположны умозаключениям по первой фигуре. В умозаключениях по первой фигуре, как было отмечено, мы подводим частный случай под общее правило. Во второй фигуре крайние термины, которые должны быть связаны в выводе, занимают место субъекта в обеих посылках, а предикат, выраженный одним и тем же понятием, в одном случае (в одной посылке) приписывается, а в другом случае (в другой посылке) не приписывается соответствующим субъектам. Если предикат присущ одному субъекту и не присущ другому субъекту, это значит, что эти субъекты исключают друг друга. Вывод, конечно, всегда будет отрицательным.

То же самое с точки зрения объемной теории: умозаключение по второй фигуре есть выключение одного класса предметов (объема одного понятия) из другого класса предметов (из объема другого понятия) на основании отличия признаков первого класса от свойств второго класса. Более наглядным станет это обстоятельство, если обратить внимание на структуру второй фигуры. Возьмем, например, первый модус второй фигуры:

$$\frac{P \text{ e } M}{S \text{ a } M} \\ \hline S \text{ e } P$$

Тут, в этом модусе, M отрицается о целом объеме понятия P , S же входит в M , следовательно, и S отрицается относительно P . Несвершенство этой фигуры требует с точки зрения традиционной логики дополнительной операции: значит, и P отрицается относительно S .

10. Третья фигура.

$$\begin{array}{r} M - P \\ M - S \\ \hline S - P \end{array}$$

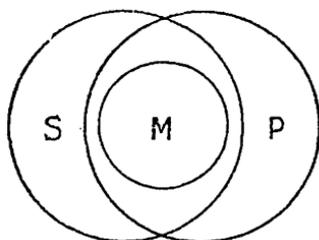
Третья фигура подчиняется одному специальному правилу: меньшая посылка должна быть утвердительной. Доказывается она так же, как и первое правило первой фигуры. Применяя правила общие и данное специальное правило третьей фигуры, получим шесть правомерных модусов в этой фигуре: *aa_i*, *ia_i*, *ai_i*, *ea_o*, *oa_o*, *ei_o*. Их названия: *Darapti*, *Disamis*, *Datisi*, *Felapton*, *Bocardo*, *Ferison*.

Так как меньшая посылка в третьей фигуре утвердительна, то предикат (S) в ней не распределен; поэтому он — меньший термин — не может быть распределен и в выводе; следовательно, третья фигура дает право только на частные выводы.

I. Модус *Darapti* (*aa_i*)

$$\begin{array}{r} M a P \\ M a S \\ \hline S i P \end{array}$$

В круговых схемах:

Если весь объем среднего термина *M* включен в *S* и весь объем *M* включен также и в *P*, ясно, что объемы *S* и *P*, во всяком случае, частично совпадают.

Натрий легче воды
Натрий — металл

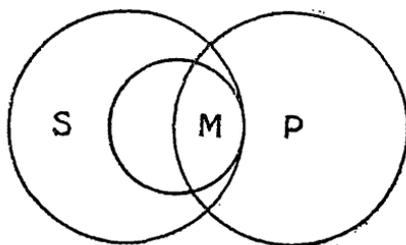

Некоторые металлы легче воды.

2. Модус Disamis (iai)

$$\begin{array}{c} M i P \\ M a S \\ \hline S i P \end{array}$$

Схема:

Если все M включены в S и некоторые M включены в P , то та часть S , которая заключает в себе эти некоторые M , также включена в P .

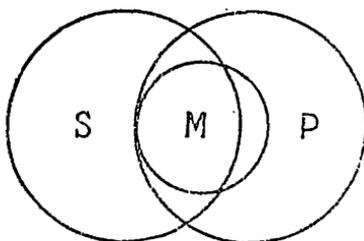
Пример:

Некоторые металлы — жидкости
Все металлы — проводники электричества
 Некоторые проводники электричества — жидкости.

3. Модус Datisi (aji)

$$\begin{array}{c} M a P \\ M i S \\ \hline S i P \end{array}$$

В круговых схемах:

Если все M включены в P и некоторые M включены в S , то та часть S , которая заключает в себе эти некоторые M , также включена в P .

Пример:

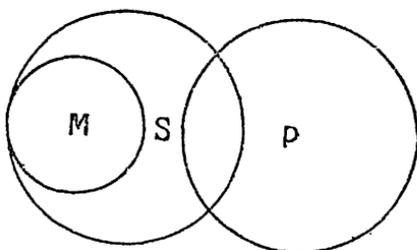
Все логики знакомы с Органоном Аристотеля
Некоторые логики — математики

Некоторые математики знакомы с Органоном Аристотеля:

4. Модус Felapton (eao)

$$\frac{M e P \\ M a S}{S o P}$$

Если все M включены в S и ни одно M не включено в P , то очевидно, что, по крайней мере, часть S , — именно та часть, которая есть M , — не включена в P .

Пример:

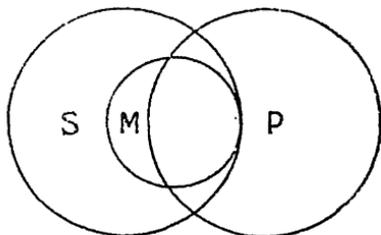
Ни один гриб не имеет хлорофила
Все грибы — растения

Некоторые растения не имеют хлорофила.

5. Модус Bocardo (oao)

$$\frac{M o P \\ M a S}{S o P}$$

Если все M включены в S и некоторые M выключены из P , то следует сделать вывод, что часть S , которая включает в себе эти некоторые M , выключена из P .

Пример:

Некоторые студенты не теряют зря времени
Все студенты интересуются спортом

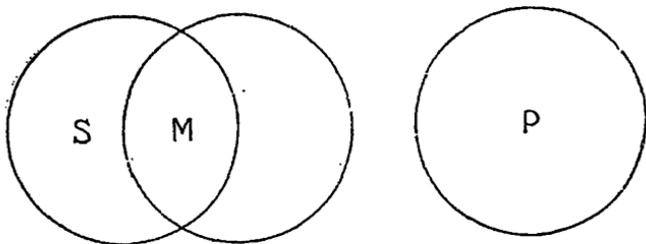
Следовательно, некоторые интересующиеся спортом не теряют зря времени.¹

¹ Пример А. А. Чудова.

6. Модус Ferison (eio).

$$\frac{\begin{array}{c} M e P \\ M i S \end{array}}{S o P}$$

Если все M выключены из P и некоторые M включены в S , то часть S , которая включает эти некоторые M , также выключена из P .

Традиционная логика давно заметила своеобразный характер умозаключений по третьей фигуре. Третьей фигуре даются разнообразные интерпретации. Основные из них таковы: 1) на основании сличений двух одинаковых субъектов с различными предикатами мы приходим к выводу о совместности этих предметов; 2) На основании сличения двух одинаковых субъектов с различными предикатами делаем вывод, что один из предикатов есть в о з м о ж н а я характеристика всего объема понятия, выраженная в другом предикате, хотя эта характеристика может всегда прилагаться только к части объема данного понятия.

Пример:

Все киты — водные животные
Все киты — млекопитающие

Некоторые млекопитающие — водные животные.

На основании этого умозаключения мы устанавливаем, что понятия «водное животное» и «млекопитающее» совместимы.

Познавательное значение умозаключений по третьей фигуре менее велико, чем умозаключений по второй и тем более по первой фигурам. Но с другой стороны, нельзя недооценивать их познавательного значения. Во-первых, как было уже указано, с точки зрения традиционной логики, третья фигура дает возможность устанавливать совместность двух признаков в предмете; во-вторых, она часто слу-

жит для опровержения ложных общих суждений. Например, ложное положение, что всякое материалистическое учение отрицает роль личности в истории, можно опровергнуть, построив рассуждение по третьей фигуре силлогизма:

Учение классиков марксизма признает роль личности
в истории

Учение классиков марксизма — материализм

Некоторые виды материализма признают роль личности в истории.

11. Четвертая фигура.

Ученики Аристотеля Теофраст и Эвдем, изменив положение среднего термина в первой фигуре (в большей посылке они поставили его на место предиката, а в меньшей посылке — на место субъекта), нашли еще пять правомерных модусов первой фигуры. Кл. Гален выделил эти пять модусов в самостоятельную четвертую фигуру.

Схема четвертой фигуры такова:

$$\begin{array}{r} P - M \\ M - S \\ \hline S - P \end{array}$$

Правила этой фигуры следующие:

1) Если большая посылка утвердительна, то меньшая должна быть общей. Если большая посылка утвердительна, то средний термин в ней не будет распределен; поэтому он должен быть распределен в меньшей посылке; следовательно, меньшая посылка должна быть общей.

2) Если одна из посылок отрицательная, то большая должна быть общей. На самом деле, так как одна из посылок отрицательная, то и вывод будет отрицательным. В отрицательном выводе P распределен, следовательно, он должен быть распределен и в посылках; а это возможно только в том случае, если большая посылка общая.

Применив общие и специальные правила к четвертой фигуре, найдем, что в ней пять правомерных модусов: aa_i , aee , ia_i , ea_o , eo_o . Названия их: *Bramalip*, *Camenes*, *Dimatis*, *Fesaro*, *Fresison*. Общий вывод по четвертой фигуре может быть только отрицательным, так как для получения общего вывода нужно иметь меньший термин распределенным. Меньший же термин занимает место предиката в меньшей посылке, следовательно, он будет распределен только в случае от-

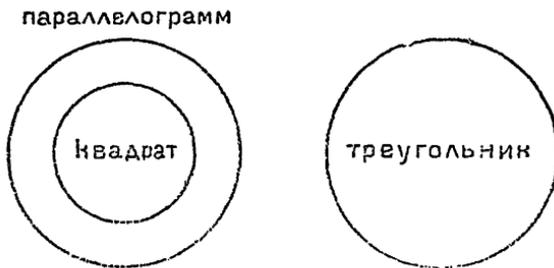
рицательной меньшей посылки; а раз одна из посылок будет отрицательной, то и вывод будет отрицательным.

Умозаключение по четвертой фигуре, как это признается и традиционной логикой, имеет искусственный характер. Из посылок:

Все квадраты — параллелограммы

Ни один параллелограмм — не треугольник

каждый сделает вывод: ни один квадрат не треугольник. То же по схеме:

т. е., если квадраты включены в параллелограммы, а параллелограммы выключены из треугольников, то очевидно, что и квадраты выключены из треугольников.

Но если мы обратим внимание на ход мыслей в этом умозаключении, то легко заметим, что вывод тут сделан не по четвертой, а по первой фигуре, причем, меньший термин становится на место большего и больший термин на место меньшего:

$$\begin{array}{r} P - M \\ M - S \\ \hline P - S \end{array}$$

Что касается умозаключения по четвертой фигуре, то оно должно было иметь следующую форму:

Все квадраты — параллелограммы
 Ни один параллелограмм — не треугольник

 Ни один треугольник — не квадрат.

В целях облегчения запоминания всех модусов и их особенностей в средних веках логики изобрели мнемоническое стихотворение:

Bárbara, Célarént, Darit Feriódque prioris.
 Césare, Camestrés, Festino, Baróco secundae.
 Tertia Darapti, Disamis, Datisi, Felápton
 Bócardó, Ferisón habet; quarta insuper áddit
 Brámalip, Camenés, Dimátis, Fesáro, Fresison.

Примечание: 1) В первой фигуре модуса Bárbara и Célarént, дающие в выводе общие суждения а и е, могут дать, конечно, и частные выводы і и о, согласно правилу, установленному выше: из истинности а следует истинность і, и из истинности е следует истинность о. Эти дополнительные модусы будут соответственно ааі и еао (Barbari и Celaront); их называют подчиненными или о с л а б л е н н ы м и модусами, так как первая фигура дает право на общий вывод из посылок аа и еа. 2) Точно такое же положение во второй фигуре: модусы Camestres и Cesare дают возможность на частные выводы, именно на частноотрицательный, так как из истинности е следует истинность о. Эти дополнительные модусы будут соответственно аео (Camestros) и еао (Cesaro). Они также являются о с л а б л е н н ы м и модусами.

3) В третьей фигуре модусы ааі (Darapti) и еао (Felapton) называются усиленными модусами, так как посылки аа и еа слишком сильны для частного вывода і и о. Эти выводы могли бы получиться даже в том случае, если одна из посылок была бы частной.

4) В четвертой фигуре модусы ааі (Bramalip) и еао (Fesaro) являются усиленными модусами, а модус аее (Camenes) дает возможность на частный вывод о (Camenos); этот последний модус является о с л а б л е н н ы м.

12. Сведение фигур друг на друга

Уже указывалось на то обстоятельство, что согласно Аристотелю, а потом и, учению традиционной логики, первая фигура считается совершенной не только потому, что она дает право на все возможные выводы а, е, і, и о; но и потому, что она обладает подлинной убедительностью. Выводы по этой фигуре вытекают с необходимостью из посылок. Что касается остальных фигур, то они не обладают такой убедительностью, и для обоснования необходимости вывода нужны дополнительные операции, с помощью которых эти фигуры сводятся к первой и таким образом получают убедитель-

ность. Решение вопроса, какие операции требуются для сведения других фигур к первой, показывается теми согласными, которые вставлены между гласными названия модусов. Буква S обозначает простое обращение (Conversio simplex), буква m обозначает перестановку посылок (metathesis præmissarum), буква c обозначает обращение силлогизма (conversio syllogismi), с помощью которого данный модус приводится косвенно к модусу Barbara:

Доказательство необходимости вывода по какому-либо модусу путем сведения его к определенному модусу первой фигуры протекает следующим образом: в модусе Cesare второй фигуры перед s стоит буква e, обозначающая большую отрицательную посылку.

$$\begin{array}{c} P e M \\ S a M \\ \hline S e P \end{array}$$

Буква s указывает, что нужно обратить посылку e; посылка PeM путем простого обращения дает MeP; она истинна, если данная посылка (PeM) истинна; поэтому, заменив ею данную посылку, получаем:

$$\begin{array}{c} M e P \\ S a M \\ \hline S e P \end{array}$$

Это умозаключение — модус Celarent первой фигуры. Таким образом модус Cesare второй фигуры сведен на модус Celarent первой фигуры.

Вспомним пример, приведенный выше:

Cesare

Ни одна империалистическая война не является справедливой

Война Советского Союза против немецких фашистов
была справедливой

Война Советского Союза против немецких фашистов
не была империалистической.

Сделаем обращение большей посылки, от этого истинность посылки не изменится:

Ни одна справедливая война не является
империалистической

Война Советского Союза против немецких фашистов была справедливой

Война Советского Союза против немецких фашистов не была империалистической.

Получили модус Celarent первой фигуры.

Точно так же сводится модус Festino к Ferio.	
Festino	Ferio
P e M	M e P
S i M	S i M
S o P	S o P

путем обращения (s) получим

Более сложно сведение модуса Camestres на Celarent. В модусе Camestres согласная m указывает на перестановку посылок, первая согласная s указывает на простое обращение меньшей посылки, а вторая согласная s — на простое обращение вывода.

Camestres	
P a M	P a M
S e M	M e S
S e P	перестановка M e S

обращение даст: P a M посылка даст: P a M

Из этих посылок по модусу Celarent первой фигуры следует вывод PeS. Второе s, как указано, требует обращения вывода: SeP. Таким образом, получаем:

$$\frac{M e S}{P a M} \rightarrow S e P$$

Пример:

1. Все народно-демократические страны строят социалистическое общество
2. Англия не строит социалистического общества
3. Англия не народно-демократическая страна.

Обратив 2-ю посылку и переставив посылки:

В числе стран, строящих социализм, не находится Англия
Все народно-демократические страны строят социализм

В числе народно-демократических стран не находится
 Англия

обращение вывода даст:

Англия не народно-демократическая страна.

Второй прием сведения остальных фигур на первую производится с помощью приведения к нелепости (reductio ad absurdum).

Для иллюстрации этого приема воспользуемся примером сведения модуса Баргосо второй фигуры к модусу Барбара.

Модус Баргосо:

$$\begin{array}{c} P a M \\ S o M \\ \hline S o P \end{array}$$

Допустим, что вывод SoP ложен; тогда контраридикторное ему суждение SaP будет истинным; приняв это суждение за меньшую посылку и оставив на месте большую посылку модуса Баргосо, получим:

$$\begin{array}{c} P a M \\ S a P \\ \hline S a M \end{array}$$

Мы получим, таким образом, модус Барбара, где P играет роль среднего термина. Но вывод SaM, который мы получили, противоречит меньшей посылке модуса Баргосо. Если посылка SaM истинна, тогда SoM—ложна; но это невозможно, так как она является меньшей посылкой данного умозаключения и должна быть истинной. Поэтому наше предположение о ложности SoP несостоятельно: вывод SoP правильный.

13. Антилогизм или несовместимая триада

Для доказательства необходимости следования вывода из посылок, кроме прямого сведения остальных фигур на первую и *reductio ad absurdum*, некоторые логики прибегают к учению о так называемом антилогизме. Возьмем какое-либо умозаключение, например:

$$\begin{array}{c} \text{Все спортсмены здоровы} \\ \text{Все футболисты спортсмены} \\ \hline \text{Все футболисты здоровы.} \end{array}$$

В данном умозаключении спортсмены — M, здоровые люди — P, футболисты — S. Схема силлогизма будет:

$$\begin{array}{c} M - P \\ S - M \\ \hline S - P \end{array}$$

Так как все спортсмены здоровы, ясно, что в классе нездоровых людей совершенно не будет спортсменов. Это можно будет выразить следующим образом: $M\bar{P} = 0$, где M — спортсмены, $\bar{P}$ — нездоровые люди, т. е. нездоровых спортсменов нет. Другими словами: класс нездоровых спортсменов, пустой, в нем нет ни одного человека ($= 0$). Точно так же можно выразить вторую посылку: $S\bar{M} = 0$, т. е. нет футболистов не

спортсменов. Другими словами: класс футболистов не спортсменов — пустой (= 0); и вывод можно выразить такими же символами: $\overline{SP} = 0$, т. е. класс футболистов нездоровых — пустой (= 0). Приняв эти обозначения, силлогизм можно представить следующей схемой:

$$I \quad \frac{\overline{MP} = 0}{\overline{SM} = 0} \\ \overline{SP} = 0$$

Если наше умозаключение правильное, то ясно, что посылки этого силлогизма несовместимы с суждением, которое противоречно выводу:

Все спортсмены здоровы
Все футболисты спортсмены

Некоторые футболисты нездоровы (?)

или в символах:

$$Ia \quad \frac{\overline{MP} = 0}{\overline{SM} = 0} \\ \overline{SP} \neq 0$$

Выводное суждение $\overline{SP} \neq 0$ обозначает: некоторые футболисты нездоровы, т. е. класс футболистов нездоровых не равен нулю.

Приняв во внимание правильность первого (I) силлогизма, мы должны сказать, что второй (Ia) силлогизм неправильный, т. е. что три суждения, из которых он состоит, несовместимы. Триада суждений, из которых два суждения представляют собой посылки правильного силлогизма, а третье суждение является противоречивым выводом этого силлогизма, называется антилогизмом или несовместимой триадой. Так, например, три суждения неправильного силлогизма (Ia)

1. Все спортсмены здоровы
2. Все футболисты спортсмены
3. Некоторые футболисты нездоровы

представляет собой несовместимую триаду или антилогизм. Схема его будет:

$$\overline{MP} = 0 \\ \overline{SM} = 0 \\ \overline{SP} \neq 0$$

Анализ антилогизма показывает, что каждые два суждения несовместимой триады с необходимостью обуславливают суждение, противоречивое третьему суждению. В данном выше случае это ясно само собой, так как правильный вывод (выводное суждение I) мы заменили противоречивым (выводное суждение Ia). Конечно, посылки правильного силлогизма с необходимостью будут обуславливать правильный вывод, т. е. противоречивое суждение третьему суждению антилогизма. Значит, в антилогизме

1. $\overline{MP} = 0$
2. $\overline{SM} = 0$ (A)
3. $\overline{SP} \neq 0$

первое и второе суждения обуславливают суждение $SP = 0$, которое контрадикторно третьему суждению антилогизма — $SP \neq 0$.

Суждения:

1. Все спортсмены здоровы ($M\bar{P}=0$)
2. Все футболисты спортсмены ($S\bar{M}=0$)

обуславливают суждение «все футболисты здоровы» ($S\bar{P} = 0$), которое контрадикторно третьему суждению антилогизма «некоторые футболисты нездоровы» ($S\bar{P} \neq 0$).

Возьмем теперь два других суждения из антилогизма, 1-е и 3-е «все спортсмены здоровы» и «некоторые футболисты нездоровы» и припишем к ним суждение, контрадикторное второму суждению антилогизма, а именно: «некоторые футболисты не спортсмены».

1. Все спортсмены здоровы
3. Некоторые футболисты нездоровы

контрадикторное 2-му: Некоторые футболисты не спортсмены. Получили правомерный модус второй фигуры, в котором P играет роль среднего термина.

$$\begin{array}{l} M \text{ a } P \\ S \text{ o } P \\ \hline S \text{ o } M \end{array} \quad \text{или:} \quad \begin{array}{l} M\bar{P} = 0 \\ S\bar{P} \neq 0 \\ S\bar{M} \neq 0 \end{array} \quad \text{его антилогизм:} \quad \begin{array}{l} M\bar{P} = 0 \\ S\bar{P} \neq 0 \\ S\bar{M} = 0 \end{array} \quad (B)$$

Таким образом и тут оправдался принцип, выставленный выше: каждые два суждения антилогизма с необходимостью обуславливают суждение, контрадикторное третьему суждению. Мы взяли два суждения (1-е и 3-е) из антилогизма и приписали контрадикторное третьему (второму по порядку в антилогизме); получили правомерный модус, т. е. это значит, что контрадикторное суждение с необходимостью вытекает из двух суждений антилогизма.

Возьмем, наконец, второе и третье суждения из триады, а остающаяся (1-е) суждение заменим контрадикторным. Согласно выставленному принципу, мы должны получить правомерный модус.

2. Все футболисты спортсмены
3. Некоторые футболисты нездоровы

контрадикторное 1-му: Некоторые спортсмены нездоровы.

Получим правомерный модус третьей фигуры, в котором S играет роль среднего термина

$$\begin{array}{l} S \text{ a } M \\ S \text{ o } P \\ \hline M \text{ o } P \end{array} \quad \text{или:} \quad \begin{array}{l} S\bar{M} = 0 \\ S\bar{P} \neq 0 \\ M\bar{P} \neq 0 \end{array} \quad \text{антилогизм:} \quad \begin{array}{l} S\bar{M} = 0 \\ S\bar{P} \neq 0 \\ M\bar{P} = 0 \end{array} \quad (C)$$

Рассматривая антилогизмы (A), (B) и (C), легко заметить, что 1) они состоят из двух общих и одного частного суждений, т. е. из двух равенств ($=0$) и одного неравенства ($\neq 0$); 2) у двух общих суждений есть общий термин, взятый один раз в положительной, другой раз в отрицательной форме; 3) что касается частного суждения, то оно состоит из двух остальных терминов. Эти три условия характеризуют всякий антилогизм.

Так как каждому силлогизму соответствует антилогизм, мы можем указанные три условия применить для проверки правильности силлоги-

стического умозаключения: силлогизм правильный в том случае, если в соответствующей ему структуре антилогизма соблюдены три указанных условия.

Примеры:

- 1) Все, защищающие капитализм, — реакционеры
Все правые социалисты защищают капитализм
 Все правые социалисты — реакционеры.

В обычной схеме:

$$\begin{array}{c} M \text{ a } P \\ S \text{ a } M \\ \hline S \text{ a } P \end{array}$$

В новой схеме:

$$\begin{array}{l} M\bar{P} = 0 \\ \underline{S\bar{M}} = 0 \\ S\bar{P} = 0 \end{array} \quad \begin{array}{l} \text{соответствующий} \\ \text{антилогизм:} \end{array} \quad \begin{array}{l} M\bar{P} = 0 \\ S\bar{M} = 0 \\ S\bar{P} \neq 0 \end{array}$$

В этом антилогизме: 1) два общих суждения ($M\bar{P} = 0$ и $S\bar{M} = 0$ и одно частное; 2) у двух общих суждений один общий термин (M), взятый в одном случае в утвердительной, а в другом — в отрицательной форме (M и $\bar{M}$) и 3) частное суждение состоит из остальных двух терминов (S и P); все три условия соблюдены, следовательно, умозаключение правильное.

- 2) Некоторые соли растворяются в воде
Медный купорос — соль

Медный купорос растворяется в воде.

$$\begin{array}{l} M \text{ i } P \\ S \text{ a } M \\ \hline S \text{ a } P \end{array} \quad \text{или:} \quad \begin{array}{l} M\bar{P} \neq 0 \\ \underline{S\bar{M}} = 0 \\ S\bar{P} = 0 \end{array} \quad \begin{array}{l} \text{антилогизм:} \\ \\ \end{array} \quad \begin{array}{l} M\bar{P} \neq 0 \\ S\bar{M} = 0 \\ S\bar{P} \neq 0 \end{array}$$

В антилогизме нарушено первое условие: нет двух общих суждений; поэтому соответствующий ему силлогизм неправильный.

- 3) Все правильные силлогизмы имеют три термина
Во всех данных силлогизмах по три термина

Все данные силлогизмы правильны.

$$\begin{array}{l} P \text{ a } M \\ S \text{ a } M \\ \hline S \text{ a } P \end{array} \quad \text{или:} \quad \begin{array}{l} P\bar{M} = 0 \\ \underline{S\bar{M}} = 0 \\ S\bar{P} = 0 \end{array} \quad \begin{array}{l} \text{антилогизм:} \\ \\ \end{array} \quad \begin{array}{l} P\bar{M} = 0, \\ S\bar{M} = 0, \\ S\bar{P} \neq 0 \end{array}$$

В антилогизме нарушено второе условие: общий термин (в данном случае M) взят в обоих общих суждениях в отрицательной форме; следовательно, силлогизм неправильный.

Примечание: Для установления правильности силлогистических умозаключений антилогизм можно применить ко всем модусам, кроме ослабленных и усиленных; применять к ним антилогизм нельзя. Так, например, к модусу третьей фигуры *aai* (Darapti) антилогизм не применим. Возьмем умозаключение *aai*:

Натрий легче воды
 Натрий — металл

Некоторые металлы легче воды.

M a P		$M\bar{P} = 0$		$M\bar{P} = 0$
M a S	или:	$M\bar{S} = 0$	антилогизм:	$M\bar{S} = 0$
S i P		$S\bar{P} \neq 0$		$S\bar{P} = 0$

в антилогизме нарушено первое условие, но несмотря на это обстоятельство силлогизм правильный.

14. Аксиома силлогизма

В главе о теориях суждений мы узнали, что традиционная логика, рассматривая суждение как сочетание понятий, выражающее мысль, устанавливает отношение между понятиями или со стороны их объемов, или со стороны их содержания. Смотря по тому, что считается основным, определяющим в сочетании понятий, объем или содержание, строится определенная теория суждений. И опять: смотря по тому, какую теорию суждения принимает тот или иной представитель логики, он строит ту или иную теорию категорического силлогизма.

Мы изложили теорию категорического силлогизма традиционной логики с точки зрения объемной логики, основание которой положил еще Аристотель, несмотря на то, что его теорию понятий и суждений можно интерпретировать совершенно иначе. Однако, вне всякого сомнения, что в теории умозаключения Аристотель стоял на точке зрения объемной логики.

С точки зрения объемной логики учение о категорическом силлогизме принимает очень простую форму: объем одного понятия включается в объем другого, а объем этого другого — в объем третьего. Следовательно, объем первого понятия включается в объем третьего. Или, в случае отрицательного вывода: объем одного понятия включается (выключается) в объем другого, а объем другого выключается (включается) из объема третьего понятия. Следовательно, объем первого выключается из объема третьего понятия.

Можно объяснить строение категорического силлогизма и с точки зрения логики содержания. Если основной, определяющей в понятии стороной признать содержание, то и суждения нужно понимать как сочетание понятий по их содержанию. В таком случае и категорический силлогизм, как определенное сопоставление категорических суждений, принимает вид определенного отношения понятий по их содержа-

нию. И в этом случае учение о категорическом силлогизме принимает несложную форму: если одно понятие обладает данным признаком, а этот признак, в свою очередь, обладает каким-либо признаком, то этот последний признак присущ и данному понятию. В случае отрицательного вывода: если понятие обладает (не обладает) данным признаком, а этот последний не обладает (обладает) каким-либо признаком, то последний не присущ данному понятию.

Эти общие положения, характеризующие и описывающие ход умозаключения, в категорическом силлогизме называются аксиомами категорического силлогизма. Как мы могли заметить, аксиома одна; имеются только две формулировки аксиомы: одна, соответствующая теории объемной логики, другая — теории логики содержания. Аксиома, соответствующая теории объемной логики, формулируется следующим образом: все, что утверждается о целом роде или виде, то утверждается и о любом подчиненном этому роду или виду; все, что отрицается о целом роде или виде, то отрицается также и о любом подчиненном этому роду или виду. Кратко аксиому эту называют *Dictum de omni et de nullo*. Из трех понятий, которые содержатся в силлогизме, объем S входит в объем M , а объем M входит в объем P . То, что утверждается об всем M , которое включено в P , утверждается и о S , т. е. о том, что включено в M .

Аксиома, соответствующая теории логики содержания, формулируется следующим образом: признак признака есть признак вещи, то, что противоречит признаку, противоречит вещи (*Nota notae est nota rei, repugnans notae repugnat rei*; кратко эта аксиома называется *Nota notae*).

Традиционная логика утверждает, что все правила силлогизма основаны на этой аксиоме. Аксиома категорического силлогизма является общим основанием всех силлогистических выводов. В силу этой аксиомы, признав истинными посылки, мы необходимо должны признать истинными и вытекающие из них выводы.

15. Возможные ошибки в категорическом силлогизме

Если посылки истинные, то при соблюдении правил категорического силлогизма и вывод будет истинным. Поэтому нет особенной нужды рассматривать вопрос о логических ошибках в категорическом силлогизме: всякое нарушение указанных правил нарушает правильность мышления и приводит к логической ошибке.

Традиционная логика все же выделяет несколько типов логических ошибок, которые она рассматривает специально. Рассмотрев эти типы ошибок, мы убедимся, что логически они ничем не отличаются от других ошибок — и тут мы имеем

нарушение правил категорического силлогизма и если все же они выделяются и специально рассматриваются, то только потому, что тут примешивается психологический момент.

1) Умозаключение по первой фигуре при отрицательной меньшей посылке.

Все спортсмены выносливы
Рабочий Иванов не спортсмен

Рабочий Иванов не вынослив.

Вывод неправильный, так как нарушено первое правило первой фигуры. Ошибочность умозаключения объясняется психологически: тут, мол, мы сделали не логическую ошибку, а неправильно поняли большую посылку. В посылку «Все спортсмены выносливы» вложили содержание: только спортсмены выносливы.

2) Умозаключение по второй фигуре из двух утвердительных посылок.

Все комсомольцы на первом курсе отличники
Студент первого курса Иванов отличник

Студент Иванов комсомолец.

Вывод неправильный, так как нарушено первое правило второй фигуры. И тут ошибочность умозаключения объясняется так же, как и в первом случае: мы вкладываем в большую посылку смысл, которого нет в этой посылке, именно «только комсомольцы отличники» и потом делаем совершенно правильный вывод относительно студента Иванова.

3) Quaternio terminorum. Ошибка, которая нарушает первое общее правило категорического силлогизма: в категорическом силлогизме три термина. В силу двусмысленности некоторых терминов, как, например, «лук», «коса», или различного понимания терминов, в силлогизме они могут быть употреблены в различном смысле. В таком случае в силлогизме может оказаться не три, а четыре термина. Например, в силлогизме

Всякий закон устанавливается государством
Всемирное тяготение есть закон

Всемирное тяготение установлено государством

четыре термина. В большей посылке термин «закон» употреблен в смысле государственного закона, в меньшей же посылке — в смысле закона природы. И, естественно, что умозаключение неправильное.

Одной из характерных черт категорического силлогизма является строение его из категорических суждений. С точки зрения традиционной логики, начиная с Теофраста, Эвдема и стоиков, силлогистическое умозаключение может строиться также из условных и разделительных суждений. Силлогизмы могут строиться из условных или из разделительных суждений, могут строиться они из комбинаций условных и категорических, из разделительных и категорических и, наконец, из условных и разделительных. Все они представляют собой силлогистические умозаключения, подчиняющиеся определенным правилам. Как и в категорическом силлогизме, так и в упомянутых умозаключениях, не все комбинации условных, разделительных и категорических суждений — посылки дают право на вывод.

Традиционная логика тщательно разработала виды чисто условных, чисто разделительных, условно-категорических, разделительно-категорических и условно-разделительных силлогизмов.

1. Чистый условный силлогизм. Структура чисто условного силлогизма следующая: в чисто условном силлогизме обе посылки — условные суждения и заключение также условное суждение.

Пример:

Если коммунистическое общество будет находиться в окружении империалистических стран, то будет существовать опасность вооруженного нападения на него

Если будет существовать опасность вооруженного нападения на коммунистическое общество, то в этом обществе будет существовать государство

Если коммунистическое общество будет находиться в окружении империалистических стран, то в этом обществе будет существовать государство.

Структура чисто условного силлогизма может быть выражена следующей схемой:

Если А есть В, то С есть D

Если С есть D, то Е есть F

Если А есть В, то Е есть F.

Традиционная логика, не обращая внимания на то обстоятельство, что в посылках и в заключении чисто условного умозаключения устанавливаются отношения не между понятиями (S, M и P), а между суждениями (если А есть В, то С есть D), рассматривает это умозаключение опять-таки как

взаимоотношение, комбинацию определенных понятий. В чисто условном силлогизме, с точки зрения традиционной логики, есть средний термин М, который связывает крайние термины, Роль среднего термина в вышеупомянутой схеме играет выражение «С есть D», роль крайних терминов—«А есть В» и «Е есть F». В приведенном выше примере роль среднего термина выполняет выражение «существование опасности вооруженного нападения на коммунистическое общество».

В условных суждениях установлены отношения основания и следствия между понятиями. В первой посылке установлено отношение основания и следствия между меньшим термином и средним — меньший термин является основанием, средний термин является следствием. Во второй посылке установлено также отношение между средним термином и большим — тут уже средний термин — основание, а больший является следствием. Из этих посылок с необходимостью вытекает, что меньший термин является основанием, а больший — следствием.

Схема будет следующая:

Основание: А есть В (S)

Следствие: С есть D (M); но С есть D (M)

есть основание для следствия: Е есть F (P).

Следовательно, из основания «А есть В» (S) вытекает следствие «Е есть F» (P).

Наш пример получает следующее разъяснение:

основание: «коммунистическое общество находится в окружении империалистических стран» (S)

следствие: «существование опасности вооруженного нападения на него» (M), оно же является

основанием: «существование опасности вооруженного нападения на коммунистическое общество» (M)

следствие: «существование государства в коммунистическом обществе» (P).

Если из основания (S) вытекает следствие (M), которое само является основанием (M) для другого следствия (P), то ясно, что основание (S) основания (M) есть основание (S) следствия (P) или иначе: следствие (P) следствия (M) есть следствие (P) основания (S).

$$S \longrightarrow M \longrightarrow P$$

(основание) (следствие) (следствие следствие)

Как видим, традиционная логика не видит принципиального различия между чисто условным умозаключением и категорическим силлогизмом. «Логическое строение всего умозаключения до такой степени сходно с категорическим силлогизмом, что заниматься подобным рассмотрением их не

стоит», — пишет один из логиков. Логикки, стоящие на традиционной точке зрения, отмечают некоторое, не принципиальное отличие чисто условного умозаключения от категорического силлогизма. В заключении, пишут они, не просто утверждается известное отношение, но указывается зависимость этого отношения от некоторого другого отношения; т. е. в заключении не просто утверждается отношение между S и P , но указывается зависимость этого отношения от отношения S и M .

Далее: условный силлогизм, указывают эти логики, так же как и категорический силлогизм, раскрывает необходимую связь между понятиями умозаключения. Отношение, мыслимое в заключении условного силлогизма, есть отношение совершенно необходимое, — если только посылки истинны. Но самые положения посылок, которые необходимо обуславливают положение заключения, не непременно окажутся истинными. Иначе говоря, в условном силлогизме условно отнюдь не отношение, которое мыслится в его заключении. Условно, т. е. необязательно для мышления, только то положение, которое указывается в условных посылках (Асмус, Логика, стр. 211—12).¹

Таким образом, совершенно ясно, что никакой принципиальной разницы между структурой категорического силлогизма и чисто условного умозаключения нет. Даже и то не принципиальное различие между ними, на которое указывают некоторые логики, как видно из вышеизложенного, сводится к нулю.

Поэтому традиционная логика, рассматривая чисто условные умозаключения, устанавливает те же фигуры, как и в категорическом силлогизме, изменяя только порядок посылок.

Посылки для категорических силлогизмов:

I фигура	II фигура	III фигура
$S - M$	$S - M$	$M - S$
$M - P$	$P - M$	$M - P$

Соответствующие посылки для условных силлогизмов:

I фигура	II фигура	III фигура
Если S , то M	Если S , то M	Если M , то S
Если M , то P	Если P , то M	Если M , то P

Различие между ними заключается в том, что количественная характеристика посылок не играет в условных сил-

¹ Тем более страшно, что Асмус в примечаниях к странице 211 пишет: «Строго говоря, чисто условный силлогизм не является силлогистическим заключением».

логизмах никакой роли. Что касается качества посылок, оно принимается традиционной логикой во внимание. Например:

Если S, то M
Если M, то нет P

Если S, то нет P.

Кроме того, нужно отметить, что третья фигура условного силлогизма дает вывод только о возможности отношения основания и следствия между S и P.

Примеры:

Для первой фигуры примером может служить рассмотренный выше пример.

Пример для второй фигуры:

Если признать марксистско-ленинское учение о классах,
то нужно признать и учение о диктатуре пролетариата
Если признать меньшевистское учение о классах, то нужно
отвергнуть учение о диктатуре пролетариата

Если признать марксистско-ленинское учение о классах, то
нужно отвергнуть меньшевистское учение о классах.

2. Условно-категорический силлогизм. В чисто условном силлогизме обе посылки — условные суждения и вывод также условное суждение. Как мы убедились, традиционная формальная логика не видит никакой принципиальной разницы между чисто условными и категорическими силлогизмами и устанавливает в первых те же фигуры, что и в последних. От чисто условных она отличается условно-категорические силлогизмы, строение которых она отличает от чисто условных. Дело в том, что условное суждение является суждением, но пока еще не является умозаключением, несмотря на то обстоятельство, что в таком суждении утверждается отношение основания и следствия — признак, характерный для умозаключения.

В условном суждении устанавливается связь условия (основания) и следствия, но нет действительного перехода; только в последнем случае мы имели бы настоящее опосредствованное умозаключение. Чтобы получить умозаключение, нужно иметь кроме условного суждения еще одно суждение, которое утверждает основание условного суждения или отрицает его следствие, т. е. нужно иметь посылку, которая утверждает истинность основания или ложность следствия.

Утверждение истинности основания или ложности следствия выражается категорическим суждением. Таким образом, структура условно-категорического умозаключения следующая: первая посылка — условное суждение, вторая посылка —

суждение категорическое; эта последняя подтверждает или истинность основания, или ложность следствия. Соответственно этому, заключение, которое будет категорическим суждением, утверждает или истинность следствия, или ложность основания.

На основании вышеизложенного получается два вида или модуса условно-категорического силлогизма: модус подтверждающий (modus ponens) и модус отрицающий (modus tollens). Схемы этих модусов будут соответственно:

<p>I. Модус</p> <p>Если А есть В, то С есть D</p> <hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/> <p style="text-align: center;">А есть В</p> <hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/> <p style="text-align: center;">След., С есть D</p>	или	<p>Если А есть, то есть В</p> <hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/> <p style="text-align: center;">А есть</p> <hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/> <p style="text-align: center;">След., есть В</p>
--	-----	--

<p>II. Модус</p> <p>Если А есть В, то С есть D</p> <hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/> <p style="text-align: center;">С не есть D</p> <hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/> <p style="text-align: center;">След., А не есть В</p>	или	<p>Если А есть, то есть В</p> <hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/> <p style="text-align: center;">В нет</p> <hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/> <p style="text-align: center;">След, А нет.</p>
---	-----	--

Примеры:

I. Модус:

Если земля в далеком прошлом была огненно-жидкой массой, то на ней не могло-быть органической природы

Земля в далеком прошлом была огненно-жидкой массой

След., на земле не могла существовать тогда органическая природа.

II Модус:

Если в субтропических районах СССР температура снизится ниже — 10°, некоторые цитрусовые погибнут

Цитрусовые в данных районах СССР вовсе не погибли

Следовательно, температура в субтропических районах СССР не снижалась ниже — 10°.

Принимая во внимание учение традиционной логики о качестве условных суждений, а именно, утвердительные условные суждения:

1. Если А есть, то есть В
2. Если А нет, то есть В
3. Если А нет, то нет В

отрицательно условное суждение: 4. Если А есть, то нет В, получим по четыре формы для каждого модуса.

Рассматривая основные формы модуса ponens и tollens, легко установить принципы, по которым делаются выводы

этих модусов. В первом модусе первой посылкой служит условное суждение, утверждающее связь между основанием и следствием; вторая посылка подтверждает существование (истинность) основания; в выводе подтверждается существование (истинность) следствия. Следовательно: от существования (истинности) основания заключаем к существованию (истинности) следствия. Заключение вполне правомерное.

Во втором модусе первая посылка та же, что и в модусе *ропенс*, вторая посылка отрицает следствие; в выводе отрицается основание, так как, если бы основание существовало, существовало бы и следствие. Следовательно, принцип этого умозаключения следующий: от отсутствия (ложности) следствия заключаем к отсутствию (ложности) основания.

Часто модус *ропенс* называют прогрессивным модусом, так как заключение идет от основания к следствию, а модус *толленс* называют регрессивным, так как тут заключение идет от следствия к основанию.

Можно предположить, что существуют еще два модуса условно-категорического силлогизма, а именно, модус, по которому можно умозаключать от отсутствия основания к отсутствию следствия, и модус, который дает возможность делать выводы от существования следствия к существованию основания.

Основание и следствие имеют определенную связь, поэтому ставится вопрос, если можно заключать от истинности основания к истинности следствия, то почему нельзя заключать от истинности следствия к истинности основания, или от ложности основания к ложности следствия.

Не касаясь других соображений, которые приводятся представителями логики в защиту взгляда о неправомерности таких модусов, приведем один аргумент, пользующийся широким распространением в курсах логики.

Связь основания и следствия не однозначна; однозначна эта связь в том случае, когда одно следствие вызвано одним и только одним основанием, или, применяя термин причинно-следственной связи, одна причина вызывает одно и только одно действие. Но в действительности одно следствие может вытекать из разнообразных оснований и одно и то же действие может быть вызвано разными причинами. Так, например, под действием соляной кислоты выделяется углекислый газ не только из мела, но и из других веществ; корабль может погибнуть не только от столкновения с миной, но гибель его может быть вызвана и другими причинами, например, пожаром, бурей и т. д. Поэтому если корабль погиб, то из факта его гибели нельзя делать вывода относительно определенной причины (например, столкновение с миной) этого факта.

Допустим, явление А может быть вызвано явлениями х, у, z,

х →
у → А
z →

Это обстоятельство можно выразить в трёх различных условных суждениях:

1. Если есть х, есть А
2. Если есть у, есть А
3. Если есть z, есть А,

т. е., если есть основание, есть и следствие. Но ясно, что нельзя заключать к существованию х-а на основании существования А, так как А может быть обусловлено не х-ом, а у-ом или z-ом. Или: нельзя заключать к несуществованию А на основании того, что х-а нет, так как А может быть вызвано не х-ом, а у-ом или z-ом. Поэтому выводы от отсутствия данного основания к отсутствию следствия и от существования следствия к существованию определенного (данного) основания, считаются неправомерными.

Примеры ошибочных модусов:

1. Если вещество х — мел, то оно под действием соляной кислоты выделит углекислый газ
Вещество х не мел

Вывод: «Вещество х под действием соляной кислоты не выделит углекислого газа» неправильный, так как х может быть другим веществом, которое также выделяет углекислый газ под действием соляной кислоты.

2. Если корабль столкнется с миной, он погибнет
Корабль погиб

Вывод: «Корабль столкнулся с миной» будет неправильным, так как корабль мог погибнуть от какой-либо другой причины.

В русской логической литературе правомерность четырех модусов защищали Владиславлов и Лосский. Несмотря на явную ошибочность этой точки зрения, у нее нашлись защитники и в советской логической литературе.

П. В. Таванец,¹ разбирая условное умозаключение, пишет: «Традиционная формальная логика ограничилась рассмотрением указанных двух модификаций условного умозаключения: 1) от наличия оснований к наличию следствия и 2) от отсутствия следствия к отсутствию основания»². П. В. Таванец ставит вопрос о правомерности двух других модусов: 1) от отсутствия оснований к отсутствию следствия и 2) от наличия следствия к наличию основания.

¹ Философские записки. 1946 г., т. I. Таванец, «Классификация умозаключений».

² Там же, стр. 111.

П. В. Таванец приходит к выводу: если основание взято в чистом виде, т. е. формально, традиционное учение о правомерности только двух модусов правильно. Но «иначе обстоит дело в тех случаях, когда мы берем реальное основание, его рассматриваем это основание исключительно со стороны его индивидуальной неповторимой природы. Тогда формы умозаключения от наличия следствия к наличию основания и от отсутствия основания к отсутствию следствия также дают достоверные и необходимые выводы».¹ П. В. Таванец иллюстрирует это положение примерами:

1) Вывод от отсутствия основания к отсутствию следствия:
Если данный четырехугольник — параллелограмм, то его диагонали делят друг друга пополам
Данный четырехугольник — не параллелограмм

Следовательно, его диагонали не делят друг друга пополам.

2) Вывод от наличия следствия к наличию основания:
Если данный четырехугольник — параллелограмм, то его диагонали делят друг друга пополам
Диагонали данного четырехугольника делят друг друга пополам

Следовательно, данный четырехугольник — параллелограмм.

На основании этих примеров П. В. Таванец делает вывод: «в некоторых случаях» выводы по этим модусам, отвергаемым традиционной логикой, «вполне возможны».²

Но, во-первых: если даже примеры, приведенные П. В. Таванцем, были бы правильны, то логика имеет право отвергать правомерность этих модусов, так как, по мнению Таванца, такие выводы правильны только в некоторых случаях, а не во всех случаях. Поэтому логика не может выставить общее положение: вывод от отсутствия основания к отсутствию следствия и от наличия следствия к наличию основания правомерен; и было бы совершенно нелогично устанавливать правило: в некоторых случаях вывод правильный, а в некоторых — неправильный, не указывая принципа, когда он правилен и когда, неправилен.

Но дело тут еще серьезнее, чем это кажется на первый взгляд.

П. В. Таванец принимает ошибочные умозаключения за правильные и хочет оправдать на основании этого неправильные модусы, якобы обиженные логикой. Ведь в приведенных примерах вывод вовсе не вытекает из посылок. П. В. Таванец помнит из курса элементарной геометрии, что из четырехугольников только в параллелограммах диагонали делят друг друга пополам. Но «вывод», который делает П. В. Таванец, не вытекает из данных посылок. Он этот «вывод» заимствует из курса геометрии или же в первую посылку — «если данный четырехугольник параллелограмм, то его диагонали делят друг друга пополам», — вкладывает содержание — «только в параллелограммах диагонали делят друг друга пополам», что существенно отличается от данной посылки. Условную посылку П. В. Таванец заменяет общевыводящим суждением. Изменив смысл первой посылки таким образом, конечно, можно получить данный вывод, но он будет получен уже не с помощью условно-категорического силлогизма. Пусть попробует П. В. Таванец сделать вывод из аналогичных посылок:

Если данный четырехугольник — квадрат, то его диагонали делят друг друга пополам
Данный четырехугольник — не квадрат

Следовательно, его диагонали не делят друг друга пополам (?).

---

¹ Философские записки: 1946 г., т. I, Таванец, «Классификация умозаключений», стр. 113.

² Там же.

На первый взгляд может показаться, что отвергаемые логикой модусы условно-категорического силлогизма правомерны, несмотря на все соображения, которые высказаны против них.

И в практической жизни и в науке мы часто делаем заключения по этим модусам и главное заключается в том, что заключения эти часто оказываются истинными. Существуют науки, которые сплошь да рядом прибегают к таким умозаклучениям. Геология, например, объясняет происхождение континентов, гор определенной причиной, причем исходит она из наличия следствия и заключает к определенной причине. Так же строится теория возникновения солнечной системы, происхождения человека. Так же поступает историк: на основании сохранившихся памятников материальной культуры он заключает о своеобразии того общественного строя, который создал эти памятники. Так поступают органы безопасности, когда на основе совершенного преступления заключают о виновнике этого преступления.

На самом деле все перечисленные примеры умозаклучения протекают несравненно более сложным путем, чем условно-категорический силлогизм. Эти умозаклучения протекают, примерно, следующим образом: изучается явление А и обсуждаются возможные причины его возникновения. Допустим, что изучение данного явления показывает, что оно могло быть вызвано или явлением х, или явлением у, или, наконец, — z. Исследование направляется на изучение этих возможных причин. В силу ряда фактов, соображений признается, что х не могло быть причиной А, также не могло быть причиной у; поэтому причиной А должно быть z. Но и этот вывод может оказаться ложным, если впоследствии выяснится, что мы не предвидели всех возможных явлений, которые могли вызвать явление А. Может оказаться, что и z не причина А, а какое-либо другое явление, например, и или f.

17. Разделительный силлогизм

В разделительном силлогизме одна из посылок — разделительное суждение; вторая посылка может быть разделительным, категорическим или условным суждением. Соответственно этому разделительный силлогизм может быть чисто разделительным, разделительно-категорическим или условно-разделительным.

В чисто разделительном силлогизме обе посылки — разделительные суждения. Схема этого силлогизма такова:

А есть или В, или С

С есть или D, или E

А есть или В, или D, или E.

В данном силлогизме А — родовое понятие, видами которого являются понятия В и С. Вторая посылка указывает на виды одного из видов А, именно, что D и E являются видами С. В заключении перечисляются виды понятия А, причем один из видов А заменяется новыми видовыми понятиями, на которые делится этот вид.

Пример:

Общественные формации бывают или классовыми, или социалистическими

Классовые общественные формации бывают или рабовладельческими, или феодальными, или капиталистическими

Общественные формации бывают или рабовладельческими, или феодальными, или капиталистическими, или социалистическими.

1) **Разделительно-категорический силлогизм.** Традиционная логика излагает учение о разделительно-категорических силлогизмах в двух отличных друг от друга формах. Одна форма разделительно-категорического силлогизма является своеобразной формой категорического силлогизма. Отличие его от категорического силлогизма заключается в том, что в нем одна посылка — разделительное суждение, причем структура силлогизма такая же, как и в категорическом силлогизме. С этой точки зрения в разделительно-категорическом силлогизме существуют те же фигуры, что и в категорическом.

1 фигура
 M есть P_1 или P_2
 S есть M

S есть P_1 или P_2

2 фигура
 P есть M_1 или M_2
 S не есть ни M_1 , ни M_2

S не есть P

3 фигура
 M есть P_1 или P_2
 M есть S

нек. S суть P_1 или P_2

4. фигура
 P есть M_1 или M_2
ни M_1 , ни M_2 не есть S

S не есть P .

Вторая форма разделительно-категорического силлогизма отличается своеобразием; его не сводят к категорическому силлогизму; его подразумевают обычно, когда говорят о разделительно-категорическом силлогизме. Структура этого силлогизма такова: первая посылка—разделительное суждение; в разделительном суждении выражена мысль, что из нескольких возможных предикатов один необходимо присущ субъекту.¹ Например, А есть или В, или С. Вторая посылка—категорическое суждение, которое или 1) утверждает, что субъекту присущ один из названных предикатов (например, А есть В) или 2) отрицает, что субъекту присущ один из указанных предикатов (например, А не есть В).

Сообразно характеру второй посылки выводится заключение: если вторая посылка утверждает присущность субъекту данного предиката, то в заключении отрицается присущность субъекту остальных возможных предикатов. Если вторая посылка отрицает присущность субъекту данного предиката, то в заключении утверждается присущность субъекту второго предиката.

Поэтому в разделительно-категорическом силлогизме различают два модуса: 1) утверждающе-отрицательный (ponendo tollens) — вторая посылка утвердительная и поэтому вывод отрицательный и 2) отрицающе-утвердительный (tollendo ponens) — вторая посылка отрицательная и поэтому вывод утвердительный.

Схема модуса ponendo tollens:

А есть или В, или С
А есть В
 А не есть С.

Пример:

Материальными условиями развития общества могут быть или географическая среда, или плотность населения, или способ производства материальных благ
 Но доказано, что решающим условием развития общества является способ производства

Следовательно, ни географическая среда, ни плотность населения не могут быть решающими условиями развития общества.

Схема модуса tollendo ponens:

А есть или В, или С
А не есть В
 А есть С

---

¹ Или из нескольких возможных субъектов одному необходимо присущ данный предикат.

Пример:

Философские теории либо способствуют, либо препятствуют развитию общества

Идеалистические теории не способствуют развитию общества

Идеалистические теории препятствуют развитию общества.

Разделительно-категорические умозаключения очень распространены как в практической жизни, так и в научных исследованиях. Очень часто доказательства строятся по форме этих умозаключений. Ясно поэтому, какое громадное познавательное значение имеет эта форма умозаключения. При оценке гипотез наука очень часто прибегает к разделительно-категорическому силлогизму. Вспомнивая пример из предыдущего параграфа, именно, что какое-либо явление A может быть обусловлено или x -ом, или y -ом, или z -ом и что дальнейшее исследование показывает, что ни y , ни z не может быть причиной явления A , мы заключаем по модусу *tollendo ponens*, что причиной A является x .

В математике встречаются случаи, когда предполагают, что неизвестное x может быть равно единице, больше единицы или меньше единицы. Дальнейшим рассуждением доказывается, что в данном случае x не может быть ни больше единицы, ни меньше единицы; поэтому мы заключаем, что x должен равняться единице. Индуктивные умозаключения, как мы убедимся в этом ниже, включают в себя момент разделительно-категорического умозаключения.

2) **Ошибки в разделительно-категорических умозаключениях.** Ошибки в разделительно-категорических умозаключениях такого же порядка, как ошибки, встречающиеся при делении понятий. При делении понятий сумма членов деления должна быть равной объему делимого понятия и члены деления должны исключать друг друга:

В разделительно-категорическом силлогизме предикаты разделительной посылки должны дать исчерпывающее перечисление всех видов понятия субъекта. Если предикаты разделительной посылки не исчерпывают объема понятия субъекта, то вывод по разделительно-категорическому силлогизму нельзя считать правомерным. Такую ошибку делали физики и философы, когда под давлением новых открытий в физике, которые не могли быть объяснены механистически-материалистической методологией, скатывались на точку зрения идеализма. Ход их рассуждения был приблизительно таков:

«Философия физики может быть или механистическим материализмом, или идеализмом

Но современные данные физики не могут быть объяснены механистическим материализмом

Следовательно, единственно правильная точка зрения в физике может быть идеалистическая.

Вывод нельзя считать правильным, так как пропущена возможность третьей точки зрения, именно точки зрения диалектического материализма.

Такая ошибка встречается в модусе *tollendo ponens*.

Иная ошибка встречается в модусе *ponendo tollens*; эта ошибка заключается в том, что предикаты разделительного суждения не исключают друг друга.

Пример:

Лекция может быть хороша или по форме, или по содержанию
Лекция тов. Н была хороша по содержанию

Лекция тов. Н не была хороша по форме.

Вывод — неправильный, так как форма и содержание все же исключают друг друга.

18. Условно-разделительный силлогизм

Условно-разделительный силлогизм, как это видно из названия этого умозаключения, состоит из двух посылок: условной и разделительной.

Особый вид условно-разделительного умозаключения представляет собой дилемму. Смысл дилеммы заключается в возможности между двумя решениями; эти два возможных решения называются альтернативами.

Различают два вида дилеммы: конструктивную и деструктивную. Конструктивная дилемма устанавливает в первой посылке два условия и два следствия, которые из них вытекают:

Если А есть В, то А есть М, если же А есть С, то А есть N.

Вторая посылка утверждает возможность только этих двух условий:

А есть или В, или С.

В выводе утверждаются в виде разделительного суждения следствия первой посылки:

А есть или М, или N.

Таким образом схема конструктивной дилеммы будет следующая:

Если А есть В, то А есть М, если же А есть С, то А есть N.

А есть или В, или С

Следовательно, А есть или М, или N,

Примеры:

1. Если Н материалист, то он против религии, если же Н идеалист, то он защитник религии
Н — или материалист, или идеалист
-

Следовательно, Н или против религии, или защитник религии

2. Если теории истинны, прогрессивны, то они способствуют развитию общества, если же теории ложны, реакционны, то они препятствуют развитию общества

Но теории могут быть или истинными, прогрессивными, или ложными, реакционными

Следовательно, теории или способствуют развитию общества или препятствуют развитию общества.

Деструктивная дилемма отличается от конструктивной тем, что 1) первая посылка—своеобразное условное суждение в котором основание — обычное основание условного суждения, а следствие представляет собой разделительное суждение; другими словами, первая посылка устанавливает, что данное основание обуславливает возможность одного или другого следствия:

Если А есть В, то А есть или С, или D.

- 2) Вторая посылка отрицает возможность этих следствий:

А не есть ни С, ни D

- 3) В выводе отрицается данное основание.

Таким образом, схема деструктивной дилеммы будет следующая:

Если А есть В, то А есть или С, или D

А не есть ни С, ни D.

Следовательно, А не есть В.

Пример:

Если данная геометрическая фигура кривая второго порядка, то она или круг, или эллипс, или парабола, или гипербола

Но данная фигура ни круг, ни эллипс, ни парабола и ни гипербола

Следовательно, данная геометрическая фигура не кривая второго порядка.

Основное условие правильности построения дилеммы заключается в том, что альтернативы, которые содержатся в дилемме, должны исчерпывать все возможные следствия.

19. Энтимема

В обычном, повседневном мышлении, так же как нередко и в научных исследованиях, мы делаем умозаключения, не высказывая или не устанавливая всех его элементов. Напри-

мер, делая умозаключения по правилам категорического силлогизма, мы часто пропускаем то одну, то другую посылку, а то и заключение. Вместо того, чтобы сказать:

Все люди смертны
Сократ—человек

Следовательно, Сократ смертен,

мы говорим: Сократ смертен, потому что он человек. Точно так же скажем мы: «Иванов — принципиальный человек, потому что он коммунист».

Последнее выражение представляет собой настоящий категорический силлогизм:

Все коммунисты принципиальны
Иванов — коммунист

Иванов принципиален,

в котором опущена большая посылка.

Категорический силлогизм, в котором пропущен один из его элементов, т. е. или большая посылка, или меньшая посылка, или заключение, называется энтимемой. Энтимема по-гречески значит «в душе», «в уме»; это название указывает на то обстоятельство, что пропущенная посылка или заключение подразумеваются.

Существуют три вида энтимем: 1) энтимема, в которой пропущена большая посылка; например: «США — агрессивное государство, так как США империалистическое государство»; полная форма данного умозаключения будет иметь следующий вид:

Все империалистические государства агрессивны
США — империалистическое государство

США — агрессивное государство.

2) Энтимема, в которой пропущена меньшая посылка, например: «Железо проводит электричество, так как все металлы проводят электричество»; в данном случае пропущена меньшая посылка: «железо-металл».

3) Энтимема, в которой пропущено заключение, например: «Советские граждане защищают дело мира, а ты советский гражданин!» Тут пропущено заключение: «ты должен защищать дело мира».

Конечно, было бы ошибкой предполагать, что в вышеизложенных примерах мы имеем дело с непосредственными умозаключениями, т. е. выводами из одной посылки. Так, например, умозаключение «Вещество x проводит электричество, так как все металлы проводят электричество», неправильно, если мы не знаем (подразумеваем), что вещество x металл.

20. Сложные силлогизмы

Люди редко мыслят отдельными умозаключениями. Тем более это положение относится к научному мышлению. В научном исследовании одно умозаключение связывается с другим, другое—с третьим и т. д., и в результате этого получается связанное целое, теория, система взглядов. Причем, выводное суждение одного умозаключения становится посылкой другого умозаключения. Так, в геометрии какая-либо теорема как выводное суждение определенного умозаключения становится посылкой другого умозаключения, с помощью которого доказывается следующая теорема. Например, доказав положение о неравномерном развитии капитализма при империализме, Ленин и Сталин делают это положение одной из посылок для следующих умозаключений, в частности, для умозаключения о возможности победы социализма в одной стране.

1) Своеобразной формой обладает связь категорических силлогизмов, в которой заключение одного силлогизма является посылкой следующего силлогизма. Такая связь силлогистических умозаключений называется полисиллогизмом. Схема полисиллогизма следующая:

$$\begin{array}{l} A \text{ есть } B \\ B \text{ есть } C \\ \hline A \text{ есть } C \\ C \text{ есть } D \\ \hline A \text{ есть } D. \end{array}$$

Силлогизм, выводное суждение которого является посылкой для второго силлогизма, называется просиллогизмом; в данном случае просиллогизмом является силлогизм:

$$\begin{array}{l} A \text{ есть } B \\ B \text{ есть } C \\ \hline A \text{ есть } C. \end{array}$$

Силлогизм, в котором посылка есть выводное суждение первого силлогизма, называется эпсиллогизмом; в данном случае эпсиллогизмом является силлогизм.

$$\begin{array}{l} A \text{ есть } C \\ C \text{ есть } D \\ \hline A \text{ есть } D. \end{array}$$

Пример:

Объективный мир познаваем, и наши знания о законах его
развития являются достоверными знаниями
Общественная жизнь — часть объективного мира

Общественная жизнь познаваема, и наши знания о законах
ее развития являются достоверными знаниями
Знание о предметах, которые познаваемы, может стать
точной наукой

Знание об общественной жизни может стать точной наукой.

2) Часто при составлении сложных силлогизмов, полисиллогизмов, пропускаются некоторые посылки. Такие полисиллогизмы называются соритами. Возможен пропуск меньших посылок, но возможен также пропуск больших посылок. Если в полисиллогизме пропущены меньшие посылки, то получается сорит, известный под названием аристотелевского сорита. Если же пропущены большие посылки, получается сорит, известный под именем гокленневского сорита. Схема сорита следующая:

A есть B
B есть C
C есть D
D есть E

A есть E.

Восстановив пропущенные посылки, получим три силлогизма:

1. A есть B
B есть C

A есть C

2. C есть D
A есть C

A есть D

3. D есть E
A есть D

A есть E

Аристотелевский сорит:

Буцефал — конь
Конь — четвероногое
Четвероногое — животное
Животное — субстанция

Буцефал — субстанция.

В развернутом виде этот сорит выражается в трех силло-
гизмах:

1. Конь — четвероногое
Буцефал — конь

Буцефал — четвероногое

2. Четвероногое — животное
Буцефал — четвероногое

Буцефал — животное

3. Животное — субстанция
Буцефал — животное

Буцефал — субстанция.

Гоклениевский сорит:

Животное — субстанция
Четвероногое — животное
Конь — четвероногое
Буцефал — конь

Буцефал — субстанция.

Пример:

Общественная жизнь — часть объективного мира

Объективный мир познаваем

О познаваемом может существовать точная наука.

Об общественной жизни может существовать точная наука.

ГЛАВА VII

ТЕОРИЯ ДЕДУКТИВНЫХ УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ

1. Недостатки традиционного учения о дедуктивных умозаклЮчениях

Несмотря на более чем двухтысячелетнюю историю логики и, в частности, проблемы дедуктивного умозаклЮчения, она, т. е. последняя, до настоящего времени остается в неудовлетворительном состоянии. Дело в том, что до настоящего времени нет теории дедуктивных умозаклЮчений, которая охватывала бы и объясняла все их многообразные формы.

Теория дедуктивных умозаклЮчений в традиционной логике касается только силлогистических умозаклЮчений; проще говоря, силлогистическое умозаклЮчение трактуется как единственная форма дедуктивного умозаклЮчения. Причем, под понятием силлогистических умозаклЮчений, как мы видели, подразумевается не только категорический силлогизм, но и условные и разделительные умозаклЮчения. И это, установленное традицией, положение продолжается до настоящего времени, несмотря на явные недоразумения, которые возникают в теории силлогизма, если исходить из такого его понимания, несмотря на явные противоречия, в которые попадает эта точка зрения.

Аристотель создал теорию категорического силлогизма. На первый взгляд она казалась стройной и всеобъемлющей теорией умозаклЮчения. Уже внесение в эту теорию так называемой четвертой фигуры Галеном, в сущности знакомой уже Теофрасту, и условных умозаклЮчений нарушает строй мыслей Аристотеля.

Можно полагать, на основании высказываний Аристотеля в Органоне, что Аристотелю были известны формы условного умозаклЮчения. Но он хорошо видел, что они не

подходят к созданной им теории категорического силлогизма и, не сумев построить общую теорию дедуктивных умозаключений, оставил их вне рассмотрения. Недостатки аристотелевской теории умозаключения бросаются в глаза и при рассмотрении таких умозаключений, которые строятся из так называемых общевыделяющих суждений. Невозможно предполагать, что Аристотелю не были знакомы эти суждения, суждения, которые встречаются на каждом шагу и в науке и в практической жизни. Но Аристотель не мог ввести умозаключения с общевыделяющими суждениями в свою теорию категорического силлогизма, так как они до основания разрушили бы ее: эти умозаключения не подчиняются правилам, установленным Аристотелем для категорического силлогизма.

Все эти недостатки перешли по наследству в классическую, традиционную логику. Логика нашего времени бьется над исправлением этих недостатков, но пока не видно удовлетворительного решения.

Но даже допустив, что эти недостатки традиционной логики не столь существенны, — допущение это, конечно, не правильно, — все же нужно указать на то обстоятельство, что огромная часть дедуктивных умозаключений, многообразные формы этих умозаключений остаются вне поля зрения старой формальной логики. Самое же интересное заключается в том, что эти так называемые несиллогистические умозаключения являются, быть может, самыми ценными в познавательном отношении; ими, главным образом, и «движется вперед наука», как говорит один из логиков. Умозаключения, которые строятся из суждений, выражающих мысли о пространственных, временных, причинных отношениях, об отношениях равенства, неравенства, степени и т. д., вовсе не рассматриваются старой логикой. И наука и практическая жизнь полны такими суждениями и умозаключениями, построенными из них. Они выражают отношения вещей и реальных обстоятельств в противоположность суждениям и умозаключениям традиционной логики, в которой основную роль играли комбинации понятий, передвижка понятий и замещение одного понятия другим.

Таким образом, оказывается, что учение традиционной логики о категорическом силлогизме касается только одной формы многообразных форм дедуктивного умозаключения. Не касаясь пока вопроса об общем принципе всех форм дедуктивных умозаключений, в котором категорический силлогизм займет свое определенное место, рассмотрим теорию категорического силлогизма, насколько она приемлема, насколько действительна ее кажущаяся стройность, можно ли ее оставить в том виде, в каком она излагается в традиционной логике.

2. Недостатки традиционного учения о категорическом силлогизме

1. Несмотря на огромное значение среднего термина в теории категорического силлогизма, это понятие, как было в свое время указано Каринским, играет двусмысленную роль в силлогизме: понятие среднего термина выступает как среднее по объему по сравнению с меньшим и большим; отсюда и название этих терминов меньший, средний, больший. С определенными оговорками такое понимание среднего термина применимо к первой фигуре; например, в Barbara: объем S , входит в объем M , а объем M — в объем P ; также в Darii, та часть S , о которой говорится в меньшей посылке, входит в M , а M — в P . В Celarent уже не известно, является ли M средним по объему между S и P ; что M больше S по объему — это ясно из меньшей посылки, но объемы M и P тут уже не сравнимы. Но в первой фигуре это обстоятельство не мешает делу. Совершенно другое положение во второй фигуре, например, в Camestres; тут если стать на данную точку зрения, то объем большего термина окажется меньше объема среднего, то же и в модусе Baroco; в третьей фигуре, например, в Darapti средний термин оказывается меньше меньшего термина по объему.

Следовательно, принцип среднего термина, как среднего по объему, в учении категорического силлогизма не выдержан до конца. Где такое понимание среднего термина оказывается ложным, там ему дается уже иная интерпретация: средний термин является средним, как связующее звено между двумя другими терминами.

Можно подумать, что такая двусмысленная роль среднего термина обусловлена ошибочным принципом объемной теории, что учение категорического силлогизма можно освободить от этого недостатка, если станем на точку зрения логики содержания. Но это делу не поможет, так как в действительности умозаключения часто строятся из суждений, выражающих отношения классов предметов или отношения объемов понятий.

Что средний термин в некоторых формах дедуктивного умозаключения — в категорических силлогизмах — играет определенную роль и принимает значение то как только связывающего звена между двумя терминами, то как, в частности, также понятия, обладающего средним объемом по сравнению с другими понятиями, — факт, который нужно объяснить, а не только указать. Недостаток учения категорического силлогизма в данном случае заключается не в том, что понятие среднего термина трактуется в нем в двух различных смыслах, а в том, что оно остается необъясненным.

На основании положения среднего термина в посылках и качественной и количественной характеристики посылок строится учение о фигурах и модусах категорического силлогизма. Причем устанавливаются специальные правила для отдельных фигур и выставляется аксиома силлогизма. Так как эта аксиома установлена на самом деле только для первой фигуры, то первая фигура считается единственно совершенной, достоверной; выводы по всем остальным фигурам считаются не столь достоверными и убедительными, и поэтому строится новое учение о сведении остальных фигур на первую.

Возникает вопрос, насколько приемлемо учение классической логики о фигурах, модусах категорического силлогизма, насколько нужно учение о сведении фигур? Не содержит ли традиционное учение о категорическом силлогизме лишнего балласта, узаконенного схоластикой средних веков, от которого давно пора освободиться? Многие логики давали на этот вопрос положительный ответ. Попытаемся выделить существенное и нужное из теории категорического силлогизма, и потом только можно будет ввести ее в общую теорию дедуктивных умозаключений.

а. Четвертая фигура. Начнем рассмотрение фигур категорического умозаключения с четвертой фигуры. Аристотель, несмотря на двусмысленность употребления среднего термина, все же старался построить теорию категорического силлогизма на основании принципа субсумции. Каковы бы ни были посылки — если они дают право на вывод, — в выводе должно быть или включение S в P или исключение S из P . И поэтому сами посылки должны были быть связаны так, чтобы они могли обеспечить такой вывод. Отсюда вытекает, что в посылках меньший термин не может быть предикатом, если больший термин занимает место субъекта. Но такова именно комбинация терминов в посылках, из которых строится четвертая фигура. Аристотель гораздо лучше понимал сущность категорического силлогизма, чем его недалекovidные ученики, и поэтому он, хорошо зная возможность четвертой комбинации, вовсе выкинул ее из своей теории. Рассматривая механически принцип, по которому фигура определяется положением среднего термина в посылках, ученики Аристотеля, и окончательно Галлен, «открыли» и четвертую фигуру.

$$\begin{array}{r} P - M \\ M - S \\ \hline S - P \end{array}$$

Не стоит большого труда показать всю искусственность такого хода мысли. Единственно нормальный ход мысли из данных посылок даст вывод: $P - S$. Например:

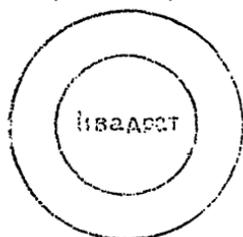
Все квадраты — параллелограммы
Ни один параллелограмм не треугольник

Ни один квадрат не треугольник ($P - S$).

Или в круговых схемах:

параллелограмм

Квадраты включаются в объем параллелограмов, параллелограммы исключаются из объема треугольников, следовательно, квадраты исключаются из объема треугольников; а по четвертой фигуре нужно было сделать заключение: треугольники исключаются из объема квадратов.

Искусственность, безжизненность этой фигуры ясна всем логикам. Почти все логики признают неестественность хода мысли, которая характеризует четвертую фигуру, и все же ее оставляют в силу традиции в качестве ненужного приесяка к учению о категорическом силлогизме.¹

К этому нужно прибавить еще следующее: умозаключения по четвертой фигуре в некоторых случаях уменьшают познавательную ценность выводного суждения, что совершенно противоречит целям познания.

Например, первый модус четвертой фигуры — *Врамапир* из двух общеутвердительных посылок дает право только на частный вывод, в то время, как те же самые посылки, если не принудить себя мыслить по четвертой фигуре, дают, естественно, общеутвердительный вывод.

¹ На это обстоятельство логики указывали давно. В русских учебниках по логике на это обстоятельство указывается уже в первых учебниках, в XVIII в. Так в учебнике 1790 г. Ив. Рижского четвертая фигура вовсе не рассматривается (стр. 87—91), а в учебнике Ивашковского (1824) читаем: «Однако ж пренебрегают большей частью 4-ю фигуру, потому что заключения в ней не так естественны; и все, что можно по ней заключить, выводится естественнее в другой фигуре из тех же посылок, иначе выраженных». (стр. 128).

Пример:

Все подлинно демократические государства миролюбивы.
 Все миролюбивые государства против Атлантического пакта.

Некоторые государства, которые против Атлантического пакта, — подлинно-демократические.

В то время, как из данных посылок гораздо естественнее сделать вывод: «Все подлинно демократические государства против Атлантического пакта», тем более, что последний вывод более ценен в познавательном отношении.

в. Третья фигура. Обратимся к третьей фигуре. История третьей фигуры поучительна. Уже Аристотель заметил сходство между третьей фигурой и определенным видом индуктивного умозаключения. Допустим, мы имеем три термина: 1) животные, не имеющие желчи (M), 2) животные, живущие долго (P), и 3) человек, лошадь, мул и др. (S); из этих трех терминов можно составить категорический силлогизм:

Животные, не имеющие желчи, живут долго
 Человек, лошадь, мул и др. не имеют желчи

Человек, лошадь, мул и др. живут долго.

Индуктивное умозаключение будет иметь следующий вид:

Человек, лошадь, мул и др. живут долго
 Человек, лошадь, мул и др. не имеют желчи

Животные, не имеющие желчи, живут долго.

В силлогизме мы соединяем крайние термины при посредстве среднего; в индуктивном же умозаключении мы соединяем средний термин с одним из крайних (P) с помощью другого крайнего (S) термина.

Но второе умозаключение является по форме третьей фигурой категорического силлогизма; она дает только частные выводы. К первой фигуре ее можно свести путем обращения меньшей посылки, но обращение в данном случае возможно только с ограничением. Если же принять во внимание, что индукция дает общий вывод, то станет ясно, что субъект и предикат меньшей посылки должны быть равными по объему, что позволит нам сделать простое обращение. Таким образом, в понятии субъекта меньшей посылки должны быть перечислены все животные, не имеющие желчи.

Мысль о том, что третья фигура сходна с индуктивным умозаключением, нашла многих приверженцев. Одним из первых в истории новой логики на это сходство указал известный русский логик Каринский. Это положение настолько широко распространилось, что в проектах программы по логике третья фигура была помещена в отдел индуктивных умозаключений. Соображения в пользу «перевода» третьей фигуры категорического силлогизма в разряд индуктивных умозаключений следующие.

Традиционное определение дедуктивного умозаключения предполагает, что вывод по этому умозаключению должен быть менее общим по сравнению с посылками. Что же касается третьей фигуры, то оказывается, что тут вывод более общий, чем посылки. Так, проф. Асмус считает, «что вывод третьей фигуры, есть, в сущности, вывод о группе предметов в целом». Предикат вывода есть возможная характеристика всей группы предметов. Хотя в этом смысле можно сказать, что субъектом в заключении является сама группа предметов в целом, все же эта характеристика целой группы остается здесь неполной и недостаточной: мы не знаем из заключения, какая именно часть предметов обладает этой характеристикой.¹ Возьмем пример третьей фигуры:

Натрий легче воды
Натрий — металл.

Некоторые металлы легче воды.

Признак «легче воды» характеризует группу предметов в целом; поэтому — вывод более общий по сравнению с посылками. Но, оказывается, «характеристика целой группы остается здесь неполной, недостаточной»; мы не знаем, к какой части группы относится эта характеристика.

Если мы не знаем, к какой части группы относится данная характеристика, то на каком основании считать вывод более общим, чем посылки? Ведь может быть эта часть группы предметов заключает в себе только тот предмет, о котором идет речь в посылках?

Таванец рассматривает третью фигуру в качестве вида индуктивных умозаключений под названием «Умозаключение совместности». «Как умозаключение личного опыта, эта форма имеет тенденцию давать общие выводы (например, у ребенка на ранних ступенях его интеллектуального развития)». «Дальнейший опыт показывает, что общий вывод недостаточно обоснован посылками умозаключения».² Но это не

¹ Асмус. Логика, стр. 195.

² Философские записки, I, стр. 93—94.

означает, что умозаключение совместности не может дать никакой характеристики общему. «Не обладая достаточным основанием для характеристики всего класса предметов (общего), посылки умозаключения позволяют нам, однако, утверждать, что этот класс, по крайней мере некоторые его представители, обладает тем же признаком, который мы непосредственно наблюдали в данном предмете. В этом переносе какого-либо признака единичного предмета на класс (в некотором числе его представителей) и заключается познавательная ценность умозаключения совместности».¹

Как видим, вышеуказанные авторы утверждают, что умозаключение по третьей фигуре дает знание о группе предметов, о классе предметов, об общем, на основании знания единичного предмета, хотя оговариваются, что мы не знаем, к какой части группы относится эта характеристика, или, что мы переносим признак на класс «в некотором числе его представителей». Удивительно только, как совместить два утверждения: переносим признак с единичного на общее и переносим его на класс «в некотором числе его представителей».

Все эти рассуждения основаны на одном недоразумении. Сравним два суждения: «металл натрий — легче воды» и «некоторые металлы легче воды». Эти два суждения, взятые отдельно, отличаются друг от друга. Второе суждение, конечно, можно интерпретировать как более общее по сравнению с первым. Дело в том, что «некоторые», как мы знаем, означает отрицание «ни одного», «некоторые» может означать и «один», и «несколько», и «все». В данном случае суждение «некоторые металлы легче воды» отрицает суждение «ни один металл не бывает легче воды» и утверждает, что таким металлом может быть один определенный металл, несколько видов металла, а может быть и весь класс металлов — все металлы. И в этом отношении второе суждение может быть (но не необходимо есть) более общим по сравнению с первым. Совершенно иное положение в третьей фигуре:

Натрий — легче воды

Натрий — металл

Некоторые металлы легче воды.

Суждение «некоторые металлы легче воды» тут уже не независимо от посылок: взятое отдельно от посылок, оно не имеет, так сказать, определенного содержания, определенного в том смысле, что мы не знаем, о каких металлах идет речь, об одном, о многих или обо всех. Но это суждение как заключение из определенных посылок, имеет

¹ Философские записки, I, стр. 94.

определенный смысл. Достаточно спросить, какие некоторые металлы легче воды, как ответ уже ясен: именно металл натрий. Ведь об этом металле идет речь в посылках! Какое право мы имеем говорить о других (нескольких или всех) металлах, когда речь идет только о натрии. Настоящий и единственный смысл выводного суждения следующий: некоторые металлы, именно натрий, легче воды.

А если так, то третья фигура, в сущности, не дает никакого вывода. В одной из посылок утверждается один признак предмета («металл»), в другой посылке утверждается еще один признак того же предмета («легче воды»); в выводе утверждается, что данный предмет обладает обоими признаками; данный предмет, говорим мы, так как ясно, что в выводе говорится о том же предмете. На самом деле выводное суждение — просто соединительное суждение, соединяющее данные посылки: натрий—металл и легче воды. Т. е. вместо действительного вывода

$$\begin{array}{rcl}
 M - P & & M - P \\
 M - S \text{ мы получаем} & & M - S \\
 \hline
 S - P & & M \text{ есть } S \text{ и } P,
 \end{array}$$

что вовсе не является выводом.

Авторы, защищающие правомерность третьей фигуры,— все равно, оставляют ли ее в группе дедуктивных умозаключений или рассматривают ее как вид индуктивного умозаключения,—указывают на ее малую познавательную ценность, «так как мы, производя вывод, не можем решить: существенен ли для данного класса этот признак или нет. Он в равной мере может оказаться (при дальнейшем углублении нашего знания) и существенным, принадлежащим всему классу, и несущественным, принадлежащим только некоторым или даже одному представителю данного класса».¹

Конечно, «при дальнейшем углублении нашего знания» может оказаться и одно и другое, но ведь это углубление нашего знания выходит за пределы выводов по третьей фигуре или умозаключения по совместности. При оценке данного умозаключения мы должны поставить вопрос: дает ли оно в выводе новое суждение, новое знание по сравнению с посылками. Как мы видели, выводное суждение не дает нового знания, оно не является выводом.

Утверждение, что «это умозаключение употребляется для частичной характеристики общего», заключает в себе внутреннее противоречие. Выражение «частичная характеристика общего» имеет смысл, когда мы указываем не все, а только один или несколько признаков общего. И неправильно говорить о частичной характеристике общего в некотором числе его представителей.

¹ Философские записки, I, стр. 95.

С точки зрения традиционной логики познавательное значение выводов по третьей фигуре заключается, якобы, в том, что с помощью этого умозаключения опровергаются ложные общие положения, поспешные обобщения. Так, например, если кто-нибудь утверждает, что все «металлы тяжелее воды», то мы можем опровергнуть его положение умозаключением по третьей фигуре:

Натрий легче воды
Натрий — металл

Следовательно, некоторые металлы легче воды.

Но разве для опровержения данного общего положения нужно составлять силлогистическое умозаключение, вывод которого опровергает его? Не проще ли указать на металл натрий, который легче воды. Конечно, это указание можно облечь в силлогистическую форму, но, как вы видели, это не будет подлинным умозаключением, так как выводное суждение будет простым соединением двух посылок.

с. Первая и вторая фигуры. Остаются две первые фигуры категорического силлогизма; в каждой четыре модуса. Первая фигура:

$M a P$	$M e P$	$M a P$	$M e P$
$S a M$	$S a M$	$S i M$	$S i M$
$S a P$	$S e P$	$S i P$	$S o P$

Достаточно взглянуть на эти модусы, как сразу станет ясно, что тут не четыре своеобразных вида умозаключения, а только два. Модусы Barbara и Darii представляют один тип вывода

$M a P$
$S a, i M$
$S a, i P$

С точки зрения отношения объемов понятий, этот тип вывода можно выразить следующим образом: объем S всецело (частью) входит в объем M , а объем M входит всецело в объем P ; следовательно, объем S всецело (частью) входит в объем P .

С точки зрения отношения содержаний понятий он выражается следующим образом: признак P присущ M , а признак M присущ S (части S); следовательно признак P присущ S

(части S). Точно так же и модусы Celarent и Ferio представляют один тип умозаключения:

$$\begin{array}{c} M e P \\ S a, i M \\ \hline S e, i P \end{array}$$

Объем S всецело (частью) входит в объем M, объем M всецело выключен из объема P; следовательно, объем S всецело (частью) выключен из объема P.

Таким образом, главное тут не в учении о четырех модусах, учение о которых не отличается принципиальностью, а носит совершенно случайный характер, а в ходе мысли, которых всего два. Между прочим аксиома силлогизма, в какой бы форме ее не формулировали, предполагает именно эти два типа умозаключения по первой фигуре. Что утверждается о целом роде, то утверждается и о подчиненном этому роду; что отрицается о целом роде, то отрицается и о подчиненном этому роду. Первая половина данной аксиомы характеризует первый вид умозаключения по первой фигуре, вторая половина аксиомы — второй вид умозаключения.

Из этой же аксиомы вытекают правила первой фигуры: все, что утверждается (отрицается) о целом роде — P утверждается (отрицается) о целом M — значит, большая посылка должна быть общей, — утверждается (отрицается) о подчиненном этому роду — S подчинен M — значит, меньшая посылка должна быть утвердительной.

Вторая фигура:

$$\begin{array}{cccc} P e M & P a M & P e M & P a M \\ S a M & S e M & S i M & S o M \\ \hline S e P & S e P & S o P & S o P \end{array}$$

Аналогично первой фигуре и тут мы имеем не четыре своеобразных вида умозаключений, а только два: Cesare и Festino, с одной стороны, Camestres и Baroco, с другой.

$$\begin{array}{ccc} P e M & & P a M \\ S a, i M & \text{и} & S e, o M \\ \hline S e, o P & & S e, o P \end{array}$$

Аристотелю, который выставил аксиому только для первой фигуры, пришлось создать учение о сведении остальных фигур на первую, чтобы подогнать их под аксиому первой фигуры. Гораздо естественнее выставить аксиому для второй фигуры и этим сделать выводы столь же «очевидными» как и выводы первой. Из разнообразных формулировок аксиом второй фигуры можно остановиться на следующей: две различные вещи не присущи друг другу.

д. **Силлогистические и несиллогистические умозаключения.** Традиционная логика рассматривает умозаключения как определенную комбинацию понятий вне их отношения к действительности. Правда, она говорит о признаках предметов и понятий — аксиома силлогизма часто формулируется как «признак признака есть признак в вещи», но под предметами, вещами подразумеваются на самом деле только понятия и их отношения. С другой стороны, когда логики становятся на точку зрения объемной логики, они говорят об объемах понятий, причем под объемом подразумевается совокупность предметов. На самом же деле, все логические учения излагаются таким образом, что все предметные, вещные отношения исключаются из рассмотрения и остаются только «логические» отношения. Казалось бы, так и должно быть: что же иное должна изучать логика, как не логические отношения? Но дело в том, что в понятие «логического отношения» вкладывается только или отношение объемов, или отношение содержаний понятий, причем между ними устанавливается полное или частичное тождество, с одной стороны, или различие, с другой.

Став на эту точку зрения, традиционная логика оказывается беспомощной, как только она встречается с суждениями и умозаключениями, в которых отношения понятий не укладываются в заранее установленную схему отношений объемов или содержаний. Исходя из предвзятой точки зрения, якобы логическое отношение — это отношение объемов и содержаний понятий и что в суждениях и умозаключениях должны выражаться только эти отношения, а эти отношения вполне достаточны для объяснения силлогистических умозаключений, традиционная логика или вовсе отрицает существование других форм дедуктивных умозаключений, кроме силлогистических, или же объявляет их не «логическими», т. е. такими, с которыми логика не должна иметь дело.

«По этим же основаниям следует признать, что не существует особого вида... несиллогистических умозаключений. Действительно, силлогистическое умозаключение основано на определенном логическом типе отношений понятий, именно на том отношении, которое выражено аксиомой силлогизма *dictum de omni* — то, что говорится о целом классе предметов, говорится и о каждом отдельном предмете, или *nota notae* — признак признака вещи есть признак самой вещи. Именно это придает силлогизму определенную логическую структуру. Умозаключения же, построенные на отношении предметов во времени, в пространстве, на отношениях причинности, величины, любви, родства и т. д., не имеют никакого единого логического основания, а потому лишены

всякой определенности, и для них нельзя установить никаких логических правил, логических законов».¹

Конечно, если под понятием «логического» понимать только отношения объемов и содержаний понятий, то все суждения и умозаключения, выражающие иные отношения, чем отношения объемов и содержаний понятий, окажутся нелогическими. Непонятно только, как авторы, защищающие такую точку зрения, стараются свести к логическому (силлогизму) то, что по своей сущности не является логическим.

Изложенная выше точка зрения довольно распространена. Некоторые буржуазные логики, которые оказались не в состоянии охватить многообразные формы умозаключений и создать единую теорию умозаключений, ограничиваясь изложением теории категорического силлогизма, оправдываются тем, что, мол, логика и не должна заниматься изучением других форм умозаключения, что эти другие формы выходят за пределы логики, логического мышления.

Вот как рассуждают эти логики: логика должна заниматься только категорическими силлогизмами, так как только они имеют логический характер. Под понятием логического понимается аналитический характер связи между субъектом и предикатом и аналитический характер выведения заключения из посылок, т. е. отношение объемов между понятиями. Существуют и другие формы умозаключения, в которых отношение между понятиями синтетическое, например, умозаключения, построенные на временных, пространственных, причинных отношениях. Но эти умозаключения, оказывается, стоят вне логики, так как логическое мышление не принимает в них участия, происходят без содействия логического мышления.

Идеализм и формализм традиционной логики, признающей только формально-абстрактные отношения между понятиями и отрицающей связь наших понятий с действительностью, конкретнее, отрицающей то обстоятельство, что понятия и суждения отражают предметы и явления действительности, что понятия указывают на предметы, которые мы мыслим, что суждения отражают реальные отношения вещей, явлений, привело ее не только к сужению области умозаключения, признав единственной ее формой силлогизм, но и к неправильному его пониманию. Освободившись от идеализма и формализма традиционной формальной логики и построив на материалистической основе общую теорию дедуктивных умозаключений, мы увидим не только ограниченность старой логики в учении о силлогизме, но и правильно поймем сущность этого учения.

Традиционное учение о силлогизме страдает, кроме того, следующим недостатком. Силлогистическое умозаключение,

¹ Строгович, Логика, 1949 г., стр. 269.

утверждает традиционная логика, основано на определенном логическом типе отношений понятий. Став на эту точку зрения, традиционная логика не замечает тех несуразностей, которые она совершает, рассматривая условные, условно-категорические, разделительные и т. д. умозаключения как силлогистические. Ведь ни о каких отношениях между понятиями не может быть уже речи в условных умозаключениях.

Конечно, и в умозаключениях, построенных из условных суждений, участвуют понятия, но ведь в этих умозаключениях существенным является не отношение понятий, а отношение между суждениями. Тут уже не имеет смысла говорить об объемах или содержаниях понятий, тут мы уже не имеем, строго говоря, ни субъекта, ни предиката в суждениях, из которых построены данные умозаключения.

В умозаключениях:

I   Если А есть В, то С есть D
       Если С есть D, то E есть

или

II   Если А есть В, то С есть D
       А есть В

Следовательно, С есть D

мы не имеем отношения между понятиями. Тут у нас отношения между суждениями. Нельзя серьезно говорить о том, что «А есть В» есть субъект, а «С есть D» — предикат. Насильственное приведение этой формы умозаключения к форме категорического силлогизма, с теми же символами, как и в последнем, как мы это уже видели выше, таково:

Если S, то M
 Если M, то P

Если S, то P.

Придав такую форму чисто условному умозаключению и пригнав его, таким образом, к первой фигуре категорического силлогизма, традиционная логика оперирует с понятиями S, M, P, как с терминами категорического силлогизма, не обращая внимания на бессмысленность выражений: «если S, то M», «если M, то P». Если же вложить в эти выражения смысл, который в них заключается, именно «если есть S, то есть M», «если есть M, то есть P», будет ясно, что тут мы имеем не отношения между понятиями — в частности объемами или содержанием понятий, — а самими подлинными суждениями «А есть», «М есть», «Р есть».

Таким образом, уже включение условных умозаключений в группу силлогистических умозаключений противоречит принципу учения традиционной логики о силлогизме.

Многие логики давно заметили эту непоследовательность традиционного учения о силлогизме, но, не имея, как видно, определенной точки зрения, не сумев построить общей теории дедуктивных умозаключений, пошли по традиционному пути.

Так, например, проф. Асмус, указывая, что «строго говоря, чисто условный силлогизм не является силлогистическим заключением, так как в нем нет терминов, характеризующих силлогистические выводы», все же рассматривает его в главе о видах силлогизма. Если чисто условное умозаключение не является силлогизмом, зачем же тогда включать его в класс силлогистических умозаключений? Кроме того, если чисто условное умозаключение не является силлогистическим, то почему это положение не распространить на условно-категорическое умозаключение; разве в условно-категорическом умозаключении участвуют термины, характеризующие силлогистические выводы?

3. Общая теория дедуктивных умозаключений

а. Общие замечания. Ограниченность, идеализм и формализм традиционной логики становятся более ясными и ощутимыми, когда ставится вопрос о так называемых несиллогистических умозаключениях. Дело в том, что эти умозаключения никак не объясняются простым отношением понятий, отношением их объемов и содержаний. Конечно, и простой категорический силлогизм, в сущности, необъясним, если стать на точку зрения только отношений понятий, если не принять во внимание те отношения между вещами и явлениями, которые отражаются этими понятиями. Но дело совершенно меняется, когда перед нами умозаключения совершенно правомерные, которые строятся из суждений, в которых отношения между понятиями не отражают отношения между вещами, явлениями. Тут уже понятия меньшего, среднего и большего терминов, их взаимные отношения не помогают и не могут помочь уяснению принципа правомерности умозаключения. Между тем, и это следует особо подчеркнуть, именно эти, так называемые, несиллогистические умозаключения играют огромную роль в процессе познания, именно их характеризует наибольшая познавательная ценность. Она, эта познавательная их ценность, настолько велика, что с точки зрения некоторых логиков с помощью этих умозаключений и движется вперед наука.

Уже древние логики обратили внимание на своеобразные формы умозаключений, которые отличаются от аристотелевского категорического силлогизма и от условных и раздели-

тельных умозаключений. И в логике нового времени встречаются примеры таких умозаключений. Но до Лейбница никто не обращает на них серьезного внимания. Несиллогистическое (асиллогистическое у Лейбница) умозакключение имеет внешнюю форму категорического силлогизма, но существенно отличается от него тем, что в нем больше трех терминов, поэтому нет среднего термина и поэтому оно не подчиняется правилам категорического силлогизма.

Примерами таких умозаключений могут служить следующие:

$$\begin{array}{r} 1. \quad A = B \\ \quad \quad B = C \\ \hline \quad \quad A = C \end{array}$$

Такое же правильное умозакключение получится, если вместо отношения равенства поставим отношение «больше», «меньше», «выше», «ниже», «восточнее», «левее», «правее», «раньше», «позже» и т. д.

Везде, во всех этих умозакключениях, мы имеем по четыре термина: А, В, «равное В» и «равное С» или А, В, «больше В» («выше», «восточнее», «левее», «раньше» и т. д. В) и соответственно — С.

Умозакключение:

Петр никогда не выезжал из Тбилиси
Павел никогда не приезжал в Тбилиси

Петр и Павел никогда не встречались друг с другом
заключает в себе 6 терминов.

Ясно, что эти умозакключения не могут быть категорическим силлогизмом.

Умозакключение:

Только люди делают орудия
Обезьяны не люди

Обезьяны не делают орудия

протекает по первой фигуре категорического силлогизма, но не подчиняется правилам первой фигуры, так как тут меньшая посылка отрицательная.

Умозакключение:

Только М не есть Р
Ни одно S не есть М

Все S суть Р

или:

Только подлинно демократические страны не являются агрессивными
Ни одна капиталистическая страна не является подлинно демократической

Все капиталистические страны агрессивны

правильное, но оно нарушает всяческие правила категорического силлогизма: вывод не только получается из двух отрицательных посылок, но к тому же вывод этот утвердительный.

Можно до бесконечности умножить примеры таких умозаключений, которые, будучи правильными, нарушают правила аристотелевского силлогизма.

Логика не может обойти их, она должна создать теорию, объясняющую структуру и принцип таких умозаключений, привести их в связь с уже известными и так или иначе разъясненными формами умозаключений. Даже в том случае, когда отрицается самостоятельное существование таких умозаключений, то и тогда мы в праве потребовать доказательства их несамостоятельности и их сводимости на известные формы силлогистических умозаключений.

в. Теория, отрицающая существование так называемых несиллогистических умозаключений. Существует группа логиков, стоящих на различных мировоззренческих позициях, которая отрицает существование несиллогистических умозаключений. Из советских логиков эту точку зрения защищает проф. Строгович. Опираясь на свою теорию суждения, проф. Строгович строит теорию умозаключения. Он излагает традиционное учение о категорическом силлогизме. Несиллогистических умозаключений проф. Строгович не признает: «Если имеется, — пишет он, — особый вид суждений отношения, то имеется и особый вид умозаключений, посылки которых состоят из таких суждений отношений».¹ Такие умозаключения и будут несиллогистическими. Но так как не существует особого вида суждений отношения, то не существуют и несиллогистические умозаключения. Проф. Строгович делает непозволительный вывод: он от отсутствия основания заключает к отсутствию следствия.

Дальше: силлогистическое умозаключение, утверждает проф. Строгович, основано на определенном логическом типе отношении понятий; умозаключения же, построенные на отношении предметов во времени, в пространстве и т. д., не имеют никакого единого логического основания и потому лишены всякой определенности и для них нельзя установить никаких логических правил, логических законов.²

¹ Строгович. Логика, стр. 218.

² Там же, стр. 219.

Казалось бы, мысль ясная и определенная: силлогистические умозаключения имеют единое логическое основание и поэтому подчиняются правилам. Несиллогистические умозаключения лишены такого основания и для них нельзя установить правил. Такова мысль проф. Строговича; можно ли согласиться с ней — это другой вопрос; дело в том, что, оказывается, существуют и несиллогистические умозаключения! Только для них нельзя установить правил.

Но проф. Строгович отрицает только что выставленное положение: никаких несиллогистических умозаключений нет; они на самом деле «представляют собой не больше, как привычное сокращенное выражение силлогистических умозаключений и всегда могут быть сведены к силлогизмам».¹

Проф. Строгович рассматривает пример так называемого несиллогистического умозаключения. Точка А левее точки В; точка В левее точки С; следовательно, точка А левее точки С. Умозаключение правильное. Но усомнимся на минуту в правильности умозаключения. Как можно его доказать? Поставив этот вопрос, проф. Строгович начинает доказывать правильность этого умозаключения. Доказательство следующее. Формулируем общее правило: если точка В левее точки С, то все точки, лежащие левее В, будут и левее С. Это утверждение, пишет проф. Строгович, основано не на логических основаниях, а на наших знаниях об отношениях предметов в пространстве. Это утверждение так же правильно, как правильны утверждения, что все люди смертны, если газ нагреть, он расширится и т. д.

Это положение проф. Строгович делает большей посылкой гипотетического силлогизма, категорическое суждение «точка В находится левее точки С» — меньшей посылкой и получает умозаключение:

Если точка В левее точки С, то все точки левее точки В,
будут левее точки С
Точка В левее точки С

Следовательно, все точки левее В расположены левее точки С.

Заключение этого силлогизма проф. Строгович делает снова большей посылкой нового силлогизма.

Все точки левее В расположены левее точки С

Точка А расположена левее точки В

Следовательно, точка А расположена левее точки С.

«Что и требовалось доказать. Последний силлогизм — модус (AAA) первой фигуры».² Проф. Строгович полагает, что логики возражали против сведения несиллогистических

1. Строгович. Логика, стр. 219.

2 Там же, стр. 219—220.

умозаключений к силлогизмам потому, что имели в виду только категорические силлогизмы и упускали из виду существование гипотетических силлогизмов.¹

Рассмотрим рассуждения проф. Строговича.

а) «Рецепты» сведения несиллогистических умозаключений к силлогистическим известны со времен стоиков. Неправ проф. Строгович, утверждая, что возражения против такого сведения опирались на то обстоятельство, что логики имели в виду только категорический силлогизм. Любители этого сведения большей частью имели в виду именно условно-категорическое умозаключение, к чему они и пытались свести несиллогистическое умозаключение, к чему за помощью обращается и проф. Строгович.

в) Странное впечатление оставляет рецепт сведения проф. Строговичем одного вида умозаключения к другому. Умозаключение А левее В, В левее С, следовательно, А левее С обладает гораздо большей ясностью и убедительностью, чем «доказательство», предложенное проф. Строговичем и изложенное на целой странице. Зачем, для чего нужны такие громоздкие построения? Для того, чтобы «доказать» правильность данного умозаключения тому, кто усомнится в его правильности? Но как же мы доказываем правильность этого умозаключения? С помощью двух других, более сложных умозаключений? Ведь эти умозаключения, к которым прибегает проф. Строгович для сведения несиллогистического умозаключения к силлогизму, ничуть не убедительнее данного. А если можно усомниться в правильности данного умозаключения, то почему не усомниться в правильности силлогизмов, приведенных проф. Строговичем на подмогу? Ведь доказательство той формы, к помощи которой прибегает проф. Строгович, всегда принимает форму умозаключения; и он хочет одной формой умозаключения — более сложной — доказать правильность другой формы умозаключения — более ясной и убедительной!

с) Как доказывает проф. Строгович, правильность умозаключения А левее В, В левее С, следовательно, А левее С. Он формулирует, как мы видели, общее правило: если точка В левее точки С, то все точки, лежащие левее В, будут и левее С. Это утверждение правильно, пишет проф. Строгович, но оно «основано не на каких-либо логических правилах, а на наших знаниях об отношении предметов в пространстве». Оно так же правильно, как правильны утверждения, что все люди смертны, если газ нагреть, он расширится, и т. д.

Насколько приемлемы эти утверждения?

На основании чего мы знаем, что все люди смертны и

¹ Строгович. Логика, стр. 219.

т. д.? На основании только живого созерцания, на основании восприятий? Может ли только лишь восприятие дать знание об общем? Можно ли на основании восприятий, без помощи умозаключения, открыть общее положение, закон, «общее правило»? Только интуиционистская точка зрения может дать на этот вопрос утвердительный ответ.

«Общее правило», выставленное проф. Строговичем, не дано прямо и непосредственно в восприятиях, оно «умозаключается» из восприятий. А если так, то для «доказательства» одного умозаключения проф. Строгович, выставляя «общее правило», уже пользуется умозаключением, которое опять нужно будет доказать, и т. д. до бесконечности.

«Рецепт» сведения несиллогистических умозаключений к силлогистическим настолько подробно обсужден в логической литературе и отвергнут ею, что становится непонятым, как можно прибегать к этому «рецепту» в настоящее время. Эти попытки сведения показывают лишь неспособность создать теорию, охватывающую и объясняющую многообразные формы умозаключений и вытекающее отсюда стремление оставить в неприкосновенности традиционное учение и втиснуть в старые формы вновь открытые формы умозаключений.

Известный русский логик М. Каринский писал: «Требовать в настоящее время от логики, чтобы она рассмотрела все возможные формы вывода, было бы, может быть, едва ли справедливо. ...Нельзя быть заранее уверенным даже в том, что какая-нибудь наука... не представит некоторых особых модификаций умозаключающей деятельности. Поэтому от логики мы можем требовать только того, чтобы она обнимала в себе все известные, уже применявшиеся в науке или жизни формы выводов...

Гераклит Ефесский,— так может заключать историк,— был современником Гермодора. Гермодор был современником децемвиров, следовательно, Гераклит жил около времени децемвиров. Или другой пример: «Г. N слышал от своего знакомого, что в его доме помещается контора такого-то страхового общества; справляясь затем у кого-нибудь, где живет известный доктор, г. N узнает, что он живет в доме, где помещается эта именно контора; из этих посылок г. N справедливо заключает, что нужный ему доктор живет в доме его знакомого».

Каринский указывает на различие этих умозаключений от силлогистического. Однако, «кто не признает нужды в других формулах», отличных от фигур категорического силлогизма, тому нужно подвести первые под вторые. «Но чтобы они точно подходили под первую фигуру силлогизма, нужно прибавить к ним в качестве большей посылки некоторое общее положение, именно: два предмета, современные или совмест-

дые с одним и тем же третьим, современны или совместны и друг с другом...

Схема высказанных заключений, если не прибавлять к ним общего положения, такова: А современно или совместно с В, В современно или совместно с С, следовательно, А современно или совместно с С... Полученный вывод и без прибавления аксиомы о современности или совместности двух предметов столь же кажется ясным и убедительным, как и вывод по первой фигуре категорического силлогизма. Почему же мы должны без аксиомы счесть его незаконченным, когда совершенно удовлетворяемся выводом по первой фигуре? Конечно, если спросить историка, почему он уверен, что признанная им современность двух лиц с известным третьим лицом достаточно гарантирует его выводное положение, то он, по всей вероятности, сошлется на аксиому и скажет, что два предмета, современные одному и тому же третьему, не могут не быть современны один с другим. Но разве силлогизм не предполагает подобной же ссылки также на некоторую аксиому, которую мы тем не менее отделяем от посылок и не прибавляем к самому выводу? Возьмем силлогизм: все люди смертны, Кай—человек, следовательно, Кай смертен. Об этом силлогизме можно также спросить: почему следует признать его бесспорно верным, почему на него можно положиться? Потому, ответит логика, что иначе пришлось бы отрицать аксиому, по которой признак признака необходимо должен быть и признаком предмета, к которому относится последний признак... Почему же эта аксиома не упоминается в числе посылок каждого силлогизма первой фигуры? Почему вывод не принимает, например, такой формы: признак признака есть признак предмета, владеющего последним признаком, а смертность есть признак понятия о человеке, служащего в свою очередь признаком Кая, следовательно, к Каю должно быть отнесено понятие смертности в качестве признака. На этот вопрос, по всей вероятности, большинство логиков ответило бы так: эта аксиома вовсе не посылка, не суждение, содержащее особую, новую мысль, необходимую для вывода, а простая формула вывода: она представляет в отвлеченной форме ту связь понятий, которая необходима для состоятельности вывода и которая конкретно дана для каждого определенного силлогизма в самих его посылках.¹

с. Понятие дедуктивного умозаключения в традиционной логике. I. Традиционная логика делит все опосредствованные умозаключения на дедуктивные и индуктивные. Это деление восходит, в сущности, к Аристотелю. Как было уже указано, Аристотель, сравнивая силлогистическое умозаключение с

¹ Карпинский. Классификация выводов, стр. 65—67.

определенным видом индуктивного умозаключения, приходит к следующему выводу: в силлогизме мы связываем меньший и больший термины посредством среднего, в индукции же средний и больший термин — посредством меньшего.

Для Аристотеля такое различие дедукции от индукции может быть и имело смысл, поскольку он сравнивал категорический силлогизм с полной индукцией. Но уже после того, как другие виды «силлогистического» умозаключения, как, например, условный и разделительный, нашли свое место в логике, аристотелевское определение дедукции и индукции становится неприемлемым: в условном силлогизме уже нет тех терминов — меньшего, среднего и большего, о которых речь идет в категорическом силлогизме. Тем более становится неприемлемым данное различие при дальнейшем развитии логики, когда были обнаружены многообразные формы умозаключений.

Традиционная логика воспользовалась другим определением дедуктивных умозаключений, восходящим к тому же Аристотелю: дедуктивное умозаключение — это умозаключение от общего к частному, индуктивное же — это умозаключение от частного к общему.

Несмотря на явные недоразумения и противоречия, к которым приводит такое определение дедуктивных и индуктивных умозаключений, в большинстве учебников по логике до настоящего времени оно сохраняется.

Нedorазумения, вызванные таким определением, следующие:

а) Несмотря на данное определение дедуктивного умозаключения как умозаключения от общего к частному, логики ухитряются втиснуть в класс дедуктивных умозаключений и условные умозаключения. На самом же деле в условном умозаключении совершенно нет вывода от общего к частному. В этом умозаключении вывод обладает такой же общностью, как и посылки:

Если А есть В, то С есть D

Если С есть D, то Е есть F

Если А есть В, то Е есть F.

В этом умозаключении вывод «если А есть В, то Е есть F» обладает той же общностью, что и посылки, например, «если А есть В, то С есть D».

Поэтому при данном определении дедуктивного умозаключения чисто условное умозаключение никак нельзя признать силлогистическим, то-есть дедуктивным. Иначе говоря,

определение дедуктивного умозаключения противоречит сущности одного из видов дедуктивного умозаключения—именно, сущности условного умозаключения: никакого вывода от общего к частному тут нет!

в) То же самое, в сущности, нужно сказать о разделительном, условно-категорическом, разделительно-категорическом умозаключениях, которые включаются в класс дедуктивных. Разве в умозаключении:

$$\begin{array}{c} A \text{ есть или } B, \text{ или } C \\ A \text{ есть } B \\ \hline A \text{ не есть } C \end{array}$$

посылки являются более общими, чем вывод? Они обладают той же общностью, что и выводное суждение. Или чисто разделительный силлогизм:

$$\begin{array}{c} A \text{ есть или } B, \text{ или } C \\ C \text{ есть или } D, \text{ или } E \\ \hline A \text{ есть или } B, \text{ или } D, \text{ или } E. \end{array}$$

Никакой разницы с точки зрения общности между посылками и выводом нет.

Наконец, возьмем условно-категорическое умозаключение:

$$\begin{array}{c} \text{Если } A \text{ есть } B, \text{ то } C \text{ есть } D \\ A \text{ есть } B \\ \hline C \text{ есть } D. \end{array}$$

В посылках данного умозаключения утверждается: 1) связь основания и следствия и 2) основание; в выводе утверждается следствие. Ни связь данного основания и следствия, ни основание не являются более общими суждениями, чем утверждение следствия. К данному умозаключению тем более не подойдет традиционное определение дедуктивного умозаключения, если первую посылку (т. е. условное суждение) трактовать с точки зрения традиционной логики. Ведь традиционная логика рассматривает условное суждение «если A есть B , то C есть D » как суждение « C есть D », данное условно, а категорическое суждение « C есть D » как суждение, связывающее C и D без всяких условий. Поэтому вся разница между первой посылкой и выводным суждением условного умозаключения должна быть сформулирована следующим образом: сущность данного умозаключения выражается в том, что то,

что дано условно в первой посылке, то утверждается в выводе безусловно;

с) Существует огромный класс умозаключений, так называемых «несиллогистических» умозаключений, которые явно не подходят ни под традиционное определение дедуктивных, ни под определение индуктивных умозаключений. В этих умозаключениях выводное суждение обладает такой же общностью, как и посылки:

$$\begin{array}{r} A = B \\ B = C \\ \hline A = C \end{array}$$

Таким образом, перечисленные выше виды умозаключений не являются дедуктивными, если под понятием дедуктивного умозаключения понимать умозаключение от общего к частному. Конечно, они не являются также индуктивными умозаключениями.

Именно эти определения имел в виду Энгельс, когда он критиковал тех, которые хотели втиснуть все богатство форм умозаключения в рамки этих двух форм.

2. Некоторые логики нашли выход из этого положения в следующем: разделили все умозаключения на три класса. Оставив традиционные определения дедуктивных и индуктивных умозаключений и распределив умозаключения по этим классам — от общего к частному и от частного к общему, они поместили все остальные умозаключения, в которых, следовательно, вывод не отличается по общности от посылок, в третий класс, класс традуктивных умозаключений.

С этой точки зрения в класс традуктивных умозаключений должны попасть так называемые несиллогистические умозаключения, условные, разделительные умозаключения, полная индукция, которую оставляют в качестве полноценного умозаключения, и аналогия. Стоит только обозреть эти умозаключения, как сразу станет очевидным, какие разнородные виды умозаключений попали в класс традуктивных умозаключений. Как совместить в одном классе несиллогистические умозаключения с полной индукцией, которая, в сущности, ничего нового не дает в выводе (об этом см. ниже); как совместить выводы по аналогии, которые дают только вероятные выводы, с остальными видами умозаключений, дающими в выводе вполне достоверное знание.

Рассмотрим кратко так называемые несиллогистические умозаключения. Каково бы ни было различие между ними и категорическим силлогизмом, сразу чувствуется их принципиальная однородность, принадлежность их к одному типу, типу дедуктивных умозаключений. Их внешний вид, внутрен-

ная структура указывают на их общий принцип. Конечно, одно «чувство» не решает вопроса.

$$\begin{array}{r} A = B \\ B = C \\ \hline A = C \end{array}$$

Строение этого несиллогистического умозаключения однородно с силлогистическим в определенном отношении: две посылки и в одном и в другом (простой силлогизм); в каждой посылке связываются два элемента; в выводе связываются те два элемента, которые находятся в разных посылках и непосредственно друг с другом в посылках не связаны, в выводе выражается мысль только о тех предметах (или по традиционной логике — о тех объемах понятий), о которых идет речь в посылках (чего нет в индукции). Если посылки истинны и вывод сделан по правилам логики, то вывод непременно будет истинным. Индукция не дает необходимого истинного вывода: и в том случае, когда посылки истинны и вывод сделан по правилам логики, индуктивное умозаключение всегда дает в большей или меньшей степени вероятный вывод. Энгельс писал, что «Индуктивное умозаключение по существу является проблематичным» (Диалектика природы, стр. 182).

Ленин в «Философских тетрадах» писал о том, что «Самая простая истина, самым простым, индуктивным путем полученная, всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен. Ergo: связь индукции с аналогией — с догадкой (научным провидением) относительность всякого знания и абсолютное содержание в каждом шаге познания» (Философские тетради, стр. 154).

Все перечисленные признаки характерны для так называемых силлогистических умозаключений, т. е. для категорического, разделительного силлогизма, так же как для так называемых несиллогистических.

Это обстоятельство показывает, что все эти виды умозаключений принадлежат к одному типу и что различия между ними — различия внутри одного типа. Этим, конечно, не отрицается существование различий между отдельными видами дедуктивного умозаключения, но мы думаем, что эти различия обусловлены видоизменением единого принципа, лежащего в основе этого заключения.

3. Традиционная логика, не имеющая в учении о дедуктивных умозаключениях единого принципа, сваливает в одну кучу виды умозаключений, не объясняя того, почему они принадлежат к одному типу, одной группе, часто противоречит себе, устанавливая общее определение группы умоза-

ключений, в то время как отдельные виды этой группы не подходят под это определение.

Так, например, в учебниках логики, придерживаясь традиционного определения дедукции и индукции, можно прочесть, что данное определение касается внешних свойств этих двух видов умозаключений, что данное различие имеет условный характер; в то же время утверждается, что определение дедуктивного умозаключения, как умозаключения от общего к частному, является характерной, типичной формой дедукции.¹ Непонятно только, как внешние свойства, условный характер могут быть характерной, типичной формой.

Очень распространенным является определение силлогистического (дедуктивного, в отличие от индуктивного) умозаключения, которое встречается и в советских учебниках логики: «Силлогизм — это такое умозаключение, в котором из двух данных суждений выводится третье суждение, причём одно из двух непременно общее».²

На основании такого определения умозаключение

Золото тяжелее железа

Железо тяжелее серы

Золото тяжелее серы

нужно считать силлогистическим, а умозаключение

Петр тяжелее Павла

Павел тяжелее Ивана

Петр тяжелее Ивана

нельзя считать силлогистическим.

На основании данного определения разделительное умозаключение нельзя считать силлогистическим, — так как в разделительном суждении субъект всегда выражает единственный предмет, — однако, его вводят в класс силлогизмов.

d. Сущность дедуктивного умозаключения. 1. Как мы могли уже убедиться, целый ряд форм умозаключений, которые традиционная логика считает дедуктивными умозаключениями, по своей структуре, по ходу заключающейся в них мысли, не подходит под определение понятия дедуктивного умозаключения. Избежать это противоречие мы можем, расширив понятие дедуктивного умозаключения. Это расширение данного понятия не произвольно, оно требуется самим существом дела, конкретным рассмотрением определенных форм умозаключений. Данное определение дедуктивного умозаключения будет следующим: дедуктивное умозаключение — это умоза-

¹ Строгович. Логика, стр. 208—9, 220, 243, 273, 278.

² Виноградов, Кузьмин. Логика, стр. 98.

ключение, выводное суждение которого обладает меньшей или той же общностью, что и посылки; большей общностью оно обладать не может.

1) Категорический силлогизм:

Металлы — проводники электричества
Железо — металл

Железо — проводник электричества.

Выводное суждение менее общее, чем большая посылка.

2) Условное умозаключение:

Если язык — надстройка базиса, то язык должен быть
классовым

Если язык классовый, то тогда не может существовать
общенациональный язык

Если язык — надстройка базиса, то тогда не может
существовать общенациональный язык.

Выводное суждение обладает той же общностью, что и посылки.

3) Условно-категорическое умозаключение:

Если язык — надстройка базиса, то он должен быть
классовым

Но язык не классовый

Следовательно, язык не является надстройкой базиса.

Суждения, выражающие основание и следствие, как правило, не могут быть различными по их общности. Во всяком случае, выводное суждение не может быть более общим, чем посылки.

4) Так называемое несиллогистическое умозаключение:

$$\begin{array}{l} A = B \\ B = C \\ \hline A = C \end{array}$$

Суждение $A = C$ обладает той же общностью, что и посылки: оно также не может быть более общим, чем посылки.

Таково же положение и с разделительным и разделительно-категорическим умозаключениями.

Данное определение дедуктивных умозаключений охватывает все виды данного класса умозаключений. Тут нужно предусмотреть некоторые выражения, которые делались против такого определения дедуктивных умозаключений.

а) Каринский считает, что данное определение является изменой общему принципу. «Измена общему принципу здесь

очевидна: назвать все силлогистические выводы заключениями от общего к частному, принимая высказанное ограничение, уже нельзя».¹

В сущности, никакой измены общему принципу тут нет. Изменой общему принципу было бы следующее: оставить старое определение дедукции, как вывода от общего к частному, и в то же время признать принципом дедуктивных умозаключений ход мысли, в котором вывод не может быть более общим, чем посылки. В данном же случае признается только один принцип, именно, последний, который включает в себя как частный вид и старый принцип дедуктивных умозаключений.

Старый принцип дедуктивных умозаключений — от общего к частному — нельзя совершенно выбросить. Он характеризует определенный вид дедуктивного умозаключения, и притом особо ценный вид его, первую фигуру категорического силлогизма. В сущности, когда противопоставляли дедукцию и индукцию как виды умозаключений от общего к частному и, наоборот, от частного к общему, принимали во внимание, именно, первую фигуру категорического силлогизма и индуктивные умозаключения. В этой ограниченной области такое противопоставление, безусловно, правомерно. Первая фигура категорического силлогизма ценна не только потому, что она дает общеутвердительные выводы, но и потому, что по этой фигуре происходит проверка на практике истинности общих положений законов. О важности для познания такого рода умозаключения не приходится много говорить.

Общее и частное (соответственно — единичное) связаны в реальной действительности, и если научное познание ищет общее, сущность, закон явлений, то оно идет от частного, единичного (а это и дано только непосредственно в живом созерцании) к общему, т. е. идет, именно, индуктивным путем. И путь индуктивного умозаключения обусловлен именно своеобразием реальной действительности, неразрывной связью единичного, частного и общего. И если истинность общего положения проверяется на практике (а это основной принцип ленинской теории отражения), то один из видов дедуктивного умозаключения, именно, умозаключения от общего к частному, единичному, является необходимым элементом процесса познания, необходимым видом умозаключения. Поэтому и указывали мы, что определение дедукции и индукции как выводов от общего к частному и, наоборот, от частного к общему нельзя совершенно выбрасывать; его нужно ограничить, и видоизмененное определение, в котором указывается своеобразие дедукции как умозаключения, в котором вывод не может быть более общим, чем посылки, сохраняет старое

¹ Каринский. Классификация выводов, стр. 3.

определение в меру его истинности тем, что не отрицается ход мысли от более общего к менее общему, частному, единичному.

Это видоизмененное определение выражает один из признаков дедуктивного умозаключения и вместе с тем ясно ограничивает его от индуктивных умозаключений. Но, конечно, этот один признак не вполне выражает сущность различия между дедуктивными и индуктивными умозаключениями.

в) Могут возразить, что, разделяя все умозаключения на дедуктивные и индуктивные, мы противоречим указаниям Энгельса, который писал: «Эти люди так уперлись в противоположность между индукцией и дедукцией, что сводят все логические формы умозаключения к этим двум, не замечая при этом вовсе, что они: 1) применяют под этим названием бессознательно совершенно другие формы умозаключения, 2) не пользуются всем богатством форм умозаключения, поскольку их нельзя втиснуть в рамки этих двух форм и 3) превращают благодаря этому сами эти формы — индукцию и дедукцию — в чистейшую бессмыслицу».¹

Энгельс, безусловно, прав. Понимая под дедукцией умозаключение от общего к частному, логики применяют под этим названием совершенно другие формы умозаключения, именно, условные, разделительные, многочисленные формы так называемых «несиллогистических» умозаключений и т. д., которые вовсе не подходят под данное определение дедукции и которые нельзя втиснуть в рамки традиционно-понимаемых дедукции и индукции.

с) Наконец, могут возразить, что, различая дедукцию от индукции и характеризуя их противоположными признаками, мы отрываем их друг от друга. На деле же они связаны друг с другом. «Индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ».² Индукция и дедукция, конечно, связаны друг с другом, и процесс познания не может осуществиться вне единства дедукции и индукции. Но это вовсе не значит, что между ними нет различия. Если бы не было различия, нелепо было говорить об их единстве, связи в процессе познания действительности. «Вместо того, чтобы превозносить одну из них до небес за счет другой, лучше стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если иметь в виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг другом».³

Следовательно, нужно применять индукцию и дедукцию

¹ Энгельс. Диалектика природы, стр. 179.

² Там же, стр. 180.

³ Там же, стр. 181.

каждую на своем месте. Есть место применения дедукции и есть место применения индукции. В процессе познания они применяются на своих местах, но каждая в отдельности не может обеспечить познания действительности.

2. Установленный принцип различия между дедуктивными и индуктивными умозаключениями выражается, значит, в следующем: индуктивное умозаключение дает в выводе знание более общее, чем его посылки; дедуктивное умозаключение дает в выводе знание менее общее или той же общности, как и посылки, но никоим образом не может дать знания более общего, чем посылки. Посылки и вывод умозаключения — суждения, выражающие знание о вещах и явлениях действительности. В индуктивных умозаключениях знание, заключенное в выводном суждении, относится к более обширному классу вещей и явлений, чем знание, заключенное в посылках. Ни одна из посылок, отдельно взятая, а во многих случаях (более ценных в познавательном отношении) все посылки вместе содержат меньше знания, т. е. содержат знание о меньшем классе предметов, чем в выводном суждении. Наше познание ведь начинается с живого созерцания, которое может давать знание только о единичных, конкретных предметах и явлениях действительности или об отдельных свойствах этих предметов. Дать знание о целом классе предметов, об общем свойстве этого класса предметов, о сущности, законе явлений, о глубоких внутренних связях между явлениями живое созерцание, восприятие не может. Процесс познания от единичного к особенному и общему есть путь от живого созерцания к абстрактному мышлению, и процесс этот осуществляется посредством индуктивного умозаключения. Ленинская теория отражения отвергает совершенно реакционное учение о своеобразной интуиции, которая, якобы, способна давать непосредственно знание общего, проникать непосредственно в глубь предмета и открывать его сущность без помощи умозаключения.

Поэтому в выводе индуктивного умозаключения мы получаем всегда знание не об отдельных предметах и их отдельных свойствах (оно дано уже в живом созерцании, выраженном в посылках индуктивного умозаключения), а знание о классе предметов, о сущности целого класса предметов, о законе, которому подчиняется весь класс предметов, о причинной связи между всяким А и В.

Всякое умозаключение — если оно подлинное, а не кажущееся умозаключение — в выводе дает новое знание по сравнению с посылками, но это не значит, что всякое умозаключение в выводе дает знание о новых предметах по сравнению с теми предметами, о которых речь идет в посылках.

В дедуктивном умозаключении выводное суждение дает новое знание о тех же предметах, о которых речь идет в посылках. Например, в умозаключениях:

1) Все демократические страны борются за мир
Китай — демократическая страна

Китай борется за мир.

2) Только человек делает орудия
Только человек обладает сознанием

Только делающие орудия обладают сознанием.

3) $A = B$

$B = C$

$A = C$

4) Если коммунистическая страна будет в окружении империалистических государств, то в этой стране будет существовать государство

Коммунистическая страна находится в окружении империалистических стран

В этой стране существует государство

и т. д.

Легко заметить — все выводные суждения дают новое знание по сравнению с посылками. Что Китай борется за мир, этого знания нет ни в первой, ни во второй посылке первого умозаключения, но предметы (свойства), о которых идет речь в выводном суждении данного умозаключения, те же, что и предметы (свойства), о которых говорится в посылках. Знание о том, что $A = C$ не заключается ни в одной из посылок третьего умозаключения, — это новое знание по сравнению с знанием, заключенным в каждой из посылок, но A и C именно те предметы, о которых говорится в посылках.

Что касается индуктивного умозаключения, то в выводном суждении этого умозаключения содержится знание не только о тех предметах, о которых идет речь в посылках. В выводе данного умозаключения, знание, которое содержится в посылках и которое относится к ограниченному классу предметов, переносится на весь класс этих предметов.

Так, например, зная, что в некоторых южных странах в болотистой местности существует малярия, мы заключаем, что во всех южных странах, где находятся болота, будет и малярия.

Таким образом, новое знание, полученное в выводном суждении дедуктивного умозаключения, отличается своеобразным характером от нового знания, полученного в результате

индуктивного умозаключения, тем, что в первом случае это знание относится к тем же самым предметам и явлениям действительности, о которых шла речь в посылках, во втором же случае это знание относится к новым предметам и явлениям действительности, а не только к тем, о которых говорится в посылках.

3. Мы до сих пор касались вопроса об объеме знаний, доставляемых дедуктивными и индуктивными умозаключениями; вопрос о характере этого знания мы не затрагивали. Полное решение этого вопроса можно получить только после исследования видов индуктивного умозаключения. Но, ввиду важности этого вопроса, нужно предварительно его решить. Дальнейшее изложение должно подтвердить основательность наших выводов.

Дедуктивное умозаключение дает в выводе, безусловно, достоверное знание при условии истинности посылок. Слова Энгельса «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности» относятся именно к дедуктивным умозаключениям. И на самом деле, нельзя сомневаться в истинности вывода, если оба условия будут осуществлены. В индуктивном же умозаключении — если оно подлинное умозаключение — выводное суждение гарантирует лишь большую или меньшую достоверность, причем, конечно, вероятность достоверности может колебаться в очень широких пределах, но полной, окончательной достоверности оно дать не может. Такой различный характер знания обуславливается тем, именно, обстоятельством, которое изложено выше: выводы дедуктивных умозаключений не выходят за пределы того круга явлений, которых касаются посылки, в то время как выводы индуктивных умозаключений переступают тот круг явлений, о которых речь идет в посылках. Общеизвестный пример о белых лебедях иллюстрирует это обстоятельство. Везде, в европейских, азиатских, американских, африканских странах натуралисты наблюдали существование только белых лебедей; казалось бы вывод о том, что все лебеди белые, должен быть правомерным. Однако оказалось, что существуют и черные лебеди, именно в Австралии. Или: из многочисленных наблюдений делали заключение, что все млекопитающие — живородящие; однако оказалось, млекопитающее — животное, кладущее яйца.

Невозможно перечислить тут все те обстоятельства, которые делают индуктивные выводы только более или менее вероятными, но не абсолютно достоверными. Ниже, при изложении видов и методов индуктивного умозаключения, этот вопрос будет освещен полностью на основе оценки конкретных его видов. Пока же мы довольствуемся только общими соображениями.

Классики марксизма—ленинизма всегда указывали на веро-
ятный характер знания, добытого путем индуктивного умо-
заключения. Энгельс неоднократно отмечал такой характер
индуктивных умозаключений: «Индуктивное умозаключение,—
писал Энгельс,— по существу проблематическое».

Ленин сравнивал индукцию с догадкой. В «Философских
тетрадах» мы находим такую запись: «Самая простая истина,
самым простым индуктивным путем полученная, всегда не-
полна, ибо опыт всегда незакончен. Егго: Связь индукции с
аналогией — д о г а д к о й».

Все дело заключается именно в том, что «опыт всегда не-
закончен» и этот признак — характерный признак индукции.

4. Нужно обратить внимание еще на одно обстоятельство,
которое характеризует дедуктивное умозаключение в отличие от
индуктивного. Выше было указано, что в выводном суждении
дедуктивного умозаключения содержится, правда, новое зна-
ние, но оно относится к предметам, о которых речь идет в
посылках, т. е. S и P вывода отражают те же самые предметы,
которые мыслятся в S и P посылки. Но, с другой стороны, в
этих умозаключениях отношение S и P или, правильнее, отно-
шение между предметами (классами предметов, свойствами и
т. д.), отраженными в понятиях S и P, никогда не дано в по-
сылках, в противном случае вывод был бы простым повторе-
нием посылок.

Всякое подлинное умозаключение дает в выводе новое
знание по сравнению с знанием, которое содержится в по-
сылках. Но характер этого нового знания различный: в де-
дуктивных умозаключениях новое знание касается не новых
предметов, относительно которых не было речи в посылках
(таково индуктивное умозаключение), а новой связи, но-
вого отношения между предметами, мыслимыми в по-
сылках.

5. Одним из характерных признаков простого дедук-
тивного умозаключения является то обстоятельство, что в по-
сылках дедуктивного умозаключения мыслится связь трех
предметов. Конечно, под предметами мыслится не только
предмет в узком понимании этого слова, но и всякие свойства,
состояния, классы предметов, предметные обстоятельства
и т. д., т. е. все, о чем можно высказать мысль.

Рассмотрим виды дедуктивных умозаключений с точки
зрения этого обстоятельства.

1) Категорический силлогизм:

Металлы — проводники электричества

Железо — металл

Железо — проводник электричества.

В посылках этого умозаключения мыслятся три предмета: железо — металл — проводимость электричества. Между этими тремя предметами устанавливается попарно определенное отношение: устанавливается отношение двух предметов к одному и тому же тождественному третьему предмету. В выводе, на основании данных посылок, устанавливается отношение между этими двумя предметами.

2). Так называемые несиллогистические умозаключения:

$$\begin{array}{l} A = B \\ B = C \\ \hline A = C \end{array}$$

или более сложное:

Петр никогда не выезжал из Москвы
Павел никогда не приезжал в Москву

Петр и Павел никогда друг с другом не встречались.

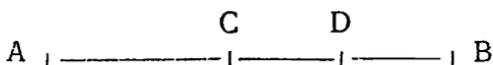
Не обращая внимание пока на число терминов в этих умозаключениях (в первом их четыре: А, В, равное В и равное С, а во втором — шесть: Петр, Павел, Петр и Павел, «не выезжал из Москвы», «не приезжал в Москву» и «никогда не встречались»), обратим внимание на число предметов, мыслимых в посылках: в первом, несмотря на число терминов, их три: А, В и С, во втором, несмотря на шесть терминов, их также три, именно: Петр, Павел и Москва, из которого один всецело выключен и в который другой всецело включен. Два предмета имеют определенное отношение к одному и тому же третьему, и в выводе устанавливается определенное отношение между этими двумя предметами.

Число терминов, играющее такую значительную роль в традиционном учении о дедуктивных умозаключениях, касалось на самом деле только теории категорического силлогизма. Превратив все дедуктивные умозаключения в силлогизмы, традиционная логика попала в безвыходное положение: некоторые виды дедуктивных умозаключений были включены в класс силлогистических, несмотря на то, что в них уже не было терминов как таковых (условные умозаключения). Огромная масса дедуктивных умозаключений с числом терминов более трех оказалась беспризорной; для них был создан класс так называемых несиллогистических, часть которых оказалась индуктивными (так как ведь и индуктивные умозаключения являются несиллогистическими¹), часть же была помещена во вновь созданный класс традитивных умозаключений. Все эти умозаключения были вызваны одним обстоятельством: в теории

¹ См. Асмус. Логика.

умозаключения рассматривали только связи понятий между собой, не обращая внимание на то обстоятельство, что выражают, что отражают эти понятия.

В посылках умозаключения: точка С лежит между точками А и В, а точка D лежит между точками С и В, несмотря на число терминов, мыслятся три предмета: линия АВ, линия СВ и точка D; точка D лежит на отрезке СВ линии АВ, следовательно, лежит на линии АВ.

В посылках умозаключения А есть или только В или только С; D есть и В и С, кроме того случая, когда D есть E; в этом случае D не есть ни В, ни С — пять терминов: А, В, С, D, E. Однако вывод делается на основании определенного отношения трех предметов.

В первой посылке А приписывается определенный признак (есть или только В, или только С).

Во второй посылке D приписывается во всех случаях, кроме одного, признак противоположный признаку А (есть и В и С).

В третьей посылке D приписывается и в оставшемся случае признак, противоположный признаку А (есть ни В, ни С), т. е. в первой посылке А приписывается признак, который в двух посылках отрицается за D; следовательно, приводя этот пример к нормальному, получим три предмета: А, D и признак, присущий первому и не присущий второму, следовательно А не есть D.

3) В разделительно-категорическом умозаключении может быть сколь угодно много терминов, но это не играет роли:

$$\begin{array}{l} A \text{ есть или } B, \text{ или } C \\ A \text{ есть } B \\ \hline A \text{ не есть } C \end{array}$$

говорится тут о трех «вещах» — А, В, С. Утверждается признак В у А, и в выводе отрицается признак С у А. В случае множества предикатов принцип остается тот же: утверждается признак у А, все остальные отрицаются.

4) В чисто условных и условно-категорических суждениях положение несколько своеобразное ввиду того, что уже в самих посылках устанавливается связь основания и следствия. Однако выставленный выше принцип осуществляется и в этих умозаключениях. В условных умозаключениях устанавливается связь между тремя суждениями, которые выражают определенные отношения между вещами, явлениями, между тремя предметными обстоятельствами.

Если маятник нагреть, он удлинится
Если маятник удлинится, его качание замедлится

Если маятник нагреть, его качание замедлится.

Нагревание маятника и замедление качания маятника — два предметных обстоятельства, и их связь опосредствуется третьим, предметным обстоятельством, как связующим звеном.

Во всех видах простых дедуктивных умозаключений в выводе устанавливается связь между двумя предметами посредством третьего, посредствующего звена. Предметы и их связи могут быть выражены терминами, целыми суждениями, причем число терминов — три или больше — зависит от характера посылок и таким образом от характера связи между явлениями действительности, отраженными этими посылками.

е. Виды дедуктивных умозаключений. Из многочисленных и разнообразных видов дедуктивного умозаключения рассмотрим кратко некоторые, наиболее часто встречающиеся в науке и практической жизни.

1. Категорический силлогизм и так называемые «несиллогистические» умозаключения. Выше перечисленные черты дедуктивного умозаключения характеризуют и категорический силлогизм и так называемые несиллогистические умозаключения. Различие между ними заключается в следующем: посылки категорического силлогизма состоят из категорических суждений, отражающих связь между предметом и свойством или связь включения (выключения) одного класса предметов в другой класс предметов. Как было уже выяснено выше, эти суждения отражают связи вещей и явлений связью субъекта и предиката. Поэтому связь трех предметов отражается в посылках связью трех терминов.

Так называемые несиллогистические умозаключения, т. е. умозаключения о временных, пространственных, причинных и т. п. связях, строятся из категорических суждений, отражающих связи и отношения между предметами. Как это было выяснено выше, связи и отношения между предметами не отражаются в суждении связью между субъектом и предикатом. Эти связи отражаются только смыслом целого суждения. Поэтому связь между тремя предметами не отражается в посылках связью трех терминов.

Так в традиционном примере:

Все люди смертны
Сократ — человек

Сократ смертен

в посылках связаны три термина: Сократ—человек—смертный: Они, эти термины, отражают три предмета, явления, причем,

1) связь субъекта и предиката в каждой из посылок отражает связь соответствующих двух предметов, 2). Сократ и смертный (или смертность) в выводе опосредствовано посредствующим звеном «человек».

В так называемых несиллогистических умозаклчениях

Тбилиси — южнее Москвы
Москва — южнее Ленинграда

Тбилиси — южнее Ленинграда.

Аристотель — современник Александра Македонского
Александр Македонский жил позже Перикла

Аристотель жил позже Перикла

больше трех терминов, хотя в посылках устанавливается связь трех предметов; отношение S и P посылок не отражает отношение предметов; последнее отражается смыслом целого суждения.

2. Умозаклчения с обшевыделяющими посылками.

Было указано (в главе о суждении), что традиционная логика, не найдя места обшевыделяющим суждениям в классификации суждений, насилует их природу и сводит их к обычным общим суждениям. И все это делается для того, чтобы подогнать умозаклчения с обшевыделяющими посылками под понятие категорического силлогизма. Без преобразования их в обычные общие суждения традиционной логике пришлось бы устранить правила категорического силлогизма, так как умозаклчения с обшевыделяющими суждениями не подчиняются данным правилам.

В умозаклчении

Только демократические страны защищают дело мира
США — не демократическая страна

США не защищают дело мира

по форме первая фигура категорического силлогизма с отрицательной меньшей посылкой; однако — вывод правомерный. Преобразовывать большую посылку в обычную общую и этим путем пригнать данное умозаклчение ко второй фигуре категорического силлогизма

Все страны, защищающие дело мира, — демократические

США — не демократическая страна

США не защищают дело мира

пустая трата времени, так как данное умозаклчение правомерно и убедительно без всякого преобразования.

Умозаключения с общевыделяющими посылками — особый вид дедуктивного умозаключения, отличный от категорического силлогизма, хотя по внешней форме сходный с последним. Отличие заключается именно в том, что этот вид умозаключения не подчиняется правилам категорического силлогизма, и это потому, что общевыделяющие суждения содержат более определенное знание, чем обычные общие суждения, что позволяет делать выводы и в тех случаях, когда правила категорического силлогизма не дают права на вывод.

Так, например, в приведенном выше примере:

Только демократические страны защищают дело мира
США — не демократическая страна

США не защищают дело мира

вывод следует на основании того положения, что то, что характеризует только предметы определенного класса, не может характеризовать предметы иного класса.

Своеобразие умозаключений с общевыделяющими посылками проявляется в том, что эти умозаключения дают общие выводы по третьей фигуре, например:

• Только люди делают орудия

Только люди обладают членораздельной речью

Только обладающие членораздельной речью делают орудия.

Логика, признающая полноценность третьей фигуры, могут выставить правило, которому подчиняется данное умозаключение: признаки, присущие только одному классу предметов, присущи друг другу.

Путем простого обращения посылок данного умозаключения получим умозаключение по второй фигуре категорического силлогизма с общевыделяющим утвердительным выводом. Возможность такого вывода объясняется, в конечном счете, тождеством класса предметов, мыслимых в понятии субъекта и предиката посылок.

Своеобразие этих умозаключений проявляется и в том, что из отрицательных посылок получают правомерные выводы и даже утвердительные выводы.

Так, например,

Только М не есть Р
Ни одно S не есть М

Все S суть Р.

Или:

Только подлинно демократические страны не являются агрессивными

Ни одна капиталистическая страна не является подлинно демократической

Все капиталистические страны агрессивны.

Вывод делается на основании того же принципа, который был выставлен выше: что характеризует предметы только определенного класса, не может характеризовать предметы другого класса.

В терминах классической логики данное умозаключение выразится следующим образом: только M не входит в P , ни одно S не входит в M , следовательно, все S входят в P .

Не останавливаясь дольше на разборе этих умозаключений, можно сказать: 1) все умозаключения с общевыделяющими посылками являются дедуктивными, так как все они характеризуются основными чертами дедуктивных умозаключений, 2) умозаключения с общевыделяющими посылками правомерны и достоверны сами по себе, без сведения этих посылок к обычным общим суждениям и 3) все они подчиняются определенному принципу (аксиоме), выставленному выше.

3. Умозаключения с определенными частными посылками.

Выражение «определенная частная посылка» не совсем корректное название для суждений, выражающих присущность признака, отношения у большинства предметов класса. Но оно показывает, что признак, отношение характеризует не неопределенное вообще количество предметов, а больше определенного количества их, именно, больше половины предметов класса. Такие посылки дают строго определенный вывод, если количество предметов выражено в числах, или, просто, частный вывод, если количество предметов не выражено в числах.

Так, например, посылки:

Большинство студентов — комсомольцы

Большинство студентов — спортсмены

Некоторые спортсмены — комсомольцы.

Если большинство, т. е. более половины количества студентов, — комсомольцы и более половины — спортсмены, ясно, что, во всяком случае, часть комсомольцев и часть спортсменов среди студентов совпадают друг с другом.

Если большинство выражено в числах, то вывод может быть двояким, в зависимости от смысла посылок.

- 1) 70 процентов среди студентов — комсомольцы
60 процентов среди студентов — спортсмены

По крайней мере 30 процентов среди студентов — комсомольцы-спортсмены.

Вывод «по крайней мере» объясняется смыслом посылок: комсомольцами-спортсменами могут быть и все 60 процентов, так как комсомолец и спортсмен не исключают друг друга, но права на такой вывод посылки не дают.

- 2) За кандидата А голосовало 70 процентов присутствующих
За кандидата В голосовало 60 процентов присутствующих

30 процентов присутствующих голосовало за обоих кандидатов.

В данном умозаключении выводное суждение строго определенное, именно, только 30 процентов, а не «по крайней мере» 30 процентов, так как не каждый, голосовавший за кандидата В, голосовал за кандидата А, — ведь всего было подано 130 голосов, а не 200, голосовало же 100 человек, следовательно, 30 лишних голосов было подано одними и теми же членами собрания.

4. Умозаключения с отрицательными посылками. По правилам категорического силлогизма из двух отрицательных посылок вывода получить нельзя. Однако, существуют умозаключения, которые дают возможность на правомерный вывод из двух отрицательных посылок. Например,

$$\begin{array}{l} A \text{ не больше } B \\ B \text{ не больше } C \\ \hline A \text{ не больше } C. \end{array}$$

Перефразируя слова Энгельса, можно сказать, что многие логики так уперлись в правила категорического силлогизма, что пытаются преобразовать посылки данного умозаключения в утвердительные. В частности, логики, увлекающиеся математической логикой, сведут суждение «А не больше В» к суждению «ложно, что А больше В» и, таким образом, попытаются оправдать данное умозаключение. На самом деле, данное умозаключение правомерно и убедительно ничуть не менее, чем модус *Barbara* первой фигуры категорического силлогизма.

Рассмотрев умозаключения с отрицательными посылками, мы можем установить принципы, правила возможности или невозможности вывода из них.

А не равно В
В не равно С

не дают права на вывод, так как из посылок вовсе не вытекает ни равенство, ни неравенство А и С. А и С могут быть равными, но могут быть и не равными.

Возьмем следующие примеры умозаключений, дающих правомерные выводы:

1. А не восточнее (западнее и т. д.) В
В не восточнее (западнее и т. д.) С

А не восточнее (западнее и т. д.) С

2. А не раньше (позже) В
В не раньше (позже) С

А не раньше (позже) С.

3. А не ниже (выше) В
В не ниже (выше) С

А не ниже (выше) С.

и т. д.

Во всех этих умозаключениях отрицается различие между предметами (отрицается меньше, больше, восточнее, раньше, ниже и т. д.). В этих случаях вывод правомерный.

Наоборот, из посылок, в которых отрицается тождество в каком-либо отношении, например, равенство, одновременность, тождество в пространстве и т. д., вывода сделать нельзя. Так, например, из посылок

А не одновременно с В
В не одновременно с С

или

А не находится в том же месте, где находится В,
В не находится в том же месте, где находится С,

и т. д. вывода сделать нельзя.

4. Формулы вывода

Возникает законный вопрос: на основании чего делаем мы вывод из посылок? Конечно, общий ответ с точки зрения материалистической философии будет следующий: связь мыслей в умозаключении отражает связь вещей, вещных обстоятельств реальной действительности; она, эта связь мыслей, не

произвольна, она зависит не от нашей психики, не от наших желаний и настроений; она объективна, так как отражает объективную связь вещей реальной действительности.

Но это общее положение, конечно, вовсе недостаточно для теории умозаключения. Оно является общей основой для этой теории, но ограничиться этим положением нельзя. Поэтому в истории логики мы встречаем разнообразные попытки объяснения процесса умозаключения. Так, в классической логике объема виды дедуктивного (категорического силлогизма) умозаключения объяснялись аксиомой *dictum de omni*. И на самом деле, если умозаключение рассматривать как определенную связь понятий с точки зрения их объемов, аксиома *dictum*-а вполне правильно объясняет правомерность вывода из посылок. Если объем понятия *S* включается в объем понятия *M*, а объем последнего — в объем понятия *P*, то очевидно, что объем понятия *S* включается в объем понятия *P*.

Мы сказали «очевидно». Против понятия «очевидности» давно уже ведется борьба. Эта борьба, начатая справедливо математиками, приняла, однако, в отдельных случаях уродливые формы.

Правда, многое из того, что казалось очевидным, оказалось вовсе не очевидным, а в некоторых случаях даже ложным. Но отсюда вовсе не вытекает полное устранение значения очевидности из процесса познания.

Ведь очевидность, опирающаяся на живое созерцание; является последним основанием действительного знания. Признание существования только дискурсивного мышления так же ошибочно, как признание какой-то мистической интуиции, которая, якобы, может дать непосредственно предмет в подлиннике со всеми его закономерностями, внутренними связями, его сущностью.

В процессе развития человеческого сознания мышление возникает исторически в процессе практики на основе ощущений, восприятий, живого созерцания. Поэтому мышление, возникнув на основе живого созерцания, правда, качественно отлично от него, но оно в то же время связано с ним: момент созерцания в своеобразном виде участвует в мышлении, так же как восприятие современного человека пронизано мышлением.

«Возникая на основе восприятия и памяти, мышление, однако, в дальнейшем само входит в состав процессов восприятия и памяти. У взрослого человека и восприятие и память пронизаны элементами мышления. Осмысленное восприятие — это восприятие, в котором мы узнаем общие свойства вещей (это — стол, это — человек) и понимаем зна-

чение этих вещей, связь их с другими вещами и с нашей деятельностью».¹

Чисто логическое мышление, так называемое, чисто дискурсивное мышление, — такая же абстракция, как и чисто интуитивное мышление. Формализм чистой дискурсии и мистицизм чистой интуиции — результат (гносеологический) отрыва логического мышления от живого созерцания.

Всякий процесс умозаключения, как процесс логического мышления, связан с созерцанием.

В умозаключении

Все люди смертны
Сократ — человек

Сократ смертен,

не говоря уже о том, что меньшая посылка установлена не без помощи живого созерцания, процесс подведения единичного под общее нельзя объяснить никакими логическими процессами.

Правильность умозаключения

А сидит слева от В
В сидит слева от С

А сидит слева от С

нельзя никак объяснить без момента созерцания, именно того созерцания, что А, В и С сидят на определенном отрезке прямой.

Какую бы теорию умозаключения мы не взяли, везде мы найдем молчаливое допущение момента мысленного созерцания в процессе умозаключения.

Возьмем теорию замещения подобных или тождественных тождественными Дживонса.

Умозаключение

$A=B$

$B=C$

$A=C$

Дживонс объясняет следующим образом: первая посылка устанавливает тождество А и В, вторая посылка — тождество В и С; поэтому в первой посылке В можно заменить тождественным ему С; получим $A=C$.

Возьмем теорию Каринского. То же самое умозаключение Каринский объясняет следующим образом. Первая по-

¹ Теплов, Психология.

сылка устанавливает тождество между А и В; вторая посылка устанавливает, что В характеризуется определенностью С. Сличение субъектов показывает, что можно перенести предикат С на А; получаем А=С.

Замещение тождественного тождественным, сличение субъектов происходит путем их мысленного сопоставления, путем их мысленного сравнения, что, конечно, не может осуществиться без момента созерцания.

Наконец, что нас убеждает в правильности вывода? Единственный ответ на этот вопрос, сколько бы ни старались избежать этого слова, будет «очевидность». Конечно, тут нет речи непременно о том, что мы воспринимаем, «очаи видим», наглядно представляем; мы мысленно усматриваем необходимость такой, а не иной связи между S и P. Например, что нас убеждает в правильности вывода

$$\begin{array}{r} S - M \\ M - P \\ \hline S - P? \end{array}$$

Единственное, что мы можем сказать — это следующее: если S включен в M, а M включен в P, то, очевидно, что S также включен в P; или, если S обладает признаком M, а M — признаком P, то, очевидно, что S также обладает признаком P; или, если P следствие M, а M следствие S, то, очевидно, что P следствие S; и т. д. Т. е. для оправдания необходимости, правильности вывода мы ссылаемся на какую-либо аксиому. Причем, аксиома эта понимается не как положение, допущенное как достаточное и необходимое для доказательств других положений, об истинности которого вопрос и не ставится, а положение, истинность которого устанавливается очевидностью.

Очевидность этих положений достигается не какой-то мистической интуицией, а многовековой практикой человечества. В практической деятельности людей связи и отношения вещей и явлений, повторяясь миллиарды раз, осаждаются в сознании в виде аксиом, истинность которых подтверждает именно эта практическая деятельность. «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом».¹

Дедуктивные умозаключения обнимают многообразные формы умозаключений. Все они характеризуются определенными общими чертами. Кроме того, они характеризуются и

¹ Ленин. Философские тетради, стр. 164.

своеобразными, специфическими, характерными для каждого вида, чертами. Своеобразие этих видов отражает своеобразие связей вещей и явлений действительности. Формулы вывода для каждого вида дедуктивных умозаключений своеобразны и выражаются в аксиомах.

Насиловать смысл суждений и сводить их все к одному виду и поэтому насиловать смысл умозаключений и пытаться свести их многообразие к одной формуле вывода, к одной аксиоме, то же самое, что пытаться все разнообразные связи и отношения действительности свести на один единственный вид связи.

Если в посылках — суждениях выражена мысль о связи между предметом и признаком, то аксиома, выражающая формулу вывода, будет следующая: «признак признака есть признак самой вещи» и т. д.

Если в посылках — суждениях выражена мысль о включении класса предметов в класс предметов, то аксиома, выражающая формулу вывода, выразится в *dictum de omni* и т. д.

Если в посылках — суждениях выражена мысль о связи оснований и следствий, то аксиома, выражающая формулу вывода, будет следующая: следствие следствия есть следствие основания и т. д.

Если в посылках — суждениях выражена мысль о временных, пространственных и т. д. отношениях, то аксиома, выражающая формулу вывода, выразится в соответствующих аксиомах. Например, «две вещи, тождественные в определенном отношении (быть одновременными, быть в пространственном отношении, быть равными и т. д.) к третьей, тождественны друг с другом в том же отношении.

И так далее.

Все эти аксиомы отражают определенные связи и отношения вещей и явлений, которые отражаются в дедуктивных умозаключениях. Говорить о том, что таких связей много и поэтому выбрасывать из теории умозаключений все те выводы, в которых нет отношений объемов и содержаний понятий, — не решение вопроса.

5. Теория, объясняющая дедуктивные умозаключения формальными свойствами отношений.

Логики, строящие теорию умозаключения на формальных свойствах отношений, не скрывают, что они заимствуют свои идеи из области математики. «Анализ общих идей, применяемых математикой, показывает, что наиболее охватывающая (всеобъемлющая) среди них — это идея отношения. Ясное понимание природы отношения, однако, необходимо для изучения пропозициональной структуры».¹

¹ Cohen and Nagel. An Introduction to Logic etc. стр. 113.

Примерами отношений могут служить: «больше чем», «холоднее чем», «столько же лет, как». Определить понятие отношения трудно, хотя примерами их легко иллюстрировать. Термин, от которого исходит отношение, называется референтом, термин, к которому направляется отношение, — релатом. «Наполеон был мужем Жозефины». В этом суждении отношением служит «быть мужем», которое связывает два термина: «Наполеон» и «Жозефина». Наполеон — референт, Жозефина — релат. Отношение, связывающее два термина, называется дуадическим. Отношение может связывать три термина, например, «Борджиа дал яд своему гостю». Отношение «давать» связывает три термина: «Борджиа», «яд» и «гость». Это отношение триадическое. Есть отношения с большим числом терминов.

Рассматривая дуадические отношения, например, 1) «Сократ-философ», 2) «Греки — европейцы» и т. д., мы замечаем, что в них утверждается отношение «быть членом класса» (первый пример), «быть включенным в класс» (второй пример). Таким образом, понятие отношения тут заменяет понятие связи (связки (связи)). Копула традиционной логики есть специальный тип дуадического отношения.

Обычные умозаключения зависят от свойств дуадических отношений. Поэтому в первую очередь рассматриваются эти формальные свойства отношений.

1) Симметрия. Рассмотрим отношение «быть равным»: $A=B$. Если в этом отношении переставить члены отношения — референт заменить релатом и наоборот, — характер отношения не изменится: $B=A$. Такое отношение называется симметричным. Таковы, например, отношения: «быть похожим», «сидеть рядом» и т. д. Отношения, характер которых изменяется от перестановки членов отношения, называются асимметрическими.

Таковы, например, отношения «быть больше», «сидеть слева», «быть отцом» и т. д. A больше B , но B меньше A , « A сидит слева от B », « B сидит справа от A », « A отец B », « B сын A ».

Существует, наконец, несимметрическое отношение. В этом случае, при перестановке членов отношения, нельзя решить, изменится или нет характер отношения. Например, A любит B ; B может любить, но может и не любить A .

2) Транзитивность. Отношение транзитивно (переходно), когда отношение A к B и B к C такое же, как и отношение A к C . Например, отношения «быть равным», «быть больше», «сидеть слева» транзитивны, так как, если $A=B$ и $B=C$, то $A=C$; если A сидит слева от B и B слева от C , то A сидит слева от C .

Отношение интранзитивно, когда отношение A к B и B к C не то же самое, что отношение A к C . Например, A сидит рядом с B , B сидит рядом с C , A не сидит рядом с C ; A отец B , B отец C , A не отец C .

Наконец, отношение нетранзитивно, когда нельзя решить на основании отношений A к B и B к C , каково отношение между A и C . Например, нельзя решить, A любит ли C на основании того, что A любит B , а B любит C ; A может любить C , может и не любить.

Различия свойств отношений симметричности и транзитивности не зависят друг от друга. Можно поэтому получить из них девять типов различных отношений: 1) транзитивно-симметрическое, например, «быть равным», 2) транзитивно-асимметрическое, например, «быть больше», 3) транзитивно-несимметрическое, например, «быть не больше», 4) интранзитивно-симметрическое, 5) интранзитивно-асимметрическое, 6) интранзитивно-несимметрическое, 7) нетранзитивно-симметрическое, например, «быть похожим», 8) нетранзитивно-асимметрическое и 9) нетранзитивно-несимметрическое, например, «любить».

3) Корреляция. Члены отношения могут быть связаны тремя различными типами корреляции. а) Между ними могут существовать много-мно-

гозначные отношения; например, отношение между студентом и профессором: студент А имеет отношение не только к одному профессору, у него и другие профессора; профессор В имеет отношение не только к студенту А, но и ко многим студентам.

в) Между членами отношения могут существовать одно-многозначные и много-однозначные отношения, например, отношение отца (один) к детям (многим) или, наоборот, детей к отцу.

с) Наконец, может существовать одно-однозначное отношение, например, «десять на единицу больше девяти»; существует только одно число (9), к которому «десять» имеет такое отношение, и только одно число (10), которое имеет к «девяти» такое отношение.

Описанные выше формальные свойства отношений формалистическая логика делает базисом учения об умозаключениях. Рассмотрим некоторые виды умозакключений, которые, якобы, объясняются формалистической логикой.

Прежде всего рассмотрим объяснение некоторых непосредственных умозакключений.

Обращение категорического суждения зависит от симметричности или несимметричности отношения включения (или исключения) класса. Например, суждение «все люди смертны» не может быть обращено просто, так как полное включение одного класса в другой является несимметрическим отношением. Однако частное суждение «некоторые люди чернокожи» может быть просто обращено, так как частичное включение является симметрическим отношением. Так же можно просто обратить общеотрицательное суждение, так как полное исключение одного класса из другого является симметрическим отношением.

Правильность категорического силлогизма зависит от транзитивности отношения класса включения. Рассмотрим силлогизм:

Все металлы проводят электричество
Железо — металл

Железо — проводник электричества.

Этот силлогизм можно интерпретировать следующим образом: класс «железо» включен в класс «металлов», а класс «металлов» — в класс «проводников электричества». Отношение, очевидно, транзитивно. Правильность силлогизмов других фигур и модусов зависит от такого же свойства связки. Но в силлогизмах, где одна из посылок единичное суждение, требуется иное объяснение. Например, в силлогизме:

Все люди смертны
Сократ — человек

Сократ смертен

утверждается, что, если люди включены в класс «смертных», а Сократ — член класса «людей», то тогда он также член класса «смертных». «Быть членом класса» — нетранзитивное отношение, но в меньшей посылке отличный тип отношения подтверждает то, что утверждается в большей. В данном случае правильность силлогизма иллюстрирует форму

Все, так называемые, относительные силлогизмы или *analogia* зависят от транзитивности отношений. Например, Джон старше Тома, Том старше Генри, следовательно, Джон старше Генри, так как «быть старше» является транзитивным отношением.

Подобными же примерами показывается, что и сориты основываются на транзитивности отношений.

Таким же образом объясняется чисто-гипотетический силлогизм. Обратимся к примеру:

Если идет дождь, я возьму зонт
Если я возьму зонт, я уверен, что я его потеряю
Если идет дождь, я уверен, что потеряю зонт.

Каждое из суждений утверждает импликацию. Правильность вывода обуславливается тем обстоятельством, что отношение импликации транзитивно.

Что можно сказать об этой теории? Простота, легкость и ясность этой теории, претендующей одним ударом объяснить все виды дедуктивных умозаключений, вызывает определенные сомнения.

Теория дедуктивных умозаключений, объясняющая все виды этих умозаключений формальными свойствами отношений, как-то транзитивностью, интранзитивностью и т. д., объявляет совершенно излишними аксиомы, правила умозаключений. Она настолько упрощает теорию дедуктивных умозаключений, что вместо многочисленных аксиом и правил, регулирующих правомерность умозаключения, нужно знать только три свойства отношений: транзитивность, интранзитивность и нетранзитивность.

Первое свойство дает в выводе утвердительное суждение, второе — отрицательное, третье — вовсе не дает права на вывод.

Вся работа логиков над выявлением аксиом или формул вывода, вся работа над установлением правил вывода была пустой тратой времени. Конечно, это не аргумент против этой теории, но это, как было сказано, вызывает сомнение в правильности этой теории.

Некоторые логики принимают эту теорию частично. Для так называемых силлогистических умозаключений, в понятие которых включаются умозаключения и категорические, и условные, и разделительные, они оставляют старую теорию со всеми установленными ею аксиомами, правилами умозаключений, а для так называемых несиллогистических или умозаключений об отношениях они применяют данную теорию.¹

Дело в том, что если эта теория умозаключений вообще может объяснить какой-либо вид умозаключения, то она может объяснить и все виды дедуктивных умозаключений. На самом деле, если умозаключение

$$\begin{array}{r} A=B \\ B=C \\ \hline A=C \end{array}$$

— умозаключение равенства объясняется транзитивностью отношения равенства, то точно таким же образом можно объяснить и простой категорический силлогизм:

Все металлы — проводники электричества
Железо — металл

Железо — проводник электричества.

Станем ли мы на точку зрения «логики содержания» или на точку зрения «логики объема», мы рассуждаем следующим образом: 1) с первой точки зрения: «быть признаком» — транзитивное отношение, и оно дает право на вывод; 2) со второй

¹ См. программу по логике для философского факультета Московского университета.

точки зрения: включение одного класса предметов в другой класс предметов — транзитивное отношение, и оно оправдывает вывод.

Такое же положение и в условном умозаключении: «быть следствием — транзитивное отношение, и оно объясняет правильность вывода».

Принцип транзитивности, интранзитивности и т. д. может объяснить все виды дедуктивных умозаключений, — если она вообще может что-нибудь объяснить, — и нет смысла делить умозаключения на два класса, на класс, для которого оставляется старая теория (в ее многочисленных вариантах), и на класс, для которого применяется эта теория.

Но все дело в том, что теория транзитивности и т. д. отношений — вовсе не теория умозаключения, она вовсе не объясняет возможность правомерного вывода ни в одном, ни в другом случае.

Что значит транзитивное (переходное) отношение? Отношение транзитивно, когда отношение A к B и B к C такое же, как и отношение A к C . Когда это отношение может стать основанием вывода? Когда мы знаем, что данное отношение транзитивно, т. е. когда мы знаем, что отношение A к B и B к C такое же, как и отношение A к C , т. е., когда мы уже сделали вывод и уверены, что вывод правомерный. Не делая вывода или не будучи уверенным, что этот вывод правильный, мы не будем знать, транзитивно ли данное отношение.

Не знание транзитивности отношения является основанием умозаключения, а само правильное умозаключение является основанием для утверждения, что данное отношение является транзитивным, интранзитивным или нетранзитивным, что зависит от характера вывода.

Математическая логика делает свое дело, изучая формальные свойства отношений, но она не может заменить логику, так как, в сущности, она не дает и не может дать теорию умозаключений.

Как узнать, какой характер носят, например, отношения «сидеть слева», «быть рядом», «любить», «быть равным», «быть неравным» и т. д., переходны ли они или нет? Сами по себе эти отношения не обладают признаком, по которому мы непосредственно могли бы узнать, каковы они. Разве нам дано непосредственно, что отношения, «быть равным» и «быть слева» — транзитивные отношения, «быть рядом» — интранзитивное, а «быть неравным» — нетранзитивное? В живом созерцании, в восприятии, которое, в конечном счете, является основой нашего знания и основой, в частности, возможности умозаключения, — в некоторых случаях нам дано непосредственно отношение A к C : что A сидит слева

от С и что А не сидит рядом с С, мы это воспринимаем, даже не устанавливая отношения А и С к промежуточному члену В. Но одно только восприятие без помощи умозаключения не дает нам возможности установить характер отношения.

Попытаемся разобраться в характере указанных отношений; делаем умозаключения:

1. А слева от В, В слева от С, следовательно,
А слева от С.
2. А рядом с В, В рядом с С, следовательно,
А не рядом с С.¹
3. А равно В, В равно С, следовательно, А равно С.
4. А неравно В, В неравно С, следовательно...? — вывод не получается.
5. А любит В, В любит С, следовательно...? — вывод не получается.

В первом и третьем случаях отношения оказались транзитивными, во втором — интранзитивными, а в последнем — нетранзитивными.

Следовательно, положение такое: из данных посылок мы должны сделать вывод — причем, сами посылки не могут дать нам знание о характере отношения — мы должны знать, что вывод, сделанный нами, правильный, и только на основании этого мы заключаем о характере данного отношения. Что бы мы ни говорили об учении традиционной логики об умозаключении, о ее ограниченности, формалистическом характере и т. д., одно несомненное преимущество характеризует его: теория категорического силлогизма построена так, что характер посылок указывает на возможность или невозможность вывода. Установлены правила, которые показывают возможность и характер вывода. Правильность вывода обусловлена правилами, касающимися только посылок. Теория же умозаключения, опирающаяся на принцип транзитивности и т. д. отношений, не объясняет возможности вывода: она из факта правильного вывода заключает о характере посылок, т. е. о характере тех отношений, которые должны существовать в посылках, — если вывод правильный, — и потом характером этих отношений оправдывает вывод.

Возьмем к примеру простое умозаключение

$$\begin{array}{r} A=B \\ B=C \\ \hline A=C \end{array}$$

¹ В первом и втором случае подразумевается: «сидеть слева» и «быть соседом» на прямой.

Что нас убеждает в том, что вывод $A=C$ правильный? Разве то обстоятельство, что отношение «быть равным» переходное? Ведь то обстоятельство, что отношение «быть равным» оказалось переходным, мы узнали после того, как убедились в правильности вывода $A=C$. Или, почему посылки

$$\begin{array}{r} A \neq B \\ B \neq C \\ \hline ? \end{array}$$

не дают вывода? Потому, что «быть неравным» — отношение нетранзитивное. Что это отношение оказалось нетранзитивным, мы узнали после того, как убедились в невозможности сделать вывод.

Теория умозаключения, основанная на принципе транзитивности и т. д. отношений, в лучшем случае вращается в кругу: убеждение в правильности вывода основывается на знании транзитивности отношений, а знание о транзитивности отношений основывается на убеждении в правильности вывода.

«В лучшем случае», сказали мы, так как на самом деле вся эта теория представляет собой сплошную тавтологию, если даже ее интерпретировать материалистически. Вывод из посылок вытекает потому, что этого требует характер отношения вещей и явлений действительности. Положение это, безусловно, правильное, но оно ведь не может заменить теорию умозаключения!

Тавтологичность этой «теории» сразу бросается в глаза, если употребляемые в этой теории иностранные слова заменить русскими.

Умозаключение, с точки зрения этой теории, есть перенос отношений, которые существуют между A и B и B и C , на A и C . Причем, возможность (невозможность) этого переноса объясняется следующим образом: отношения между A и B и B и C можно переносить на A и C в том случае, если это отношения переносимые (=переходные=транзитивные), и нельзя переносить, если они непереносимые (непереходны, интранзитивны).

Объяснения ничуть не лучше, чем объяснения усыпляющего действия опиума известным мольберовским героем.

ГЛАВА VIII

УЧЕНИЕ ОБ ИНДУКЦИИ

1. Общая характеристика индуктивных умозаключений. В предыдущей главе, рассматривая основные черты дедуктивных умозаключений, мы дали также общую характеристику индуктивных умозаключений. Изменив и расширив традиционное понятие дедуктивного умозаключения, понятие индуктивного умозаключения мы оставили неизменным: индуктивное умозаключение — это умозаключение от единичного, частного к общему.

Основные черты индуктивных умозаключений, как мы видели, следующие:

1) Индуктивное умозаключение расширяет наше знание, оно дает в выводе знание о целом классе предметов, в то время как в посылках заключается знание о части предметов этого класса.

2) Индуктивное умозаключение — если оно подлинно индуктивное умозаключение — никогда не дает абсолютно достоверного знания. Эта черта индуктивных умозаключений должна быть очевидной. Ведь, расширяя знание на класс предметов, не изученных, не исследованных заранее, можно всегда обнаружить предметы, обладающие иными признаками, чем изученные; или, опираясь на ограниченное количество фактов, мы можем пропустить такое обстоятельство, которое играет решающую роль.

В истории науки мы встречаем случаи индуктивных умозаключений, выводы по которым казались абсолютно достоверными, но которые при дальнейших исследованиях оказывались недоказательными. Поучительных примеров таких индуктивных умозаключений можно привести огромное число. Таким примером может служить решение вопроса о самопроизвольном зарождении. Многочисленные факты гниения, разложения органических веществ, например, мяса, показывали

возникновение новых организмов в гниющем мясе. Индукция привела к выводу о самозарождении этих организмов. Противники теории самозарождения проделали целый ряд опытов для опровержения этой теории. Они доказывали, что новые организмы возникают из мяса не самопроизвольно, а находятся уже там, или попадают туда из воздуха, содержащего органические зародыши. Поэтому, если в органическом веществе нет зародышей этих организмов и если прекратить к нему доступ воздуха, то никакого самозарождения не будет. Брели растительный или животный настой, очищенный от органических зародышей, закрывали к нему приток воздуха — и на самом деле возникновение организмов не наблюдалось. Таким образом, индуктивным путем было «доказано», что теория самозарождения ложна, так как, когда воздух присутствовал, происходило зарождение организмов, когда же воздуха не было, случаев возникновения организмов не наблюдалось.

Казалось бы, что вывод, безусловно, достоверный и сомневаться в его истинности не приходится. Однако сразу же возникли сомнения насчет достоверности вывода: изолируя настой от воздуха, эти опыты изолировали настой от необходимого условия жизни организмов — воздуха и поэтому прекращалось и развитие организмов. И даже после того, как все условия были выполнены, — доступ воздуха к настою не прекращался, но воздух был заранее очищен от микроорганизмов, — и результат «окончательно» был установлен: самозарождения быть не может — и в этом случае вывод не мог быть абсолютно достоверным. Во всяком случае достоверность этого вывода ограничивается рамками определенных условий, именно, условиями современного состояния нашей планеты.

Вышеизложенный пример заключает три индуктивных умозаключения, из которых ни один не дает абсолютно достоверного вывода. Невозможно перечислить тут все те обстоятельства, которые делают индуктивные выводы только более или менее вероятными, но не абсолютно достоверными. Ниже, при изложении видов и методов индуктивного умозаключения, этот вопрос будет освещен полностью на основе оценки конкретных его видов. Здесь же мы довольствуемся только общими соображениями.

Классики марксизма-ленинизма всегда указывали на вероятный характер знания, добытый путем индуктивного умозаключения. Энгельс неоднократно отмечал такой характер индуктивных умозаключений: «...индуктивное умозаключение, — писал Энгельс, — по существу является проблематическим».¹ Ленин сравнивал индукцию с догадкой. В «Философских тетрадях» мы находим такую запись: «Самая простая

¹ Энгельс. Дialeктика природы, 1950 г., стр. 180.

истина, самым простым, индуктивным путем полученная, всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен. Ergo: связь индукции с аналогией — догадкой...».¹

Все дело заключается именно в том, что «опыт всегда незакончен» и этот последний признак — характерный признак индукции.

На первый взгляд наша характеристика индуктивных умозаключений противоречит достижениям научного знания: Можно привести огромное количество общих положений, законов, открытых наукой индуктивным путем. Да и как могли мы прийти к общим выводам, если не на основании изучения единичных предметов и явлений, если не на основании живого созерцания. Ведь отсюда идет научное познание к открытию общего в явлениях, к открытию сущности, закона, связей между явлениями. Ведь получается, что все наши знания об общем, о сущности, о законах проблематичны, более или менее вероятны и не обладают достоверностью. Конечно, если остановиться на этой ступени познания, то наши знания, полученные путем индукции, будут только и только более или менее вероятными.

Но нужно принять во внимание следующие обстоятельства. Данная выше характеристика индуктивного умозаключения, конечно, вовсе не отрицает познавательной ценности этого вида умозаключения. Если посылки истинны и вывод сделан по правилам логики, этот вывод, безусловно, будет заключать в себе, по крайней мере, частицу, элемент, зерно истины. Проблематичным будет общее положение, а не заключенное в нем зерно истины. Общее положение, полученное путем индукции, может измениться, может быть заменено другим положением, более адекватно отражающим действительность, но полученное первым умозаключением зерно, частица истины не отрицается вполне, не уничтожается, а сохраняется, как «абсолютное содержание» каждого шага познания. Это общее положение, полученное индуктивным путем, обладает вероятностью, и, будучи многократно проверено на практике, изменяется, исправляется, делается более адекватным действительности.

3) В отличие от дедуктивных умозаключений, в выводе которых устанавливается новая связь — связь S и P, которая никогда не дана в посылках, — в противном случае вывод был бы простым повторением посылок, — в индуктивных умозаключениях связь, установленная в выводе, всегда дана в посылках.

Это обстоятельство вытекает из самой сущности индуктивного умозаключения; ведь индуктивное умозаключение опирается, в конечном счете, на единичные факты и явления дей-

¹ Ленин. *Философские тетради*, стр. 154.

ствительности; эти единичные явления не оторваны от общего; общее заключается в единичном, единичное, так или иначе, проявляет общее. Правда, это общее не дано непосредственно живому созерцанию, восприятию, но оно находится в предмете восприятия. Закон тяготения не дан непосредственно в восприятии падения камня, но он, грубо говоря, находится в нем, действует в нем. Когда мы, изучив индуктивным путем ограниченное число случаев, открываем причинную связь между явлениями и в выводе утверждаем, что явление А причина явления а, то причинная связь между А и а уже заключается в фактах, отраженных в каждой из посылок. Индуктивное умозаключение только выделяет в выводе эту связь, уже отраженную в каждой из посылок в связи с другими посторонними и побочными явлениями.

На заре нового времени Р. Бэкон заинтересовался вопросом о происхождении радуги. Заметив, что радужные цвета возникают при прохождении солнечного луча через капли росы, через водяную пыль, через кристалл и т. д., Р. Бэкон заключил, что радужные цвета возникают при прохождении солнечного луча через прозрачную среду определенной формы. В этом умозаключении в каждой из посылок уже дана причинная связь между прохождением солнечного луча через определенную среду и цветами радуги, но ни в одной из посылок эта связь не представлена в чистом виде, так как непосредственно не видно, вызваны ли спектральные цвета водяной пылью, росой, призмой и т. д. Вывод выделяет в чистом виде ту связь, которая уже заключается в посылках в связи с посторонними явлениями.

Изложение видов индуктивных умозаключений подтвердит на конкретном материале данную характеристику индуктивных умозаключений.

2. Полная индукция

В традиционной логике умозаключение полной индукции понимается как умозаключение, в котором общий вывод получается из единичных посылок, причем сумма этих единичных посылок сполна исчерпывает весь класс предметов, о котором говорится в заключении.

Например:

Меркурий движется вокруг солнца с запада на восток.

Венера движется вокруг солнца с запада на восток

Земля движется вокруг солнца с запада на восток

Марс движется вокруг солнца с запада на восток.

и т. д. перечислены все планеты

Следовательно, все планеты движутся вокруг солнца с запада на восток.

Умозаключение полной индукции было известно создателю логики Аристотелю, который находил известное родство между полной индукцией и умозаключением по третьей фигуре.

Определяя индукцию как умозаключение, показывающее принадлежность большего термина среднему с помощью меньшего, Аристотель указывает на необходимость в данном случае перечисления всех экземпляров рода для получения общего вывода. Таким образом, индукция Аристотеля — полная индукция.

Посылки полной индукции, по учению традиционной логики, могут быть единичными, — как это было в нашем примере о планетах, — и общими, выражающими мысль о видах одного и того же рода.

Например:

Круг есть коническое сечение

Эллипс есть коническое сечение

Парабола есть коническое сечение

Гипербола есть коническое сечение

Круг, эллипс, парабола, гипербола составляют весь класс кривых второго порядка

Следовательно, все кривые второго порядка — конические сечения.

Выражают ли посылки мысли о единичных предметах, или о видах одного и того же рода, все равно, — ход мысли в полной индукции один: признаки, свойства, отношения, характеризующие все отдельные предметы класса или все отдельные виды одного рода, характеризуют весь класс, весь род. В этом заключается смысл умозаключения полной индукции.

Большинство логиков считает заключения полной индукции вполне правомерным видом умозаключения. То обстоятельство, что логики, изложив учение о полной индукции, начинают доказывать правомерность и ценность (большую или меньшую — все равно) полной индукции, указывает на то обстоятельство, что ценность этого вида умозаключения кажется сомнительной.

Ценность умозаключения для знания заключается в том, что оно дает новое знание в выводе по сравнению с посылками. Новое знание в выводе, как мы могли убедиться в этом, может быть двоякого рода: 1) новое знание относится к тем же предметам, о которых идет речь в посылках; выводное суждение дает знание о новой связи между предметами, о связи, знание о которой не заключается в посылках, 2) новое знание, полученное в выводе, относится к **новым** предметам, а не только к тем, о которых говорится в посылках.

Каково то знание, которое получается в результате полной индукции? Новое ли оно по сравнению со знанием, заключенным в посылках? Каринский справедливо замечает, что «новость мысли зависит не от того только, что в ней определение распространяется на новый реальный предмет; мысль будет новой, если определение дано было уже предмету, но он характеризовался иначе и поэтому представлялся нам иным предметом».¹ Но можно ли утверждать, что в выводе полной индукции предмет характеризуется иначе, чем в посылках? Ведь в выводе полной индукции предмет — все планеты — характеризуется так же, как и в посылках — Меркурий, Венера и т. д., т. е. предмет, о котором говорится в выводе, есть сумма предметов, о которых говорится в посылках. «В суждении о логической группе,— пишет далее Каринский,— мы приписываем определение не только предметам, характеризованным известными признаками, но в всем предметам, так характеризованным» (117). Но все дело в том, что определение (признак), приписанный в выводе в всем предметам, уже приписан в всем предметам в посылках, без этого нет и полной индукции. Что же касается утверждения Каринского, которым он хочет обосновать «новость мысли», якобы заключающуюся в выводе полной индукции, а именно: «произнося суждение о такой группе, мы утверждаем, что существование в предмете признаков группы совершенно достаточно для отнесения к нему определения, приписанного группе» (117), то тут явное смешение умозаключения полной индукции с дедуктивным, в частности, силлогистическим умозаключением.²

Некоторые логики защищают ценность полной индукции утверждением, что, правда, вывод полной индукции хотя и не расширяет объема знания, но изменяет его материю, так как он связывает предикат посылок с новым понятием. В доказательство этого утверждения приводятся примеры с единичными и общими посылками:

Пример с единичными посылками:

- 1) Бразилия — капиталистическое государство
Чили — капиталистическое государство
Аргентина — капиталистическое государство
перечисляются все государства Южной Америки

Следовательно, все современные государства Южной Америки — капиталистические государства.

¹ Каринский. Классификация выводов, стр. 116.

² «Новизна мысли заключается в особом убеждении, что эти, определенным образом охарактеризованные предметы полностью исчерпывают всю группу». Философские записки, I. Полнота исчерпывания группы предметов дана уже в посылках, без полноты вывода сделать нельзя. А если это так, то в выводе нет никакой новизны.

Пример с общими посылками:

- 2) Круг — коническое сечение
Эллипс — коническое сечение
Парабола — коническое сечение
Гипербола — коническое сечение
-

Следовательно, кривые второго порядка — конические сечения.

Нельзя утверждать, думают эти логики, что выводное суждение не дает нового знания, так как вывод тут связывает предикат посылок (коническое сечение) с новым понятием (кривые второго порядка).

Строго говоря, если мы имеем четыре посылки, перечисленные во втором примере, то единственный «вывод», к которому обязывают эти посылки, следующий: круг, эллипс, парабола и гипербола — конические сечения, и ни о каких кривых второго порядка не может быть речи в выводе. И если мы все же заключаем о «кривых второго порядка», то только потому, что предполагаем знание о том, что круг, эллипс, парабола и гипербола — в отдельности или все вместе, все равно — являются кривыми второго порядка. Поэтому в выводе нет никакой связи предиката с новым понятием.

Вывод «все кривые второго порядка — конические сечения» может получиться не из данных посылок, а из следующих:

- Круг — коническое сечение и является
кривой второго порядка
Эллипс — коническое сечение и является
кривой второго порядка
Парабола — коническое сечение и является
кривой второго порядка
Гипербола — коническое сечение и является
кривой второго порядка.

Или:

- Круг — коническое сечение
Эллипс — коническое сечение
Парабола — коническое сечение
Гипербола — коническое сечение.

Все кривые второго порядка это — круг, эллипс, парабола; гипербола (т. е. все конические сечения).

Ясно, что выводное суждение ничего нового не дает, по сравнению с посылками, а только суммирует то знание, которое заключается в посылках.

Оправдание полной индукции, как подлинного умозаключения, дающего в выводе новое знание, производится некоторыми логиками следующим образом: «...не распространяясь на новые предметы, общий вывод полной индукции

характеризует те же самые предметы с некоторой новой стороны. Субъектом суждения в каждой частной посылке был каждый отдельный предмет класса (или отдельный вид рода) в качестве именно отдельного и только отдельного предмета или вида. Напротив, в общем заключении субъектом суждения оказываются те же предметы, но уже рассматриваемые в качестве не отдельных, а в качестве некоторого класса или некоторого рода, т. е. в качестве некоторой логической группы. Поэтому умозаключение полной индукции не есть пустое повторение в форме общего вывода того, что уже сполна мыслилось в частных посылках.¹

Таким образом, оказывается, что новое знание в выводном суждении полной индукции заключается в том, что предметы, рассматриваемые отдельно в посылках, рассматриваются в заключении как члены класса. Но если в посылках не сказано, что перечисленные отдельно предметы не составляют полностью всего класса предметов, то вывод полной индукции был бы невозможен. Поэтому это «новое знание», «новая сторона» уже заранее мыслится в посылках (в одной из посылок, которая утверждает, что перечисленные предметы суть предметы, составляющие целый класс).

Совершенно ясно поэтому, что выводное суждение полной индукции не дает нового знания ни в каком отношении. Знание, заключающееся в выводе, относится к тем и только к тем предметам, о которых речь идет в посылках. Знание, полученное в выводе, не устанавливает никаких новых связей и отношений между предметами, которые не были установлены в посылках. Выводное суждение полной индукции только повторяет в суммированном виде то, что дано в посылках. В полной индукции нет на самом деле никакого обобщения, есть только, как правильно говорит Строгович, обобщающая форма у л и р о в к а.

Такие обобщающие формулировки нужны и полезны в процессе познания, в частности, в процессе доказательств. Так, например, пересмотрев все сочинения Галена и не найдя ни в одном из них четвертой фигуры силлогизма (так называемой галеновской), мы, вместо перечисления всех его сочинений в отдельности, делаем общую формулировку: ни в одной части сочинений Галена не упоминается четвертая фигура. Принимать эту общую формулировку за обобщенный вывод, как это делает Дживонс, в корне неверно. Изучая старинные монеты, найденные при раскопках, и устанавливая, что каждая из них принадлежит ко II веку, мы вместо многократного повторения: эта монета принадлежит ко II веку, эта — также, третья — также и так до конца, обобщаем фор-

¹ Асмус. Логика, стр. 249.

мулировку, суммируем: все монеты, найденные там-то и там-то, принадлежат ко II веку. Расспросив студентов такого-то курса, факультета, университета и убедившись, что Петров русский, Павлов русский, Иванов русский и т. д., каждый из них русский, мы просто суммируем эти единичные суждения в одно, все студенты этого курса русские.

Суммирование суждений или обобщенные формулировки, как мы уже указывали, нужны не только потому, что они экономят время (вместо нескольких десятков суждений: Петров русский, Иванов русский, и т. д. имеем одно суждение: все студенты русские), но и дают законченность мысли, выражая данное знание в сжатом виде.¹

Если мы знаем, что вписанные в круг углы бывают только трех видов: 1) центр находится внутри угла, 2) вне угла, 3) на одной из сторон угла, и если мы доказали для каждого в отдельности, что эти углы измеряются половиной центрального угла, опирающегося на ту же дугу, то этим и заканчивается доказательство теоремы. Следующее суждение, которое обычно следует за этим, а именно: следовательно, всякий вписанный угол измеряется половиной центрального угла и т. д., является не новым знанием, а выражает добытое знание в сжатом виде, придавая законченность мысли.

3. Неполная индукция

Основной признак так называемой полной индукции заключается в полном перечислении всех предметов данного класса или всех видов данного рода. Однако в процессе познания действительности мы очень редко имеем дело со всеми экземплярами какого-либо класса предметов. Если бы для познания предметов и явлений действительности нужно было познание всех предметов, т. е. перечисление всех предметов и познание каждого из них в отдельности для получения общего вывода, то познание никогда не могло бы осуществиться. Самые элементарные положения, в истинности которых никто не сомневается, оставались бы сомнительными. Суждение, что люди смертны, что собака имеет две пары ног, что подброшенный в воздух камень падает и т. д., оставались бы сомнительными, так как нет никакой возможности исчерпать класс людей, собак и т. п., т. е. нельзя никакими способами

¹ Дживонс, который защищает ценность полной индукции, как формы умозаключения, расширяющей знание, вольно или невольно приходит к заключению, что она сокращает умственный труд. Дживонс пишет, что против полной индукции возражали, что она «не дает никакого нового знания, а есть простое суммирование в краткой форме множества частных. Но, — возражает Дживонс, — одно только сокращение умственного труда есть уже одно из важнейших пособий, которыми можем пользоваться при приобретении знаний». (Основы науки, стр. 145).

перечислить и изучить каждого человека, каждую собаку и т. д.

Этим путем нельзя было бы проникнуть в глубь явления, открыть сущность явления, открыть закономерность связей между явлениями, нельзя предвидеть события и поэтому нельзя переделать, преобразовать явления действительности. Познание ограничилось бы познанием ограниченных классов явлений, внешних свойств данных явлений, описанием того, что уже было или есть, но никоим образом того, что будет.

Однако в громадном большинстве случаев изучение всех предметов класса (например, людей, собак, металлов и т. д.) не только невозможно, но и не нужно, больше того — бессмысленно. Дело в том, что в реальной действительности, как мы уже знаем, существующие явления и предметы не только единичны, индивидуальны; в своем единичном, индивидуальном своеобразии они даны в непосредственном восприятии, живом созерцании. В действительности, единичное неразрывно связано с общим. «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частичка (или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки понятия необходимости, объективной связи природы... Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы отбрасываем ряд признаков, как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому».¹

Поэтому нет необходимости обозревать все явления для выявления сущности явления, закона, внутренних связей между явлениями и, в частности, причинной связи, если возможно на основании изучения ограниченного числа единичных явлений открыть сущность этих явлений, общее, заключающееся в них, необходимое, объективную связь природы; а это должно быть возможно, как указывает Ленин, отбрасыванием случайных признаков, отделяя существенное от являющегося.

Неполная индукция представляет собой первый, очень несовершенный прием умозаключения от единичных, частных случаев к общему, сущности, закону.

В повседневной практике часто делаются выводы на основании нескольких случаев, встретившихся в жизни, при-

¹ Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 329.

чем эти случаи подбираются совершенно случайно, без заранее обдуманной цели. Так, например, заметив несколько раз, что перед дождем ласточки летали низко над землей, мы заключаем, что всегда, когда ласточки летают низко, будет дождь. Заметив несколько раз, что при заходе солнца небо имело красноватый оттенок и на другой день дул ветер, мы заключаем, всегда, когда вечерняя заря красная, на следующий день будет ветер. Или, заметив, что некоторые предметы обладают определенным признаком, заключаем, что все предметы этого класса будут обладать тем же признаком; например, белый цвет лебедей, встретившихся нам в жизни, делается основанием для распространения этого признака на весь класс лебедей; глухота некоторых белых кошек с голубыми глазами распространяется на весь класс таких кошек.

Конечно, заключение от ограниченного числа случайно наблюдаемых явлений к общему возможно только в том случае, если в практике нашей жизни не встречался факт, противоречащий наблюдаемому. Поэтому Бэкон назвал это индуктивное умозаключение индукцией через простое перечисление, в котором не встречается противоречащего случая (*inductio per enumerationem simplicem ubi non reperitur instantia contradictoria*); часто ее называют популярной индукцией.

В отличие от полной индукции, индукция через простое перечисление является настоящим умозаключением, так как выводное суждение в этой индукции содержит новое знание по сравнению со знанием, заключенным в посылках. Этим она существенно отличается от полной индукции. Новое знание, доставляемое индукцией через простое перечисление, заключается в распространении на весь класс явлений признака, наблюдаемого у ограниченного числа явлений этого класса. Но все дело в том, что такое расширение знания вовсе не достоверное. Ведь явления, на основании которых мы делаем обобщение в индукции через простое перечисление, совершенно случайны. Мы не отбирали специально эти явления, мы их специально не изучали; мы только время от времени наблюдали определенные факты с определенными признаками (лебедь — белый), наблюдали определенную последовательность фактов и на основании этих случайных фактов сделали общий вывод. Мы не задавались целью найти противоречащий данным явлениям факт; быть может такие факты и существуют и только наше незнание этих фактов оправдывает наш общий вывод. Достаточно взглянуть на схему индукции через простое перечисление, как сразу станет ясным несовершенный характер этой формы умозаключения:

$S_1 — P$ (S, обладает признаком P)

$S_2 — P$

$S_3 — P$

Следовательно, все S — P (все S обладают признаком P)

или $S_1 — P$ (P следует после S_1).

$S_2 — P$

$S_3 — P$

Следовательно, S — P (после всякого S будет следовать P).

Из этих схем ясно видно, что посылки не представляют собой достаточного основания приписывать S предикат P только на основании того, что S_1 , S_2 и S_3 обладают признаком P. Или нужно было перечислить все возможные экземпляры класса S и удостовериться, что все они обладают признаком P, и тогда мы возвратились бы к полной индукции, или же нужно применить какой-либо прием, каким-либо образом отобрать, подобрать явления, чтобы более или менее освободиться от случайности этих явлений; «отбрасывая ряд признаков, как случайные, мы отделяем существенное от являющегося...».

Ведь нет никакой гарантии в том, что признак P является существенным для S_1 или S_2 или S_3 ; нет никакой гарантии в том, что P с необходимостью следует за S; нет никакой гарантии в том, что белый цвет кошки и голубой цвет ее глаз с необходимостью связаны с глухотой кошки, так же, как нет гарантии, что красная заря вечером необходимо связана с ветром на следующий день. И то обстоятельство, что мы наблюдали совместность этих признаков несколько раз, вовсе не оправдывает нашего общего вывода, именно, что эти признаки всегда будут совместны.

Конечно, на основании наблюдения совместности признаков или последовательности явлений у нас возникает убеждение, что данный признак всегда будет характеризовать весь класс явлений, или что последовательность явлений необходима, но эта наша уверенность принципиально отлична от логической достоверности.

Интересно отметить, что уверенность в совместности признаков или в необходимой последовательности явлений часто возникает даже при существовании *instantia contradictoria* — противоречащих случаев. Так, например, многие суеверия, предрассудки являются выводом популярной индукции: «дурной глаз», «дурная примета», «сон, который сбывается» и т. д. Несмотря на многочисленность случаев, когда «дурная примета» не оправдывается, несмотря на то, что огромное количество снов, конечно, не сбывается, — не-

смотря на все эти противоречивые факты, некоторые случаи, когда имеет место случайное совпадение, запоминаются и на их основании делается обобщение. Конечно, тут играет главную роль не логика, не принципы умозаключения, а низкая степень развития человеческого сознания, в настоящее же время, буржуазное и мелкобуржуазное реакционное, религиозное мировоззрение.

Несмотря на все несовершенство умозаключений индукции через простое перечисление, оно играет определенную роль в процессе познания действительности и, нужно отметить, — роль немаловажную.

Дело в том, что недостоверность обобщения на основе индукции через простое перечисление не означает, того, что оно всегда ошибочно. Нередки случаи, когда это обобщение истинно. Так, например, опытный крестьянин на основании известных признаков заключает о предстоящей погоде, о видах на урожай. Эти и подобные им умозаключения основываются на популярной индукции, и тем не менее они оказываются в большинстве случаев истинными. Но то обстоятельство, что в этих умозаключениях не исключена возможность ошибки, делает их совершенно недостоверными, недоказательными.. Эти обобщения могут быть и совершенно ложными.

Таким образом, обобщения на основе индукции через простое перечисление могут быть и истинными и ложными. Чтобы удостовериться в истинности или ложности этих обобщений, нужно подвергнуть их той или иной проверке, что уже выходит за пределы данного вида индукции. Тут уже вступает в свои права так называемая научная индукция. Но научная индукция, опирающаяся не на простое перечисление случаев, а на определенный отбор фактов, была бы совершенно невозможной, более того, бессмысленной, если бы у нас не было заранее определенной цели, именно, цели узнать, подтвердить, проверить истинность или ложность того или иного положения. Следовательно, у нас должна быть определенная догадка, которую мы хотим проверить на опыте, на практике, и эта догадка возникает очень часто на основе индукции через простое перечисление.

Поэтому, несмотря на несовершенство популярной индукции, несмотря на недостоверность обобщения на ее основе, она все же играет немаловажную роль в процессе познания тем, что вызывает в познающем определенную догадку, без которой невозможна была бы и научная индукция.

4. Научная индукция

1. Полная индукция не расширяет нашего знания, она суммирует то знание, которое заключено в посылках, она

формулирует в сжатом виде — в одном суждении — знание, заключающееся в нескольких суждениях. Научная индукция расширяет наше знание. В выводном суждении научной индукции заключается знание о целом классе предметов, об общем в явлениях, о сущности явлений, в то время, как в посылках этой индукции заключается знание о нескольких предметах класса, о свойствах данных единичных явлений. Научная индукция есть умозаключение от знания нескольких предметов и явлений к целому классу этих предметов, явлений, от единичного, частного к общему, от явления к сущности. Этим она подобна индукции через простое перечисление.

Но, как мы могли уже убедиться, индукция через простое перечисление весьма несовершенна, выводы, получаемые в результате индукции через простое перечисление, недостоверны; недостоверны не в том смысле, что эти выводы всегда ложны, а в том смысле, что эти выводы могут оказаться как истинными, так и совершенно ложными, и, пользуясь только методом этой индукции, мы никогда не сможем удостовериться в их истинности или ложности. С другой стороны, индукция через простое перечисление может привести к догадке, открытию новых фактов, новых связей, открытию общего в явлениях, закономерности. Но эта догадка, открытие, пока все еще остается недостоверной, она требует полного научного доказательства. Одним из распространенных способов доказательства догадки, открытия считается научная индукция.

Представители индуктивной логики и вместе с ними представители логики вообще считают научную индукцию методом доказательства. Индукция через простое перечисление — ненаучный метод; этот вид индукции характеризует человека, непривыкшего к научному мышлению. В науке она ведет нас недалеко; мы вынуждены начинать с нее; мы часто должны полагаться на нее до времени, при отсутствии средств более строгого исследования. Но для точного изучения природы нам необходимо более надежное и более мощное орудие. Индукция через простое перечисление не избирает, но только накапливает случаи. Немногих хорошо избранных случаев часто бывает достаточно для удовлетворения научной индукции. Но то же самое число случаев, если мы отбросим основания, по которым они были избраны, будет совершенно недостаточно для оправдания индукции через простое перечисление. Индукция через простое перечисление основывается лишь на числе случаев, научная же индукция опирается на природу случаев. «Ненаучные исследователи склонны слишком много полагаться на число случаев, не анализируя самих случаев, не приглядываясь

пристально к их природе, чтобы обнаружить, какие обстоятельства выделяются случаями или не выделяются. У большинства людей степень уверенности в заключениях соразмеряется только с массой опытов, на которых эти заключения, повидимому, основываются. Эти люди не соображают, что если к прежним случаям прибавляются новые того же самого рода, т. е. отличающиеся лишь в обстоятельствах, признанных несущественными, то к достоверности заключения не прибавляется ничего. Один случай, который выделяет какой-либо предшествующий факт, существовавший во всех других случаях, более ценен, чем величайшее множество случаев, только считаемых», — пишет один из представителей индуктивной логики.

Таким образом, в научной индукции важно не число случаев, а природа случаев. Тут умозаключение основывается не на простом перечислении случаев, а на случаях, определенным образом подобранных.

Определенный подбор случаев указывает на определенную цель. Следовательно, научная индукция предполагает какое-то суждение, которое нужно оправдать, в противном случае подбор случаев, фактов был бы бессмысленным: мы бы не подбирали случаи определенным образом, если у нас не было бы определенной цели — оправдать то или иное суждение, возникшее в виде догадки. Очень часто эту догадку доставляет нам индукция через простое перечисление. Имея догадку о совместности признаков S и P , или причинной связи между S и P , или еще о том, что P является сущностью (или существенным признаком) целого класса явлений S , мы применяем методы индуктивного доказательства для оправдания нашей догадки.

2. Возникновение и развитие методов научной индукции связано с возникновением и развитием капиталистического способа производства и связанного с ним развития естествознания.

Основатель логики Аристотель разработал учение о категорическом силлогизме и так называемом индуктивном силлогизме. Его ученики добавили учение об условном и разделительном силлогизмах. Кроме полной индукции Аристотель знал и популярную индукцию, однако не придавал ей большого значения, считая ее справедливо недоказательной. В средних веках логика, которую приспособили к богословию, — она сделалась орудием доказательства богословских догматов, — превратилась в схоластическую, формалистическую «игру» в понятия. Термин «индукция» употребляется в средних веках. Она, индукция, обозначала полную и неполную (популярную) индукцию, но никакого применения эта индукция не имела.

С развитием капиталистического способа производства начинается изучение природы. Еще до создания Френсисом Бэконом теории научной индукции многие естествоиспытатели применяют индуктивные методы исследования явлений природы. Рожер Бэкон, Галлилей, Леонардо де-Винчи и др. пользуются приемами индукции. Ко времени Бэкона приемы индуктивного исследования уже часто встречаются в естествознании. «Только после того, как естественно-научный и исторический материал был накоплен в достаточном количестве, можно было приступить к критическому исследованию, сравнению, разделению на классы, роды и виды. Поэтому приемы точного исследования природы стали развиваться впервые лишь у греков александрийского периода, а затем в средние века развивались дальше арабами. Настоящее же естествознание начинается только со второй половины XV века, и с этого времени оно непрерывно делает все более быстрые успехи».¹

Изучение методов исследования естествознания своего времени дало возможность Бэкону описать основные виды индуктивных доказательств. «Действительный родоначальник английского материализма — Бэкон,— писал Маркс.— Естествознание для него представляло истинную науку, а опытная физика — самую важную отрасль естествознания. Согласно его учению, чувства не обманчивы и служат источником всякого знания. Всякая наука есть опытная наука и заключается в том, чтобы применять рациональные методы к чувственно данному. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, опыт являются главными условиями рационального метода».²

Ведя борьбу против средневекового схоластически-религиозного мировоззрения, согласно которому в мире, созданном богом, царит целесообразность и поэтому каждое явление действительности, в частности, природы, осуществляет определенную цель, Бэкон противопоставляет этому взгляду материалистическое воззрение. В природе нет никаких целей, явления природы не осуществляют никаких целей; понятие цели чуждо природе. Явления природы связаны причинной связью; цель науки отыскать причинно-следственные связи между явлениями. Зная, какое явление вызывается данной причиной и каковы причины данного явления, мы сможем господствовать над природой. Методы индукции, описанные Бэконом, служат для выяснения причинных связей между явлениями. Правда, приемы научной индукции служат не только для выяснения причинной связи между явлениями, они применяются и для выяснения совместности признаков в предмете.

¹ Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 19.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XVI, ч. II, стр. 289.

выявления сущности, закона явлений, однако односторонность воззрений Бэкона наложила отпечаток на дальнейшее развитие теории научной индукции. Дальнейшее развитие теории научной индукции шло по линии уточнения и более строгого формулирования основных умозаключений о причинных связях между явлениями. В этом отношении быть может больше всех поработал Дж. С. Милль, именем которого часто называют теперь бэконовскую индукцию. Не отрицая заслуг Милля в определенной области — в области уточнения и более ясной формулировки приемов бэконовской индукции, нужно тут же указать на общие недостатки его учения. Не говоря уже о субъективно-идеалистическом мировоззрении Милля, которое не так заметно в чисто логических построениях его системы, но которое все же является тем фоном, на котором развертывается его логическое учение, Милль, неправильно трактуя теорию дедуктивных (силлогистических) умозаключений, уже тем самым неправильно должен был понимать теорию умозаключения вообще и, в частности, теорию индуктивного умозаключения. Защищая точку зрения номинализма и не понимая истинного взаимоотношения общего и единичного, Милль, конечно, не мог правильно понять и сущность индуктивного умозаключения, основные приемы которого он сам так подробно описал. Исходя из субъективно-идеалистического мировоззрения и считая причинность единственной «закономерностью», к тому же существующую не объективно, а являющуюся «привычкой мышления», Милль, конечно, не мог понять ни настоящей ценности научной индукции, ни ее ограниченного характера. По его словам, приемы индуктивного исследования должны быть только приемами доказательства, а не открытия новых истин; тем не менее он все же превращает научную индукцию во всеобщий метод познания, во всеобщую методологию наук и применяет ее и к общественным наукам.

Не понимая ограниченности научной индукции, Милль извращает сущность научного познания; научное познание характеризуется не только тем, что стремится распространить признак, найденный в ограниченном числе явлений, на целый класс подобных явлений, а ищет сущность явления, чтобы, исходя из этой сущности как принципа, объяснить явления.

Наблюденные случаи — случаи, заранее подобранные с определенной целью — падения предметов, подброшенных в воздух, дадут возможность распространить это свойство на все явления такого рода, но они не дадут возможности объяснить этот факт. Объяснение всегда связано с дедукцией. С помощью индукции быть может можно умозаключить, что все планеты движутся вокруг солнца с запада на восток, но

объяснить этот факт не в состоянии никакая индукция: это можно объяснить только с помощью теорий развития, в частности, с помощью теории возникновения солнечной системы. Только теория возникновения и развития солнечной системы может объяснить характерное для планет движение вокруг солнца и возможные отклонения от него. С помощью индукции можно на основании нескольких подобранных фактов расширения тел от нагревания или проводимостью электричества некоторыми телами заключить к расширению всех тел от нагревания или к проводимости электричества всеми телами данного класса, но никакая индукция не в состоянии объяснить факт расширения тел от нагревания или факт проводимости телами электричества.

Только теория молекулярного строения вещества может объяснить факт расширения тел от нагревания.

«Даже больше того, вся классификация организмов благодаря успехам теории развития отнята у индукции и сведена к «дедукции», к учению о происхождении — какой-нибудь вид буквально дедуцируется из другого путем установления его происхождения, — а доказать теорию развития при помощи одной только индукции невозможно, так как она целиком антииндуктивна»¹.

Ошибка Милля и индуктивистов заключается в том, что индукция, имеющая определенное значение в процессе познания, объявляется единственным методом познания действительности. «Никакая индукция на свете никогда не помогла бы нам уяснить себе процесс индукции. Это мог сделать только анализ этого процесса. — Индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того, чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускай из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга. — По мнению индуктивистов, индукция является непогрешимым методом. Это настолько неверно, что ее, казалось бы, надежнейшие результаты ежедневно опрокидываются новыми открытиями».²

Много содействовали правильному уяснению сущности индуктивных умозаключений известные русские логики Каринский и Рутковский.

3. Приняв во внимание данную выше оценку бэконовской (миллевской) индукции, можно приступить к изложению и оценке отдельных приемов (так называемых методов) научной индукции. Так как приемы бэконовской научной индук-

¹ Энгельс, Дialeктика природы, 1950, стр. 180.

² Там же, стр. 180—181.

ции описаны Миллем полнее и сформулированы яснее, то мы изложим их в миллевской редакции.

Описывая приёмы умозаключения научной индукции, Милль, а вслед за ним и другие логики обращают внимание главным образом на умозаключение о причинной связи между явлениями. Приёмы научной индукции построены таким образом, чтобы доказать причинную связь между явлениями. Мы сказали доказать, так как догадка о существовании причинной связи между исследуемыми явлениями должна уже существовать, в противном случае мы не могли бы определенным образом подбирать случаи. Ведь научная индукция тем и отличается от индукции через простое перечисление, что в последнем случае мы опираемся на случаи, которые встретились нам в жизни, которые запомнились нам в силу тех или иных обстоятельств, мы не подбирали эти случаи с заранее обдуманном намерением выяснить причинную связь между явлениями; в первом же случае мы подбираем факты, чтобы оправдать ту или иную догадку о причинной связи между данными явлениями. Милль описывает пять простых приемов научной индукции.

5. Метод единственного сходства.

Вспомним пример с радужными цветами в рассуждении Р. Бэкона. У Бэкона возникла догадка о причине появления радужных цветов; причина должна была заключаться в прохождении солнечного луча через прозрачное тело определенной формы. Бэкон собирает факты, которые должны оправдать данное предположение. Он находит факт появления радужных цветов при прохождении солнечного луча через росу, через водяную пыль у водопада, через стеклянную призму и приходит к заключению: причина появления радужных цветов — прохождение солнечных лучей через прозрачное тело определенной формы, так как во всех фактах, в которых получались радужные цвета, единственно сходным было обстоятельство прохождения солнечных лучей через прозрачное тело определенной формы (сферической или призматической).

Другой пример подобного умозаключения. Внутренняя сторона многих раковин имеет радужный отблеск; можно было предположить, что причина этого явления — химический состав вещества раковин. Один из ученых, интересовавшийся вопросом о причине появления радужного отблеска, сделал оттиск из воска с поверхности внутренней стороны раковины. Оказалось, что восковой оттиск также отликает таким же радужным отблеском. Сделав такие же оттиски из смолы, гипса и т. д., он пришел к определенному выводу. Единственным сходным в этих случаях было строение поверхности вос-

кового оттиска и раковин; следовательно, строение поверхности и есть причина радужного отблеска.

Малярией болеют в разных странах, люди разных рас и национальностей и т. д. Чтобы открыть причину заболевания малярией, ищут единственно сходное во всех обстоятельствах и находят, что причина заболевания малярией — укус комара определенного вида.

Таким образом, если в процессе изучения природы у нас возникает догадка, что явление A есть причина явления a , мы попытаемся оправдать нашу догадку. Догадку эту можно попытаться оправдать методом единственного сходства. Из данных опыта подберем такие случаи, в которых a всегда возникает, а в предшествующих обстоятельствах присутствовал один единственный сходный момент. Допустим, мы подобрали соответствующие обязательства ABC , ABD , ACD , и после каждого из них возникает явление a .

$ABC — a$
 $ABD — a$
 $ACD — a$

Мы рассуждаем: B не может быть причиной a , так как B не присутствует в третьем обстоятельстве, однако a возникло; C не может быть причиной a , так как C нет во втором обстоятельстве, однако a возникло; D не может быть причиной a , так как D нет в первом обстоятельстве, а все же возникло. Ни B , ни C , ни D не может быть причиной a ; единственно сходным во всех обстоятельствах, которые вызывают действие a , является A ; поэтому A должно быть причиной a .

$ABC — a$
 $ABD — a$
 $ACD — a$

Следовательно, $A — a$.

Правило метода единственного сходства обычно формулируется следующим образом: если два или более случая исследуемого явления имеют только одно общее обстоятельство, то обстоятельство, в котором только и совпадают все эти случаи, есть причина (или действие) данного явления. Многие логики опускают в этой формулировке слова «или действие», и они, безусловно, правы, так как дело касается доказательства положения, что A есть причина a . Кроме того указывают на то обстоятельство, что данное обстоятельство есть вероятно причина данного явления или по крайней мере связано с причиной. Ниже мы убедимся в справедливости такой формулировки.

Анализ умозаключения по методу единственного сходства показывает, что данное умозаключение характеризуется всеми чертами индуктивного умозаключения, перечисленными выше.

а) Общий вывод «А есть причина а» получается не в результате изучения всего класса явлений, а только на основании изучения ограниченного числа явлений данного класса. В выводе получается знание более общее, чем знание, заключающееся в посылках. Так в примере умозаключения Р. Бэкона посылки заключали знание о прохождении солнечного луча через некоторые прозрачные предметы определенной формы, в выводе же заключается знание о всех подобных предметах. В примере с раковинами в посылках утверждается, что внутренняя поверхность раковин и подобные поверхности в смоле, каучуке, гипсе, имеют радужный отблеск, в выводе же утверждается, что все тела с таким строением поверхности будут иметь радужный отблеск.

в) Умозаключение по методу единственного сходства никогда не дает вполне достоверного знания. Вывод, который мы сделали при описании метода единственного сходства, при ближайшем рассмотрении оказывается не совсем точным; из посылок

ABC — а
ABD — а
ACD — а.

мы заключили: следовательно, А причина а. Но, во-первых, возможно, что не А является причиной а, а соединение А с В или С, или D, т. е. не одно А является причиной а, а соединение А с чем-либо. В таком случае вывод нужно формулировать: А является полной причиной или частью причины а.

Во-вторых: даже допустив, что только А является причиной а, без его соединения с чем-либо, и в этом случае вывод может быть не точным. Дело в том, что на данном уровне знания, мы можем считать явление А простым, неразложимым; однако при дальнейшем развитии науки может оказаться, что явление А сложное и состоит из элементов х, у, z и т. д., и что не обстоятельство А в целом вызывает действие а, а только один из его элементов, допустим, х. Формулировка вывода должна быть поэтому следующей: А является причиной а, или заключает в себе причину а.

Наконец из данной схемы умозаключения по методу единственного сходства не вытекает, что только А должно быть причиной а. К такому выводу мы приходим на основе рассуждения, именно: В не может быть причиной а, так же как С и D, потому что они не фигурируют соответственно в

третьей, второй и первой посылках. Однако рассуждение это лишено основания, так как одно и то же явление может быть вызвано разными причинами. Основываясь на понятии множественности причин (см. главу об условно-категорических силлогизмах), можно сказать, что в одном случае *a* вызывается причиной В, в другом — причиной С, в третьем — причиной D.

Последнее обстоятельство признается и Миллем: «Одно из главных последствий этого факта множественности причин состоит в том, что он делает ненадежным первый из индуктивных методов, метод сходства». Исправить этот недостаток метода единственного сходства можно с помощью умножения соответствующих примеров. Только когда случаи при произвольном увеличении их числа и разнообразия продолжают давать один и тот же результат, этот метод приобретает высокое независимое значение, писал Милль. На самом деле, становится крайне невероятным, что явление *a* могло бы быть вызвано огромным количеством разнообразных причин. И если вывод, что А должно быть причиной *a*, не абсолютно достоверен, то во всяком случае частица, зерно, элемент истины, безусловно, заключается в этом выводе.

И те ограничения, которые мы указали выше, относительно формулировки вывода, показывают не то, что общий вывод абсолютно ложен, а только то, что этот вывод более или менее вероятен, во всяком случае, включает в себе частицу истины. Нужно отметить то обстоятельство, что методы научной индукции для доказательства причинной связи между явлениями применяются в научном исследовании не отдельно друг от друга, но в большинстве случаев в соединении друг с другом; и в результате доказанное общее положение никогда не оказывается абсолютно ложным, как это бывает, например, в индукции через простое перечисление; оно остается вероятным, но абсолютно ложным никогда: частица истины всегда заключается в выводном суждении.

с) Достаточно взглянуть на схему умозаключения по методу единственного сходства, как сразу станет ясным своеобразие этого умозаключения и его отличие от дедуктивного умозаключения:

$$\begin{array}{r}
 ABC — a \\
 ABD — a \\
 ACD — a \\
 \hline
 A — a
 \end{array}$$

Если умозаключение правильно, то выводное суждение выражает ту же самую связь, отношение между А и *a*, кото-

рсе уже заключается в каждой из посылок. И в первой и во второй, и в третьей посылках выражена связь между А и а, но эта связь заслонена, затемнена побочными элементами, обстоятельствами В, С, D, связанными с А. Цель сопоставления случаев, выраженных в умозаклЮчениях, заключается в выделении этой связи в чистом виде. В посылках дедуктивного умозаклЮчения связь S и P не дана ни в одной из посылок, она появляется только в выводе:

$$\begin{array}{r} M - P \\ S - M \\ \hline S - P \end{array}$$

Это обстоятельство делается совершенно понятным, если мы вспомним учение марксизма-ленинизма об общем и единичном, о сущности и явлении. «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное».¹ Собака вообще нигде не существует, как только в отдельных собаках (ср. «Жучка есть собака»). «Всякое общее есть частичка (или сторона или сущность) отдельного».² Общее, сущность всецело, полностью входит в отдельное. Поэтому, в каждом случае, в отдельных обстоятельствах, фактах, которые отражаются в посылках научной индукции, заключается общее, сущность; и это общее, эта сущность выделяется в чистом виде в выводе; во всяком случае, такова цель научной индукции. Но это общее, эта сущность не дана непосредственно в единичном, в отдельном. Цель научной индукции заключается именно в том, чтобы путем сопоставления известным образом подобранных случаев отбросить ряд признаков побочных, случайных и выделить общее, сущность.

Наоборот, общее не включает в себе всех особенностей единичного. Общее — только частица, сторона, сущность отдельного. Отдельное богаче общего, «явление богаче сущности».³ В Сократе содержатся все существенные признаки человека, общее, сущность; но в сущности человека вовсе не мыслятся все особенности Сократа, поэтому связь S и P, которая получается в результате индуктивного умозаклЮчения, уже дана в посылках. Связь же S и P, которая получается в результате дедуктивного умозаклЮчения, в посылках не дана.

д) Научная индукция, в частности, метод единственного сходства дает вероятные выводы. Путем умножения определенным образом подобранных случаев и соединения различных методов (см. ниже) степень вероятности увеличивается. Однако абсолютная достоверность, подобная достоверности

¹ Ленин, Философские тетради, стр. 329.

² Там же.

³ Там же, стр. 127.

дедуктивных умозаключений, не достижима. Но какова бы ни была ценность индуктивного умозаключения, для познания действительности она недостаточна. С помощью научной индукции самое большее можно установить определенный факт связи между явлениями, но объяснить эту связь индукция не в состоянии. Например, методом единственного сходства можно установить положение, что радужные цвета появляются при прохождении солнечного луча через прозрачные тела определенной формы, но объяснить этот факт, т. е. почему это происходит, индукция не может. С помощью метода единственного сходства можно установить, что период колебания маятника зависит от длины стержня маятника, но почему это так происходит, какое отношение имеет длина стержня маятника к периоду его колебания, остается необъяснимым. Многочисленными опытами доказано, что можно превратить озимую пшеницу в яровую, но индукция не может объяснить, почему озимая пшеница превращается в яровую.

Вопрос «почему» выходит за пределы индукции, а без ответа на этот вопрос нет подлинного научного знания. Гипотеза и выведение следствий из гипотезы с помощью дедукции может дать ответ на поставленный вопрос. «Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является гипотеза», — писал Энгельс.¹ Уже из этого обстоятельства должно быть ясно, что одна индукция без дедукции не может обеспечить подлинного знания.

е) Некоторые логики склонны сводить индуктивное умозаключение по методу единственного сходства (а потом и все умозаключения научной индукции) к разделительно-категорическому умозаключению, в частности, к модусу *tollendo ponens*. Так, утверждают они, схема умозаключений по методу единственного сходства:

$$\begin{array}{l} ABC — a \\ AB\bar{D} — a \\ ACD — a \\ \hline \end{array}$$

Следовательно, $A — a$

показывает, что умозаключение на самом деле протекает следующим образом: в посылках утверждается, что или А, или В, или С, или D является причиной а, но из первой посылки видно, что D не может быть причиной а, из второй посылки видно, что С не причина а, из третьей посылки видно, что В не причина а, следовательно, А причина а. Схема будет следующей:

¹ Энгельс. Диалектика природы, стр. 6.

Причиной а является или А, или В, или С, или D
Но ни В, ни С, ни D не являются причиной а

Следовательно, причиной а является А.

Что такого рода рассуждения имеются в умозаключении по методу единственного сходства и, как мы увидим в дальнейшем, и во всех приемах научной индукции, — безусловно, верно. Но это обстоятельство доказывает не то, что умозаключения научной индукции являются на самом деле дедуктивными, в частности, разделительно-категорическими умозаключениями, а только, то, что доказательства научной индукции связаны всегда с дедуктивными умозаключениями, что индукция и дедукция всегда связаны в процессе познания. Сведение же научной индукции и, в частности, умозаключения по методу единственного сходства к разделительно-категорическому умозаключению затушевывает ту разницу, которая существует между дедукцией и индукцией.

Во-первых, это сведение заставляет нас считать вероятное знание, полученное по методу единственного сходства, абсолютно достоверным. Во-вторых, это связано с первым: утверждать, что В, С, D не могут быть причиной а, как это мы делаем в модусе *tollendo ponens*, в умозаключении по методу единственного сходства мы не можем; остается возможность того, что и В, и С, и D могут быть причиной а. И, наконец, ни одна из посылок индуктивного умозаключения по методу единственного сходства, на деле, не является разделительным суждением. Интерпретация совокупности посылок, как разделительного суждения (или А, или В, или С и т. д. является причиной а) в виде первой посылки и отрицательного суждения (ни В, ни С и т. д.), в виде второй посылки, вторичный момент, выводной момент по отношению к данным посылкам и доказывает не тождественность этих двух видов умозаключения, а лишь необходимость момента дедукции при индукции.

6. Метод единственной разницы

Допустим, в процессе изучения определенных явлений действительности у нас возникает догадка, что А является причиной а. Как оправдать, как доказать истинность нашей догадки? Мы берем два обстоятельства, в первом из которых А присутствует, в другом же отсутствует, и наблюдаем, появляется ли исследуемое явление. Допустим, что первое обстоятельство сопровождается исследуемым явлением а, во втором же случае а не возникает. Мы заключаем, что А — причина а, так как при присутствии А всегда возникает а, при отсутствии А отсутствует а.

Так, например, при прохождении электрического тока через чистую воду, последняя не разлагается на водород и

кислород. Если же в воду прибавить немного соляной кислоты, то подкисленная вода при прохождении тока начинает разлагаться на водород и кислород. Мы заключаем, что кислота является причиной разложения воды электричеством.

Если под колокол воздушного насоса поместить живые существа и выкачать из колокола воздух, то живые существа погибают. Пока воздух в колоколе присутствует, животные живут, при отсутствии же воздуха они погибают. Заключение, вытекающее отсюда: воздух — причина жизни животных.

Озимая пшеница, высеянная весной, не выколашивается. Академик Т. Д. Лысенко замачивает семена озимой пшеницы, сыпает их в яму и наматывает вокруг нее сугробы снега. Весной эти зерна высеиваются в одно время с яровыми, и оказывается, что эта пшеница развивается как яровая. Если семена озимой пшеницы в продолжении определенного времени проводить через определенную температуру, то она, высеянная весной, развивается как яровая; в противном случае она не дает колосьев. Следовательно, причина превращения озимой пшеницы в яровую — определенная температура, через которую должна пройти озимая пшеница.

Этим же методом можно обосновать суждение, что натрий дает в спектре желтую двойную линию. Когда натрий вводят в пламя, в спектре неизменно возникает желтая двойная линия; и желтая двойная линия не появляется, когда в пламени нет натрия.

Схема умозаключения по методу единственного различия следующая:

$$\begin{array}{l} ABC — a \\ BC — — \\ \hline \end{array}$$

Следовательно, A — a

Формулировка метода единственного различия такова:

Если случай, в котором исследуемое явление встречается, и случай, в котором оно не встречается, одинаковы во всех обстоятельствах, кроме одного, и это одно встречается только в первом случае, то это единственное обстоятельство, в котором различаются эти два случая, составляет причину явления.

По степени доказательства метод единственного различия считается самым убедительным. Метод единственного различия характеризуют, как мощное орудие исследования природы, как могущественный процесс, обнаруживающий не только законы, но и причины, как метод, который может дать неопровержимое доказательство причинной связи явлений.

Объясняется это следующими обстоятельствами:

а) Дело в том, что при умозаключении по методу единственного сходства применяется по преимуществу простое

наблюдение. Исследователь большей частью наблюдает, подбирая определенные случаи, в которых содержится единственно сходное обстоятельство. При умозаключении же по методу единственного различия исследователь сам создает условия возникновения или не возникновения данного обстоятельства. Примеры умозаключений по методу единственного различия, приведенные выше с прохождением тока через воду, ярвизации, спектра натрия и т. д., показывают, что в данном случае посылки этого умозаключения отражают данные эксперимента: в одном случае мы вводим некоторое добавочное обстоятельство и сравниваем его с контрольным экземпляром—случаем, в котором этого добавочного обстоятельства нет. Применение эксперимента в огромной степени способствует увеличению степени достоверности вывода.

в) Достоверность вывода по методу единственного различия увеличивается еще тем обстоятельством, что в этом случае факт множественности причин не способен ослабить достоверность вывода. Если вывод по методу единственного сходства:

$$\begin{array}{l} ABC — a \\ ACD — a \\ ABD — a \\ \hline A — a \end{array}$$

может казаться сомнительным, так как по теории множественности причин можно предположить, что не А является причиной а, а в одном случае, допустим, В, в другом С и т. д., то вывод по методу единственного различия свободен от такого сомнения. На самом деле из схемы:

$$\begin{array}{l} ABC — a \\ BC — — \\ \hline A — a \end{array}$$

видно, что ни В, ни С не могут быть причиной а, в противном случае а возникло бы и во втором случае. Если для уничтожения сомнения при умозаключении с помощью единственного сходства приходится умножать случаи, то метод единственного различия этого вовсе не требует. Множественность причин, утверждают индуктивисты, не только не уменьшает надежности метода единственного различия, но даже не вызывает необходимости в большом числе наблюдений или опытов: два примера — один положительный, другой отрицательный — уже достаточны для самой полной и строгой индукции.

Однако, несмотря на такую характеристику метода единственного различия, несмотря на его большую надежность по

сравнению с методом единственного сходства, он также дает только вероятные выводы и абсолютно достоверного вывода дать не может.

с) Из схемы видно, что введение или исключение нового обстоятельства (А), в котором оба случая единственно различаются, не дает достаточной гарантии для полной убедительности вывода: А — причина а. Ведь А может вызывать действие а не само по себе, изолированно, а только в связи с В или С, или с ВС. Поэтому вывод, что А является причиной а, не обоснован, А может быть частью причины а. Так, например, из опыта с электрическим звонком, помещенным под колокол воздушного насоса, в данном случае — при присутствии воздуха — звук звонка существует, в другом случае — при отсутствии воздуха — звука нет. Единственное обстоятельство, в котором эти оба случая различаются, — это присутствие и отсутствие воздуха. По методу единственного различия вывод, что воздух причина звука, не вполне обоснован, так как воздух сам по себе, взятый изолированно, конечно, не является причиной звука; он является частью этой причины.

д) С другой стороны, вывод А — причина а, заключая в себе частицу истины, может быть таким же неточным суждением, как и первая посылка данного умозаключения: АВС — а. Ведь, выставляя истинное положение АВС — причина а, мы не удовлетворяемся им. АВС — сложное обстоятельство, и мы ищем конкретную причину а, т. е. стремимся отыскать ту сторону, ту часть этого сложного обстоятельства, которое является причиной а (в данном случае А). И, утверждая в выводе, что А — причина а, мы предполагаем А простым обстоятельством. Однако может оказаться, что А также сложное обстоятельство, что оно, на самом деле, состоит из х, у, z, и что не А в целом является причиной а, а какая-либо составная часть А, например, х. Так, например, заметив, что горение происходит в воздухе, а в безвоздушном пространстве горение не происходит, мы заключаем, что воздух причина горения (точнее: поддерживает горение); на самом деле, оказывается, что причина горения не воздух в целом, а только его одна составная часть, причем другие составные части воздуха мешают горению. Поэтому в данном случае вывод должен быть сформулирован следующим образом: А или причина а, или содержит в себе причину а.

е) Легкость вывода по методу единственного различия и его убедительность — кажущаяся, и это последнее обстоятельство объясняется простотой схемы и формулировкой принципа этого метода. Если в одном обстоятельстве, говорим мы, присутствует А и возникает а, в другом же А не присутствует и а также не появляется, то кажется несомненным, что А непосредственная причина а. Но ведь явления в действительности

не механическое скопление вещей, существующих изолированно друг от друга: они связаны друг с другом, обуславливают друг друга, влияют друг на друга; мир — единое целое, в котором части находятся во взаимодействии. Точно так же каждое явление состоит из частей, сторон, свойств; которые связаны друг с другом, обуславливают друг друга, взаимодействуют друг с другом. Вещь, явление — не ящик, в котором части, стороны, свойства находятся в изолированном состоянии, из которого можно вынуть и в который можно добавить несколько частей, свойств, не изменяя принципиально ничего.

Когда мы говорим, «обстоятельство, случай АВС», то в этом сложном явлении А, В и С не внешни друг другу, они не изолированы друг от друга. АВС как явление — единое целое, в котором исключение или добавление какого-либо обстоятельства может существенно изменить характер данного явления. ВС не вызывает а; добавляя новое обстоятельство А (АВС), мы, по методу единственного различия, делаем вывод не обращая внимания на то обстоятельство, что ВС может быть уже не ВС, а под влиянием добавочного обстоятельства совершенно иное, например, DE, и быть может не А является непосредственной причиной а, а D или E, или совместное действие D и E.

f) Относительно сведения умозаключения по методу единственного различия к разделительно-категорическому умозаключению (к модусу *tollendo ponens*) следует сказать то же самое, что и относительно метода единственного сходства. Сведение это искажает сущность индуктивного умозаключения; однако нужно отметить, что разделительно-категорическое умозаключение, не являясь сущностью данного метода, играет в нем определенную роль, является необходимым моментом, как и в первом методе.

g) Соображения, высказанные выше относительно доказательной силы метода единственного различия, конечно, не отрицают ценности этого вида умозаключения. Общий вывод по этому методу оказывается всегда вероятным. Но, как мы указывали выше, вероятность общего вывода в данном случае резко отличается от вероятности выводов индукции через простое перечисление. В последнем случае вывод может оказаться достоверным, но может оказаться и абсолютно ложным. В выводах научной индукции, в частности, в рассматриваемом методе научной индукции, вывод может оказаться вполне достоверным, но абсолютно ложным он никогда не бывает. Все те соображения, которые были выдвинуты выше против метода единственного различия, доказывают только одно, а именно, общий вывод «А — причина а» может быть в общей форме недостоверным, но частица, элемент, зерно истины в этом выводе всегда содержится.

7. Метод сопутствующих изменений

Часто для оправдания суждения «А — причина а» трудно или даже невозможно пользоваться методами единственного сходства и единственного различия. Если, например, мы не можем выделить предполагаемую причину А и создать обстоятельства, в которых в одном случае А присутствует (АВС), а в другом отсутствует (ВС), или не можем подобрать случаи, в которых все обстоятельства изменяются, кроме одного (А), которое предполагается причиной, то в таком случае применяют новый прием, названный методом сопутствующих изменений.

Само название этого метода указывает на сущность этого метода: изменяя в данном случае только одно обстоятельство, которое предполагается причиной, и оставляя все остальные обстоятельства неизменными, мы наблюдаем за действием; если с изменением этого одного обстоятельства (А) изменяется соответственно и действие, мы заключаем, что А является причиной а.

Говоря об изменении А, мы предполагаем изменение количественное, изменение интенсивности данного обстоятельства; так, например, изменение А, которое мы обозначим через A_1, A_2, A_3 и т. д., будет изменением количественным, так как, если A_1, A_2, A_3 и т. д. отличались бы качественно, то вывод не оправдал бы нашего суждения, именно, что А — причина а; напротив, выводное суждение в данном случае было бы следующим: разнообразные, качественно отличные обстоятельства A_1, A_2, A_3 и т. д. вызывают одно и то же действие а. Схема умозаключения по методу сопутствующих изменений такова:

$$\begin{array}{l} A_1BC — a_1 \\ A_2BC — a_2 \\ A_3BC — a_3 \end{array}$$

Следовательно, А — а.

Принцип умозаключения по методу сопутствующих изменений формулируется следующим образом: всякое явление, которое изменяется определенным образом всякий раз, когда другое явление также изменяется некоторым определенным образом, связано с этим последним явлением связью причины и действия.

Наше рассуждение в данном случае протекает следующим образом: а не может измениться без причины; ни В, ни С в установленных случаях не изменялись, в то время как а изменялось; поэтому ни В, ни С не могут быть причиной а. При-

чиной а может быть только А, так как в данных случаях изменялось только А.

Например, увеличивая длину струны и оставляя без изменения толщину струны, вещество, из которого она состоит, и т. д., и замечая изменения высоты тона, мы заключаем, что изменение длины струны является причиной изменения высоты тона.

Увеличивая давление на газ и замечая уменьшение его объема, мы заключаем, что изменение давления — причина изменения объема газа. Наблюдая за солнечными пятнами и установив, что периодическое увеличение пятен на солнце сопровождается магнитными бурями на земле, заключаем о причинной связи и между этими явлениями.

Увеличивая и уменьшая трение и замечая при этом, что движение шара на горизонтальной поверхности соответственно более или менее замедляется, заключаем, что причиной наблюдаемого замедления является трение.

Метод сопутствующих изменений, как и все методы научной индукции, дает вероятные выводы. Но в случае точной и осторожной формулировки вывода он не может быть абсолютно ложным.

Представители индуктивной логики, которые дают высокую оценку методу сопутствующих изменений (он может давать абсолютно достоверный вывод, утверждают они), все же делают такие оговорки, которые, в конечном счете, принципиально отрицают эту оценку.

а) Во-первых, этот метод сам по себе, оказывается, не имеет полной доказательной силы, так как для применения этого метода нужно воспользоваться методом единственного различия. Ведь для убеждения в единообразном соупутствии изменений в действии изменениям в причине нужно принять те же самые предосторожности, как и во всяком другом случае определения неизменной последовательности явлений. Когда одно из предшествующих обстоятельств подвергается ряду изменений, мы должны стараться удержать все остальные предшествующие обстоятельства неизменными, т. е., чтобы иметь право из соупутствия изменений заключить о связи причины с действием, само соупутствие нужно доказать методом различия.

в) Во-вторых, совместное изменение двух обстоятельств само по себе еще не служит доказательством того, что одно из этих обстоятельств есть причина другого. Рутковский, безусловно, прав, указывая, что «методом соупутствующих изменений могут быть доказываемы следующие положения относительно двух параллельно изменяющихся обстоятельств: 1) что именно то, а не другое из этих обстоятельств есть причина другого, а это другое есть его действие; 2) что эти два обстоя-

тельства суть одна причина, а другое — действие, но, которое именно причина и которое действие, — этого мы не знаем; другими словами, что эти два обстоятельства стоят друг к другу вообще в отношении причины к действию; и 3) что эти два обстоятельства имеют одну общую причину.

Для доказательства первого положения необходимо знать, во-первых, которое из этих двух обстоятельств предыдущее и которое последующее, — а во-вторых, — что эти два обстоятельства изменяются сообща, при отсутствии всякого третьего обстоятельства. Отсутствие первого из этих условий, при наличии второго, вынуждает нас ограничиться, как результатом доказательства, вторым положением. Наконец, отсутствие и этого второго условия ограничивает наше право лишь выводом, что между двумя изменяющимися совместно обстоятельствами существует вообще какая-нибудь причинная зависимость, хотя бы в форме зависимости обоих этих обстоятельств от третьего, как их общей причины».¹

Правильность рассуждения Рутковского нельзя отрицать и с точки зрения последователей и приверженцев только индуктивной логики. Этим одним методом, писал Милль, никогда нельзя было узнать, которое из предположений является верным.

с). Даже при допущении того, что указанные недостатки метода сопутствующих изменений можно устранить, — что было бы, конечно, неправильным, — все же общий вывод по этому методу остается только вероятным. Тут нужно повторить то же самое, что было сказано относительно методов единственного сходства и единственного различия, а именно, что А может быть не полной причиной а, а только частью причины, что не А является причиной а, а какая-либо составная часть А. Наконец, ведь явление АВС — единое явление, в котором А, В и С связаны друг с другом, обуславливают друг друга и изменение одного обстоятельства А может и не пройти бесследно для В и С, и поэтому изменение А может и не быть непосредственно связано с изменением а, а только косвенно, посредством В или С, изменившихся в связи с изменением А.

д) Конечно, все эти недостатки метода сопутствующих изменений отчасти устраняются применением других методов научной индукции (об этом ниже), но цель научного познания, конечно, этим не достигается. Как уже указывалось выше, что бы ни давали отдельные приемы научной индукции и взятые все вместе, принципов объяснения явлений они в большинстве случаев дать не могут.

Возьмем к примеру установление причинной зависимости между интенсивностью солнечных пятен и магнитными бурями. Допустим, что методом сопутствующих изменений уста-

¹ Журнал Министерства народного просвещения 1899 г., ноябрь.

новлен факт причинной связи между этими явлениями. Но этот факт причинной связи между данными явлениями никак не объясняет, каким образом, почему одно вызывает другое. Это выходит за пределы индукции.

8. Сложные методы

Три вышеописанных метода являются, в сущности, единственно простыми методами научной индукции. Все остальные методы представляют собой комбинацию этих методов, усложнение их добавочными операциями и поэтому являются сложными. Сложными методами называют соединение простых методов с каким-либо видом доказательства, все равно, с одним или несколькими доказательствами; не имеет также значения — соединен ли данный метод с тем же методом или отличным от него.

Так, например, для обоснования определенного суждения можно несколько раз применить метод сопутствующих изменений. Допустим, что методом сопутствующих изменений мы обосновали положение о зависимости времени колебания маятника от его длины. Оставляя все остальные обстоятельства, как то — вещество, форму, вес, место, и изменяя только длину маятника, мы наблюдаем изменение времени его колебания. Теперь применим еще раз тот же самый метод: увеличим длину маятника вдвое, оставляя все остальные обстоятельства неизменными, и отметим продолжительность колебания; затем увеличим длину маятника в три раза против первоначальной и также отметим продолжительность колебания и т. д. Сравнивая числа, выражающие, с одной стороны, длину маятника в разных случаях и продолжительность колебаний в соответствующих случаях, делаем заключение: квадраты времени колебаний маятника пропорциональны длине маятника.

Двойное применение определенным образом метода единственного сходства носит название соединенного метода сходства и различия. Название не совсем правильное, так как можно подумать, что в данном случае соединяют метод сходства с методом различия. На самом деле тут имеет место лишь двукратное применение первого метода; один раз на основании ряда случаев, в которых единственно сходное обстоятельство присутствует, и мы заключаем, что A — причина a , другой раз на основании ряда случаев, в которых единственно сходное обстоятельство отсутствует, и мы делаем заключение, где нет A , нет и действия a .

Например, если всякий раз при употреблении определенной пищи человек начинает страдать определенной болезнью, и всякий раз при отсутствии этой пищи нет и данной болезни, то мы, естественно, делаем заключение, что данная пища — причина данной болезни.

Поскольку так называемый соединенный метод сходства и различия на самом деле не представляет собой соединения методов единственного сходства и различия, а только своеобразное применение первого метода два раза, то доказательная сила данного сложного метода мало чем отличается от метода единственного сходства. Она гораздо слабее метода единственного различия. Принцип соединенного метода можно выразить следующими словами: если какой-либо один ряд случаев не совпадает ни в чем, кроме присутствия двух обстоятельств, и если другой ряд случаев не совпадает ни в чем, кроме отсутствия этих двух обстоятельств, то мы имеем право заключить, что одно из обстоятельств — причина, а другое — действие.

По мнению некоторых логиков, преимущество соединенного метода перед простым методом единственного сходства заключается в том, что он не может быть опровергнут возможностью множественности причин. Дело в том, что причиной а может быть только А, так как, если причиной могло бы быть какое-либо другое обстоятельство, например, В, то во втором ряде случаев, когда нет действия а, В должно также отсутствовать, что противоречит принципу этого метода, по которому единственным сходным должно быть отсутствие только А.

Особое место занимает так называемый метод остатков. Если одно сложное явление вызывает другое сложное явление, и мы знаем, что определенная часть действия вызвана частью первого явления, то мы заключаем, что «остаточное действие» вызвано остальной частью первого явления. Схема метода такова:

АВС	причина	авс
ВС	,,	вс
Следовательно, А причина а,		

С помощью этого метода удалось, между прочим, открыть планету Нептун. Было установлено, что движение планеты Уран не соответствует точно вычисленной орбите этой планеты. Наблюденные возмущения Урана можно было объяснить влиянием на движение этой планеты других планет. Но влияние известных в то время планет оказалось недостаточным для объяснения величины возмущения. Другими словами, величина возмущения оказалась больше того возмущения, которое могли вызвать известные планеты. Остаточное возмущение должно было иметь свою причину. Лаверрье вычислил положение новой планеты, которая оказалась причиной наблюдавшихся отклонений.

Открыв в спектрах сложных веществ новую линию, помимо тех, которые вызваны известными элементами, мы за-

ключаем о существовании нового, еще не известного элемента. Так были открыты, например, элементы гелий, цезий, рубидий.

Метод остатков по своей доказательной силе приравнивается к методу единственного различия. В этом случае также нужно формулировать вывод с оговорками: А есть причина на а, или часть причины, или содержит в себе причину.

Метод остатков — сложный метод. Кроме того, он не чисто индуктивный метод. Правда, и другие методы научной индукции, как мы указывали, связаны с дедукцией, но метод остатков настолько отличен от других методов, что многие логики считают умозаключение по этому методу чисто дедуктивным.

Сравним схемы метода различия и метода остатков

$$\begin{array}{r}
 ABC - a \\
 BC - \\
 \hline
 A - a \\
 \\
 ABC - abc \\
 BC - bc \\
 \hline
 A - a,
 \end{array}$$

мы заметим, что в последнем отрицательный случай не есть прямой результат наблюдения, как в первом случае; он является результатом вывода, и вывод этот дедуктивного характера. Такие выводы мы делаем на каждом шагу без всякой помощи индуктивных умозаключений; так, например, мы заключаем, что $x = a$, если $x + y = a + b$ и $y = b$.

Многие считают этот метод стоящим на грани между индуктивными и дедуктивными методами, так как он, имея форму дедуктивного умозаключения, включает и опытный элемент. Другие включают этот метод в число индуктивных, оговариваясь, что он, мол, конечно, дедуктивный, но поскольку его применяют для установления и доказательства причинной связи, то лучше рассматривать его в отношении индуктивных умозаключений.

Доказывать, что метод остатков имеет индуктивный характер, тем обстоятельством, что в нем имеется опытный элемент, нельзя. Не говоря уже о том, что всякое знание, в конечном счете, имеет опытный характер, можно указать на многие виды дедуктивного умозаключения, в которых посылки высказывают именно «опытный элемент». Меньшая посылка категорического силлогизма часто имеет непосредственно опытный характер.

То обстоятельство, что в методе остатков мы применяем дедукцию, показывает только связи индукции с дедукцией. Чистая индукция, оторванная от дедукции, такая же абстракция, как и чистая дедукция, оторванная от индукции. В про-

цессе познания действительности; индукция и дедукция выступают как две стороны единого процесса познания.

9. Общий характер индуктивных умозаключений

1. Общие замечания. Подводя итоги и давая общую оценку индуктивным умозаключениям, мы приходим к следующим положениям:

а) Полная индукция не является подлинным умозаключением, так как выводное суждение в данном случае содержит в сжатой формулировке то же самое знание, которое содержится в посылках.

в) Индукция через простое перечисление, правда, расширяет знание, данное в посылках относительно нескольких случаев, на целый класс подобных случаев; но знание, заключенное в выводном суждении этого умозаключения, вероятное, причем вероятность этого знания колеблется от полной достоверности до полной ложности, то-есть, индуктивный вывод через простое перечисление может оказаться абсолютно достоверным, так же как и абсолютно ложным. Значение его в процессе познания заключается в том, что он приводит к догадке, гипотезе, которая потом проверяется на практике для установления ее истинности или ложности.

с) Выводы научной индукции также вероятны; вероятность эта, однако, отличается от вероятности индукции через простое перечисление. Выводы научной индукции могут быть абсолютно достоверны; но абсолютно ложными не могут быть. Общее суждение, полученное в результате научной индукции, включает в себе, во всяком случае, частицу, элемент, зерно истины.

д) Всякое умозаключение научной индукции связано с дедукцией. Это не значит, что индукция сводится к дедукции, а только то, что дедукция является всегда моментом в индуктивном умозаключении.

е) С помощью индуктивных умозаключений можно установить и доказать общее суждение о принадлежности данного признака всем предметам класса и причинной зависимости между явлениями. Но установив и доказав факт принадлежности признака всем предметам класса или факт причинной связи явлений, мы часто не в состоянии объяснить установленный и доказанный факт. Одна только индукция не в состоянии восполнить этот пробел в научном познании. Это уже дело гипотезы и теории.

2. Принцип единообразия природы. Умозаключая, например, по методу единственного различия.

$$\begin{array}{r} ABC - a \\ BC - \\ \hline A - a \end{array}$$

и утверждая, что В не может быть причиной а, в противном случае а возникло бы и во втором случае, мы, очевидно, предполагаем, что В не может в одном случае вызывать а, а в другом случае не вызывать а. Без такого предположения мы не могли бы сделать вывода. На самом деле, если нет такого предположения, мы могли бы рассуждать следующим образом: причиной а в первом случае является В, во втором же случае В не вызвало а, так как В иногда вызывает а, а иногда не вызывает. Если принять такую возможность, то никакое умозаключение научной индукции не может состояться. При индуктивных умозаключениях (да и не только в индуктивных умозаключениях, но и во всем процессе познания) мы исходим из определенного предположения, а именно, что одни и те же причины — при всех остальных неизменных обстоятельствах — вызывают одни и те же действия. Так что, если в первом случае В вызвало а, то и во втором случае то же самое В должно вызвать то же самое а.

Таким образом, если нагревание воздуха вызывает его расширение в одном случае, то и во всех подобных случаях, при остальных неизменных обстоятельствах, нагревание будет вызывать расширение воздуха (увеличение объема воздуха). Принцип, согласно которому одинаковые причины вызывают одинаковые действия, известен под названием принципа единообразия природы, принципа всеобщей причинности или принципа законсообразности природы.

Милль писал, что сила всех индуктивных методов зависит от предположения, что каждое событие или каждое явление должны быть производимы какой-либо причиной, во всех этих методах предполагается всеобщность закона связи причины и действия.

Но, признав это положение за последнее основание индуктивных умозаключений, мы попадаем в порочный круг. С одной стороны, с помощью методов научной индукции мы впервые устанавливаем и доказываем причинную связь между явлениями, с другой же стороны, сами эти методы индуктивных доказательств опираются, в конечном счете, на убеждение существования закономерной причинной зависимости явлений. Откуда возникло у нас знание о причинной связи явлений, о закономерной связи явлений? На основании чего можно установить и доказать принцип единообразия природы? На основании индуктивных умозаключений? Но ведь сами индуктивные умозаключения всю силу своей доказательности черпают из этого принципа. Индуктивная логика попадает в такой круг, из которого, кажется, ей не выйти!

Милль, который признает принцип единообразия природы за последнюю основу индуктивных умозаключений, не смог

решить этой проблемы, так же как не смогла решить ее буржуазная философия.

Буржуазная логика, питающаяся ложной, реакционной философией, в частности, реакционная теория познания, опирающаяся на разнообразные направления идеализма и агностицизма, оказалась в тупике при решении этого вопроса. Одни из представителей этой логики утверждают, что принцип единообразия не может быть основой всех индуктивных умозаключений, так как он сам должен быть получен индуктивным путем; но в то же время они не дают положительного ответа, что же является основой индуктивных умозаключений. Другие, считая принцип единообразия природы последним основанием индуктивных умозаключений, объявляют его априорным. Закономерность природы, утверждают они, на самом деле — закономерность нашего разума. С этой точки зрения «изучить мир» это значит изучить его «как систему логических понятий». «Мы убеждены, что задача науки достижима, что мир научно познаваем». ¹ Но так как объективную необходимость каждого факта мы можем познавать в форме общих законов, то, признавая научную познаваемость всех фактов в мире, мы тем самым убеждены не только в объективной их необходимости, но и в полной закономерности. ² Такова точка зрения кантианца Ланге.

На первый взгляд кажется, что точка зрения более или менее правильная. Но, раскрыв содержание тех понятий, которые применяются в этом рассуждении, мы убедимся в абсолютной ложности выставленных положений. Кантианец Ланге, как и все кантианцы, убежден в объективной необходимости и закономерности явлений (фактов) природы. Стоит только поставить вопрос — откуда эта убежденность в закономерности природы, как тотчас проявится идеалистическая сущность всего его мировоззрения: природа соответствует требованиям нашего мышления, пишет Ланге. ³ Законы существуют не в природе, и не мышление отображает эти законы в процессе познания, а природа подчиняется законам нашего мышления. Мы убеждены, пишет он в другом месте, что явления природы подчинены общим законам, т. е. убеждены в соответствии природы с требованиями нашего разума. ⁴

Критика кантианской теории познания дана нами в введении. Здесь же мы укажем только на то обстоятельство, что, если законы разума не отражают законов действительности, существующей вне и независимо от сознания, и если разум

¹ Ланге. Учебник логики, стр. 127.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 155.

предписывает законы природе, то природа, существующая объективно, вовсе не познаваема и утверждение о нашем убеждении познаваемости мира оказывается пустой фразой. Не закономерность нашего разума определяет закономерность природы, а закономерность природы и общества отражается в нашем мышлении в процессе познания.

Не находя выхода из создавшегося тупика, некоторые буржуазные логики совершенно отрицают правильность и самостоятельность индуктивных умозаключений и стараются свести их к дедуктивным. Индуктивные методы, утверждают они, в сущности, не являются индуктивными; индуктивным может быть исследование, что же касается умозаключения, то оно всегда дедуктивное, с большей общей посылкой: природа единообразна.

Конечно, если стать на чисто формалистическую позицию, которая не интересуется реальным процессом познания, то можно было бы принцип единообразия природы сделать большей посылкой и, подставив какое-либо суждение в виде меньшей посылки, сделать вывод. Но ведь дело идет о познании действительности, о доказательстве определенного положения, и поэтому вопрос об истинности большей посылки рано или поздно должен быть разрешен. Попытка сведения индуктивных умозаключений к дедуктивным вышеописанным путем не только искажает сущность первых, но и не решает поставленного вопроса, именно, на основании чего мы считаем истинным принцип единообразия природы. Конечно, можно сделать этот принцип большей посылкой силлогизма, но ведь от этого он не станет истинным.

Можно и другим путем «свести» индуктивные умозаключения к дедуктивным. Для этого достаточно принцип метода — принцип единственного сходства, различия и т. д. — сделать большей посылкой, а действительные посылки индуктивного умозаключения соединить в одно суждение и принять ее за меньшую посылку. Например:

Обстоятельство, общее нескольким случаям исследуемого явления, есть причина этого явления
Как видно из наблюдений, $ABC—a$, $ABD—a$, $ACD—a$, A есть единственно общее в этих случаях

Обстоятельство A есть причина a .

Не говоря уже о том, что большая посылка в данном умозаключении является правилом вывода и в индуктивном умозаключении, мы делаем вывод без этой добавочной посылки, и поэтому для вывода она совершенно лишняя, вопрос, поставленный выше, остается открытым. Истинность вывода обуславливается двумя условиями: истинностью посылок и правиль-

ностью связи между суждениями; а истинность большей посылки опять-таки обусловлена принципом единообразия природы.

Выше мы отмечали, что Милль также не смог решить данной проблемы. Разберем подробнее точку зрения Милля с целью указать, с одной стороны, ошибку Милля, а с другой, показать правильное решение вопроса.

Точка зрения Милля такова: принцип единообразия природы, лежащий в основе научной индукции, основывается на индукции через простое перечисление. Так как, рассуждает Милль, все методы научной индукции предполагают общее единообразие природы, то наше знание частных единообразий вытекает не из научной индукции, а из слабого и ненадежного способа индукции *per enumerationem simplicem*. Но ведь, казалось бы, мы сделаем грубую ошибку, если строгий научный метод индукции будем оправдывать тем, что в его основу положим ненаучный, слабый метод популярной индукции. Милль и его приверженцы полагают, что тут никакой непоследовательности нет: в таком случае нельзя было бы полагаться на телескоп, если бы не доверялись более слабому аппарату, нашим глазам. Индукция через простое перечисление—законный процесс, но он слабый, ненадежный, погрешный. Основывая научную индукцию на выводах ненаучной индукции, мы заменяем слабую, ненадежную индукцию строгой, более надежной. Этим мы усвершенствуем индукцию.

Следовательно, дело обстоит следующим образом: на основании индукции через простое перечисление мы доказываем частные случаи причинности, частные закономерности (частные единообразия по терминологии Милля) и из этих частных случаев причинности заключаем об общем принципе единообразия природы, опять-таки на основе ненаучной индукции. И после этого, пользуясь этим принципом, применяем методы научной индукции.

Милль эмпирист, номиналист, субъективный идеалист и агностик. Он, как буржуазный мыслитель, вращается в кругу чисто логических операций и, как всякий буржуазный философ, не знает и не может признать роли практики в процессе познания. Несмотря на все его старания и ухищрения, благодаря его порочной точке зрения, проблема остается нерешенной, из тупика выхода не видно; ведь что же получается: общий принцип единообразия, который лежит в основе научной индукции, выводится из частных единообразий; частные же единообразия доказываются применением методов ненаучной индукции.

Проблема, поставленная выше, конечно, не может быть решена средствами одной только логики. Эта проблема решается философией и, в частности, теорией познания. Домар-

жсовская теория познания не могла решить этой проблемы, так же как не может решить ее современная буржуазная теория познания. Только марксистско-ленинская философия, ленинская теория отражения, своим учением об объективной, относительной, абсолютной истине, своим учением о практике, как основе и критерии истины, решает правильно эту проблему.

Конечно, ни один вывод научной индукции не может быть обоснованным без предположения относительно единообразия, закономерности природы и общества. Принцип единообразия природы, иными словами, принцип всеобщей причинности и закономерности действительности — не априорный принцип и не интуитивно постигаемый, а принцип, обусловленный, в первую очередь, практической деятельностью людей.

«Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, — писал Энгельс, — это взаимная связь отдельных движений, отдельных тел между собой, их обусловленность друг другом. Но мы находим не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии вызвать определенное движение, создав те условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать такие движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), — по крайней мере, не встречаются в таком виде, — и что мы можем придать этим движениям определенные заранее направление и размеры. Благодаря этому, благодаря деятельности человека и обосновывается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть причина другого. Правда, уже одно правильное чередование известных явлений природы может породить представление о причинности — теплота и свет, появляющиеся вместе с солнцем, — однако здесь еще нет доказательства, и постольку юмовский скептицизм был бы прав в своем утверждении, что регулярно повторяющееся *post hoc* (после чего-нибудь) никогда не может обосновать *propter hoc* (по причине чего-нибудь). Но деятельность человека производит проверку насчет причинности. Если при помощи вогнутого зеркала мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой же эффект, какой дает аналогичная концентрация лучей обыкновенного огня, то мы доказываем этим, что теплота получается от солнца. Если мы вложим в ружье капсуль, заряд и пулю и затем выстрелим, то мы рассчитываем на заранее известный по опыту эффект, так как мы в состоянии проследить во всех деталях весь процесс воспламенения, сгорания, взрыва, вызванного внезапным превращением в газ, давление газа на пулю. И здесь скептик уже не вправе утверждать, что из прошлого опыта не следует, будто и в следующий раз повторится то же самое. Действительно,

иногда случается, что не повторяется того же самого, что капсюль или порох отказываются служить, что ствол ружья разрывается и т. д. Но именно это доказывает причинность, а не опровергает ее, ибо для каждого подобного отклонения от правила мы можем, произведя соответствующее исследование, найти его причину: химическое разложение капсюльного ударного состава, сырость и т. д. пороха, поврежденность ствола и т. д., так что здесь производится, так сказать, двойная проверка причинности.

Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научился изменять природу».¹

Представление о законе всеобщей причинной связи, о законсообразности всей действительности впервые возникает, конечно, на основе индукции через простое перечисление, которая неотделима от практической жизни и деятельности людей. В процессе труда, в процессе воздействия людей на природу, с целью преобразования явлений природы и производства вещей для удовлетворения своих потребностей, люди начинают познавать свойства вещей и явлений, начинают познавать связь между явлениями. Процесс труда — целесообразный, целеустремленный процесс. Без знания связей между явлениями и, в частности, без знания причинной связи, этот процесс не был бы результативным, эффективным. Преобразовывая разнообразные явления природы, человек приходит к представлению этой связи во всех разнообразных областях действительности.

Если бы мы остановились на индукции через простое перечисление, посредством которого на основании нескольких случайных наблюдений делается обобщающий вывод, конечно, принцип причинности и принцип единообразия, законсообразности природы не мог бы быть доказан. Но практическая деятельность людей, в продолжение многих тысячелетий, миллиарды и миллиарды раз повторяющиеся связи, отражающиеся в сознании людей, — более чем достаточное основание для доказательства этого принципа.

Принцип практики, введенный марксистско-ленинской философией в теорию познания, решает окончательно проблему единообразия природы и снимает совершенно бесплодные и схоластические попытки отрицания этого принципа и упреки в круге при доказательстве этого принципа.

¹ Энгельс. Диалектика природы, 1950 г., стр. 182—3.

Рассматривая данную проблему, известный русский логик Рутковский приходит к определенному выводу. Он пишет: «Таким образом, оказывается, что индуктивные выводы всецело зависят от индукции через простое перечисление. Но так как эта последняя признается приемом ненаучным и потому ненадежным, то защищаемое индуктивной логикой противоположение индуктивных методов, как научных приемов наведения, ненаучному приему индукции через простое перечисление должно быть признано неосновательным».¹

Не зная принципа практики, которая играет решающую роль в теории познания, Рутковский должен был прийти к такому выводу. Но как мы могли убедиться, марксистско-ленинская теория, введя принцип практики в теорию познания и тем самым принципиально преобразовав ее, окончательно смогла решить проблему индукции, указав определенное место и индукции через простое перечисление и научной индукции.

---

¹ Рутковский. Критика методов индуктивного доказательства. Журнал Министерства народного просвещения, 1899 г., ноябрь, стр. 102.

ГЛАВА IX

АНАЛОГИЯ И ГИПОТЕЗА

1. Умозаключения по аналогии. Методы индуктивного исследования и умозаключения были бы вовсе непонятны и неприменимы, если бы у нас не было заранее догадки о причинной связи между S и P или о присущности признака P субъекту. Отбор определенных обстоятельств из многочисленных явлений действительности, создание определенных условий при эксперименте и т. д. предполагает существование определенной догадки, определенного суждения, которое нужно оправдать. Без этой догадки не может состояться отбор случаев, без этого эксперимент теряет всякий смысл.

Очень часто догадка возникает на основе популярной индукции; часто, однако, догадка возникает на основе аналогии. Аналогией называется умозаключение, в котором на основании сходства двух предметов в некоторых отношениях делается вывод о сходстве этих предметов и в других отношениях.

Известный пример умозаключения по аналогии представляет собой вывод о существовании на Марсе органической природы. Марс сходен с Землей в том отношении, что Марс, как и Земля, — планета, обладающая атмосферой, сменой дня и ночи, зимы и лета и т. д.; поэтому на Марсе, как и на Земле, должна существовать органическая природа.

Рассмотрим строение этого умозаключения. В посылках даны два предмета (Земля и Марс), обладающие сходными признаками; кроме того, один из этих предметов обладает признаком (существование органической природы), относительно которого неизвестно, обладает ли им второй предмет. Но так как эти предметы сходны в известных признаках, мы заключаем, что и в этом признаке они должны быть сходными.

Многие логики считают аналогию индуктивным умозаключением. Аналогия, утверждают они, — индуктивное умозаключение потому, что, во-первых, она дает всегда вероятные выводы, во-вторых, новое знание, которое заключается в выводе, относится к новым предметам, — к предметам, о которых не было речи в посылках, а не к новой связи между S и P; и,

наконец, в третьих, умозаключение по аналогии подчиняется основному принципу индуктивных умозаключений, а именно, что одни и те же причины — при всех остальных неизменных обстоятельствах — вызывают одни и те же следствия.

На первый взгляд это рассуждение кажется правильным. Пример умозаключения по аналогии относительно Земли и Марса, казалось бы, характеризуется всеми теми признаками индуктивного умозаключения, которые перечислены выше. Во-первых, выводное суждение данного умозаключения обладает только вероятностью; оно может оказаться и истинным и ложным; во-вторых, оно дает знание о новом предмете — в данном случае о признаке (существование органической природы на Марсе), о чем в посылках вовсе не говорится; в третьих, одинаковые причины — в данном случае, одинаковые признаки Земли и Марса — должны вызывать, одинаковые действия — таков принцип умозаключения по аналогии.

Однако изложенная точка зрения не может считаться правильной. Тщательное рассмотрение строения умозаключения по аналогии приводит к противоположному выводу: умозаключение по аналогии является своеобразным дедуктивным умозаключением. Своеобразие данного умозаключения заключается в том, что в нем роль среднего термина категорического силлогизма играет не тождественный, а лишь сходный термин. В категорическом силлогизме

$$\begin{array}{l} M - P \\ S - M \\ \hline S - P \end{array}$$

средний термин— M —должен быть тождественным. В умозаключении по аналогии нет подлинного среднего термина, тут два сходных термина:

$$\begin{array}{l} M(a, b, c) \text{ обладает признаком } P. \\ S \text{ сходен с } M \text{ в признаках } a, b, c, \\ \hline S, \text{ вероятно, обладает признаком } P. \end{array}$$

Под M подразумевается Земля с признаками (планета, атмосфера, смена дня и ночи и т. д.); под S — Марс; но признаки a, b, c в первой и во второй посылках не тождественны, а только сходны; поэтому в схеме умозаключения признаки Марса нужно обозначить через a_1, b_1, c_1 . Таким образом схема умозаключения по аналогии принимает форму:

$$\begin{array}{l} M(a, b, c) \text{ обладает признаком } P \\ S \text{ обладает признаком } M(a_1, b_1, c_1) \\ \hline S, \text{ вероятно, обладает признаком } P. \end{array}$$

Ясно, что умозаключение не даст достоверного вывода. В выводном суждении заключается новое знание по сравнению с посылками. Но это новое знание касается не новых предметов, по сравнению с теми предметами, о которых говорится в посылках, а новой связи, именно, о связи S и P, которая не дана в посылках.

Умозаключения по аналогии многообразны, но все они дают вероятный вывод о сходстве признаков на основании сходства предметов или о сходстве предметов на основании сходства признаков.

Как было уже отмечено, умозаключение по аналогии дает всегда вероятные выводы, и поэтому оно не имеет доказательной силы. Сходство предметов в одних признаках не является достаточным основанием для вывода относительно сходства этих предметов и в других признаках.

С другой стороны, в процессе познания эти умозаключения играют большую роль. На их основе возникают догадки, гипотезы, которые определяют дальнейший ход исследования. Это исследование должно показать, насколько правильна была наша догадка. Часто, конечно, догадка не оправдывается, ее нужно отбросить, заменить новой; часто этим путем открывается истина.

Степень вероятности выводного суждения умозаключения по аналогии зависит от многих обстоятельств. Степень вероятности зависит, во-первых, от количества сходных признаков. Чем больше сходных признаков, тем степень вероятности выше; чем меньше признаков различия, тем степень вероятности выше. Сходство должно преобладать над различием для того, чтобы получить более вероятный вывод. Степень вероятности зависит, во-вторых, от значения сходных признаков: сходство в существенных признаках повышает степень вероятности вывода. Степень вероятности зависит, в-третьих, от знания конкретного характера признаков. Существование вообще атмосферы на Марсе не много даст для заключения о существовании там органической природы, если мы не знаем состав этой атмосферы.

Делая выводы по аналогии, нужно учитывать конкретные условия, закономерности различных областей и предметов действительности. Так, из сходства (биологического) животного и человека нельзя заключать по аналогии об их сходстве в остальных отношениях. Многие буржуазные социологи, выполняя социальный заказ своего класса, переносили закономерности животного мира на общественные отношения; меньшевики, проводя аналогию между буржуазными революциями раннего периода и революцией 1905 года, доказывали, что вождь революции может быть только либеральная буржуазия; Ленин доказал, что аналогия эта беспочвенна; учитывая конкретные

условия, Ленин доказал, что пролетариат может и должен быть вождем буржуазно-демократической революции.

2. Гипотеза. В главе об индукции было отмечено, что с помощью индукции можно установить определенный факт связи между явлениями, но объяснить эту связь индукция часто не в состоянии. Так, например, методом единственного сходства можно установить положения, что радужные цвета возникают при прохождении солнечного луча через прозрачные тела определенной формы, но объяснить этот факт, т. е. объяснить, почему это происходит, одна лишь индукция не в силах. Многочисленными опытами доказано, что можно превратить озимую пшеницу в яровую, но индукция не может объяснить, почему озимая пшеница превращается в яровую. Вопрос «почему» выходит за пределы индукции, а без ответа на этот вопрос нет подлинного научного знания.

Конечно, вопрос «почему» разрешается установлением причины данного явления, но установление причины в данном случае происходит не путем индуктивных умозаключений. Этот вопрос решается построением гипотезы. Гипотеза — сложный метод научного исследования; она дает вероятное знание о причине явления и тем самым вероятное объяснение данного явления.

Гениальный русский химик Менделеев «совершил научный подвиг», предположив, что свойства химических элементов зависят от их атомных весов. Эта гипотеза, подтвержденная многочисленными фактами, указала причину различия свойств элементов, привела эти элементы в стройную систему и дала могучий толчок развитию химии.

Гипотеза, созданная Марксом о сущности капиталистического общества и блестяще оправдавшаяся дальнейшим ходом истории, смогла объяснить все явления и события в развитии этого общества.

Гипотеза академика Лысенко о стадийном развитии растений объяснила факт превращения озимой пшеницы в яровую.

Конечно, когда причина явления дана с очевидностью самой обстановкой, при которой происходит данное явление, построение гипотезы излишне. Но очень часто причины исследуемых явлений не даны и даже принципиально не могут быть даны. Так, например, причины возникновения гор на земле, причины возникновения солнечной системы, причины возникновения органической жизни на земле, происхождения человека и т. д. и т. п. принципиально не могут быть даны, не могут стать предметом наблюдения.

Для объяснения этих и подобных им явлений строятся гипотезы, т. е. выставляется система положений о предполагаемой причине данных явлений, которая может их объяснить.

Для построения гипотезы прежде всего нужно изучить явления, для объяснения которых строится гипотеза. Для объяснения фактов и явлений капиталистического общества Марксу и Энгельсу нужно было изучить огромное количество фактов и явлений этого общества, для построения гипотезы о происхождении солнечной системы нужно тщательно изучить все факты и явления, характеризующие солнечную систему; чтобы построить гипотезу о причине болезни (поставить диагноз) данного лица, нужно прежде всего изучить симптомы болезни, т. е. те явления, которыми характеризуется состояние больного.

Без предварительного изучения материала, характерных черт явлений, обстоятельств, условий и т. д. построение гипотезы лишено всякого основания. Только после изучения материала можно высказать предположение о возможной причине данного явления (или класса явлений), можно начать построение гипотезы. Ход мысли в этом случае облекается в форму своеобразного умозаключения. Дело в том, что явления, которые нужно объяснить, представляют собой действия определенных причин; таким образом умозаключение идет от наличия следствия к наличию основания или от сходства предикатов к сходству субъектов. В большинстве случаев построение гипотезы идет по этим двум путям. Ясна поэтому их связь с умозаключениями по аналогии.

Рассмотрим подробнее эти формы умозаключения.

1) Явления, подлежащие объяснению, — действия определенной причины; если причина существует, то существует и действие; эта связь выражена в условно-категорическом умозаключении:

$$\begin{array}{l} \text{Если } A \text{ есть, то есть } B \\ \quad \quad \quad A \text{ есть} \\ \hline \text{Следовательно, } B \text{ есть.} \end{array}$$

При построении же гипотезы мысль идет от наличия следствия к наличию основания, опираясь на сходство следствий:

$$\begin{array}{l} \text{Если } A \text{ есть, то есть } B \\ \quad \quad \quad B \text{ есть} \\ \hline \text{Следовательно, } A \text{ есть.} \end{array}$$

Мы знаем, что причина A вызывает действие B ; поэтому, если мы имеем явление B , то заключаем, что его причиной должно быть явление A .

Если у больного тиф, то у него должны быть такие-то и такие-то симптомы (следствия); у больного сходные симптомы, следовательно, он болен тифом.

Гипотеза, таким образом, строится посредством условно-категорического умозаключения от наличия следствия к наличию основания. Понятно поэтому, что гипотеза — только предположительное, вероятное знание: оно может оказаться истинным, но может оказаться и ложным.

2. Второй путь построения гипотезы выливается в форму второй фигуры категорического силлогизма с двумя утвердительными посылками.

Правомерная форма второй фигуры, как мы знаем, следующая:

$$\begin{array}{l} P \text{ есть } M \\ S \text{ не есть } M \\ \hline S \text{ не есть } P. \end{array}$$

Если одной вещи присущ определенный признак, а другой вещи этот признак не присущ, то ясно, что эти вещи отличны друг от друга.

При построении же гипотезы мы делаем умозаключение на основании сходства предикатов к сходству субъектов:

$$\begin{array}{l} P \text{ есть } M \\ S \text{ есть } M \\ \hline \text{Следовательно, } S \text{ есть } P. \end{array}$$

Большого тифом характеризуют определенные симптомы; данного больного характеризуют те же симптомы; следовательно, данный больной болен тифом.

Вывод, как известно, неправомерный, он может быть истинным, но может быть и ложным, так как один и тот же предикат может принадлежать различным субъектам.

Таким образом оказывается, что умозаключения гипотезы неправомерны. Конечно, если гипотезу оценивать только с формальной стороны вида умозаключения, то она не имела бы никакого значения в процессе познания. Но гипотезы играют огромную роль в развитии научного знания. «Формой развития естествознания, — писал Энгельс, — поскольку оно мыслит, является гипотеза. Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающегося сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы

приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона»¹.

Проблема построения гипотезы, в сущности, выходит за рамки логики как науки о формах и законах правильного мышления. И если мы рассматриваем проблему гипотезы, то только потому, что при построении гипотезы мы применяем определенные формы умозаключения; логика должна рассмотреть эти формы.

Рассмотрение форм умозаключения, применяемых при построении гипотез, привело нас к выводу, что эти формы неправомерны. И, несмотря на это, гипотеза является формой развития научного знания. Объясняется это обстоятельство тем, что данные формы умозаключения представляют один момент, одну сторону в теории гипотезы.

Тщательное изучение материала, изучение характерных черт явлений, обстоятельств, условий и т. д. дает возможность с большей или меньшей вероятностью заключать от сходства следствий или признаков к сходству оснований или субъектов. Посылки:

Железо проводит электричество,

Золото проводит электричество,

конечно, не дают нам права сделать вывод, что золото есть железо.

Но если мы изучили волнообразное движение и знаем, что оно характеризуется явлениями отражения, преломления, интерференции и т. д., и если мы знаем, что какое-либо явление (например, свет) характеризуется теми же признаками, то, конечно, мы можем с большей или меньшей вероятностью заключить, что и это явление представляет собой волнообразное движение.

Изучение вулканов, горячих источников, гейзеров и т. д. приводит исследователя к выводу, что в глубине земли существует высокая температура; и тут умозаключение протекает от сходства предикатов к сходству субъектов.

Однако научное исследование не заканчивается на этом. Дело в том, что, правда, научная гипотеза строится после тщательного изучения фактов, явлений, и на основании этого делается вывод о причине этих фактов. Но, во-первых, одни и те же явления могут быть вызваны разнообразными причинами, одни и те же предикаты могут характеризовать различные субъекты; во-вторых, на данном этапе развития научного знания исследователю известны не все факты данного класса. «Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе».

Дальнейший шаг научного исследования заключается в

¹ Энгельс. Диалектика природы, 1950 г., стр. 191.

проверке гипотезы. Прежде всего нужно вывести все возможные следствия из предполагаемой причины, т. е. нужно поставить вопрос, какие следствия получились бы, если бы предполагаемая причина на самом деле существовала.

И в этом случае ход мысли принимает форму дедуктивного умозаключения, именно, форму условно-категорического умозаключения. Если гипотеза истинна, т. е. если предположенная причина действительно существует, то должно существовать определенное действие. Изучение явлений, для объяснения которых построена гипотеза, подтверждает или отрицает существование следствий.

Если следствие оказывается ложным, т. е. если в классе явлений не оказывается явление, которое должно было быть вызвано предположенной причиной, или, тем более, оказывается явление, противоположное ожидаемому, — гипотеза ложна:

Если А есть, то В есть
В нет

А нет.

В таком случае гипотеза отвергается и строится новая гипотеза. Хороший пример опровержения ложной гипотезы приводит проф. Строгович из гениальной работы И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме». И. В. Сталин опровергает ложную гипотезу о том, что определяющей силой в развитии общества является рост и плотность народонаселения.

Если бы рост народонаселения являлся определяющей силой общественного развития, более высокая плотность населения обязательно должна была вызвать к жизни соответственно более высокий тип общественного строя. Но данное следствие не оправдывается в действительности; так, например, плотность населения в Бельгии в 26 раз выше, чем в СССР, однако Бельгия отстала от СССР на целую историческую эпоху.

Так как следствие ложно, то ложно и основание, т. е. ложна гипотеза, что причиной общественного развития является рост народонаселения.

Одним из оснований, по которым кантовская гипотеза происхождения солнечной системы была отвергнута, был факт движения в обратном направлении спутника Нептуна, что противоречило следствиям, вытекающим из этой гипотезы.

Таким же образом была отвергнута реакционная морганделевская теория, которая оказалась в противоречии с фактами действительности и практикой передового социалистического сельского хозяйства.

Сложнее вопрос при подтверждении фактами следствий, вытекающих из гипотезы. И в данном случае ход мысли обле-

кается в форму условно-категорического умозаключения; но это умозаключение, взятое отдельно, не имеет доказательной силы.

Форма умозаключения в данном случае следующая:

Если А есть, есть и В
В есть

?

Вывод «А есть» неправомерный, так как В может быть вызвано не только причиной А, а и другими причинами. Поэтому исследование должно установить все возможные причины В и, путем выведения следствия из этих возможных причин, проверить их опытным путем, экспериментально на практике.

Таким образом, сложный метод исследования, метод гипотезы не может быть причислен к индукции; но он не является также чисто дедуктивным. Тщательное изучение фактов и явлений, для объяснения которых строится гипотеза, не может часто обойтись без индуктивного исследования. Подтверждение следствий фактами действительности, что необходимо для оправдания гипотезы, также требует индуктивного исследования.

Только дедукция, так же как только индукция, — односторонняя; она не может в отдельности обеспечить развитие знания. Гипотеза — как форма развития научного знания — соединяет в себе и дедукцию и индукцию.

ГЛАВА X

ЗАКОНЫ МЫШЛЕНИЯ

1. Сущность законов мышления. До сих пор мы излагали учения логики, не обращаясь к законам логического мышления. Однако в процессе изложения учения о понятии, суждении и умозаключении мы пользовались ими, молчаливо опирались на них. Так, например, излагая учение логики о зависимости между суждениями a, e, i, o , т. е., разбирая так называемый логический квадрат, мы установили, что общеутвердительное и общеотрицательное суждения не могут быть одновременно истинными, а общеутвердительное и частноотрицательное суждения не могут быть одновременно ложными. Установили мы эти положения опытным путем: подобрали ряд суждений, сравнили их с точки зрения их истинности и ложности и пришли к изложенным выше выводам. Не говоря ничего о законах мышления, мы тем самым, на самом деле, установили два закона мышления: 1) два противных суждения не могут быть одновременно истинными и 2) из двух противоречащих суждений одно необходимо должно быть истинным.

Имея теперь достаточный материал о логическом мышлении и логических формах, можно приступить к изложению учения о законах мышления.

Марксистско-ленинская философия, опираясь на данные науки, на многовековую практику человечества, обосновала положение о том, что независимо от познания существует объективный, материальный мир, который изменяется и развивается по определенным законам; далее, что этот закономерно развивающийся и изменяющийся мир в процессе практики отражается в человеческом сознании, что нет непознаваемых вещей и явлений в мире; существуют только явления, еще не познанные, но которые будут познаны силами науки и практики.

Мир — закономерное целое, и научное познание направлено на открытие законов этого мира, в частности, на открытие законов природы и общества, с целью их преобразования.

Законы природы и общества материальны, поскольку они не порождение нашего сознания, а существуют в объективной действительности, выражая ее существенные и общие черты.

В противоположность материализму идеализм отрицает объективный характер законов природы. Законы природы — суть законы нашего сознания, нашего мышления, — такова точка зрения идеализма. Кант, родоначальник немецкого идеализма XVIII—XIX вв., утверждал, что не сознание отражает закономерности объективной действительности, а рассудок предписывает законы природе. Эти законы априорны, доопытны, они впервые делают возможным опыт. Эти законы — законы нашего рассудка — строят действительность со стороны ее формы, т. е. строят закономерность действительности. А последователи Канта, неокантианцы конца XIX и начала XX вв. утверждали, что действительность как закономерное целое строится всецело, т. е. и по форме и по содержанию, чистой мыслью. Характер закона зависит от человеческого мышления; человек является творцом законов природы, — вторит кантианцам известный субъективный идеалист Пирсон. Известный русский субъективный идеалист Богданов, до конца разоблаченный Лениным в гениальном произведении «Материализм и эмпириокритицизм», утверждал, что «всеобщая причинная связь явлений есть последнее, лучшее дитя человеческого познания» и, соглашаясь с Кантом, добавляет: «она есть всеобщий закон, высший из тех законов, которые, выражаясь словами философа, человеческий разум предписывает природе».¹

Если законы природы суть законы мышления, то тем более законы логического мышления не должны иметь никакого отношения к объективной действительности: они также неопытны, доопытны, априорны. В этом отношении между законами природы и законами мышления нет никакого различия.

Если законы природы суть законы мышления, тогда нечего заниматься исследованием явлений природы: ведь рассудок приписывает законы природе, рассудок и есть совокупность законов. Нужно замкнуться в своем сознании, исследовать законы этого сознания, этим будет познана действительность. «Только дурак ищет ее (закономерность) во вне, она в тебе и ты ее вечно осуществляешь». (Шиллер).

Агностицизм и солипсизм этой точки зрения до конца разоблачен и раскритикован Лениным и Сталиным.

Действительность или всецело создана мышлением — и тогда нет ничего, кроме мышления, нет объективной реальности, нет и познания этой реальности, нет истории человечества, развития его науки и техники, нет практического воздействия человека на природу с целью преобразования этой дей-

¹ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, 1939 г., стр. 110.

ствительности; или же действительность существует, но всякой закономерности, как беспорядочный хаос явлений, и человеческое мышление приводит в порядок этот хаос, вносит в него закономерности и создает для мышления упорядоченную картину собственного изобретения, ничего общего не имеющую с объективной действительностью. Таковы выводы реакционной, буржуазной философии.

Законы объективной действительности, законы природы и общества существуют объективно. В процессе познания они отражаются в нашем сознании, они отражаются нашим мышлением. В наших понятиях, суждениях отражаются эти законы; но это, конечно, не значит, что эти понятия и суждения суть сами эти законы. Эти законы изучаются и открываются определенными науками.

Мышление тоже является областью действительности, правда особой, но все же определенной областью, отличной от природы и общества. Его особенность и сущность заключаются в том, что оно может существовать как отражение объективной действительности, причем это отражение тоже своеобразное: мышление есть обобщенное и опосредствованное отражение действительности. Это своеобразие мышления, как своеобразное качество по сравнению с природой и обществом указывает на своеобразную закономерность мышления; поэтому нельзя отождествлять законы объективной действительности с законами логического мышления.

Логика исследует то, как мы мыслим в процессе познания; она исследует процесс связи мыслей, построение мыслей в процессе познания реальной действительности; но она исследует не всякий процесс связи мыслей, не всякое построение мыслей, а такой процесс, с помощью которого осуществляется познание, процесс, который приводит нас к выводам, соответствующим действительности. Если наши предпосылки верны и к ним применены правильно законы мышления, то выводы должны соответствовать действительности, писал Энгельс. Мы применяем к истинным посылкам не законы природы и общества, а именно законы логического мышления.

Что же такое в таком случае законы логического мышления, если они не законы природы и общества? Не являются ли они в таком случае априорными законами мышления, законами доопытными, не обусловленными практикой? Конечно, они не априорны, они обусловлены практикой так же, как все остальное в человеческом мышлении.

В «Философских тетрадах» Ленин несколько раз касается этого вопроса и окончательно решает его. «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрас-

судка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения», и еще в другом месте: «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом».¹

В процессе практической деятельности люди познают действительность и, познавая, мыслят. Процесс связи мыслей, построение мыслей может быть правильным или неправильным. В первом случае познание осуществляется, во втором случае познание не может осуществиться. В первом случае воздействие на природу происходит с успехом, во втором случае человек терпит неудачу. В процессе многовековой истории человеческой практики и связанной с нею практики мышления вырабатываются законы мышления, которым подчиняется человеческое мышление при познании действительности. Законы логического мышления, — результат многовековой истории мышления, миллиардного повторения связей мыслей, которые приводили человека к познанию действительности, к успеху его практической деятельности.

Законы мышления — не законы природы и общества, а законы, с помощью которых человеческое сознание, мышление отражает действительность в процессе познания. Законы мышления открываются и устанавливаются не на основании изучения явлений природы и общества, а на основании изучения явлений мышления в процессе познания. Ведь предметом познания является не только внешний мир, но и человеческое мышление. «Единственным содержанием мышления является мир и законы мышления», — писал Энгельс.² Законы мышления выводятся на основе внутреннего опыта, наблюдения над мышлением, приводящим к истине. «Два рода опыта, — писал Энгельс, — внешний, материальный и внутренний — законы и формы мышления»,³ причем внешний опыт дает знания о явлениях природы и общества. Там же Энгельс пишет: «Внешний мир в свою очередь есть или природа, или общество».⁴

Внутренний опыт зависит от внешнего, обусловлен внешним; все, что имеется в мышлении, в конечном счете, заимствовано из внешнего опыта: «Все идеи заимствованы из опыта отражения действительности — верные или искаженные».⁵

Вот почему законы мышления, хотя и выведены из опыта мышления, являются результатом многовековой истории мышления, миллиардного повторения связей мысли, приводят че-

¹ Ленин. Философские тетради, 1947 г., стр. 164.

² Энгельс. Анти-Дюринг, 1938 г., стр. 285.

³ Там же, стр. 286.

⁴ Там же, стр. 287.

⁵ Там же, стр. 286.

ловека к познанию действительности, к успеху его практической деятельности. Это происходит именно потому, что все богатство мышления обусловлено богатством действительности; законы и формы мышления обусловлены объективной действительностью и согласуются с ней. Не будь этого согласования законов мышления с объективной действительностью, они не могли бы приводить человека к познанию действительности, к успеху его практической деятельности.

С этой точки зрения и будем рассматривать так называемые основные законы правильного мышления.

2. Законы тождества. Как было указано раньше, в процессе познания вещей и явлений действительности мы познаем свойства и признаки явлений, сравниваем их, находим в них общее и тождественное, отбрасываем отличное, случайное и несущественное; наше мышление фиксирует, отражает это общее и тождественное в понятии. Таковы, например, понятия человека, капитализма, атома, демократии, экономической структуры общества и т. д. На определенном уровне развития знания эти понятия обладают определенным содержанием, определенным смыслом. И в процессе мышления этими понятиями они должны мыслиться как понятия с определенным, установленным смыслом, содержанием. Мышление не достигнет своей цели—познания действительности, практическая деятельность людей окажется безуспешной, если мышление будет оперировать понятиями неопределенными, придавая им в процессе познания то один, то другой смысл. Рассуждая о социализме, нельзя приписывать ему признака «каждому по потребностям», так как в понятии социализма этот признак не мыслится; мысля этот признак, мы заменяем понятие социализма другим понятием, понятием коммунизма. Рассуждая о подлинной демократии, мы не можем приписывать ей признака расовой дискриминации, так как этот признак не мыслится в понятии демократии.

В процессе познания, в исследовательской работе, в дискуссии понятия, которыми мы мыслим, должны быть точными, определенными, имеющими тождественное содержание. Классики марксизма всегда подчеркивали необходимость точного установления содержания и смысла понятий, которыми мы оперируем. И. В. Сталин писал: «Затем, во избежание путаницы, мы должны заранее установить понятия, которыми мы оперируем»¹. Ленин, критикуя Каутского, писал: «Но надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию».

Тождественность содержания, смысла понятий в процессе познания, оперирование определенными, недвусмысленными понятиями, свободными от неясности, сбивчивости, бессвяз-

---

¹ Сталин, Соч. II, стр. 87.

ности, которые часто вызывают подмену понятий, — вот в чем заключается смысл закона тождества.

Закон тождества проявляется во всех формах мышления. Так, например, умозаклячая от истинности общеутвердительно-го суждения к истинности частноутвердительно-го, мы переносим признак класса на часть этого класса только на основании их тождества в определенном отношении. Умозаклячая по первой фигуре силлогизма (а также по остальным):

$$\begin{array}{r} M - P \\ S - M \\ \hline S - P, \end{array}$$

мы мыслим средний термин в посылках как тождественное понятие, обладающее определенным содержанием; если содержание M в большей и меньшей посылке не будет тождественным, то правильного вывода нельзя будет сделать. Точно так же S и P в посылках полностью или частично тождественны с S и P в выводе при правильном умозаклячении.

Закон тождества не утверждает, что вещи и явления действительности тождественны. Абсолютно тождественных вещей нет в мире: вещи и явления действительности изменяются, развиваются, находятся в разнообразных отношениях друг к другу и поэтому бывают и тождественны и различны. Каждая вещь обладает определенностью; то обстоятельство, что материя существует в виде определенных вещей и явлений, само собой подчеркивает что они, эти вещи и явления, обладая определенностью, тождественны самим себе и в то же время отличны от других вещей. Всякая определенность заключает в себе, наряду с моментом тождественности, момент отличия. «В жизни, в движении все и вся бы в а е т как «в себе», так и «для других» в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое».¹

Но, познавая действительность, наша мысль выделяет тождественные признаки вещей, образует понятия, которые фиксируют это общее и тождественное в вещах. Мысль относит вещи к одному классу не потому, что эти вещи абсолютно тождественны, а потому, что выделяет из этих вещей тождественные признаки, присущие всем вещам этого класса.

Это выделение не искажает действительности, не отходит от действительности, а глубже отражает ее. Эти вещи, часто очень различные, например, дуб, яблоня, сосна, или кит, собака, человек и т. д., рассматриваются нашим мышлением как л о г и ч е с к и т о ж д е с т в е н н ы е.

Капитализм в одной стране отличается многими чертами от капитализма в других странах; капитализм XVIII—XIX вв.

¹ Ленин. Философские тетради, стр. 83.

отличается от капитализма XX века. Капитализм в продолжение своего существования изменялся, развивался, из капитализма, когда он был прогрессивным, он превратился в загнивающий капитализм и т. д. Но, несмотря на это, он обладает общими и тождественными признаками. Мысль, выделяя эти общие и тождественные моменты, рассматривает его как единое; и истинное понятие капитализма должно оставаться именно этим понятием и не заменяться в мышлении другим.

Закон тождества не утверждает, что понятия не изменяются. В процессе развития наших знаний понятия изменяются, развиваются, одно понятие заменяется другим. Знание относительно; но на данном уровне знания понятие, отражая общее и тождественное в вещах, должно мыслиться с определенным и точно фиксированным содержанием.

С легкой руки Гегеля распространился взгляд о непримиримости логического закона тождества с принципами диалектики. Закон тождества, утверждал Гегель, выражающийся в формуле $A=A$, имеет смысл: все тождественно самому себе. Мышление подчиняется принципу развития, в то время как закон тождества $A=A$ не двигается с места. Ни одно мышление не мыслит таким образом, ни один человек не говорит, ни одна вещь не существует, подчиняясь закону тождества. Это не закон, а пустая тавтология, он никуда не ведет. Согласно этому закону можно только утверждать: А есть А, дух есть дух, дерево есть дерево и т. д. Школа, которая признает такие законы, вместе с ее логикой, которая признает их за законы, давно потеряла доверие и со стороны науки и со стороны здравого смысла.

Ошибка Гегеля не в том, что он признает развитие мышления, переходы одних понятий в другие в процессе развития; это признаем и мы, но в противоположность гегелевскому идеализму и мистицизму обосновываем данное положение строго научно, опираясь на материалистическое мировоззрение.

Ошибка Гегеля в том, что он не понял действительного смысла закона тождества. Он критикует старую метафизику и метафизическую интерпретацию этого закона, по которому, на самом деле все тождественно самому себе, в мире нет изменения, развития.

Дело в том, что, как это уже указывалось, логический закон тождества не отрицает ни изменения, ни развития. Он утверждает только, что в правильном мышлении мысли—понятия, суждения—имеют определенный, точный, однозначный смысл. И сколько бы Гегель ни критиковал закон тождества, сколько бы ни высмеивал этот «бесплодный», «никуда не ведущий» закон, сам он почти всегда подчинялся этому закону. Ведь, говоря о школе, которая признает эти законы, он мыс-

лит именно школу, и это понятие школы и для Гегеля обладает определенным содержанием, имеет определенный смысл, который и мыслится им как определенная школа, которую он критикует. Утверждая, что согласно этому закону нужно говорить «дерево есть дерево», что это пустая тавтология, что в настоящем суждении предикат должен быть отличным от субъекта (дерево), он ведь понятие дерева мыслит как понятие с определенным содержанием, определенным смыслом. Именно в этом и заключается закон тождества в его правильном понимании.

Правда, Гегель нередко прибегает к натяжкам и даже к софизмам и этим нарушает закон тождества, но в основном понятия, которыми он оперирует, имеют для него определенный смысл, и поэтому сам он в своих рассуждениях подчиняется закону тождества.

С другой стороны, неправильно утверждение Гегеля, что якобы закон тождества заставляет нас высказывать суждения вроде «дерево есть дерево» и «дух есть дух». Конечно, дерево нужно мыслить как дерево и, имея предметом мысли дерево, нужно высказывать мысль о дереве, а ни о чем-либо другом. Но, говоря о дереве и приписывая ему признаки, как предикаты, мы должны приписывать признаки, присущие дереву, например, «дерево есть растение». Утверждая, что дерево — растение, мы не нарушаем закона тождества, а наоборот, подчиняемся этому закону, так как утверждаем тождество дерева и растения в определенном отношении.

Гегель также неправ в своей критике закона тождества, как неправ было метафизическое мировоззрение, против которого он выступал. Метафизическое мировоззрение превращало логический закон тождества в абсолютный закон действительности, оно превращало логическое тождество в онтологическое тождество. Выше было указано, что законы мышления, поэтому и закон тождества, — не законы природы и общества; отождествлять логический закон тождества с законами вещей и явлений — значит стать на нелепую метафизическую точку зрения. «Принцип тождества в старо-метафизическом смысле, — писал Энгельс, — есть основной принцип старого мировоззрения: $a=a$. Каждая вещь равна самой себе. Все считалось постоянным — солнечная система, звезды, организмы. Естественные опровергли этот принцип в каждом отдельном случае, шаг за шагом; но в области теории он все еще продолжает существовать, и приверженцы старого все еще противопоставляют его новому: «вещь не может быть одновременно сама собой и другой».¹

Мышление — обобщенное отражение вещей и явлений. Обобщая, мышление выделяет тождественное, фиксирует его

¹ Энгельс. Диалектика природы, 1950 г., стр. 170.

в понятиях, придавая им определенный смысл и содержание. В многовековой практике мышления, в его историческом развитии, как результат этой практики и развития мышления над вещами и явлениями действительности, в практической деятельности людей выковалось правильное мышление, приводившее к их познанию и успеху, возникли и законы мышления, — в частности и закон тождества, — не как законы вещей, а как законы их отражения.

3. Закон противоречия. Когда мы сравнивали суждения а, е, і, о с точки зрения их истинности и ложности, мы пришли к заключению, что суждения а и е, а и о не могут быть одновременно истинными, т. е. из истинности а следует ложность е и о. Если истинно, что все металлы проводят электричество, то ложны суждения: 1) ни один металл не проводит электричества и 2) некоторые металлы не проводят электричества. И мы утверждали, что последние два суждения ложны, так как **п р о т и в о р е ч а т** истинному суждению. Таким же образом, умозаключение

Все металлы проводят электричество
Железо — металл

Железо не проводит электричества

мы считаем ложным, так как выводное суждение противоречит посылкам, правильное говоря, противоречит правильному выводу.

Мысль не может быть правильной, связь и построение мысли не могут быть последовательны, мысль не может отобразить, познать действительность, если она заключает в себе противоречие. Мышление, свободное от противоречий, является необходимым условием познания действительности. Но, конечно, как мы убедимся в этом в дальнейшем, оно не является достаточным условием познания.

Этот принцип, принцип непротиворечивости мышления, как необходимое условие познания, и называется законом противоречия. В чем же заключается сущность этого закона?

В процессе познания, при правильном мышлении, мы не можем признавать два противоречащих или противных суждения за истинные, мы не можем приписывать одному и тому же предмету противоречивые признаки. Но такая формулировка закона противоречия не будет полной, а следовательно, не будет и вполне правильной, так как суждения «Иванов — член коммунистической партии» и «Иванов — не член коммунистической партии», приписывающие Иванову противоречивые признаки, могут быть оба истинными в разное время: Иванов, который не был членом партии в 1949 году, вступил в партию в 1950 году. Значит, закон противоречия утверждает,

что нельзя приписывать одному предмету противоречивые признаки в одно и то же время. Но и этого недостаточно. Дело в том, что предмет может обладать противоположными признаками по отношению к различным предметам; Иванов может быть высоким по отношению к Петрову, но низким по отношению к Павлову; футбольная команда тбилисского «Динамо» сильнее московской команды «Торпедо», но слабее московской команды «Динамо»; капиталистический способ производства был прогрессивнее феодального, но его характеризует уже противоположный признак по сравнению с социалистическим. Поэтому, уточняя смысл закона противоречия, следует добавить, что нельзя приписывать одному и тому же предмету мысли противоположные признаки в одном и том же отношении. Полная формулировка закона противоречия была дана уже Аристотелем. Нельзя, при условии правильного мышления, приписывать противоречивые признаки одному и тому же предмету мысли в одно и то же время, в одном и том же отношении.

Некоторые философы полагали, что логический закон противоречия противоречит диалектике, в частности, четвертой черте марксистского диалектического метода.

«В противоположность метафизике диалектика исходит из того, что предметам природы, явлениям природы свойственны внутренние противоречия, ибо все они имеют свою отрицательную и положительную сторону, свое прошлое и будущее, свое отживающее и развивающееся, что борьба этих противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся, составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные.

Поэтому диалектический метод считает, что процесс развития от низшего к высшему протекает не в порядке гармонического развертывания явлений, а в порядке раскрытия противоречий, свойственных предметам, явлениям, в порядке «борьбы» противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий.

«В собственном смысле диалектика, говорит Ленин, есть изучение противоречия в самой сущности предметов» (Ленин, «Философские тетради», стр. 263).¹

Такова, по сталинскому определению, четвертая черта диалектики, которая выражает сущность, ядро диалектики. О чем тут говорится? О том, что явлениям природы свойственны противоречия, что развитие обусловлено «борьбой» противоположностей. Но, конечно, не говорится о том, что мы должны мыслить противоречиво! Мы должны мыслить противоречия в

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 539.

явлениях, в сущности предметов, борьбу противоположных тенденций так, как они существуют, не противореча действительности, не противоречиво. Закон противоречия утверждает не то, что в природе нет противоречий, что не нужно изучать «противоречия в сущности предметов» — логику об этом и не спрашивают и она сама не берется решать эти вопросы, — а то, что, мысля предметы и явления действительности, высказывая о них суждения, мысль не должна противоречить истинной мысли.

Конкретнее: если мы утверждаем, что «явлениям природы свойственны противоречия», то мы не можем утверждать вместе с этим, что «явлениям природы не свойственны противоречия»; если первое положение истинно, то противоположное ему положение не может быть истинным.

Если мы выставляем истинное положение о том, что «нужно не замазывать противоречия капиталистических порядков, а вскрывать их и разматывать, не тушить классовую борьбу, а доводить ее до конца»¹, то мы не можем считать истинным положение, противоположное данному, именно, что нужно замазывать противоречия капиталистических порядков, не вскрывать и не разматывать их, тушить классовую борьбу и не доводить ее до конца.

Если мы считаем истинным положение, что движение заключает в себе внутреннее противоречие, было бы абсурдным считать также истинным положение, что движение не заключает в себе противоречия.

Если первые суждения истинны, отражают действительность, то вторые суждения противоречат действительности. Закон противоречия не снимает противоречий в действительности, он вовсе не касается вопроса о том, существуют ли в явлениях природы противоречия; он утверждает лишь то, что истинное познание не может осуществиться, если наши мысли противоречат друг другу, если мысль, отражающая действительность, утверждается рядом с мыслью ей противоположной.

Закон противоречия можно формулировать следующим образом: в процессе познания нельзя противоречить действительности. Эта формулировка оправдывается тем обстоятельством, что противоречиво истинному, т. е. отражающему действительность, не может быть само истинным, так как оно противоречит самой действительности.

Ленин пишет в одной из своих работ: «Логической противоречивости — при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть ни в экономическом, ни в политическом анализе».²

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 541.

² Ленин, Соч., III.

Анархисты доказывали, что марксистский диалектический метод отрицает закон противоречия, что это — метод, «при помощи которого легко доказываются и истина и ложь».¹

На первый взгляд, пишет И. В. Сталин, может показаться, что это обвинение не лишено основания, так как диалектика доказывает, что один и тот же предмет может быть и хорошим и плохим, и положительным и отрицательным.

«Однако, вдумаясь в суть дела», — продолжает Сталин.

Сегодня мы требуем демократической республики. Можем ли мы сказать, что демократическая республика во всех отношениях (разрядка моя — К. Б.) хороша или во всех отношениях (тоже) плоха? Нет, не можем! Почему? Потому, что демократическая республика хороша только с одной стороны, когда она разрушает феодальные порядки, но зато она плоха с другой стороны, когда она укрепляет буржуазные порядки. Поэтому мы и говорим: поскольку демократическая республика разрушает феодальные порядки, постольку она хороша, — и мы боремся за нее, но поскольку она укрепляет буржуазные порядки, постольку она плоха, — и мы боремся против нее.

Выходит, что одна и та же демократическая республика в одно и то же время и «хороша» и «плоха» — и «да» и «нет».²

Вопрос поставлен и разрешен диалектически и с предельной ясностью. Противоречит ли это рассуждение закону противоречия? Нет! Наоборот, все это рассуждение протекает согласно этому закону! Демократическая республика в таком-то, определенном отношении «хороша», а в другом отношении «плоха». Демократическая республика, когда она разрушает феодальные порядки, — в этом отношении хороша, и нельзя утверждать о ней в этом отношении, одновременно, что она и хороша и нехороша. Это последнее и было бы нарушением закона противоречия; это утверждение противоречило бы действительности.

Точно так же нельзя было утверждать, что демократическая республика, когда она укрепляет буржуазные порядки, и плоха и хороша.

Закон противоречия — одно из необходимых условий подлинного познания действительности, но он, конечно, не является достаточным условием. Он утверждает ложность одного из двух противоречивых суждений при истинности другого. Истинность же суждения устанавливается другим путем. Во избежание недоразумений нужно подробнее осветить этот вопрос.

Решить вопрос, которое из двух противоположных суждений является истинным или ложным, на основании закона

¹ Сталин, Соч. т. 1, стр. 306.

² Там же, стр. 306—307.

противоречия мы не можем. Закон противоречия не может нам помочь в установлении истинности следующих суждений: «А есть В» и «А не есть В»; он утверждает только: если истинно суждение «А есть В», то суждение «А не есть В» ложно и наоборот, если истинно суждение «А не есть В», то ложно, что «А есть В». Возможность ложности обоих суждений не исключается. Из двух суждений — «все металлы — жидкости» и «ни один металл — не жидкость» — по закону противоречия нельзя установить истинность или ложность этих суждений. По закону противоречия можно лишь сказать: если признать одно из этих суждений истинным, то второе нужно признать ложным. Но можно ли признать одно из них истинным, закон противоречия не может помочь нам при решении этого вопроса.

4. Закон исключенного третьего. Закон противоречия решает вопрос о ложности суждения, противоположного истинному. Закон же исключенного третьего решает вопрос об истинности суждения, противоречащего ложному. Формулируют этот закон следующим образом: из двух противоречащих суждений об одном и том же одно суждение, безусловно, истинно, другое же ложно; или: из двух противоречащих суждений об одном и том же одно из этих суждений, безусловно, истинно, третья возможность исключается.

Из двух противоречащих суждений — «все металлы — твердые тела» и «некоторые металлы — не твердые тела» — одно из них должно быть, безусловно, истинным; невозможно, чтобы оба суждения были ложными и истинным оказалось какое-либо третье суждение.

Закон противоречия допускает возможность ложности двух противоположных суждений и истинность какого-либо третьего суждения. Например, ложны оба противоположных суждения: 1) «все американцы агрессивны» и «ни один американец не агрессивен», 2) «во всех современных государствах существует подлинная демократия» и «ни в одном современном государстве нет подлинной демократии», 3) «все металлы — жидкие тела» и «ни один металл не есть жидкое тело». Все эти суждения ложны, и истинным является именно третье суждение: 1) «некоторые американцы не агрессивны», 2) «в некоторых современных государствах существует подлинная демократия», 3) «некоторые металлы — жидкие тела».

Поэтому ложность одного суждения не является условием истинности противоположного ему суждения.

Закон исключенного третьего не допускает возможности ложности двух противоречащих суждений. Так, например, из противоречащих суждений: 1) «все американцы агрессивны» и «некоторые американцы не агрессивны», 2) «во всех современных государствах существует подлинная демократия» и

«в некоторых современных государствах нет подлинной демократии», 3) «все металлы — твердые тела» и «некоторые металлы — не твердые тела» одно из них, безусловно, истинно, оба не могут быть одновременно ложными. Истинно или одно или другое, третьего быть не может. Поэтому из ложности одного суждения вытекает истинность другого, ему противоречащего.

Закон противоречия действует применительно и к противным суждениям и противоречащим, так как этот закон исключает противоречие и показывает, что такие суждения не могут быть одновременно истинными.

Закон исключенного третьего также исключает возможность истинности двух противоречащих суждений, но показывает, в отличие от закона противоречия, что такие суждения не могут быть одновременно ложными.

Закон исключенного третьего применим не только к суждениям а и о, е и і, но и к суждениям об единичных предметах. В этом случае мы утверждаем, что данный предмет обладает или не обладает данным признаком или данным отношением. Например: «Иван—русский или не русский», «эта бумага белая или не белая» и т. д. Одно из этих суждений, безусловно, истинно, другое—ложно, третьего быть не может. Конечно, если мы утверждаем, что Иван русский или грузин, эта бумага белая или черная и т. д., то не исключена возможность ложности обоих суждений и истинности какого-либо третьего, например, «Иван — украинец», «эта бумага красная». В этом случае действует только закон противоречия: если одно суждение истинно, второе ложно, но оба суждения могут быть ложными и поэтому из ложности одного не вытекает истинность второго.

Полагали, что закон исключенного третьего противоречит диалектике; думали, что высказывания Энгельса отрицают существование этого закона. «Для метафизика,—писал Энгельс в «Анти-Дюринге», — вещи и их мысленные отображения, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непосредственными противоположностями; речь его состоит из: «Да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует или не существует, предмет не может быть самим собой, и в то же время чем-нибудь другим; положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и действие по отношению друг к другу находятся в неизменной противоположности».¹

О чем говорит тут Энгельс? О том, что действительность изменяется, развивается, что метафизик отрицает связи между вещами и явлениями действительности, отрицает их

¹ Энгельс. Анти-Дюринг, 1938 г., стр. 19.

развитие; метафизик не понимает, что в действительности в процессе возникновения вещь и есть и не есть, что положительное и отрицательное связаны друг с другом в действительности, что они не исключают абсолютно друг друга, и т. д.

Противоречат ли эти утверждения Энгельса закону исключенного третьего? Конечно, не противоречат, так как закон исключенного третьего говорит не о том, какова действительность и каким законам она подчиняется, а о том, как мы должны мыслить действительность, чтобы познать ее.

Закон исключенного третьего, как и закон противоречия, не отрицает противоречивого характера развития действительности, он даже не касается этого вопроса, он утверждает только: если истинно, что развитие действительности противоречиво, то, безусловно, ложно отрицание этого положения, и, наоборот, если ложно, что в действительности нет противоречий, то истинно, что в действительности есть противоречия. Третьей возможности нет. Если наше утверждение, что «вещь существует и не существует» истинно, то, безусловно, ложно отрицание этого утверждения, и, наоборот, если наше суждение «вещь не может одновременно существовать и не существовать» ложно, то истинно, безусловно, его отрицание, именно, что «вещь существует и не существует»; и тут, опять-таки, третьего не дано.

Что закон исключенного третьего не противоречит принципу диалектики, видно из того, что классики марксизма-ленинизма — эти мастера диалектики — всегда применяли в своих рассуждениях этот закон.

Ленин, критикуя ликвидаторов, пишет: «Одно из двух: ничтожны разногласия или не ничтожны? Говорите же прямо. Середины тут нет».¹

Сталин в статье «Победа кадетов» говорит: «Либо продолжение войны, и тогда полная зависимость от денежного рынка Англии и Америки, господство кадетов, обуздание революции, ибо ни кадеты, ни «союзный» капитал не могут сочувствовать русской революции.

Либо передача власти в руки революционного класса, разрыв финансовых пут союзного капитала, связывающих Россию по рукам и ногам, объявление условий мира, упорядочение расстроенного народного хозяйства за счет барышей помещиков и капиталистов.

Третьего нет, и меньшевики с эсерами, искавшие третий путь, неизбежно должны были провалиться».²

Известны положения И. В. Сталина: «Либо марксова теория борьбы классов, либо теория вставания капиталистов в социализм. Либо непримиримая противоположность классов

¹ Ленин. Сочинения, т. XX, стр. 79.

² Сталин. Сочинения, т. III, стр. 135.

вых интересов, либо теория гармонии классовых интересов. Одно из двух».¹

Из истинности первого положения («марксова теория борьбы классов») следует ложность второго («теория вращающихся капиталистов в социализм») и из ложности второго следует истинность первого. Одно из двух, третья возможность исключена.

«Стало быть вопрос стоит так: либо один путь, либо другой, либо назад — к капитализму, либо вперед — к социализму. Никакого третьего пути нет и не может быть».²

Как и закон противоречия, закон исключенного третьего — необходимое условие познания действительности. Но этот закон, конечно, недостаточен, как и все законы мышления вместе взятые, для познания вещей и явлений действительности. Дело в том, что закон исключенного третьего ничего не может сказать об истинности или ложности отдельно взятого суждения. Он может лишь указать нам, что данное суждение истинно, если противоречащее ему ложно, что оба таких суждения не могут быть ложны. Но ложно ли суждение, на основании которого мы убеждаемся в истинности противоречащего, закон этот ничего не может сказать.

Два суждения — «все металлы — твердые тела» и «некоторые металлы — не твердые тела» — не могут быть одновременно ложными; одно из них ложно, другое истинно. Но какое из них истинно и какое из них ложно, решается не с помощью закона исключенного третьего.

5. Закон достаточного основания. Первые три закона были сформулированы Аристотелем. Аристотель знал и так называемый четвертый закон, закон достаточного основания, но, как видно, не считал нужным формулировать его в качестве закона. Аристотель часто говорит о том, что каждое истинное суждение требует своего основания в другом суждении. Больше, вся его «Аналитика» пронизана этой мыслью. Поэтому для Аристотеля так называемый четвертый закон — не закон, подобно законам противоречия, исключенного третьего, он просто совпадает с процессом логического доказательства.

Как особый закон, закон достаточного основания был выставлен Лейбницем в XVIII веке.

Сущность закона достаточного основания заключается в том, что всякое истинное выводное суждение должно быть обосновано другими суждениями, истинность которых установлена. Установленные суждения, на которые мы опираемся при обосновании данного суждения, называются основанием;

---

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 227.

² Там же, стр. 278.

данное же суждение, которое обосновывается установленными суждениями, называется следствием.

Всякое положение (суждение), вошедшее в сокровищницу науки, представляет собой или основание, или следствие. В качестве оснований фигурируют в научном знании факты, явления действительности, аксиомы, которые представляют собой положения, необходимые (и достаточные) для обоснования других положений. Опираясь на эти основания, доказываются все остальные положения науки. Конечно, обоснование какого-либо положения не всегда опирается на эти последние основания; сами обоснованные суждения, теоремы, законы, общие положения, правила и т. д. являются в свою очередь достаточными основаниями для дальнейшего хода рассуждения, для обоснования дальнейших положений.

Опираясь на учение Маркса о закономерности развития капиталистического общества и проделав огромную работу по анализу современного капитализма — империалистической стадии капитализма, Ленин открыл и обосновал закон неравномерного развития капитализма. Опираясь на этот закон, как на основание, В. И. Ленин и И. В. Сталин обосновали положение о возможности построения социализма в одной стране.

Опираясь на аксиому о параллельных в геометрии Эвклида, как на основание, мы доказываем теорему о равенстве суммы углов треугольника двум прямым.

Во всяком правильном умозаключении посылки служат достаточным основанием для вывода. Возьмем для примера какое-либо неправильное умозаключение:

Все металлы проводят электричество
Железо — металл

Железо не проводит электричества.

Почему это умозаключение неправильно? Потому, полагают многие, что тут нарушен закон противоречия. Что в этом умозаключении нарушен и закон противоречия — это несомненно. Но в чем заключается нарушение этого закона? В том, что вывод противоречит посылкам?

Разберемся в этом вопросе. Противоречит ли вывод большей посылке? Очевидно, нет, так как суждение «железо не проводит электричества» не противоречит суждению «все металлы проводят электричество», пока мы не знаем, что железо — металл, а это мы знаем не из большей посылки, а из меньшей. Нам кажется, что между этими суждениями существует противоречие, так как мы, незаметно для себя, прибегаем к помощи меньшей посылки, именно, что же-

лезо — металл; а ведь в большей посылке об этом вовсе нет речи. Яснее будет эта мысль, если мы возьмем не известное нам вещество — железо, а что-либо неизвестное:

Все металлы проводят электричество
Вещество x не проводит электричества.

Теперь уже совершенно ясно, что между этими суждениями нет противоречия. Противоречие было бы, если бы вещество x оказалось металлом, т. е. если была бы и меньшая посылка: вещество x — металл.

Таким образом, вывод в нашем примере не противоречит большей посылке. Чему же он противоречит? Может быть меньшей посылке? Оказывается, что наш вывод не противоречит и меньшей посылке. В самом деле, нет никакого противоречия между суждениями «железо не проводит электричества» и «железо — металл», пока мы не знаем, что металлы — проводники электричества, а это знание не содержится в меньшей посылке. Таким образом, неправильный вывод не противоречит и меньшей посылке. Неправильный вывод не противоречит ни большей, ни меньшей посылкам, отдельно взятым. Чему же он противоречит? Обеим посылкам? Как же он может противоречить обеим посылкам, если он не противоречит каждой в отдельности? Наш неправильный вывод «железо не проводит электричества» не противоречит ни большей посылке «все металлы проводят электричество», ни меньшей посылке «железо — металл», ни обеим посылкам, а противоречит правильному выводу из этих посылок, именно, «железо проводит электричество». Поэтому правильность вывода регулируется не законом противоречия, а законом достаточного основания: посылки должны быть достаточным основанием для вывода. Вывод в нашем примере неправильный, так как данные посылки не являются основанием для такого вывода.

Процесс познания действительности, как мы знаем, обусловлен практической деятельностью людей. На основе практики возникают идеи, взгляды, теории. Этими идеями, теориями руководствуются люди в своей практической, политической, научной деятельности.

Наряду с фактами, явлениями действительности, — которые осмысливаются теорией, — эти теории дают нам посылки, опираясь на которые, как на достаточное основание, мы обосновываем новые положения, объясняем, осмысливаем факты и события. Марксистско-ленинская философия, социалистическая идеология — источник тех посылок, на которые, как на достаточное основание, должны опираться советские люди в своей практической, политической и научной работе.

Выше мы указывали, что закон достаточного основания, как логический закон мышления, был впервые сформулиро-

ван Лейбницем. Но Лейбниц, будучи рационалистом и идеалистом, отождествлял объективные, реальные отношения с логическими, в частности отождествил причину и основание (causa u ratio). Поэтому у него получилось двойное толкование этого закона: каждое явление имеет свою достаточную причину и каждая истинная мысль имеет свое достаточное основание. Каждое из этих положений является истинным, но, конечно, это не значит, что оба эти положения представляли собой закон достаточного основания. Связь причины и действия — это связь вещей и явлений; связь основания и следствия — это логическая связь между мыслями, суждениями.

Связь основания и следствия может отражать реальную связь причины и действия — в том смысле, что основание отражает причину, а следствие — действие. Так, суждение «если тело нагреть, оно расширится» отражает причинно-следственную связь между нагреванием и расширением. Но логическая связь основания и следствия может быть и обратной связи причины и следствия. Например, по температуре в 38° мы заключаем о болезни человека, хотя не температура причина болезни, а болезнь причина повышения температуры. Посылки являются основанием вывода, но, конечно, не причиной.

6. Характер законов мышления. Правильное, последовательное мышление — факт, характеризующий человеческое мышление. Достигнуть подлинного знания, тем более опосредствованного знания, без правильного мышления невозможно. Логические формы мышления обусловлены реальной, объективной действительностью, в частности формами связей и отношений вещей и явлений. Поэтому они не априорны, не субъективны, а объективны. Объективны в том смысле, как объективна истина, отражающая действительность; объективны в том смысле, что они не зависят от нашей психики, т. е. от наших желаний, чувств, эмоций, воли. Так, вывод следует из посылок не согласно нашим настроениям, желаниям, не согласно нашей воле, а именно, независимо от них; вывод имеет, в этом смысле, объективный характер.

Логические формы подчиняются законам мышления. Законы мышления также обладают объективным характером, несмотря на то, что они являются законами мышления, а не законами природы и общества.

Вопрос о характере законов мышления долгое время был предметом споров в логике. Дело в том, что понятие закона употребляется в литературе в двух различных смыслах. Во-первых, в смысле закона природы, который действует независимо от воли людей, и закона, установленного людьми, организацией, учреждением; к последним относятся законы, установленные государством, постановления, правила внутреннего распорядка учреждения и т. д.

Закон, установленный государством, можно нарушить: преступное лицо нарушает этот закон; государственные органы привлекают его к ответственности и присуждают ему определенное наказание. Например, можно нарушить закон о защите социалистической собственности, но нарушившего этот закон государство привлекает к ответственности. Можно нарушить правила внутреннего распорядка университета, и нарушивший эти правила несет определенное наказание. Выражение «можно нарушить», как видно из данных примеров, обозначает только то, что существует возможность нарушения таких законов. Эти законы, правила, постановления, предписания и т. д. представляют собой требования, приказания, в которых выражена мысль, что то-то и то-то так и так должно быть, так и так должно быть выполнено. Эти законы сами по себе не осуществляются; нам, людям, вменяется в обязанность выполнять эти законы.

Такой же характер имеют нормы морального поведения людей, принципы социалистического отношения к труду.

Все эти законы, правила и т. д. часто называют нормами или нормативными законами и выражают их в форме должностования; все эти нормы обусловлены определенной целью, вне которой они не имеют никакого смысла. Закон о защите социалистической собственности необходим на данном этапе развития нашей страны в целях укрепления социалистического строя и постепенного перехода к коммунизму. Правила внутреннего распорядка какого-либо учреждения необходимы для успешной работы в данном учреждении.

Совершенно иной характер имеют законы природы; они — не приказания, не требования и, конечно, не нормы поведения людей. Они действуют независимо от людей, и люди не обладают возможностью нарушать их. Эти законы часто называются в отличие от первых естественными законами. И было бы абсурдно запрещать нарушения этих законов, например, запрещать нарушение закона тяготения.

Каким характером обладают законы мышления? Являются ли они законами естественными, нарушить которые человек не в силах, или это нормы, законы и правила, которые мы должны соблюдать, чтобы достигнуть подлинного знания, истины?

Как было указано выше, в буржуазной логике этот вопрос вызывал и вызывает острые споры. Одни считают, что законы мышления — естественные законы, другие утверждают, что они — нормативные законы, наконец, третьи полагают, что одни из этих законов обладают характером естественных, а другие — характером нормативных законов.

Нужно сказать, что вопрос ставится метафизически и поэтому решается неправильно. Такая постановка вопроса вызывает законное сомнение с точки зрения нашего мировоз-

зрения, с точки зрения марксистско-ленинской философии, поскольку она обусловлена неприемлемым для нас принципом, а именно, отрывом теории от практики. Ибо, что, в сущности, значит нормативный закон? Он выражает то, что мы должны делать, чтобы достигнуть определенной цели. А на чем основывается наша уверенность в том, что мы достигнем этой цели, если будем действовать так, а не иначе? На определенных положениях, отражающих действительность, на познанной закономерности явлений. Поэтому вопрос о том, как мы должны действовать, чтобы достигнуть цели, зависит от того, что есть, зависит от знания вещей и явлений, от знания закономерности.

Основные черты диалектического метода отражают сущность, закономерности действительности, природы, общества и мышления, и никому не придет в голову считать их нормами, установленными людьми, государством и т. д. И в процессе научной, практической и политической деятельности мы должны руководствоваться этими принципами, если хотим достигнуть успеха в определенной области «Мы должны» — это значит, что мы перевели на нормативный язык закономерности действительности, придали им нормативную формулировку.

Изложив основные черты диалектики, И. В. Сталин показывает необходимость руководства ими при изучении общественной жизни, в практической деятельности партии пролетариата.

«Если нет в мире изолированных явлений, если все явления связаны между собой и обуславливают друг друга, то ясно, что каждый общественный строй и каждое общественное движение в истории не а д о (разрядка моя. — К. Б.) расценивать не с точки зрения «вечной справедливости» или другой какой-либо предвзятой идеи, как это делают нередко историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны».¹

И. В. Сталин указывает, как надо, как должно рассматривать исторические явления. А что получится, если мы не подчинимся этому методологическому принципу, если мы не будем рассматривать общественные явления с точки зрения тех условий, с которыми они связаны? Нарушим ли мы этим закон действительности, именно, что в действительности все явления «связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга».² Конечно, закона действительности мы этим не нарушим; мы не достигнем цели, именно, мы исказим реальный ход исторических событий, мы

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 539:

² Там же, стр. 536.

не пойдем общественных явлений. Закон действительности, как закон, остается не нарушенным.

«Если мир находится в непрерывном движении и развитии, если отмирание старого и нарастание нового является законом развития, то ясно, что нет больше «незыблемых» общественных порядков, «вечных принципов» частной собственности и эксплуатации, «вечных идей» подчинения крестьян помещикам, рабочих капиталистам». И дальше: «Значит, надо (разрядка моя. — К. Б.) ориентироваться не на те слои общества, которые не развиваются больше, хотя и представляют в настоящий момент преобладающую силу, а на те слои, которые развиваются, имеют будущность, хотя и не представляют в настоящий момент преобладающей силы»... «Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад».¹

И. В. Сталин учит, на какие слои общества надо опираться, учит, что нужно смотреть вперед, а не назад. А что получится, если мы будем опираться не на нарастающее, а на отмирающее, не на то, что «имеет будущее», а на то, что «не развивается больше», если мы будем смотреть назад, а не вперед? Нарушим ли мы этим закон действительности? Конечно, этим мы не нарушим закона действительности. Закон действительности будет действовать так же, как он действовал, независимо от того, будем ли мы действовать согласно этому закону или нет. Закон развития останется не нарушенным, наша политическая деятельность не будет иметь успеха, она обречена на банкротство.

Опираясь на принцип единства противоположностей, И. В. Сталин учит:

«Значит, нужно не замазывать противоречия капиталистических порядков, а вскрывать их и разматывать, не тушить классовую борьбу, а доводить ее до конца.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо проводить непримиримую классовую пролетарскую политику, а не реформистскую политику гармонии интересов пролетариата и буржуазии, а не соглашательскую политику «врастания» капитализма в социализм».²

Опять-таки, если мы не будем применять принципа «непримиримой классовой пролетарской политики», а будем применять реформистскую политику, то мы не достигнем успеха, не достигнем поставленных целей, но этим, конечно, закона действительности не нарушим: принцип единства противоположностей будет господствовать в действительности, все равно будем ли мы проводить правильную или неправильную политику; только в первом случае мы достигнем желае-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е стр. 540.

² Там же, стр. 541.

мых результатов, а во втором случае наша политика будет обречена на провал.

Опираясь на учение Сталина, легко разрешить вопрос о характере законов мышления. Законы мышления — естественные законы; на основании этих законов мы формулируем требования, правила, переводим их, так сказать, на нормативный язык: для достижения такой-то цели нужно действовать так, а не иначе. Например, два противных суждения не могут быть одновременно и в одном отношении истинными. Мы, конечно, можем ошибиться, и в процессе рассуждения, дискуссии и т. д. признать оба этих суждения истинными, но от такого нашего признания они не станут оба истинными. Закон противоречия утверждает не то, что два таких суждения не признаются часто истинными, а то, что они не могут быть истинными. Отсюда вытекает и нормативная формулировка этого закона: если два противоположных суждения не могут быть истинными, то в процессе познания, практической и политической деятельности не нужно признавать их истинными. Два суждения «А есть В» и «А не есть В» в одно и то же время, в одном и том же отношении не могут быть истинными, все равно, будет ли кто-нибудь признавать их истинными или нет.

Закон исключенного третьего утверждает, что два суждения — «эта бумага белая» и «эта бумага не белая» — не могут быть одновременно ложными, что истинность первого исключает истинность второго и ложность первого исключает ложность второго.

И сколько бы люди не ошибались, признавая два противоречащих суждения одновременно ложными, нарушить этот закон они не смогут, так как это их признание не сделает эти суждения одновременно ложными.

И все же остается какая-то мысль, что, признавая два противоречащих суждения одновременно ложными, мы что-то нарушаем. Конечно, мы нарушаем, но нарушаем не закон исключенного третьего, а требование, вытекающее из этого закона: при познании действительности, в правильном, последовательном мышлении нельзя признать два противоречащих суждения одновременно ложными. Почему нельзя (не должно) признавать их ложными? Да, потому, что они могут быть ложными!

Точно так же, если идеологи буржуазии в политике опираются на старое, отмирающее, а не на новое, нарастающее, то этим они не отменяют, не нарушают закона развития — «отмирание старого и нарастание нового является законом действительности» и нарушить его реакционная буржуазия не в силах, сколько бы ни старалась. — а искажают действительность, противодействуют закономерному развитию общества, и поэтому их политика обречена на банкротство.

Законы природы и общества — естественные законы, а не нормативные. Мы руководствуемся ими в практической, политической и научной деятельности. Мы должны руководствоваться ими для достижения наших целей, для достижения успеха.

Логические законы мышления — естественные законы, а не нормативные. Мы руководствуемся ими в процессе познания, в правильном и последовательном мышлении. Мы должны руководствоваться ими для достижения истины.

ГЛАВА XI

УЧЕНИЕ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ

1. **Понятие научного знания и доказательство.** Научное знание не представляет собой простой суммы истинных суждений. Совокупность истинных суждений, из которой одно суждение касается общественной жизни, другое — движения планет вокруг солнца, третье — теории Лысенко и т. д., не представляет собой науки, научного знания даже и в том случае, если все суждения являются истинными. Наука — это определенная система знаний. Знание должно удовлетворять целому ряду условий, оно должно применить целый ряд средств, целый ряд приемов, как говорят, методов, чтобы превратиться в науку, в систему знания.

Системой называют, вообще, соединение однородных в каком-либо отношении предметов и явлений действительности в одно целое на основании определенного принципа.

Так, например, химические элементы, после открытия Менделеевым периодического закона, уложились в определенную систему; так говорим мы о солнечной системе, о системе животного, растительного царств и т. д.

И знание возможно расположить в систему. В этом смысле предполагается изложение человеческого знания в форме единого целого. Эта форма определенного целого, конечно, не зависит от нас, от наших желаний, настроения, воли. Она зависит в первую очередь от познания предмета. Нельзя объединить в одно целое, в одну науку знание о животном царстве и небесных телах, знание об истории человечества и химических процессах.

Науки отличаются друг от друга своеобразием предмета (класса предметов), который они изучают. Так, физика отличается от биологии и обе от истории тем, что первая изучает физические процессы, вторая — процессы жизни, а третья — развитие человеческого общества.

«Классификация наук, — писал Энгельс, — из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является вместе с тем классификацией, расположением, согласно внутренне присущей им последовательности, самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение».¹

Огромное значение для построения знания в систему имеет точка зрения, общее мировоззрение. Точка зрения на атом как неделимое, простое дает одну систему химии, а электронная теория дает другую, отличную от первой, систему химии. Мировоззрение, согласно которому сущность действительности материальна, дает одну систему знания, в то время, как идеалистическое мировоззрение обусловит отличную от первой систему, марксистско-ленинская теория обуславливает определенную систему исторических наук, которая в корне отличается от буржуазной исторической лженауки.

Априористическая и идеалистическая точки зрения обуславливают одну систему логики, диалектико-материалистическая точка зрения дает совершенно иное от первой толкование логических форм.

То обстоятельство, что в науках существуют положения, приемлемые для всякого мировоззрения, как, например, установленные законы в физике, химии, биологии и т. д., установленные правила в логике — правила категорического силлогизма — не отрицают, конечно, положения о том, что общее мировоззрение обуславливает систему научного знания.

Не говоря уже о том, что понимание этих законов, их истолкование часто принципиально различно и это различие обусловлено именно различием мировоззрения, укажем на некоторые моменты, подтверждающие данное положение.

Было уже сказано, что наука — не собрание фактов или мыслей об этих фактах; это — система знания, строящаяся на основании определенных методологических принципов. Научное знание — сознательно или бессознательно — строится всегда на основе философских, методологических принципов. Этими принципами пронизана каждая наука.

«Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними властвует философия. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и с ее достижениями... Довольствуясь отбросами старой метафизики, естествоиспытатели все еще продолжают оставлять философии некоторую видимость жизни. Лишь когда естествознание и историческая

¹ Энгельс. Диалектика природы, 1950 г., стр. 198.

наука впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский скарб—за исключением чистого учения о мышлении—стает излишним, исчезнет в положительной науке».¹

И еще: «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории, а эти категории они некритически заимствуют либо из обыденного общего сознания так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно умерших философских систем, либо из крох, прослушанных в обязательном порядке университетских курсов по философии (которые представляют собою не только отрывочные взгляды, но и мешанину из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части к самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, — то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругают философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений».²

С нашей точки зрения, с точки зрения марксистско-ленинской философии, нет науки вне философии, философского мировоззрения. Конечно, не философия решает специальные задачи науки; она является методологией наук, она указывает пути решения задач, она направляет развитие науки.

И. В. Сталин, развивая принципы, выставленные Марксом, Энгельсом и Лениным, не только обосновывает основные черты марксистского диалектического метода и марксистского философского материализма, но и указывает на их методологическую значимость для процесса познания и для практической, политической деятельности.

Наше мировоззрение «называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения³ явлений природы, его метод познания³ этих явлений является диалектическим, а его истолкование³ явлений природы, его понимание³ явлений природы, его теория — материалистической».⁴

Изложив и обосновав основные черты диалектического метода, И. В. Сталин устанавливает методологические принципы знания: 1) ни одно явление не может быть понято, если взять его в изолированном виде, и любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от

¹ Энгельс, Диалектика природы, 1950 г., стр. 165.

² Там же, стр. 164—165.

³ Разрядка моя. — К. Б.

⁴ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 534.

окружающих его явлений; 2) диалектический метод требует, чтобы явления рассматривались с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания.

«Не трудно понять, какое громадное значение имеет пространство положений диалектического метода на изучение общественной жизни, на изучение истории общества, какое громадное значение имеет применение этих положений к истории общества, к практической деятельности партии пролетариата».³

Таким образом, ясно, что философское мировоззрение имеет огромное значение в научном знании, в построении системы науки.

Положения диалектического материализма являются предпосылками при истолковании, объяснении явлений природы и исторических событий.

Наконец, для построения системы научного знания громадное значение имеет доказательство. Всякое подлинное научное знание — это знание доказательное, знание обоснованное.

Определение понятий, деление понятий, изучение отношений между понятиями, формы суждений и оценка их познавательной ценности, многообразные формы умозаключений, изучение приемов и методов доказательства — все это служит целям построения системы научного знания; без них знания не могли бы получить форму системы, форму единого целого, не могли бы превратиться в науку.

Логика — не теория истины в том смысле, что она не изучает вопроса о том, что такое истина, какова истина — объективна, относительна, абсолютна, конкретна, что является критерием истины, каково отношение между чувственностью и мышлением в процессе познания и т. д. Все эти вопросы предполагаются ею решенными; их решают философия, диалектический материализм, в частности, диалектика, как теория познания.

В гениальных трудах Ленина и Сталина — в «Материализме и эмпириокритицизме» и «О диалектическом и историческом материализме», в тех разделах, где они касаются вопросов теории познания (первые три главы «Материализма и эмпириокритицизма» и параграф о третьей черте марксистского философского материализма в работе Сталина), эти вопросы окончательно разрешены. Ленин и Сталин тут вовсе не касаются вопросов правильного мышления, форм умозаключения и доказательств. В этом смысле логика не есть теория истины.

С другой стороны, наука логика имеет определенное отношение к проблеме истины: она изучает формы и законы пра-

³ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 539.

вильного, последовательного, доказательного мышления, которое является необходимым условием достижения истины, достижения подлинного знания.

Поэтому логика, изучая одну сторону теории истины, теории познания, является моментом полной теории познания.

2. Понятие доказательства. Всякое научное знание, как уже указывалось выше, состоит из знания непосредственного и опосредствованного. Непосредственное знание, которое также опосредствовано, в конечном счете, всей человеческой практикой, всей «всемирной историей человечества», есть знание, доставляемое органами чувств, восприятием, живым созерцанием. Это знание наука не доказывает, — оно, в конечном счете, исходный пункт всякого научного знания о действительности. Однако это знание, характеризуясь такой важной чертой, вовсе недостаточно для научного знания. Научное знание проникает в глубь вещей и явлений, открывает их сущность, их глубокие взаимные связи и отношения, открывает законы вещей и явлений, законы их изменения и развития и, пользуясь ими, люди преобразовывают действительность, так как наука не только должна объяснять действительность, но и преобразовывать ее.

Научное знание сущности явлений, связей и отношений между ними, знание законов — знание опосредствованное. Всякое подлинное опосредствованное знание — это знание доказательное, обоснованное.

И логика, как наука об одной определенной стороне многогранного процесса познания, изучает формы доказательств. Доказательность, обоснованность — одна из важнейших черт научного познания.

Что такое доказательство? Мы говорим, что данное положение, суждение доказано, если оно вытекает из таких суждений, с которыми мы согласились. Но мы можем согласиться и с ложными суждениями или по незнанию, или по ошибке. Поэтому данное определение нуждается в уточнении. Данное суждение считается доказанным, если оно вытекает из истинных суждений. Эти истинные суждения могут быть непосредственно истинными — обусловленными живым созерцанием.

Отсюда следует:

1) Всякое доказательство есть оправдание истинности суждения. Даны определенные суждения, например: «сумма углов треугольника равна $2d$ », «возможно построение социализма в одной стране», «все металлы — проводники электричества», «тов. Иванов достоин награды» и т. д. Истинность этих суждений не дана непосредственно. Истинность их нужно поэтому доказать, т. е. нужно оправдать эти суждения. Для этого нужно из запаса наших знаний выделить такие суждения, связь которых будет иметь необходимым следствием данные

суждения. Так, например, для оправдания первого суждения нужно выделить суждения, что накрест лежащие углы равны, соответствующие углы равны, сумма углов около одной точки на одной стороне прямой равна $2d$ и т. д. Для оправдания второго суждения нужно опереться на уже известные нам истинные суждения о неравномерном развитии капитализма, о слабом звене единого капиталистического фронта и т. д.

Для доказательства суждения, что данный гражданин не совершил приписываемого ему преступления, достаточно выставить истинное суждение: этот гражданин не находился на месте преступления в момент совершения этого преступления.

2) Всякое доказательство принимает форму умозаключения; ведь доказательство есть оправдание истинности суждения; а оправдать данное суждение — если только это суждение не выражает факта живого созерцания, — можно лишь другими суждениями, которые установлены в качестве истинных и из которых вытекает данное суждение.

3) Правда, всякое доказательство принимает форму умозаключения, но не всякое умозаключение является доказательством. Изучая формы умозаключения, логика устанавливает правила, по которым из данных суждений необходимо следует новое суждение. Эти правила гарантируют правильность, последовательность хода мыслей. Но эти правила вовсе не гарантируют истинности посылок и поэтому не гарантируют истинности выводного суждения. Познание действительности, конечно, не может удовлетвориться правильностью, последовательностью хода мыслей. Правильность, последовательность хода мыслей только тогда гарантирует познание действительности, когда исходные посылки истинны. Доказательство — оправдание истинности — принимает форму такого умозаключения, в котором посылки являются истинными.

4) Понятие доказательства по своему смыслу предполагает определенное суждение, истинность которого нужно оправдать. Нельзя вести доказательство, не зная положения, которое нужно доказать. Поэтому доказываемое положение должно быть дано заранее, как суждение, в истинности которого мы так или иначе убеждены, истинность которого кажется нам вероятной. Поэтому ход мысли в доказательстве своеобразный: доказываемое положение, т. е. положение, которое должно быть оправдано другими суждениями, является вначале в качестве заданного, а оправданным в качестве выводного суждения.

Суждение о равенстве суммы внутренних углов треугольника является заданным; найдя ряд истинных суждений и сопоставив их, мы оправдаем данное суждение, как вывод из установленных посылок.

Поэтому каждое доказательство состоит из трех частей:

1) доказываемое положение или тезис; тезис — это суждение, которое задано и истинность которого нужно доказать; 2) основания, т. е. те суждения, истинность которых установлена и из которых вытекает тезис; 3) демонстрация, т. е. рассуждение, которое устанавливает логическую связь между основаниями и тезисом.

3. Виды доказательств. Доказательства часто делят на дедуктивные и индуктивные. Конечно, такое деление не содержит в себе ошибки: то или иное суждение, смотря по характеру, смыслу суждения можно и нужно доказать или при помощи дедуктивного умозаключения, или при помощи индуктивного умозаключения. Однако своеобразие этих видов доказательства сводится к своеобразию соответствующих форм умозаключения.

Деление доказательства на виды, которые отличаются друг от друга не формой умозаключений, в которые они облекаются, а своеобразием хода самого доказательства, будет деление их на прямые и косвенные.

1) Сущность прямого доказательства заключается в следующем: задан тезис (суждение) $S - P$, который нужно доказать; устанавливаются основания, из которых вытекает этот тезис, т. е. отыскиваются суждения, сопоставление которых оправдывает тезис. В простейшем случае основания берутся уже из имеющегося знания или отбираются в опыте обстоятельства, которые, будучи выражены в суждениях, оправдывают тезис в качестве вывода. Так, например, для доказательства тезиса $S - P$, из уже имеющихся знаний пользуемся суждениями $S - M$ и $M - P$; получаем

$$\begin{array}{r} S - M \\ M - P \\ \hline S - P, \end{array}$$

или отбираются из опыта обстоятельства $SAB - P$, $SBC - P$, $SAC - P$ и оправдываем тезис:

$$\begin{array}{r} SAB - P \\ SBC - P \\ SAC - P \\ \hline S - P \end{array}$$

В последнем случае тезис оправдан с теми ограничениями, о которых было уже сказано в главе об индуктивных умозаключениях.

Обычно ход доказательства, конечно, не так прост; большей частью доказательство выливается в цепь умозаключений, в которой или вывод одного умозаключения становится основанием другого и т. д., или совокупность выводов нескольких умозаключений становится основанием для данного тезиса.

Однако для анализа вида доказательства достаточно взять его простейшую форму, так как всякое сложное доказательство состоит из этих простых форм.

Допустим, нам задан тезис — «общественная жизнь познаваема». Из имеющихся в нашем запасе знаний мы устанавливаем основания (суждения): 1) действительность познаваема и 2) общественная жизнь — часть действительности; эти основания оправдывают наш тезис, значит и общественная жизнь познаваема.

В форме энтимемы И. В. Сталин доказывает данный тезис следующим образом: «Если мир познаваем и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества — также познаваемо, а данные науки о законах развития общества, — являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин».¹

Конечно, не нужно толковать рассуждение Сталина в форме условного суждения, в котором не утверждается ни истинность основания, ни истинность следствия; в данном случае положение «мир познаваем» дано не условно, оно заранее обосновано, доказано, а так как первое положение (основание) доказано, оправдан и тезис.

Примером сложного доказательства, которое выливается в цепь умозаключений, и в котором для окончательного оправдания тезиса сначала доказываются основания, может служить доказательство Лениным тезиса «империализм есть канун социалистической революции».

Ленин доказывает сперва положение: «обострение революционного кризиса внутри капиталистических стран, нарастание элементов взрыва на внутреннем, пролетарском фронте в «метрополиях».² Как доказывает Ленин это первое положение? «Господство финансового капитала в передовых странах капитализма; эмиссия ценных бумаг, как важнейшая операция финансового капитала; вывоз капитала к источникам сырья, как одна из основ империализма; всемогущество финансовой олигархии, как результат господства финансового капитала, — все это вскрывает грубо паразитический характер монополистического капитала, делает во сто раз более чувствительным гнет капиталистических трестов и синдикатов, усиливает рост возмущения рабочего класса против основ капитализма, подводит массы к пролетарской революции, как единственному спасению (см. «Империализм» Ленина).³

Ленин переходит к доказательству второго положения.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е стр. 544.

² Там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 16—17

«Усиленный вывоз капитала в колониальные и зависимые страны; расширение «сфер влияния» и колониальных владений, вплоть до охвата всего земного шара; превращение капитализма во всемирную систему финансового порабощения и колониального угнетения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли, — все это, с одной стороны, превратило отдельные национальные хозяйства и национальные территории в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством, с другой стороны — раскололо население земного шара на два лагеря: на горсть «передовых» капиталистических стран, эксплуатирующих и угнетающих обширные колониальные и зависимые страны, и на громадное большинство колониальных и зависимых стран, вынужденных вести борьбу за освобождение от империалистического гнета (см. «Империализм»).

Отсюда второй вывод: обострение революционного кризиса в колониальных странах, нарастание элементов возмущения против империализма на внешнем, колониальном фронте».

Наконец, Ленин доказывает третье положение:

«Монопольное владение «сферами влияния» и колониями; неравномерное развитие различных капиталистических стран, ведущее к бешеной борьбе за передел мира между странами, уже захватившими территории, и между странами, желающими получить свою «долю»; империалистические войны, как единственное средство восстановить нарушенное «равновесие», — все это ведет к усилению третьего фронта, фронта междукапиталистического, ослабляющего империализм и облегчающего объединение двух первых фронтов против империализма, фронта революционно-пролетарского и фронта колониально-освободительного (см. «Империализм»).

Отсюда третий вывод: неотвратимость войн при империализме и неизбежность коалиции пролетарской революции в Европе с колониальной революцией на Востоке в единый мировой фронт революции против мирового фронта империализма».²

Для доказательства основного тезиса — «империализм есть канун социалистической революции» Ленин предварительно доказывает три тезиса, приводя многочисленные основания, из которых следуют с необходимостью эти тезисы, причем многие из этих оснований опять-таки заранее доказаны и только на основании уже доказанных трех положений оправдывает основное положение. «Все эти выводы объединяются у Ленина в один общий вывод о том, что «империализм есть канун социалистической революции» (см. т. XIX, стр. 71)».³

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е стр. 17:

² Там же.

³ Там же, стр. 18.

2) Косвенным (апагогическим) доказательством называется оправдание суждения с помощью доказательства ложности противоречащего ему суждения. Допустим задан тезис «S есть P»; оправдываем данный тезис не тем, что устанавливаем основания, из которых вытекает тезис, а тем, что доказываем ложность суждения «S не есть P»; если ложно, что «S не есть P», то истинно, что «S есть P».

Многочисленные примеры косвенных доказательств встречаются в курсе элементарной геометрии; прием косвенного доказательства называют «доказательством от противного», «приведением к нелепости» (*reductio ad absurdum*). Последнее название выявляет смысл косвенного доказательства. Для оправдания тезиса «S есть P» мы допускаем ложность этого тезиса и принимаем за истину положение «S не есть P»; из последнего положения выводим следствия, которые противоречат уже установленной истине; следовательно, нелепо было допустить истинность суждения «S не есть P», поэтому наш тезис «S есть P» оправдан.

Примеры косвенных доказательств встречаются во всех науках. К такому доказательству прибегли и мы при доказательстве первого правила первой фигуры категорического силлогизма, а именно, что меньшая посылка должна быть утвердительной.

Для получения вывода по этой фигуре меньшая посылка должна быть утвердительной; допустим, что она не утвердительна; тогда, так как одна из посылок отрицательна, то и вывод отрицательный; в отрицательном суждении P распределен; если в выводе P распределен, то и в посылках он должен быть распределен; но P является предикатом большей посылки, значит большая посылка отрицательна. Следовательно, если меньшая посылка отрицательна, то и большая отрицательна; в этом случае вывод невозможен. Поэтому наше допущение, что для получения вывода по первой фигуре меньшая посылка может быть отрицательной, — ложно. Следовательно, она должна быть утвердительной.

Косвенное доказательство часто принимает форму разделительно-категорического силлогизма. В этом случае большая посылка формулируется как разделительное суждение «S есть или P₁ или P₂», меньшая же посылка — путем приведения к нелепости — отрицает одну из данных возможностей.

Так, например, встречающееся в математике доказательство того, что $x=1$, доказывается косвенным способом, а именно, берутся три возможности $x > 1$, $x < 1$ и $x = 1$. Доказывается невозможность того, что $x > 1$ и $x < 1$, следовательно, $x=1$.

Этим же способом можно доказать, что главной силой в системе условий материальной жизни общества, кото-

рая определяет физиономию общества, развитие общества, является способ производства материальных благ.

Установлено, что в понятии «условия материальной жизни общества» подразумеваются а) географическая среда, в) рост народонаселения и плотность населения и с) способ производства материальных благ. Приводятся к нелепости положения, что географическая среда и плотность населения являются главной силой развития общества, так как эти положения противоречат фактам; поэтому главной силой развития общества нужно считать способ производства материальных благ.

3) Часто целью доказательства является не обоснование истинности суждения, а наоборот, обоснование его ложности. Доказательство ложности какого-либо суждения называется опровержением.

Легко заметить, что опровержение входит в состав всякого косвенного доказательства, так как для оправдания тезиса с помощью косвенного доказательства нужно доказать ложность суждения, противоречащего тезису.

Способы опровержения бывают различны: а) опровержение может быть направлено против аргументов, в) опровержение может быть направлено против связи между аргументами и тезисом и, наконец, 3) против тезиса.

В первом случае опровержение состоит в доказательстве ложности аргументов. Например, Марр и его последователи доказывали, что язык является классовым, и одним из аргументов, который они приводили в пользу своего положения, было положение, что язык является надстройкой над базисом. И. В. Сталин доказал ошибочность этого аргумента, доказав, что язык «коренным образом отличается от надстройки»¹ и поэтому язык не является классовым.

Нужно, однако, обратить внимание на одно обстоятельство при доказательстве ложности аргументов. Данный способ опровержения имеет полную силу только в том случае, когда связь между основанием (аргументами) и тезисом однозначна, как это имеет место в рассуждении И. В. Сталина. Не надстроечный характер языка является достаточным основанием для опровержения положения о классовости языка.

Но если между основанием и тезисом отношение не однозначное, тогда опровержение основания недостаточно для доказательства ложности тезиса.

Дело в том, что аргументы являются основанием для тезиса, т. е. между аргументами и тезисом существует связь основания и следствия. Но ложность основания не обусловли-

¹ Сталин. Относительно марксизма в языковедении, изд. «Правда». 1950 г., стр. 4.

вает ложности следствия. Поэтому опровержение аргументов не опровергает истинности тезиса, опровержение аргументов показывает лишь то, что данное доказательство не имеет силы, не достигает цели, а не то, что заданный тезис ложен.

Второй способ опровержения состоит в доказательстве ложности логической связи между аргументами и тезисом. В данном случае мы не опровергаем истинность аргументов, а лишь утверждаем, что из установленных аргументов тезис не вытекает, не следует.

И в этом случае доказываемся лишь то, что тезис не обоснован аргументами, но ложность тезиса этим еще не установлена.

Третий способ опровержения заключается в доказательстве ложности тезиса. В этом случае и аргументы и логическая связь между аргументами и выставленным тезисом остаются в стороне; выдвигается новый тезис, который является противоположным оспариваемому, и доказываемся новыми аргументами. Если противоположный тезис будет доказан, этим самым, согласно закону противоречия, опровергается оспариваемый тезис.

В процессе дискуссии, в научных исследованиях эти способы опровержения часто переплетаются друг с другом. В процессе познания, в целях достижения истины, опровержение должно не только доказывать ложность аргументов и ложность связи между аргументами и тезисом, но и опровергнуть оспариваемый тезис и противопоставить ему истинный тезис.

И. В. Сталин, опровергая аргумент Марра и его последователей о надстроечном характере языка, как основания, из которого они выводили тезис о классовости языка, не ограничивается этим опровержением, но доказывает на основании новых аргументов тезисы:

а) язык, как средство общения, всегда был и остается единым для общества и общим для его членов языком;

б) наличие диалектов и жаргонов не отрицает, а подтверждает наличие общенародного языка, ответвлениями которого они являются и которому они подчинены;

в) формула о «классовости» языка есть ошибочная, немарксистская формула»¹.

4. Ошибки в доказательствах. Так как во всяком доказательстве три части — тезис, основание и аргументация, т. е. логическая связь между тезисом и основанием, — то возможные ошибки в доказательствах могут быть трех видов: 1) ошибки относительно тезиса, 2) ошибки в основании и 3) ошибки в аргументации.

¹ Сталин. Относительно марксизма в языковедении, «Правда», 1950 г., стр., 20.

1) Ошибки относительно тезиса. Ошибки относительно тезиса возникают в тех случаях, когда доказывающий доказывает не то положение, которое является заданным. В этом случае могут быть истинными и основания и ход рассуждения (аргументация), но доказательство не достигает цели, так как из данных оснований следует вовсе не заданное положение, а нечто иное. Такую ошибку называют подменой тезиса, игнорированием тезиса, *ignotatio elenchi* — незнание того, что нужно доказать.

Подмена тезиса часто имеет место в дискуссиях, когда один спорный вопрос заменяется другим, когда смешиваются две разные вещи и вместо того, чтобы говорить об одной вещи, говорят о другой, и т. д.

В. И. Ленин в статье «О временном революционном правительстве» отмечает, что новоискровцы в споре об участии социал-демократов во временном революционном правительстве неоднократно пытались подменить один спорный вопрос другим.

И. В. Сталин, отвечая гг. Белкину и Фуреру по вопросам языкознания, писал: «Ваша ошибка состоит в том, что вы смешали две разные вещи и подменили предмет, рассматриваемый в моем ответе тов. Крашеинниковой, другим предметом».

Ошибка *ignotatio elenchi* часто встречается в опровержениях. Так, например, часто опровержение доказательства принимают за опровержение тезиса. Доказательство ложности основания или указание на отсутствие логической связи между основанием и тезисом опровергает данное доказательство, но вовсе не доказывает ложность тезиса.

Своеобразным видом этой ошибки является так называемое *argumentum ad hominem* (аргументация к человеку) и *argumentum ad populum* (аргументация к народу, толпе). Сущность этой подмены тезиса заключается в следующем: доказываемый тезис заменяется другим, который, действуя на чувства, инстинкты человека (толпы), склоняет его признать тезис.

2) Ошибки в основаниях. Из многочисленных ошибок этого рода рассмотрим некоторые, встречающиеся как в дискуссиях, так и в повседневной жизни.

а) Использование в качестве основания ложного суждения. Для доказательства тезиса мы должны выбрать такое основание, опираясь на которое можно оправдать данный тезис. Доказательство не достигает цели, т. е. тезис нельзя считать оправданным, если основание ложное. Так, например, попытка доказать классовый характер языка, используя в качестве основания положение о надстроечном характере языка,

безусловно, обречена на неудачу, так как основание заведомо ложное.

Таков же характер ошибки в задаче-шутке: доказывается положение, что $2=4$ и требуется указать ошибку в доказательстве. Ход «доказательства» таков: обозначают $1+1$ буквой a и 2 буквой b ; таким образом получается: $a=b$; умножают обе стороны равенства на a

$$a^2=ab$$

вычитается b^2 из обеих сторон равенства

$$a^2 - b^2 = ab - b^2 \quad \text{или} \\ (a+b)(a-b) = b(a-b)$$

сокращаются обе стороны на $(a-b)$

$$a+b=b \quad \text{или} \\ 1+1+2=2, \text{ т. е. } 4=2.$$

В этом доказательстве одно из оснований ложное, именно, ложным является положение, что можно сокращать обе стороны равенства на $(a-b)$; $a-b=0$, а сократить на нуль число нельзя. В качестве основания в этом доказательстве используется заведомо ложное суждение.

Ошибка такого рода называется «основной ошибкой» (*error fundamentalis*) или «применением ложного основания».

Своеобразным видом данной ошибки является ошибка «от сказанного с условием к сказанному без условий». Так, например, попытка доказательства положения, что нельзя вообще построить социализм в одной стране на том основании, что в эпоху доимпериалистического капитализма нельзя было на самом деле построить социализм в одной стране, обречена на провал, так как положение — «нельзя построить социализм в одной стране» — истинное при одних условиях, является ложным в других условиях (именно, в условиях империализма).

в) Доказательство ошибочно не только в том случае, когда основание ложное, но и в том случае, когда основание само требует доказательства.

е) Круг в доказательстве (*circularis in demonstrando*). Сущность этой ошибки заключается в следующем: положение А доказывается с помощью положения В; доказательство же истинности положения В опирается на положение А как на свое основание.

д) Своеобразную ошибку представляет собой ошибка, известная под именем «*petitio principii*» (требование основания). Ошибка эта заключается в следующем: в качестве основания

при доказательстве какого-либо тезиса используется такое положение, в котором уже подразумевается заданный тезис. В подобной ошибке уличает Энгельс Дюринга: «...если г. Дюринг утверждает, что бесконечный ряд протекшего времени сосчитан, то он тем самым утверждает, что время имело начало, ибо иначе он не мог бы начать «сосчитывать». Он, стало быть, опять подсовывает в виде предпосылки то, что должен доказать».¹

3) Ошибки в аргументации. Так как всякое доказательство принимает форму умозаключения, то ошибки в аргументации сводятся к нарушению правил умозаключения.

---

¹ Энгельс. Анти-Дюринг. 1938 г., стр. 42

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	стр. 3—8
ГЛАВА I	
Основные принципы марксистско-ленинской теории познания	9—42
1. Основной вопрос философии	9
2. Взаимоотношение познания и практики	11
3. Проблема истины	16
4. Основные этапы пути познания	19
ГЛАВА II	
Логика, ее предмет и ее задачи	43—92
1. Предварительное определение логики	43
2. Понятие сознания и понятие отражения	45
3. Понятие правильного мышления	46
4. О так называемой формальной истине	51
5. Формализм отождествления правильности и истинности	53
6. Правильность связи мыслей—отражение связи вещей	57
7. Возможность истинного вывода при ложных посылках	60
8. Возможность ложного вывода при правильном построении мыслей	62
9. Логика и психология	63
10. Соотношение логики и диалектики	68
11. Значение логики	85
ГЛАВА III	
Учение о понятии	93—150
1. Понятие и суждение	93
2. Признаки. Существенные и несущественные признаки	99
3. Понятие и представление	103
4. Объем и содержание понятий	105
5. Виды понятий	106
6. Основные отношения между понятиями	108
Равнозначимые понятия. Род и вид. Обратное отношение объема и содержания. Конкретное и абстрактное. Перекрестные понятия. Несовместимые понятия. Соподчиненные и диспаратные понятия.	
7. Теория понятия	128
1. Концептуализм. 2. Номинализм. 3. Так называемый реализм. 4. Априоризм.	

8. Определение понятий	
1. Сущность определения. 2. Определение понятия через ближайший род и видовое отличие. 3. Ограниченность приема определения через ближайший род и видовое отличие. 4. Генетическое определение. 5. Правила определения.	
9. Деление понятий	146
1. Сущность деления. 2. Правила деления.	

ГЛАВА IV

Теория суждения	151—232
1. Традиционное учение о суждении	151
2. Недостатки традиционного определения суждения	153
3. Суждение и предложение	156
4. Традиционная классификация суждений	159
5. Сущность суждения	162
6. Виды суждений	173
1. Недостатки традиционной классификации	173
2. Деление суждений на простые и сложные	174
3. Категорические суждения	175
А. Вилы категорического суждения по содержанию	175
а. Суждения о существовании предметов	175
б. Суждения, отражающие связь предмета и его свойства	176
1) Теория полного тождества содержаний понятий субъекта и предиката. 2) Теория неполного тождества содержаний субъекта и предиката. 3) Материалистическое толкование атрибутивной теории.	
с. Суждения о включении класса предметов в класс предметов	186
1) Теория субсумции. 2) Теория тождества объемов.	
д. Суждения, отражающие отношения между предметами	196
В. Виды категорического суждения по качеству	197
С. Виды категорического суждения по количеству	203
а) Общие суждения	204
1) Общевыделяющие суждения. 2) Общеисключающие суждения.	
б) Частные суждения	209
с) Некоторые замечания об общих и частных суждениях	211
д) Единичные суждения	213

7. Отношение субординации между суждениями единичности, особенности и всеобщности	214
8. Деление суждений по характеру выражаемой в них связи	216
9. Сложные суждения	220
1. Своеобразие сложных суждений, 2 Условные суждения. 3. Разделительные суждения. 4. Разделяющие суждения. 5. Конъюнктивные и копулятивные суждения.	
10. Отношение между категорическими суждениями . . .	229
11. Распределенность терминов в суждении	231

ГЛАВА V

Теория умозаключения. Непосредственные умозаключения или преобразование суждений	233—248
1. Определение умозаключения	233
2. Так называемые непосредственные умозаключения . .	238
1. Обращение. 2. Превращение. 3. Противопоставление.	
3. Условия истинности и ложности в логическом квадрате	244

ГЛАВА VI

Учение традиционной логики о силлогистических умозаключениях	249—307
1. Определение силлогизма в традиционной логике . . .	249
2. Простой категорический силлогизм	253
3. Фигуры категорического силлогизма	256
4. Модусы категорического силлогизма	258
5. Правила категорического силлогизма	260
6. Общие основные правила	260
7. Общие производные правила	264
8. Первая фигура категорического силлогизма	266
9. Вторая фигура	270
10. Третья фигура	274
11. Четвертая фигура	278
12. Сведение фигур друг на друга	280
13. Антилогизм или несовместимая триада	283
14. Аксиома силлогизма	287
15. Возможные ошибки в категорическом силлогизме . . .	288
16. Условный силлогизм	290
1. Чистый условный силлогизм	290
2. Условно-категорический силлогизм	293
17. Разделительный силлогизм	298
1. Разделительно-категорический силлогизм	299
2. Ошибки в разделительно-категорическом силлогизме	301

18. Условно-разделительный силлогизм	стр. 302
19. Энтимема	303
20. Сложные силлогизмы	306

ГЛАВА VII

Теория дедуктивных умозаключений	308—358
1. Недостатки традиционного учения о дедуктивных умозаключениях	308
2. Недостатки традиционного учения о категорическом силлогизме	310
а. Четвертая фигура	311
b. Третья фигура	313
с. Первая и вторая фигуры	317
d. Силлогистические и несиллогистические умозаключения	319
3. Общая теория дедуктивных умозаключений	322
а. Общие замечания	322
b. Теория, отрицающая существование т. н. несиллогистических умозаключений	324
с. Понятие дедуктивного умозаключения в традиционной логике	328
d. Сущность дедуктивного умозаключения	333
е. Виды дедуктивных умозаключений	343
1. Категорический силлогизм и т. н. „несиллогистические умозаключения	343
Умозаключения с общевыделяющими посылками	344
3. Умозаключения с определенными частными посылками	346
4. Умозаключения с отрицательными посылками	347
4. Формулы вывода	348
5. Теория, объясняющая дедуктивные выводы формальными свойствами отношений	352

ГЛАВА VIII

Учение об индукции	359—401
1. Общая характеристика индуктивных умозаключений	359
2. Полная индукция	362
3. Неполная индукция	367
4. Научная индукция	371
5. Метод единственного сходства	377
6. Метод единственной разницы	383
7. Метод сопутствующих изменений	388
8. Сложные методы	391
9. Общий характер индуктивных умозаключений	394

ГЛАВА IX

	стр.
Аналогия и гипотеза	402—410
1. Умозаключения по аналогии	402
2. Гипотеза	405

ГЛАВА X

Законы мышления	411—434
1. Сущность законов мышления	411
2. Закон тождества	415
3. Закон противоречия	419
4. Закон исключенного третьего	423
5. Закон достаточного основания	426
6. Характер законов мышления	429

ГЛАВА XI

Учение о доказательстве	435—449
1. Понятие научного знания и доказательство	435
2. Понятие доказательства	439
3. Виды доказательств	441
4. Ошибки в доказательствах	446

Редактор *С. Церетели*

Корректоры: *Е. Туняева*
М. Асланова

Одано в набор 12.VII 1951 г. Подписано к
печати 10.IX 51 г. УД07607. Формат 60×92¹/₁₆.
Бум. л. 14¹/₂. Печ. л. 28¹/₂. Уч.-изд. л. 28.14.
Тираж 7000. Заб. изд. № 41. Заб. тип. № 1737

Цена книги 20 р.

Набрано и отпечатано в типографии «Заря Востока»
Тбилиси, пр. Рушавели, 42. Сброшюровано в типогра-
фии издательства Тбилисского государственного
университета им. Сталина
Тбилиси, Университетская, 1.

О П Е Ч А Т К И
„Логика“ проф. К. Бакрадзе

Стр.	Строки		Напечатано	Следует читать
	Сверху	Снизу		
21	8	—	существуют	существует
„	10	—	существует	существуют
29	—	5	проверен	правомерен
41	—	2	обращаемся	обращаемся
69	—	3	Wissenschaft	Wissenschaften
78	—	11	и том отношении	и том же отношении
98	24	—	решающую	решающую
115	—	17	о	об
147	—	5	A {	A {
			не а	не а
153	16	—	логики	логики,
154	10	—	называемый	называемый
213	17	—	гипотетически	гипотетически
222	—	5	суждения . . .	суждения:
228	—	5	суждений	суждения
235	21	—	посредственному	посредствующему
236	—	20	непосредственно,	непосредственно
237	—	1	равенства;	равенство;
291	—	6	(следствие следствие)	(следствие следствия)
364	18	—	приписанный	приписанное
„	19	—	приписан	приписано
439	—	17	их	из
448	—	8	circulus	circulus